Джеймс Питер

Убийственно просто

Предисловие

Несмотря на то что, как правило, писатель работает в одиночку, эта книга никогда не увидела бы свет, не поделись со мной многие люди знаниями в самых разных областях. Им я и выражаю самую искреннюю признательность. Поистине бесценной стала для меня помощь суперинтендента уголовного розыска Дэйва Гейлора, который внес немало интересных предложений по сюжету, многократно перечитывая рукопись романа на разных стадиях, а также подробно ознакомил меня с методами работы полиции Суссекса. Многие сотрудники полиции Суссекса отнеслись ко мне весьма радушно и терпеливо отвечали на мои многочисленные вопросы – среди них хотелось бы выделить детектива-сержанта Кита Халлетта, детектива-инспектора Уильяма Уорнера и старшего следователя Стюарта Леонарда.

Я хотел бы поблагодарить доктора Найджела Киркэма, ведущего патологоанатома, и других работников морга Брайтона и Хоува – учреждения, где я еще долго надеюсь оставаться лишь временным посетителем.

Выражаю благодарность моему доброму другу Джеймсу Симпсону и Карине Коулман, вместе с которой мы создали ряд кино– и телесценариев, – она стала моим неофициальным редактором и подала несколько блестящих идей. Я благодарю Майка Харриса, Питера Уингейта Сола, Грега Шеклтона, полицейского врача и коронера доктора Питера Дина, а также Хелен Шенстон, придававшую мне веру и поддерживавшую мои силы в самые безрадостные дни.

Я очень признателен моему чудесному новому литературному агенту Кэрол Блейк – за веру в меня. Я восхищен работой фантастической команды издательства «Макмиллан», особенно Дэвида Норта и Джеффа Даффилда, а редактор Стеф Бирверт – настоящее сокровище. Спасибо Джеффри Барли и Тони Малликену – за терпение, поддержку и доверие.

И, как всегда, благодарю моих собак: верного Берти и Фибу, появившуюся чуть позже. Оба они терпеливо, хотя и с неохотой ждали, когда я закончу писать и выведу их на прогулку.

Питер Джеймс

Суссекс, Англия

1

Если не считать пары нестыковок, до сих пор план «А» работал вполне успешно – на их счастье, так как плана «Б» у них в общем-то и не было.

Друзья рассчитывали, что в конце мая в половине девятого вечера будет еще светло. По крайней мере, вчера, когда они вчетвером проделали тот же путь, прихватив с собой пустой гроб и четыре лопаты, солнце еще светило вовсю. Но сейчас зеленый микроавтобус «форд-транзит» мчался по проселочной суссекской дороге, а с неба цвета размытого негатива моросил дождь.

– Когда же мы приедем? – захныкал сзади Джош, изображая маленького ребенка.

– Помни девиз любого чата: «Куда бы ни шел, попадешь куда надо», – отозвался Роббо. Поскольку он сидел за рулем, то был чуть трезвее остальных. За последние полтора часа они основательно посидели в трех пабах и еще в четыре заскочили просто так, по пути. Роббо заявил, что будет пить смесь простого пива с имбирным элем, но заодно пропустил пару кружек портера – по его уверению, после горького в голове проясняется и машину вести легче.

– Значит, мы на месте! – обрадовался Джош.

– Кто бы сомневался!

Из темноты выскочил и тут же промелькнул мимо предупреждающий дорожный знак с изображением оленя. Фары высветили поблескивающее черное щебеночное покрытие ведущей в лес дороги. Они миновали небольшой белый коттедж.

Майкл развалился сзади, на клетчатом коврике, подсунув под голову вместо подушки гаечный ключ. От выпитого все приятно кружилось.

– Н-надо бы поддать еще, – заплетающимся языком пробормотал он.

Сохрани Майкл хоть какую-то способность соображать, по выражению лиц друзей он бы понял: что-то не так. Обычно он не напивался, но сегодня пошел вразнос: залпом осушал пинту за пинтой пива, стопку за стопкой водки в каждом пабе, – а они перебывали в стольких местах, что уже и не упомнишь.

Майкл Харрисон с самого детства считался в их компании главным заводилой. Так сложилось само собой. Говорят, секрет успеха в жизни состоит в том, чтобы правильно выбрать родителей. Майклу и тут повезло. От матери он унаследовал светлые волосы и красоту, от отца – обаяние и сообразительность, но не самоубийственные наклонности, каковые в конце концов Харрисона-старшего и сгубили.

Когда Майклу было двенадцать, Том Харрисон отравился газом в гараже, оставив после себя одни долги. Майклу пришлось быстро повзрослеть. Школьником он разносил газеты, помогая матери свести концы с концами, а став чуть старше, подрабатывал на каникулах разнорабочим. Так что о том, как трудно достаются деньги и как легко их растранжирить, он знал не понаслышке.

Теперь, к двадцати восьми годам, он приобрел опыт и деловую хватку; его считали славным парнем. Друзья безоговорочно признавали его вожаком. Однако нет в мире совершенства! Майкл был излишне доверчив и любил пошутить, причем порой – грубовато. Сегодня последний из двух недостатков подлежал суровому наказанию. Настал день отмщения!

Впрочем, пока Майкл ни о чем не догадывался.

Он снова погрузился в блаженное забытье, в голове крутились только приятные мысли, связанные в основном с его невестой Эшли. Жизнь прекрасна! Мама встречается с симпатичным мужчиной, братишка только что поступил в университет, сестренка Карли после школы решила взять тайм-аут и сейчас путешествует по Австралии. Его бизнес процветает. Но самое главное, через три дня он женится на любимой женщине! Любимой и обожаемой. Он нашел свою половинку.

Эшли!

Майкл не обращал внимания на лопату, звякавшую всякий раз, когда микроавтобус подпрыгивал на очередной колдобине. Шины шуршали по мокрому щебню, дождь барабанил по крыше. И он не замечал странного выражения лиц двоих друзей, вместе с ним сидевших сзади. Раскачиваясь, они невпопад подпевали древнему хиту Рода Стюарта «Отплытие», доносившемуся из старенького радиоприемника. Из-за протечки в бензобаке в салоне изрядно воняло бензином.

– Я л-люблю ее, – пробормотал Майкл. – Л-люблю Эшли!

– Она у тебя что надо, – кивнул Роббо. Подлизывался, как всегда. Таким уж уродился. Самому Роббо с женщинами не везло. Неуклюжий, застенчивый парень с круглой румяной физиономией, прилизанными жидкими волосами и пивным животиком, выпиравшим из-под футболки, Роббо вечно таскался за ними хвостом. Сегодня ему повезло: без его помощи парни бы не справились.

– Точно!

– Подъезжаем, – предупредил Люк.

Перед поворотом Роббо притормозил и подмигнул сидевшему рядом Люку. «Дворники» монотонно размазывали потеки дождя по ветровому стеклу.

– З-знаете, как я ее люблю?

– Знаем, знаем, – кивнул Пит.

Джош, привалившийся к спинке водительского сиденья, обхватил Пита за плечо, как следует хлебнул пива и передал бутылку Майклу. Машину тряхнуло, и из горлышка полезла пена. Майкл икнул.

– Из-звините!

– И за что только Эшли тебя любит? – поморщился Джош.

– З-за большой член.

– Значит, не за деньги и не за красивые глаза? А может, за обаяние?

– З-за это тоже, Джош, но главное – она б-без ума от моего члена.

Роббо заложил крутой вираж. Микроавтобус накренился вправо, с грохотом задел одну проволочную изгородь, за ней – вторую и кое-как вырулил на грунтовку. Роббо, вглядываясь в запотевшее ветровое стекло, старательно крутил баранку, объезжая самые глубокие рытвины. Из-под колес вылетел кролик и сиганул в кусты. Колеблющийся свет фар то и дело выхватывал из темноты стену плотного кустарника, растущего вдоль дороги. Когда Роббо переключил передачу, голос Майкла слегка изменился: его эйфория постепенно уступала место беспокойству.

– Куд-да мы едем?

– В еще один паб.

– О'кей. Здорово! – И через секунду: – Я об-бещал Эшли не напиваться… как свинья.

– Вот видишь – не успел жениться, а уже стал подкаблучником, – заметил Пит. – А ведь ты пока свободный человек – еще на целых три дня.

– Три с половиной, – услужливо подсказал Роббо.

– Вы д-девочек не заказали? – поинтересовался Майкл.

– А что, у тебя уже встал? – ухмыльнулся Роббо.

– Я Эшли не из-зменю.

– Мы об этом позаботимся.

– Ну и г-гады же вы!

Накренившись, микроавтобус остановился. Роббо сдал назад, снова повернул направо и наконец выключил зажигание вместе с Родом Стюартом.

– Приехали! – объявил он. – Следующая остановка – пивная «У могильщика».

– Поганое наз-звание! – фыркнул Майкл. – Лучше бы она называлась «У тайской цыпочки».

– Погоди, будет тебе и цыпочка.

Кто-то открыл задние дверцы – кто именно, Майкл так не понял. Невидимые руки потянули его за лодыжки, Роббо схватил его за одну руку, Люк – за другую.

– Эй! Вы чего?!

– Тяжелый, мать твою так! – проворчал Люк.

Майкл грузно плюхнулся на мокрую землю. Не зря утром внутренний голос предупреждал его, что любимая спортивная куртка и дорогие джинсы – не лучшая одежка для мальчишника! Темно было хоть глаз выколи – свет шел только от задних фар машины да от карманного фонарика. Дождь усилился: струйки воды попадали в рот, в глаза… Волосы прилипли ко лбу.

– Моя… од-дежда…

Тут его схватили за руки и за ноги, раскачали и швырнули куда-то вниз, в яму. Майкл слегка ошалел. Сухо, но вокруг почему-то сплошной белый атлас.

– Вы… вы че? Совсем с дуба рухнули?

Над ним склонились четыре пьяно ухмыляющиеся рожи. Сверху ему на живот шлепнулся журнал – Майкл едва успел разглядеть на обложке голую рыжую красотку с огромными грудями. Следом полетели бутылка виски, включенный фонарик и рация.

– Ребят, вы че, совсем?..

Кто-то сунул ему в рот воняющую резиной трубку. Не успел Майкл ее выплюнуть, как послышался резкий скрип, и лица друзей внезапно пропали. Наступила полная тишина. Пахло деревом, новой материей и клеем. На секунду ему стало тепло и уютно, но затем он всполошился.

– Эй, парни!

Тем временем Роббо достал отвертку, а Пит осветил фонариком крышку гроба.

– Вы что, завинтите шурупы? – удивился Люк.

– Конечно! – кивнул Пит.

– По-вашему, это обязательно?

– Ничего с ним не стрясется, – заверил его Роббо. – У него есть дыхательная трубка!

– А по-моему, завинчивать все-таки не стоит.

– Стоит, стоит, а то вылезет!

– Эй, мужики!!! – взвыл Майкл.

Но его уже никто не слышал. И он не слышал ничего, кроме легкого поскрипывания над головой.

Роббо старательно завинтил все четыре шурупа. В крышку дорогого тикового гроба, сработанного вручную по высшему разряду, были вделаны медные ручки. Друзья позаимствовали гроб в похоронном бюро дядюшки Роббо, где он сам, после пары неудачных

попыток самостоятельно сделать карьеру, вкалывал учеником бальзамировщика. Отличные, прочные медные шурупы вошли в древесину, как в масло.

Майкл запрокинул голову, почти коснувшись крышки носом. Со всех сторон его окружал атлас цвета слоновой кости. Он взбрыкнул ногами, но места не было. Попытался оттолкнуться руками, но тоже безрезультатно.

Поразмыслив несколько секунд, Майкл вдруг понял, где оказался.

– Эй, эй, послушайте, вы! У меня клаустрофобия! Это не смешно! Эй! – услышал он собственный, непривычно сдавленный голос.

Пит открыл дверцу микроавтобуса и включил фары. В двух метрах перед ними зияла выкопанная ими накануне могила. Сбоку – куча земли и заранее припасенные веревки. Неподалеку валялись лист рифленого железа и две лопаты.

Четверо друзей подошли к могиле и заглянули в нее. Внезапно им стало не по себе. Пока они разрабатывали план мести, им было чертовски весело, но как только дошло до дела… Теперь яма казалась глубже, темнее… она и в самом деле смахивала… да-да, на могилу.

Слабый луч фонарика заплясал на дне.

– Гляньте-ка, да там вода! – заметил Джош.

– Подумаешь, дождик накапал, – отмахнулся Роббо.

Джош нахмурился:

– Ничего себе – дождик! Там целая лужа! Наверное, мы задели подземный источник.

– Твою мать! – не выдержал Пит, агент по продаже БМВ, всегда выглядевший безупречно, даже не находясь на службе: модная короткая стрижка, дорогой костюм, начищенные до блеска ботинки… Он неизменно был уверен в себе, но сейчас всю спесь словно ветром сдуло.

– Подумаешь! – пожал плечами Роббо. – Всего-то пара дюймов.

– Как нам удалось вырыть такую ямищу? – удивился свежеиспеченный адвокат Люк. Он совсем недавно женился и, хотя еще не был готов расстаться с юностью, уже начинал понимать, что жизнь – не яблочный пирог.

– Могила есть могила, верно? – буркнул Роббо. – Мы ведь решили похоронить его… ненадолго.

Джош прищурился. Дождь хлестал все сильнее.

– А если вода поднимется?

– Ё-мое, чувак! – обозлился Роббо. – Яму-то мы копали вчера, и за двадцать четыре часа натекла всего пара дюймов! Не о чем париться.

Джош задумчиво кивнул.

– А если мы не сумеем его вытащить?

– Чего тут уметь?! – возмутился Роббо. – Снимем крышку, и все дела.

– Ну, за работу! – скомандовал Люк.

– Он, свинья, это заслужил, – подбадривал друзей Пит. – Люк, помнишь, что он устроил на твоем мальчишнике?

Люк кивнул. Он не забудет своего мальчишника до конца жизни! Наутро после затяжного запоя он очнулся в купе поезда на Эдинбург. В результате на следующий день он на сорок минут опоздал на собственную свадьбу. Да, Майкл тогда оттянулся по полной программе!

Было что вспомнить и Питу. День накануне венчания он провел, болтаясь над Клифтонским ущельем. Майкл придумал приковать его наручниками к перилам подвесного

моста, предварительно нарядив в кружевные панталоны с оборками, откуда торчал внушительных размеров фаллопротез. Пит провисел над пропастью, пока беднягу не спасла пожарная команда.

– А Марк-то – как всегда! – хмыкнул Пит. – Вот гад! Сам нас подначивал, а теперь в кусты…

– Никуда он не денется. Будет ждать нас в следующем пабе. Маршрут он знает.

– Ну да?

– Он мне звонил. Уже едет.

Роббо скорчил гримасу:

– В Лидсе туман, и его рейс отложили. Здорово устроился!

– Мы встретимся в «Королевском дубе».

– Вот хитрая сволочь! – покачал головой Люк. – Всю грязную работенку вечно спихивает на нас.

– Зато весело! – возразил Пит.

– Ни хрена себе – весело! – сквозь зубы процедил Люк. – Торчим в лесу в проливной дождь. Весело? Ну, ты шутник! Пусть только попробует опоздать – будет откапывать Майкла в одиночку.

Друзья взвалили гроб на плечи, шатаясь поднесли к краю могилы и тяжело плюхнули на растянутые веревки. Услышав сдавленное «Ой!» из-под крышки, все дружно расхохотались.

Майкл замолотил по крышке кулаками.

– Перестаньте! Слышите?!

Пит выхватил из кармана портативную рацию:

– Проверка! Как слышишь меня? Прием!

Голос его гулко раскатился под крышкой гроба:

– Проверка! Проверка!

– Кончайте дурака валять!

– Не парься, Майкл! – посоветовал Пит. – Наслаждайся жизнью.

– Выпустите меня отсюда, козлы! Мне надо отлить.

Пит выключил рацию и сунул ее в карман дорогой куртки фирмы «Барбур».

– Как мы его спустим?

– На веревках, – объяснил Роббо. – Хватайтесь концы!

Пит щелкнул кнопкой передатчика.

– Все схвачено, Майкл! Не волнуйся! – издевательски бросил он и, не дожидаясь ответа, вырубил рацию.

Все четверо расхохотались и взялись за веревки.

– Раз… два… три! – крикнул Роббо.

– Черт, ну и тяжесть! – проворчал Люк, натягивая веревку и выпрямляясь.

Медленно, толчками, кренясь, словно подбитый корабль, гроб опустился в глубокую яму.

Когда он коснулся до дна, друзья едва различали его в темноте.

Пит посветил вниз фонариком, и они разглядели дыхательную трубку, едва торчавшую из крошечной дырочки, просверленной в крышке.

Роббо выхватил у него рацию.

– Эй, Майкл, твой член наружу торчит! Что, так журнальчик понравился?

– Ладно вам, прикололись, и хорош! Выпустите меня отсюда!

– Мы едем в стриптиз-клуб. Какая жалость, что тебя с нами не будет! – Роббо отключился, не дожидаясь ответа Майкла, схватил лопату и принялся забрасывать яму землей. Когда первый ком стукнулся о крышку гроба, Роббо расхохотался.

Ухнув, Пит подхватил вторую лопату и стал помогать. Несколько секунд оба старательно трудились. Вскоре из-под земли виднелись лишь небольшие части крышки гроба, но постепенно исчезли и они. Два друга работали, как заведенные: спиртное придало им сил. Вскоре они закидали яму на добрых два фута – так, что кончик дыхательной трубки едва торчал из земли.

– Слушайте, хватит! – забеспокоился Люк. – Ведь нам же его и откапывать через два часа – чем больше вы сейчас накидаете, тем труднее нам придется потом.

– Он же вроде как в могиле! – заржал Роббо. – А мы – могильщики и засыпаем гроб землей.

Люк выхватил у него лопату.

– Хватит! – решительно заявил он. – Я хочу всю ночь пить, а не рыться в грязи. Ясно?

Роббо кивнул. Он никогда не перечил никому из друзей. Взмокший от пота Пит отшвырнул лопату.

– Не думайте, будто я собрался зарабатывать этим на хлеб, – проворчал он.

Накрыв могилу листом рифленого железа, друзья несколько секунд молча постояли вокруг, слушая, как капли дождя барабанят по металлу.

– Ладно, – наконец бросил Пит, – мотаем отсюда!

Люк сунул руки в карманы.

– А может, не стоит? – нерешительно спросил он.

– Мы же решили проучить его как следует, – напомнил Роббо.

– А если он, к примеру, задохнется там в блевотине?

– Ничего с ним не случится, не так уж он много и выпил, – махнул рукой Джош. – Ладно, поехали.

Джош влез в кузов, и Люк захлопнул дверцы. Пит, Люк и Роббо устроились впереди. Роббо завел мотор, и микроавтобус затрясся по лесной дороге. Вскоре, свернув направо, они выехали на шоссе.

Роббо включил рацию.

– Как делишки, Майкл?

– Парни, завязывайте… Мне ваша шутка совсем не нравится!

– Да неужели? – издевательски хмыкнул Роббо. – А нам так даже очень!

Люк выхватил у него рацию.

– Майкл, теперь ты понимаешь, что такое «долг платежом красен»?

Все четверо зашлись от хохота. Передатчиком завладел Джош:

– Привет, Майкл, старина! Мы едем в классный клуб, там обалденные телки с голыми сиськами танцуют у шестов! Представляю, как ты сейчас бесишься! Жаль небось пропускать такое!

До них донесся сдавленный голос Майкла:

– Хорош, мужики! Мне и так уже паскудно!

Сквозь ветровое стекло Роббо увидел разрытый участок шоссе – очевидно, там шли ремонтные работы. Но на светофоре горел зеленый свет, и он поддал газу. Проскочим!

Люк через плечо Джоша проорал:

– Майкл, не переживай! Через пару часиков мы за тобой вернемся!

– Что значит – «через пару часиков»?! Да я за это время околею!

В этот момент зеленый свет сменился красным. Времени, чтобы затормозить, уже не было. Роббо прибавил газу и… проскочил.

– Ну-ка, дайте! – потребовал он, одной рукой хватая передатчик, а другой рукой крутя руль. На секунду опустив глаза, он отыскал кнопку «Вызов». – Слышь, Майкл…

– Роббо!!! – истерически завопил Люк.

Яркий свет впереди: чьи-то фары летели прямо на них.

Ослепительный свет!

Рев клаксона – низкий, громкий, свирепый…

– Роб-бо-о-о-о!!! – завизжал Люк.

Тот в панике уронил рацию, до упора вдавил педаль тормоза в пол, и машина сразу же перестала слушаться руля. Роббо в отчаянии озирался, ища, куда бы свернуть. Справа – деревья, слева – дорожная машина «джей-си-би», а навстречу, словно хвост огромной кометы, из завесы дождя выплывают огромные яркие круги…

2

У Майкла кружилась голова. Он услышал крик, потом глухой удар – как будто кто-то уронил рацию.

И тишина.

Он нажал кнопку вызова.

– Алло!

Ответом ему был лишь треск.

– Алло! Ребята, вы где?

Тишина. Он внимательно осмотрел передатчик. Крепкая с виду штучка в надежном пластиковом корпусе с одной короткой антенной и другой – подлиннее; на сетке микрофона логотип «Моторолы». Еще – выключатель, кнопка усиления звука, переключатель каналов и крошечная мерцающая зеленая точка величиной с булавочную головку. А над рацией – проклятый белый атлас, совсем рядом… Майкл с трудом сдержал вопль. Сердце бешено колотилось. Ему нужно в туалет! Ужасно хочется по малой нужде… просто сил нет.

Где он, черт побери, находится? Куда подевались Джош, Люк, Пит и Роббо? Наверное, стоят вокруг и гогочут! Или эти придурки и впрямь намылились в клуб?

Выпитое снова ударило в голову, и Майклу чуть полегчало. Все словно затянуло туманом, веки отяжелели, а затем, закрыв глаза, он провалился в блаженную дрему.

Когда Майкл пришел в себя, перед его взором маячило расплывчатое белое пятно. Атлас. Внезапно накатила тошнота – его словно подбросило вверх, а потом опустило. Снова вверх. Снова вниз. Он проглотил слюну и опять зажмурился. Ему показалось, будто гроб плывет, покачиваясь, переваливаясь с боку на бок. В туалет уже почти не хотелось. Потом отступила и тошнота, стало уютно. Он плывет. Как будто в большой колыбели!

Глаза закрылись, и Майкл камнем провалился в тяжелый сон.

3

Рой Грейс стоял в пробке. Дождь лупил по крыше старенькой «альфа-ромео», пальцы отстукивали нервную дробь на руле. Краем уха он слушал компакт-диск Дайдо. Настроение было хуже некуда.

Точнее, дерьмовое.

Завтра он должен быть в суде. А там неприятностей не оберешься.

Грейс отпил глоток минеральной воды «Эвиан», завинтил колпачок и сунул бутылку в подстаканник на дверце.

– Ну, давайте же, чего встали?! – поторопил он впереди стоящие машины, вновь барабаня по рулю, только сильнее прежнего. Он опаздывал на свидание – уже на сорок минут, хотя опаздывать ненавидел, считая это признаком неуважения. Такой человек как будто заявляет тебе: «Мое время дороже твоего, так что можешь и подождать…»

Выйди он из кабинета всего минутой раньше, то успел бы повсюду. Вызов принял бы кто-нибудь другой, и вот его-то и послали бы на задержание в Брайтон, где двое придурков, обколовшихся неизвестно чем, ограбили ювелирный магазин. Вот вам одно из неудобств работы полицейского: подонки не выбирают, когда воровать, убивать и грабить. Совершай они преступления только в рабочее время…

Грейс понимал: сегодня ему не стоило никуда ехать. Нужно было остаться дома и готовиться к завтрашнему дню. Он выпил еще воды. Во рту пересохло, губы запеклись. В животе как будто били крыльями свинцовые бабочки.

За последние несколько лет друзья неоднократно уговаривали его ходить на свидания «вслепую», и всякий раз он превращался в комок нервов. А сегодня все было еще хуже обычного: не имея возможности принять душ и переодеться, он переживал из-за того, что непрезентабельно выглядит. Вчера он тщательно все продумал, но теперь из-за каких-то двух идиотов все его планы пошли прахом.

У одного из них оказался обрез дробовика, и он выстрелил в патрульного – тот, возвращаясь с дежурства, слишком близко подошел к магазину, правда, на его счастье, не вплотную. Рою приходилось видеть последствия выстрела из дробовика 12-го калибра. С близкого расстояния из него можно отстрелить руку или ногу, а то и пробить в груди дыру размером с футбольный мяч. Рой хорошо знал раненого полицейского по имени Билл Грин – они несколько раз играли в регби в одной команде. Заряд дроби угодил в Грина ярдов с тридцати. На таком расстоянии картечь может прикончить разве что фазана или кролика, но не здоровяка регбиста весом в пятнадцать стоунов,[1] да еще в кожаной куртке, послужившей дополнительной защитой. Билл Грин отделался сравнительно легко, но несколько дробин попали в лицо, а одна – в левый глаз.

Когда Грейс добрался до места преступления, подонков уже арестовали – после того как джип, на котором они собирались смыться, потерял управление и слетел с дороги. Помимо вооруженного ограбления, Рой собирался навесить на них еще и покушение на убийство. Его бесило, что все больше и больше преступников в Великобритании палят почем зря, вынуждая полицейских постоянно таскать с собой табельное оружие. Во времена его отца вооружаться никому не пришло бы в голову. А сейчас в некоторых городах копы держат пушки в машине. Грейс не был мстительным по натуре, но считал, что всякого, кто стреляет в блюстителя закона – или в любого невинного человека, – следует вешать.

Пробка все никак не рассасывалась. Грейс посмотрел на часы приборного щитка, на дождь, снова на часы, на горящие красные задние огни стоящей впереди машины – идиот какой-то, включил противотуманки. Рой сверился с наручным браслетом, надеясь, что, может быть, часы в машине спешат. Они шли правильно. Минуло добрых десять минут, а машины не сдвинулись ни на дюйм. И навстречу не проехала ни одна колымага.

Внезапно Грейс услышал сирену, в зеркале заднего вида, а затем и в боковом мелькнули синие искры, и мимо с ревом пронеслась патрульная машина. За ней – «Скорая». Еще одна патрульная – на максимальной скорости, – а за ней две пожарные.

Черт подери! Когда Грейс проезжал здесь пару дней назад, на этом участке шоссе велись дорожные работы, и поначалу он решил, что и сегодня транспортный поток стоит из-за них. Однако теперь Рой сообразил, что где-то впереди, видно, произошло ДТП. Раз туда едут пожарные, значит, дело худо.

Проехала еще одна пожарная машина, следом – очередная «Скорая» со включенными на всю мощь сиреной и мигалкой. Далее следовал грузовик службы спасения.

Грейс снова посмотрел на часы. Четверть десятого. Ему следовало заехать за девушкой в Танбридж-Уэллс еще сорок пять минут назад, а туда – целых двадцать минут езды.

Терри Миллер, недавно разведенный инспектор из отдела Грейса, без устали хвастал своими любовными похождениями. Он уверял, что на интернет-сайтах знакомств возможностей хоть отбавляй, и подбивал Грейса почаще туда заглядывать. Рой упорно отнекивался, а потом на его электронный адрес начали приходить послания от разных женщин. Он буквально взбесился, узнав, что Терри Миллер без предупреждения отправил за него сообщение на сайт «Свидания вслепую».

Он так и не понял, зачем ответил на одно из посланий. От одиночества? Из любопытства? От похоти? Трудно сказать. За последние восемь лет Рой привык не думать о завтрашнем дне. Иногда он пытался забыть, а иногда, наоборот, терзался виной, что слишком редко вспоминает о ней.

Сэнди.

Внезапно Грейс почувствовал себя виноватым за то, что едет сейчас на свидание.

Дамочка выглядела шикарно – по крайней мере, на фото. И имя ему тоже понравилось – Клодин. Французистое, какое-то экзотичное. Ну и вид же был у нее на снимке! Янтарные волосы, бойкое хорошенькое личико, из-под тесной блузки выпирает солидных размеров бюст. Девушка сидела на краю кровати в мини-юбке, задранной достаточно высоко, чтобы показать: она носит чулки с кружевным верхом, а над ними, возможно – возможно! – ничего нет.

Они всего раз поговорили по телефону, и в ходе разговора Клодин практически соблазнила Роя. На пассажирском сиденье рядом лежал букет цветов, купленный в магазинчике у бензоколонки. Красные розы – да, несовременно, но Рой Грейс не чуждался старомодной романтики. Ребята правы, ему действительно не мешает встряхнуться. Можно по пальцам одной руки пересчитать, сколько раз он встречался с женщинами за прошедшие восемь лет и девять месяцев. Он просто не мог и помыслить о том, что среди них вдруг окажется второй идеал. Что хоть кто-то из них может сравниться с Сэнди.

Может, сегодня все переменится?

Клодин Ламонт. Славное имя, славный голос.

Да выключи же ты свои поганые противотуманки!

Он вдохнул сладкий аромат цветов.

Надеюсь, от меня тоже пахнет неплохо.

В отблесках света от приборной панели «альфы» и задних фонарей машины впереди он глянул на себя в зеркало.

Интересно, что ты хочешь там увидеть?

На него смотрела сама грусть.

Тебе давно пора ехать!

Он снова выпил воды.

Всего через два месяца ему стукнет тридцать девять. И еще одна дата – тоже через два месяца. 26 июля исполнится девять лет с того дня, как Сэнди ушла. Исчезла, растворилась, не оставив записки, – в его тридцатый день рождения. Все ее вещи, кроме дамской сумочки, до сих пор в шкафу.

По закону пропавший без вести через семь лет официально считается умершим. И мать Роя, умиравшая в хосписе от рака, и сестра, и ближайшие друзья, и психиатр – все как один твердили ему, что так и надо поступить.

Не тут-то было!

Джон Леннон как-то сказал: «Жизнь – это то, что с тобой неожиданно случается, когда ты планируешь совсем другое». Верно подмечено, черт побери!

Грейс всегда считал, что к тридцати шести годам у них с Сэнди появятся дети. В идеале он видел троих – двух мальчиков и девочку. Он мечтал, как будет возиться с ними по выходным. Устраивать семейные праздники. Ездить на пляж. Закатываться в луна-парк на целый день. Играть в футбол. Чинить сломанные игрушки. Помогать делать уроки по вечерам. Купать их. Словом, жить так же мило и уютно, как с родителями жил он сам.

Но разве сейчас это жизнь? Он не знает покоя – даже во сне. Жива она или мертва? Восемь лет и десять месяцев он пытался разузнать о Сэнди хоть что-нибудь, но сейчас не продвинулся дальше, чем в тот момент, когда начинал поиски.

Не считая работы, жизнь Роя была пуста. Он не мог – или не хотел – завязать новое знакомство. На какие бы свидания он ни ходил, все они заканчивались катастрофой. Временами казалось, что единственным постоянным спутником в жизни Грейса оставалась его золотая рыбка Марлон. Он выиграл его в тире на ярмарке девять лет назад. Несколько раз он подкупал еще рыбок, чтобы Марлону не было одиноко, но тот неизменно их пожирал, будучи созданием угрюмым и недружелюбным. Именно за эти качества, как считал Рой, они и нравились друг другу. Два сапога пара.

Иногда Грейс жалел о том, что стал полицейским; сейчас ему хотелось бы заниматься чем-нибудь другим, не отнимающим столько сил и времени. Милое дело – уходишь с работы в пять, заглядываешь в паб, а потом топаешь домой, где, задрав ноги на стол, смотришь телик. Обычная жизнь – простая и ничем не примечательная. Но он ничего не мог с собой поделать. Видимо, ему по наследству от отца достались гены беспокойства, заставляющие вечно докапываться до истины. Именно благодаря этому обстоятельству Грейс относительно быстро продвинулся по службе и стал суперинтендентом уголовной полиции. Но душевного спокойствия эти гены не прибавляли.

Мрачное отражение снова взглянуло на него из зеркала. Грейс поморщился. Легкие, как пух, коротко стриженные волосы, сломанный и искривленный в потасовке еще в те времена, когда он был патрульным, нос, делавший его похожим на бывшего боксера.

На первом свидании Сэнди сказала, что у него глаза как у Пола Ньюмена.[2] Сравнение ему очень понравилось – как и многое другое, что ему в ней нравилось. Главное, она безоговорочно любила его всего, целиком и полностью.

Рой Грейс знал, что внешность у него довольно невыразительная. Рост пять футов десять дюймов – всего на два дюйма выше минимального роста, допустимого для полицейских. Однако, невзирая на то, что он любил выпить и вел безуспешную борьбу с курением, благодаря усердным тренировкам в спортзале накачал мышцы и поддерживал себя в форме. Рой пробегал двадцать миль в неделю и до сих пор время от времени играл в регби – обычно крайним нападающим.

9.20.

Да пропади они все пропадом!!!

А ведь Грейс не собирался сегодня ложиться поздно. Ему нельзя не высыпаться. Он не мог себе этого позволить. Завтра идти в суд, а ведь там необходимо быть в наилучшей форме. Вспомнив о предстоящем перекрестном допросе, Рой сразу помрачнел.

Внезапно посветлело – над дорогой пролетел вертолет. Через секунду луч прожектора скользнул вперед, и Грейс увидел, что вертолет снижается.

Достав мобильник, он набрал номер. Ответили почти сразу.

– Здравствуйте, говорит суперинтендент Грейс. Я стою в пробке на шоссе А-26 южнее Кроуборо. Кажется, впереди ДТП. Не знаете, что там стряслось?

Его соединили с оперативным штабом.

– Здравствуйте, суперинтендент, – послышался мужской голос. – Там дело серьезное. По сообщениям, есть жертвы. Дорога еще некоторое время будет заблокирована. Лучше вам развернуться и поискать объезд.

Рой Грейс поблагодарил и отключился. Потом достал из нагрудного кармана рубашки мини-компьютер, нашел номер Клодин и послал ей эсэмэску.

Она ответила почти сразу. Пусть он не беспокоится и приезжает, когда сможет.

От этого девушка понравилась Рою еще больше.

И он ненадолго забыл о завтрашнем дне.

4

Такие поездки случались не очень часто, но, когда это бывало, как же Дэви радовался! Он сидел, пристегнувшись ремнем, на пассажирском сиденье рядом с отцом, а полицейский эскорт мчался впереди по встречной полосе. Маячок мигает, сирена завывает «Уау, уау, уап!», и они то и дело обгоняют обычные машины. Да, это покруче, чем на американских горках – даже на аттракционах в парке в Олтон-Тауэрс, куда папа его как-то возил, а уж там было круче некуда!

– Я-я-яху! – завопил Дэви, не в силах сдержаться. Будучи страстным поклонником американских полицейских телесериалов, он частенько говорил с американским акцентом: иногда – с нью-йоркским, иногда – с миссурийским, иногда – с флоридским, но чаще всего – с лос-анджелесским.

Фил Уилер – крутивший баранку крупный мужчина с огромным пивным брюхом, в коричневых рабочих брюках, поношенных ботинках и черной круглой шапочке, улыбнулся сыну. Много лет назад его жена не выдержала и сбежала, не в силах вынести связанных с Дэви тягот. Последние семнадцать лет сына воспитывал он.

Патрульная машина сбросила скорость, обходя тяжелый землеройный агрегат. Оба борта их грузовика с янтарными стробоскопами на крыше украшала надпись: «Мастерская Уиллера. Техпомощь. Авторемонтные работы». Впереди, сквозь ветровое стекло, освещенный лучами фар и прожекторов, показался искореженный капот «форда-транзит», впечатавшийся в передний бампер цементовоза, а потом и весь микроавтобус, смятый, как банка из-под кока-колы. Микроавтобус лежал на боку, на проломленной живой изгороди.

В тонких лучах синего света был ясно виден мокрый бетон и зеленая трава, блестевшая от дождя. Пожарные и патрульные машины и одна карета скорой помощи все еще стояли на месте аварии, вокруг толпились пожарные и полицейские, по большей части в светоотражательных жилетах. Один патрульный сметал с дороги осколки стекла.

Сверкнула вспышка – на месте происшествия работал полицейский фотограф. Двое сотрудников дорожной инспекции делали какие-то замеры рулеткой. Повсюду валялись куски металла и битое стекло. Фил Уилер разглядел гаечный ключ, кроссовку, коврик и куртку.

– Похоже, всмятку, пап! – протянул Дэви с миссурийским акцентом.

– Дело дрянь.

Фил Уилер за годы работы порядком очерствел, и его больше ничто не ужасало. Он повидал всякое – а на дороге может случиться что угодно. Одним из самых ярких воспоминаний был бизнесмен, зажатый на водительском сиденье «феррари» – в костюме, рубашке и галстуке, но… без головы.

На Дэви, которому недавно исполнилось двадцать шесть, была повернутая козырьком назад фирменная бейсболка команды «Нью-Йорк янкиз», куртка с начесом поверх теплой

клетчатой рубашки, джинсы и грубые ботинки. Дэви нравилось одеваться, как американцы «в телевизоре». По умственному развитию парню было лет шесть, и исправить это было уже невозможно. Зато сила в нем была просто нечеловеческая, и порой это оказывалось весьма полезным на «сложных» вызовах. Дэви мог голыми руками гнуть толстые листы металла, а однажды в одиночку поднял за передний бампер наехавшую на мотоцикл машину.

– Да, и впрямь дело дрянь, – согласился Дэви. – Как по-твоему, пап, мертвяки есть?

– Надеюсь, что нет, сынок.

– Но могут быть?

К водительской дверце подошел сотрудник дорожной полиции в фуражке и желтом флуоресцентном жилете. Опустив стекло, Фил узнал знакомого офицера.

– Добрый вечер, Брайан. Похоже, та еще каша.

– За грузовиком уже выехал кран. Можешь заняться микроавтобусом?

– Нет проблем. Что случилось?

– Лобовое столкновение. «Форд-транзит» и грузовик. Нужно собрать все, что осталось от «форда».

– Сделаем.

Пока Фил беседовал с полицейским, Дэви взял фонарик, вылез из кабины и посветил вокруг. На дороге чернели пятна мазута и пены. Потом он с любопытством вгляделся в высокую машину «Скорой». За занавешенными окошками горел свет. Интересно, что там сейчас происходит?

Прошло почти два часа, прежде чем они собрали все обломки «транзита» и погрузили их на платформу своего грузовика. Папа и коп по имени Брайан отошли. Фил чиркнул всепогодной зажигалкой, не гаснущей даже в бурю, и закурил сигарету. Дэви подошел к ним, на ходу проворно свернув одной рукой самокрутку и прикурив от зажигалки «зиппо». «Скорая» и почти все другие машины разъехались, а массивный кран поднимал цементовоз со сдувшейся и смятой покрышкой со стороны водительского сиденья.

Дождь ослабел, и сквозь прореху в облаках выглянула бледная луна. Папа с Брайаном толковали о рыбалке – на какую наживку сейчас лучше ловится сазан. Дэви заскучал: ему захотелось отлить, и он не спеша побрел вперед, покуривая самокрутку и поглядывая на небо – нет ли летучих мышей. Дэви любил летучих мышей, простых мышей, крыс, полевок – да и вообще всех животных. Когда он ходил в школу, звери – в отличие от людей – никогда над ним не насмехались. По окончании работы он, возможно, сходит к барсучьей норе полюбоваться, как зверьки играют при луне.

Светя перед собой фонариком, Дэви зашел в кусты, расстегнул джинсы и помочился на куст крапивы. Не успел он закончить, как откуда-то снизу вдруг послышался голос, от которого парень едва не вскрикнул.

– Эй! Алло!

Металлический, безжизненный голос.

Дэви подпрыгнул.

Голос послышался вновь:

– Алло!

– Ё-мое! – Дэви посветил фонариком в кусты, но, так никого и не увидев, крикнул в ответ: – Алло!

– Алло! – отозвался голос. – Эй! Алло! Джош! Люк! Пит! Роббо!

Дэви посветил левее, правее, вперед… Он услышал шуршание – на мгновение луч фонарика выхватил мелькнувший в траве кроличий хвост…

– Алло! Кто это?

Тишина.

Треск. Шорох. Потом, в нескольких футах справа, – опять:

– Алло! Алло! Алло!

Под кустом что-то блеснуло. Дэви опустился на колени и увидел приемник с антенной. Присмотревшись повнимательнее, он с волнением обнаружил, что перед ним уоки-токи – портативная рация.

Дэви направил на нее луч фонарика и некоторое время просто разглядывал – прикасаться к ней было как-то боязно. Наконец, он взял ее в руки. Рация – холодная и мокрая – оказалась неожиданно тяжелой. Под большой зеленой кнопкой он увидел надпись: «Вызов».

Нажав на кнопку, Дэви пробормотал:

– Алло…

– Кто это? – тут же отозвалась рация.

– Дэ-эви! – послышался издалека другой голос.

Папа.

– Иду! – крикнул он в ответ.

Выбравшись на дорогу, парень вновь нажал на зеленую кнопку и сказал:

– Я Дэви! А ты кто?

– Дэ-э-ви-и!

Снова папа.

Всполошившись, Дэви уронил рацию, и она с глухим стуком упала. Корпус треснул, и на дорогу вывалились батарейки.

– Иду, иду! – крикнул он, поспешно опустился на колени и, схватив уоки-токи, запихнул в карман куртки. Потом подобрал батарейки и сунул их в другой карман. – Иду, папа! Я пописать ходил!

И, прикрывая рукой оттопыривающийся карман, Дэви поспешил назад, к грузовику.

5

Майкл включил микрофон.

– Дэви!

Молчание.

Он снова нажал на кнопку.

– Дэви! Алло, Дэви!

Тишина и белый атлас. Мертвая тишина сверху донизу. Она поднималась изнутри, давила со всех сторон. Майкл попытался шевельнуть руками, но не смог развести их в стороны – мешали стенки гроба. Он взбрыкнул ногами, но они наткнулись на столь же прочные стенки. Положив уоки-токи на грудь, он слегка приподнял голову и ударился о крышку гроба, обитую белым атласом. Все равно что биться лбом о бетон!

Подтянувшись как можно выше, Майкл схватил торчавшую снаружи красную резиновую трубку, прищурил один глаз и заглянул в нее, но ничего не увидел. Обхватив трубку рукой, он поднес ее к губам и попробовал свистнуть, но свист получился жалкий и едва слышный.

Майкл откинулся назад, больно стукнувшись затылком. Снова ужасно захотелось по-маленькому. Он нажал на кнопку вызова.

– Дэви! Дэви, мне нужно в сортир! Дэви!

В ответ – тишина.

За годы плавания на яхтах Майкл научился неплохо обращаться с рациями. Надо переключиться на другой канал, решил он и нащупал соответствующую кнопку. Она не шелохнулась! Майкл надавил на нее сильнее… увы, с тем же результатом. И лишь тогда он понял, в чем дело: переключатель был залит каким-то суперклеем. Значит, перейти на другой канал – например, на шестнадцатый, международный канал Службы спасения – не удастся.

– Эй! Сволочи, козлы, ублюдки, да отвечайте же! Я уже дошел до ручки!

Отчаянным усилием, так как двигаться было почти невозможно, Майкл поднес рацию к уху и прислушался.

Ничего.

Он положил рацию на грудь и медленно, с огромным трудом, вытянув правую руку вдоль тела, нащупал в кармане кожаной куртки мобильник в прочном водонепроницаемом корпусе – подарок Эшли. Специально для морских прогулок. Он любил его, потому что он отличался от мобильников, какие были у всех. Нажал кнопку, и дисплей ожил. Надежда вспыхнула – и тут же погасла. Нет сигнала!

– Ч-черт!

Он поискал в телефонной записной книжке номер своего компаньона Марка.

Марк Моб.

Несмотря на то, что сигнала не было, Майкл нажал на кнопку посыла вызова.

Ничего!

Стараясь не обращать внимания на растущее чувство паники, он попробовал набрать по очереди номера Роббо, Пита, Люка и Джоша.

Потом снова схватил уоки-токи.

– Мужики! Вы меня слышите? Мать вашу! Я знаю, что вы меня слышите!

Тишина.

На дисплее его мобильника «Эрикссон» было 23.14.

Когда он последний раз узнавал время? Прошло добрых два часа. Майкл закрыл глаза и задумался, силясь понять, что же все-таки происходит. В ярком, почти отделительном луче фонарика мелькнули бутылка и журнал. Майкл подтянул журнал повыше и вертел его до тех пор, пока не сумел прикрыть лицо огромными глянцевыми грудями. Они были так близко к глазам, что расплывались.

Какие же сволочи!

Он взял рацию и опять нажал на кнопку «Вызов».

– Ладно вам! Повеселились, и будет! Давайте выпускайте меня отсюда! Добром прошу!

Тишина.

Интересно, кто такой, черт побери, этот Дэви?

В горле пересохло. Хотя бы глоток воды! Голова кружилась. Ему хотелось домой, в постель, к Эшли. Они сейчас придут за ним – буквально через несколько минут, надо только подождать. А уж завтра он им задаст!

Вернулась тошнота, которую он испытывал раньше. Майкл зажмурился. Перед глазами все кружилось и плыло, и он вновь погрузился в сон.

6

Полет завершился столь же отвратительно, как и проходил, – колеса шасси (ровно на пять с половиной часов позже запланированного времени) стукнулись о бетон взлетно-посадочной полосы с такой силой, что самолет содрогнулся. Марк Уоррен тяжело вздохнул. Он устал, сиденье было продавлено, ремень безопасности впивался в живот, желудок горел

от соленых крендельков и отвратительной запеканки. Пожалев, что не отказался от еды, он бросил последний взгляд на фото «Феррари-365» в автомобильном журнале.

Я хочу тебя, детка, подумал он. *О, как я тебя хочу! Ужасно хочу!*

В иллюминаторе мелькнули огни взлетно-посадочной полосы, размытые из-за непрекращающегося дождя. Самолет замедлял скорость. В салоне послышался бархатистый голос пилота, еще раз извинявшегося за задержку, вызванную туманом.

Проклятый туман! Мерзкая английская погода! Марк мечтал о красном «феррари», вилле в Марбелье, жарком солнце и какой-нибудь подруге. Точнее, не о какой-нибудь, а прелестной! Если удастся заключить сделку, ради которой он мотался в Лидс, то на шаг приблизится и к вилле, и к «феррари». А подруга – это уже вопрос второй.

Марк с трудом отстегнул ремень, вытянул из-под сиденья свой кейс, сунул туда журнал, встал, снял с багажной полки плащ… Пассажиры толпились у выхода из салона, но ему было все равно. Он так устал, что даже не поправил сбившийся набок галстук.

В отличие от своего компаньона, одевавшегося небрежно, Марк очень следил за своим внешним видом. Он всегда коротко стриг светлые волосы и носил строгие костюмы, из-за чего выглядел старше своих двадцати восьми. Его одежда отличалась безупречной чистотой, словно только что из магазина. Марку нравилось воображать себя типичным молодым преуспевающим бизнесменом, однако на самом деле он резко выделялся в любой группе людей и походил на коммивояжера.

Его часы показывали 23.48. Марк включил мобильник, но не успел набрать номер, как телефон пикнул, и дисплей погас. Он сунул мобильник в карман и подумал, что для звонков уже слишком поздно. Сейчас ему хотелось только одного: домой и спать.

Через час он задним ходом загнал свой серебристый БМВ-Х5 в подземный гараж, поднялся в лифте на пятый этаж и вошел в квартиру.

Чтобы купить квартиру в роскошном «Ван Аллене», пришлось затянуть пояс потуже, но зато он поднялся на следующую ступень общественной лестницы. Импозантное современное здание в стиле ар-деко на набережной Брайтона, среди жильцов – целая куча знаменитостей. Классный дом! Если ты живешь в «Ван Аллене», значит, ты кое-что собой представляешь. А раз так, значит, ты богат. Всю жизнь у Марка была одна-единственная цель – разбогатеть.

Когда он вошел в просторную гостиную, на телефонном автоответчике мигала лампочка вызова. Решив некоторое время не обращать на него внимания, Марк швырнул кейс на пол, поставил мобильник на подзарядку и, плеснув себе на два пальца виски «Балвени», подошел к окну. Несмотря на поздний час и дождь, на бульваре внизу полно народу. Вдали виднелись огни Дворцовой набережной и чернильно-темное море.

Неожиданно мобильник резко запищал. Марк посмотрел на дисплей. Ничего себе! Четырнадцать новых сообщений!

Не отключая телефон от зарядного устройства, он позвонил на автоответчик. Первое сообщение в семь вечера пришло от Пита – тот интересовался, где его черти носят. Второе, в 7.45, было от Роббо – этот болван услужливо подсказывал, что они едут в другой паб, «Жирный ягненок». В половине девятого звонили очень пьяные Люк и Джош (на заднем плане слышался и голос Роббо), дабы поставить его в известность, что они перебираются из «Ягненка» в паб под названием «Дракон» на Акфилд-роуд.

Следующие два сообщения – от агента по недвижимости, насчет сделки в Лидсе, и от их юриста.

Шестое сообщение в 23.05 прислала вконец расстроенная Эшли. У нее был такой подавленный голос, что Марк удивился – Эшли всегда была такой спокойной и хладнокровной!..

«Марк, прошу тебя, пожалуйста, перезвони мне… *пожалуйста,* как только сможешь!» – услышал он ее мелодичный голосок с отчетливым американским акцентом.

Он нерешительно перешел к следующему сообщению. Снова Эшли. В голосе волнение. Вслед за ним – еще одно, затем – еще… Она звонила через каждые десять минут. Десятое сообщение было от матери Майкла. У нее тоже был расстроенный голос.

«Марк, где ты? Пожалуйста, перезвони, как только сможешь!»

Марк нажал на паузу. *Да что там у них такое стряслось?*

Следующий звонок – вновь от Эшли – чуть ли не в истерике:

«Марк, произошла ужасная авария. Пит, Роббо и Люк погибли. Джош в реанимации. Никто не знает, где Майкл. Господи, Марк, пожалуйста, перезвони мне!»

Не веря собственным ушам, Марк еще раз прослушал сообщение и тяжело рухнул на подлокотник дивана.

– Боже милостивый!

Он снова включил автоответчик на запись. Эшли и мать Майкла говорили приблизительно одно и то же. *Перезвони! Пожалуйста, перезвони!*

Марк допил виски, налил еще на три пальца и вновь подошел к окну. Сквозь собственное отражение он некоторое время смотрел на бульвар, провожая взглядом машины, затем обратил взор в сторону моря. Вдали, у самого горизонта, мелькнули две крохотные светлые точки. Должно быть, танкер или сухогруз идет по Ла-Маншу.

Мысли у него путались.

Если бы самолет прилетел вовремя, я бы тоже попал в аварию!

Однако это уже не имело большого значения. Марк глотнул виски и сел на диван. И почти сразу же телефон зазвонил вновь. Марк подошел к аппарату и уставился на определитель номера. Эшли! Четыре звонка, и она повесила трубку. Через секунду запищал его мобильный. Снова Эшли! Поколебавшись, он нажал на кнопку «Сброс» и переключил телефон на автоответчик. Потом вырубил мобильник и сел, откинувшись на спинку дивана и вытянув ноги.

Звякнули кубики льда в стакане, и Марк понял, что руки у него дрожат – он весь дрожал с головы до ног. Он подошел к музыкальному центру «Банг и Олуфсен» и поставил компакт-диск – сборник произведений Моцарта. Под Моцарта ему всегда лучше думалось. А подумать было о чем…

Марк снова сел и уставился в стакан, сосредоточив взгляд на кубиках льда, словно это были игральные кости. Прошло больше часа, прежде чем он снял трубку и набрал номер.

7

Спазмы учащались. Майкл терпел из последних сил, плотно стиснув бедра, сдерживая дыхание и закрыв глаза. Как эти сволочи будут ржать, когда вернутся и увидят, что он обмочился!

В тесном, замкнутом пространстве приступ клаустрофобии давал о себе знать в полную силу. Майку казалось, что белый атлас сжимается вокруг него, давит на лицо…

Он посветил фонариком на часы. 2.47.

Чтоб им пусто было!

Они там что, вконец охренели?! Два сорок семь! И куда они, мать их за ногу, подевались?! Совсем крышу снесло в каком-нибудь ночном клубе?!

Майкл смотрел на белый атлас. В голове гудело, губы запеклись, ноги словно склеились. Переполненный мочевой пузырь болел нестерпимо. Он не знал, долго ли еще продержится.

От отчаяния Майкл замолотил костяшками пальцев по крышке гроба и заорал:

– Эй, вы, сволочи!

Он снова посмотрел на мобильник. Полная тишина. На всякий случай он отыскал в записной книжке номер Люка и нажал кнопку набора. Телефон пискнул, и на дисплее появилась надпись: «Нет связи».

Майкл нашарил рацию, включил ее и снова стал выкрикивать имена друзей. И еще того, другого, чей голос он помнил очень смутно:

– Дэви! Алло, Дэви!

Ответом было лишь слабое потрескивание.

Майклу отчаянно хотелось пить – во рту пересохло. Неужели они совсем не оставили ему воды? Он чуть приподнял голову, стукнувшись о крышку, и вдруг в темноте сверкнуло горлышко бутылки. Знаменитое виски «Граус».

Разочарованный, он сорвал с горлышка оплетку, отвинтил крышечку и глотнул. В первое мгновение жидкость во рту показалась ему бальзамом, а затем огнем обожгла язык и пищевод. Однако почти сразу же стало чуть легче. Он вновь приложился к бутылке. Полегчало еще больше.

Прежде чем завинтить крышку, Майкл сделал третий глоток, посолиднее, и закрыл глаза. Голова уже не так раскалывалась. Да и мочевой пузырь как будто поутих.

– Вот уроды… – пробормотал он.

8

Эшли была похожа на призрака. Ее обрамленное длинными каштановыми волосами лицо было таким же бледным и бескровным, как у больных, лежавших в палате у нее за спиной в хаосе трубок, проводов, вентиляторов и мониторов. Она ждала, прислонившись спиной к стойке поста дежурной медсестры отделения интенсивной терапии окружной больницы Суссекса. Такой беззащитной Марк не видел ее никогда, но сейчас она показалась ему еще красивее.

Несмотря на изнурительную бессонную ночь, Марк не забыл надеть строгий деловой костюм и безупречные черные кожаные туфли от Гуччи. Подойдя к Эшли, он обнял ее и притянул к себе, одновременно разглядывая окружающую обстановку. Торговый автомат с сандвичами, фонтанчик с питьевой водой, таксофон под прозрачным куполом из оргстекла… В больницах Марку всегда делалось не по себе. Он помнил, как пришел навестить отца, отходившего после тяжелого сердечного приступа, и внезапно осознал, что человек, еще недавно бывший таким сильным, превратился в хрупкое, жалкое и беззащитное существо, дрожащее от страха. И теперь он обнимал Эшли вовсе не для того, чтобы ее утешить, – нет, ему надо было хотя бы немного успокоиться самому. Рядом с ее головой на зеленом мониторе мерцал курсор.

Девушка приникла к нему так, как будто он был ее единственным спасением посреди бурного моря.

– Марк! Господи, какое счастье, что ты здесь!

Одна из медсестер разговаривала по телефону – похожее, утешала родственника какого-то больного, другая сидела на рабочем месте рядом с ними и стучала по клавиатуре компьютера.

– Какой ужас! – пробормотал Марк. – Просто не верится!

Эшли кивнула, сглотнув подступивший к горлу комок.

– Если бы не твои переговоры, ты бы тоже…

– Знаю. Сам все время об этом думаю. Как Джош?

От недавно вымытых волос Эшли исходил приятный аромат, а от нее самой едва заметно пахло чесноком – вчера вечером она с подругами устраивала девичник в каком-то итальянском ресторанчике.

– Плохо. С ним Зои.

Проследив за ее пальцем, Марк увидел в дальнем конце палаты, через несколько коек от них, жену Джоша, сидевшую на стуле в окружении шипящих вентиляторов и мерцающих мониторов. На ней была белая футболка, куртка от спортивного костюма и мешковатые брюки. Голова опущена, плечи поникли, всклокоченные кудряшки закрывают лицо…

– Майкл до сих пор не объявился. Где он, Марк? Ведь ты же наверняка знаешь?

Едва медсестра положила трубку, телефон зазвонил вновь, и она приступила к очередному разговору.

– Понятия не имею, – нахмурился Марк. – Не имею ни малейшего представления.

Эшли уставилась на него жестким немигающим взглядом:

– Но вы же готовились заранее! Люси сказала, что вы собирались расквитаться с Майклом за все дурацкие шутки, которые он сыграл с другими перед свадьбой! – Девушка отступила на шаг, откинула волосы со лба, и Марк увидел, что у нее потекла тушь. Она промокнула глаза рукавом.

– Наверное, ребята в последний момент передумали, – развел он руками. – Конечно, парни носились со всякими идеями – например, хотели напоить его до бесчувствия и усадить в самолет, но я сумел их отговорить – по крайней мере, мне так показалось.

На губах Эшли появилась бледная улыбка.

Марк пожал плечами:

– Я понимал, ты будешь волноваться, как бы мы не выкинули… ну… что-нибудь уж совсем дурацкое.

– Да, так оно и было. Я ужасно волновалась. – Девушка бросила взгляд на медсестру и шмыгнула носом. – Так где же он?

– Его точно не было в машине?

– Совершенно точно. Я уже звонила в полицию… они говорят, что… они говорят… они…

– Так что они говорят?

– Что ничего не могут поделать! – с неожиданной злостью выпалила она и всхлипнула, изо всех сил стараясь сдержать слезы. – Они говорят, что обшарили все вокруг места аварии, но никого не нашли. Возможно, он просто где-нибудь отсыпается с похмелья.

Марк промолчал, надеясь, что Эшли успокоится, но она продолжала плакать.

– Может, так оно и есть.

Эшли отчаянно замотала головой:

– Он обещал мне, что не напьется!

Марк посмотрел ей в глаза, и девушка кивнула:

– Я знаю, вы, ребята, всегда напиваетесь на мальчишниках. До потери сознания!

Марк опустил глаза и принялся разглядывать серые квадраты коврового покрытия.

– Давай-ка подойдем к Зои, – предложил он и направился в палату.

Эшли следовала за ним, держась чуть позади.

Зои всегда была стройной, но сегодня Марку показалось, что она похудела еще больше. Он положил руку ей на плечо. Господи, какая же она костлявая!

– Зои, мне так жаль!

Та едва заметно дернула плечом.

– Как он? – поинтересовался Марк, надеясь, что волнение в его голосе звучит достаточно правдоподобно.

Зои повернулась и посмотрела на него снизу вверх. По ее щекам текли слезы, лицо без косметики казалось прозрачным.

– Они выложились на полную катушку, но больше ничего не могут, – прошептала она. – Ему сделали операцию, и теперь остается только ждать.

Марк застыл возле койки, делая вид, что внимательно разглядывает Джоша. Глаза друга закрыты, лицо – сплошная каша из кровоподтеков и синяков, вокруг куча аппаратуры… Капельница, дыхательная трубка, трубка для искусственного питания через нос… Из-под простыни тянется целый клубок проводов, передающих на испещренные диаграммами мониторы компьютеров информацию о работе сердца, мозга, других органов. Кожа словно гипсовая. Короче говоря, друг напоминал жертву безжалостных лабораторных экспериментов.

Однако на Джоша Марк почти не смотрел. А смотрел он на дисплеи, пытаясь расшифровать, что означают все эти кривые. И вспоминал, как давным-давно стоял в такой же палате у постели умирающего отца. Один монитор показывает состояние сердца, другой – давление, третий – содержание кислорода в крови…

Марк напряженно размышлял. У Джоша всегда все было схвачено. Смазливая внешность, богатые родители. Работал он в страховой компании специалистом по оценке размера страховых рисков, всегда все продумывал и просчитывал заранее, вечно толковал о пятилетних и десятилетних планах, о скорейшем способе достижения цели… Из их компании он женился первым, поскольку хотел обзавестись детьми пораньше, чтобы, когда они вырастут, быть еще молодым и успеть насладиться жизнью. Выбрал себе превосходную жену – славную девочку Зои из богатой семьи. Та оказалась плодовитой и помогла Джошу осуществить его намерение, родив одного за другим двоих очаровательных здоровеньких детишек.

Марк вороватым взглядом окинул палату – медсестер и врачей, – подмечая, где кто стоит, а затем поглядел на трубку капельницы, торчащую в руке Джоша возле пластиковой бирки с его фамилией. Покосился на вентилятор, потом – на электрокардиограф. Если частота сердечных сокращений упадет или снизится содержание кислорода в крови, аппарат немедленно подаст сигнал…

Тем не менее, если Джош выживет, ему, Марку, придется несладко. Он не спал почти всю ночь, размышляя о случившемся. Вывод – хоть и весьма неприятный – напрашивался сам собой: благоприятный исход его не устраивает.

9

Зал заседаний номер 1 Льюисского суда всегда производил на Роя Грейса гнетущее впечатление. Казалось, он специально создан для того, чтобы посильнее воздействовать на присутствующих. В здании суда было еще несколько залов, но этот, в георгианском стиле, с высоким сводчатым потолком, доминировал над остальными. Места для публики на галерке, обшитые дубовыми панелями стены, скамья подсудимых из мореного дуба и место для дачи свидетельских показаний за барьером… Сейчас председательствовал облаченный в парик судья Дрисколл. Судье было давно пора на покой: похоже, он дремал в кресле с ярко-красной обивкой под гербом с надписью: «Dieu et mon droit».[3] Зал заседаний напоминал старую театральную декорацию, где витали «ароматы» давно не убиравшегося школьного класса.

Грейс стоял на месте для свидетелей. Как всегда, собираясь в суд, он оделся аккуратно: синий костюм, белая рубашка, неброский галстук и тщательно начищенные черные ботинки. Рой выглядел неплохо, но чувствовал он себя скверно: отчасти из-за недосыпа после вчерашнего свидания – кстати, обернувшегося очередной катастрофой, – а отчасти от волнения. Держа в одной руке Библию и озираясь по сторонам, он в тысячный раз клялся всемогущим Господом, что будет говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

Присяжные выглядели как обычно: словно стайка туристов, потерявшихся на вокзале. Пестрая группа, одетая в кричащих расцветок свитера, рубашки без галстуков и мятые блузки, а над ними – два ряда ничего не выражающих бледных лиц. На столах перед присяжными – графины с водой, стаканы и множество разбросанных как попало листков с записями. Возле судьи громоздится техника: видеоплеер, слайд-проектор и огромный магнитофон. Перед столом судьи из-за кучи электронного оборудования выглядывает чопорная стенографистка. Электрический вентилятор на стуле поворачивается то вправо, то влево, почти не освежая удушливый и спертый послеполуденный воздух. На галерке полным-полно журналистов и зевак. Ничто так не привлекает посетителей, как дела по обвинению в убийстве. А этот процесс стал местным событием года.

Рой Грейс считал все происходящее своей огромной победой.

На скамье подсудимых восседал Суреш Хоссейн – толстяк с рябой физиономией и зачесанными назад волосами, одетый в коричневый костюм в узкую белую полоску и пурпурный атласный галстук. Он наблюдал за происходящим с таким видом, словно был владельцем всего зала, а процесс затеян для его личного удовольствия. Мерзавец, подонок, хозяин жалких меблирашек в трущобах. Последние десять лет к нему было невозможно подступиться, однако Рою Грейсу, наконец, удалось поймать негодяя с поличным. Преступный сговор с целью совершения особо тяжкого преступления. Впрочем, убитый – Рэймонд Коэн, конкурент Хоссейна – был ничуть не меньшим мерзавцем. Если процесс пойдет как положено, то Хоссейну предстоит отсидеть больше, чем ему отпущено судьбой, а сотни мирных граждан Брайтона и Хоува наконец-то вздохнут спокойно без его прихвостней, чуть ли не ежечасно превращавших их жизнь в ад.

Грейс мысленно вернулся ко вчерашнему вечеру. *Клодин. Клодин-чтоб-тебя-Ламонт!* Да, он виноват – опоздал на час сорок пять. Но ведь и ее фото, вывешенное на веб-сайте, было сделано в лучшем случае десять лет назад! Кроме того, она не предупредила о том, что не пьет, не ест мяса и терпеть не может полицейских, а в жизни ее, кажется, интересуют только девять подобранных на улице кошек.

А Грейс любил собак. Нет, он ничего не имел против кошек, но еще не встречал ни одной, с которой бы у него сразу установились дружеские отношения – в отличие от практически любой собаки. За два с половиной часа, проведенных в мрачноватом вегетарианском ресторане в Гилдфорде, он прослушал целую лекцию о свободолюбивом нраве кошек, подробный отчет о мерзостях, творимых британской полицией, а также доклад о мужчинах, видящих в женщине исключительно сексуальный объект. Избавившись от Клодин Ламонт, Рой вздохнул с облегчением.

Ночью он спал плохо, то и дело просыпаясь, и все утро проторчал в суде, ожидая, когда его вызовут. Ох и туго же ему придется! Дождь все не утихал, однако влажный воздух заметно прогрелся, и Грейс чувствовал, как по спине стекают струйки пота.

Встал адвокат обвиняемого. К удивлению суда, в качестве свидетеля он вызвал Грейса. Вид у защитника в коротком сером парике и просторной черной мантии был весьма надменный – он стоял, презрительно поджав губы. Ричард Чаруэлл, королевский адвокат. Грейс уже встречался с ним раньше, но добрых воспоминаний эти встречи не оставили. Он терпеть не мог адвокатов, для которых суд – всего лишь игра. Им не приходится рисковать жизнью, чтобы схватить преступника. И им совершенно наплевать на то, что натворил их подзащитный.

– Вы – детектив-суперинтендент Рой Грейс из отдела уголовного розыска Суссекс-Хаус, Холлингбери, Брайтон? – прищурился адвокат.

– Да, – ответил Грейс. Почему-то вместо его обычного голоса из горла вырвалось какое-то сипение.

– И вы вели расследование по данному делу?

– Да, – вновь прохрипел Рой.

– Представляю суду данного свидетеля.

Последовала короткая пауза. Все молчали. Королевский адвокат Ричард Чаруэлл приковал к себе внимание всего зала. Опытный актер с безукоризненной внешностью, он держал паузу нарочно. Когда Чаруэлл заговорил, внезапная перемена тона должна была продемонстрировать, что совершенно неожиданно он превратился в лучшего друга Роя Грейса.

– Суперинтендент, я прошу вашей помощи в разъяснении одного вопроса. Знакома ли вам фигурирующая в деле улика – коричневый мокасин крокодиловой кожи с золотой цепочкой?

Прежде чем ответить, Грейс несколько секунд смотрел адвокату в глаза.

– Да, знакома. – Его охватило волнение. Еще до того, как Чаруэлл произнес следующую фразу, у детектива возникло ужасное предчувствие. Он понял, куда тот метит.

– Пожалуйста, сообщите нам добровольно, кому вы показывали мокасин. В противном случае мне придется выжимать из вас это признание.

– Сэр, мне не совсем понятно, к чему вы клоните.

– А по-моему, суперинтендент, вы прекрасно понимаете, о чем речь.

– Мистер Чаруэлл, прошу вас, ближе к делу! – вмешался раздраженный, словно пробудившийся от спячки медведь, судья Дрисколл. – Мы не можем тянуть целый день.

– Слушаюсь, ваша честь, – елейным голоском протянул адвокат и вновь повернулся к Грейсу: – Суперинтендент, верно ли, что вы использовали эту важнейшую улику, а именно – мокасин, в личных целях?

Чаруэлл взял туфлю со стола и помахал ею над головой, словно только что завоеванным спортивным кубком.

– Я бы не стал применять для описания своих действий слово «использовать», – буркнул Грейс, раздраженный высокомерием адвоката, в то же время прекрасно понимая, что тот нарочно пытается разозлить его, вывести из себя…

Чаруэлл неторопливо поставил мокасин на место.

– Понятно. Значит, вы не считаете, что использовали улику. – Не дожидаясь возражений Грейса, он продолжал: – Заявляю, что вы злоупотребили служебным положением, забрав улику и отнеся ее черному магу-любителю!

Повернувшись к судье Дрисколлу, защитник продолжал:

– Ваша честь, я намерен доказать суду, что соскоб для анализа ДНК, взятый с данной туфли, не заслуживает доверия, так как суперинтендент Грейс на некоторое время самовольно изымал улику и мог проделать с ней любые манипуляции.

Он вновь повернулся к Грейсу:

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, суперинтендент. 9 марта сего года, в четверг, вы возили данное вещественное доказательство в Гастингс, к так называемому медиуму – женщине по имени миссис Стемп. Вероятно, сейчас вы заявите, будто мокасин побывал в ином мире, не так ли? В нематериальном мире!

– Миссис Стемп – особа, о которой я придерживаюсь весьма высокого мнения, – возразил Грейс. – Она…

– Суперинтендент, нас не интересует ваше мнение. Нас интересуют только факты.

– По-моему, его мнение в данном вопросе имеет очень большое значение! – внезапно оживился судья.

После нескольких секунд молчаливой дуэли Чаруэлл нехотя кивнул.

– В прошлом она очень помогла мне в ряде расследований, – продолжал Грейс. – Три года назад Мэри Стемп снабдила меня важными сведениями, благодаря которым удалось установить имя подозреваемого в убийстве. Ее помощь привела к его аресту и последующему осуждению.

Рой осекся, заметив, что публика и присяжные не сводят с него напряженных взглядов, и, обращаясь к защитнику, заговорил:

– Позвольте ответить на ваше обвинение о якобы самовольном изъятии важной улики. Если бы вы внимательно изучили все записи и взглянули на упаковку, то увидели бы, что на ярлыке указано время, когда я забрал вещдок и когда вернул его на место. Защита знала о данной улике с самого начала. Туфлю обнаружили у дома мистера Коэна в ночь его исчезновения. Однако защита ни разу не попросила предоставить улику для подобной проверки.

– Стало быть, вы, суперинтендент Грейс, старший офицер полиции, в своей работе регулярно прибегаете к помощи темных сил?

В зале послышались смешки.

– Я бы не называл это «темными силами», – возразил Грейс. – Скорее, это – источники дополнительной информации. А долг полиции – использовать для раскрытия преступления все возможные средства.

– Значит, вас можно со всеми основаниями назвать оккультистом? – нахмурился Чаруэлл. – Вы верите в сверхъестественное?

Грейс посмотрел на судью Дрисколла. Тот сверлил его таким взглядом, словно Рой сам выступал на процессе в качестве обвиняемого. Отчаянно пытаясь придумать достойный ответ, Грейс оглядел присяжных, галерку, а потом снова посмотрел на адвоката. И тут его внезапно осенило.

– Что от меня потребовали первым делом, как только я занял место в кабине для свидетелей? – Приободрившись, Грейс чуть повысил голос и, не дожидаясь ответа адвоката, продолжил: – От меня потребовали *присягнуть на святой Библии!* – Он перевел дух. – Бог – это сверхъестественное существо – точнее, *высшее* существо сверхъестественного происхождения. И если суд признает свидетелей, присягающих именем сверхъестественного существа, было бы странно утверждать, что я, как и все остальные в этом зале, не верю в сверхъестественное!

– Больше вопросов не имею, – проворчал адвокат, садясь.

Встал обвинитель – тоже в парике и шелковой мантии – и обратился к судье Дрисколлу:

– Ваша честь, прошу перенести обсуждение вопроса в ваш кабинет.

– Все это довольно необычно, – пожал плечами судья Дрисколл, – но я рад, что дело разрешилось надлежащим образом. Однако, – он перевел взгляд на Грейса, – надеюсь, что дела, которые я рассматриваю, основаны на реальных уликах, а не на высказываниях какой-нибудь колдуньи!

Зал взорвался хохотом.

Процесс продолжался – вызвали еще одного свидетеля защиты, некоего Рубиро Вальенте, собиравшего с жильцов квартплату для Суреша Хоссейна. Рой Грейс остался послушать, что будет заливать этот итальяшка. Обвинитель коршуном налетел на свидетеля и к дневному перерыву не оставил от его показаний камня на камне. Грейс мог только надеяться, что вранье Вальенте затмит историю с мокасином.

Однако надежда померкла, стоило ему выйти на улицу подышать воздухом и перекусить сандвичем. Висевшая на противоположной стороне улицы светящаяся бегущая дорожка с новостями местной газеты «Аргус» извещала весь мир:

СТАРШИЙ ОФИЦЕР ПОЛИЦИИ – ОККУЛЬТИСТ!

Неожиданно Грейсу нестерпимо захотелось выпить и закурить.

10

Как ни старательно Майкл гнал от себя мысли о еде, от голода сосало под ложечкой. Желудок терзала тупая боль, словно его жгло изнутри. Голова кружилась, руки дрожали, перед глазами мелькали сочные гамбургеры с толстенькими ломтиками жареной картошки и кетчупом… Не успел он отделаться от картошки, как ее сменили вареные омары, потом – поджаристая кукуруза, а дальше – грибы под чесночным соусом… яичница… сосиски… шипящий на сковородке бекон…

Крышка гроба давила на лицо, и Майкла вновь охватила паника. Пульс участился, воздуха не хватало. Он закрыл глаза и попытался представить, что ему хорошо, что он в теплых краях, на яхте – где-нибудь в Средиземном море. Вокруг плещут волны, над головой кружат чайки, он вдыхает ароматный соленый воздух. Но с обеих сторон давили стенки гроба, стискивали, душили… Он нашарил на груди фонарик и включил его. Батарейка садилась – скоро вырубится совсем. Дрожащими пальцами Майкл осторожно отвинтил колпачок бутылки, поднес ее к губам и, хлебнув немного виски, прополоскал запекшийся рот. Он растягивал каждую каплю, наслаждаясь этими мгновениями. Вскоре паника отступила, и Майкл задышал ровнее.

Прошло несколько минут после того, как он проглотил жидкость, и тепло, прокатившись по пищеводу, ушло вниз, в желудок. И только тогда он вспомнил, что нужно завинтить колпачок. Осталось полбутылки. По глотку в час!

Во всем нужен порядок.

Майкл выключил фонарик, пытаясь сберечь батарейки. Любое движение давалось с трудом. Руки и ноги онемели: он то дрожал от холода, то покрывался липким, горячим потом. Голова гудела – как бы пригодилась сейчас таблетка парацетамола! Отчаянно хотелось услышать сверху какой-нибудь шум, голоса… выбраться отсюда.

И поесть.

Каким-то чудом батарейки, от которых работала портативная рация, оказались такими же, как и в фонарике. По крайней мере, они остаются про запас. Хоть что-то. Единственная хорошая новость. А еще каждый час он может отпивать по глоточку виски.

Порядок сдерживает панику.

Если есть чем заняться, остаешься в здравом уме. Пять лет назад Майкл переплывал Атлантику на тридцативосьмифутовом шлюпе – прошел от Чичестера до Барбадоса. Провел двадцать семь дней в открытом море, пятнадцать из них – в сплошных штормах: в основном не ниже семи баллов, но бывало и десять-одиннадцать. Пятнадцать дней в аду. Вахтенные сменялись каждые четыре часа. Волны сотрясали все кости, и шлюп то подбрасывало, то швыряло вниз. Дрожали переборки, цепи и оснастка бились о палубу и мачту, ложки, вилки и ножи звенели в отсеках. Команда справилась с трудностями благодаря неуклонному соблюдению режима. Они разбили каждый день на часы, а часы – на более мелкие промежутки. Отламывали по кусочку от плитки шоколада. Отмеряли глотки воды. Прочитывали определенное количество страниц. Сверялись с компасом. По очереди выкачивали помпой воду из трюма.

Порядок придает сил и уверенности. Уверенность позволяет смотреть вперед. А когда смотришь вперед, перед тобой открывается горизонт.

А видя горизонт, конечно же успокаиваешься.

Майкл решил отмечать начало каждого нового часа маленьким глотком виски. Осталось полбутылки, а его «горизонтом» стала тонкая часовая стрелка. Часы подарила ему Эшли – оправленный в серебро хронометр швейцарской фирмы «Лонжин» со светящимися римскими цифрами. Самые классные часы из всех, какие у него когда-либо были. У Эшли потрясающий

вкус. Она вообще потрясающая. В ней все прекрасно – и каштановые волосы, вьющиеся на концах, и классические точеные черты лица, и походка, и уверенность в разговоре. Майкл любил ходить с ней куда-нибудь. Где бы они ни появлялись, взоры всех присутствующих устремлялись на девушку. Боже, как его это заводило! Эшли не такая, как все. Она уникальна.

Мама тоже так считает, а ведь она обычно не одобряла его подружек. Но Эшли – совсем другое дело. Она не пожалела сил и очаровала маму. Вот за что еще он ее любит: она способна очаровать любого. Даже самого жалкого клиента. Майкл влюбился в Эшли в тот самый день, когда она вошла в их с Марком кабинет на собеседование, чтобы устроиться на работу. Минуло всего полгода, и вот они женятся!

Промежность и ягодицы чертовски зудели. Дерматит! Он давно плюнул на все приличия и опорожнил мочевой пузырь. Прошло уже двадцать шесть часов.

Наверное, что-то стряслось, но Майкл понятия не имел, что именно. Двадцать шесть часов он, как проклятый, орет в рацию, жмет кнопки на мобильнике и получает тот же ответ. *Нет связи.*

Вторник. Эшли хотела, чтобы мальчишник устроили задолго до свадьбы. *Ты напьешься и будешь паршиво себя чувствовать. А я не желаю, чтобы тебя тошнило в день свадьбы. Отгуляйте пораньше, и ты успеешь очухаться.*

Майкл в сотый раз – а может, в тысячный – стукнул по крышке. Какая разница? Да никакой! Он уже пытался пробить в крышке дыру корпусом рации – единственной прочной вещью, имевшейся в его распоряжении.

Мобильник и фонарь – пластмассовые. Но даже металлический корпус уоки-токи не годился.

Майкл включил рацию.

– Алло! Отзовитесь кто-нибудь! Алло!

Треск помех.

Внезапно Майкла охватило страшное подозрение: а вдруг Эшли в курсе? И поэтому так настаивала, чтобы он устроил мальчишник пораньше, во вторник… Чтобы его засунули сюда и промариновали целые сутки, а то и больше, и никто не хватился…

Нет, не может быть! Эшли знает, что у него клаустрофобия, а она ведь совсем не жестока. Она всегда в первую очередь думает о других!

Потрясающе, сколько подарков она накупила для них с мамой. И не какое-нибудь барахло: мамины любимые духи… компакт-диск Робби Уильямса, которого она обожает… тот самый кашемировый свитер, что она приглядела на витрине… Радио фирмы «Боуз», о чем Майкл втайне мечтал. И как только Эшли удалось узнать, что именно купить в подарок? Это не случайность, у нее такой дар – один из бесконечного списка достоинств, которые и делают ее таким чудом.

А его – счастливейшим человеком в мире.

Луч фонарика заметно потускнел. Майкл выключил его, чтобы сберечь батарейку, и снова оказался в темноте. Он лежал и слушал собственное учащенное дыхание. Что, если…

Что, если они так и не вернутся?

Почти половина двенадцатого. Майкл напряженно вслушивался в темноту. Вот сейчас… сейчас раздастся смех, сейчас он услышит голоса вернувшихся за ним друзей.

Господи, дай мне только выбраться отсюда! Они пожалеют об этой идиотской выходке, да еще как! Майкл снова посмотрел на часы. Без двадцати пяти двенадцать. Наверняка вот-вот явятся – в любую минуту.

Они *не могут* не прийти!

11

Сэнди стояла над ним, улыбаясь, загораживая свет, нарочно дразня его. Ее светлые распущенные волосы щекотали ему щеки.

– Перестань! Мне надо дочитать… этот рапорт… я…

– Грейс, ты такой зануда, вечно что-нибудь читаешь! – Она чмокнула его в лоб. – Читаешь, читаешь, читаешь, работаешь, работаешь, работаешь!.. – Она еще раз поцеловала его. – Ты что, меня разлюбил?

На ней было коротенькое летнее платьице, и грудь почти вываливалась наружу. Рой мельком заметил длинные загорелые ноги, подол платья, задранный до бедер, и вдруг страстно захотел ее.

Он протянул руки, чтобы погладить ее по лицу, прижать к груди, заглянуть в доверчивые голубые глаза… Просто невероятно, как страстно он ее любит!

– Я тебя обожаю, – прошептал он.

– Правда, Грейс? – поддразнила она. – Ты и впрямь больше любишь меня, чем свою работу? – Она отстранилась и шутливо надула губы.

– Я люблю тебя больше, чем…

И вдруг – темнота. Как будто кто-то выключил свет.

Грейс услышал эхо собственного голоса в холодной пустой комнате.

– Сэнди! – позвал он, но к горлу подступил ком.

Сияние солнца превратилось в слабое оранжевое мерцание – сквозь тонкую занавеску в комнату проникал свет уличного фонаря.

На дисплее электронных часов горели цифры: 3.02 утра.

Все тело – в испарине, глаза широко раскрыты, сердце бешено колотится, подпрыгивает, как буек на волнах. Грейс услышал грохот мусорного бака – видимо, туда залезла уличная кошка или лиса. Секунду послышался шум мотора – наверное, сосед через три дома. Он таксист и поздно возвращается с работы.

Какое-то время Грейс лежал неподвижно. Закрыл глаза, перевел дух, вновь попытался заснуть, изо всех сил цепляясь за воспоминания. Как и все то и дело повторяющиеся сны о Сэнди, сегодняшний казался совсем настоящим! Как будто они все еще вместе, только в другом измерении. Если бы только он мог обнаружить портал, перейти черту и соединиться с ней, им было бы хорошо – они были бы счастливы.

Счастливы до безумия!

Рою стало невыносимо грустно, но затем, стоило вспомнить вчерашнее паскудство, его прошиб холодный пот. Эта чертова газета! Поганый заголовок во вчерашнем «Аргусе». Рой вернулся к действительности! Боже, о боже! Какая еще гадость появится в утренних выпусках? С осуждением он еще как-нибудь справится. Насмешки куда хуже. Больше половины сослуживцев и так подтрунивают над ним за склонность к мистике. Предыдущий начальник полиции графства, который и сам испытывал неподдельный интерес ко всему сверхъестественному, советовал Грейсу не афишировать свои наклонности, иначе не видать ему продвижения по службе, как собственных ушей.

– Рой, все знают, что у тебя особый случай – ты потерял Сэнди. Никто не собирается бросать в тебя камни за то, что ты используешь любые средства, лишь бы ее разыскать. На твоем месте мы все поступили бы так же. Но тебе придется держать свои интересы при себе. Нельзя примешивать сюда работу.

Временами Грейс как будто свыкался с мыслью о потере – тогда Рою казалось, что к нему вернулись силы. Но после таких снов он понимал, что вряд ли когда-нибудь оправится окончательно. Ему так страстно хочется обнять Сэнди за плечи, прижаться к ней, все ей

рассказать… Она всегда была оптимисткой, для которой стакан наполовину полон, а не наполовину пуст; с уверенностью смотрела в завтрашний день и не сомневалась, что все наладится. Сэнди помогла Грейсу пережить дисциплинарный суд в самом начале его работы в полиции, когда он вполне мог вылететь со службы. На Роя подали жалобу – при задержании грабителя он превысил служебные полномочия. Тогда его оправдали во многом благодаря советам Сэнди. Вот и сейчас… она бы точно знала, как быть.

Иногда ему казалось, что эти сны – попытки Сэнди связаться с ним из другого мира, где бы тот ни находился…

Сестра Роя Джоди внушала ему, что жизнь продолжается, и советовала принять смерть Сэнди как данность, стереть ее голос на автоответчике, убрать одежду из шкафа и зубную щетку – из ванной. Короче говоря, – иногда Джоди бывала очень резкой, – надо перестать поклоняться Сэнди, словно какой-нибудь святыне, и начать все с нуля.

Но как тут начнешь все с нуля? Что, если Сэнди жива и ее держит в заложницах какой-нибудь маньяк? Рой продолжал искать ее, не закрывал компьютерный сайт, обновлял фотографии так, чтобы было видно, как она выглядела бы сейчас, внимательно разглядывал лица прохожих на улице, в толпе… Ну нет, Грейс будет продолжать поиски до тех пор, пока…

Пока – что?

Дискуссия закончена.

В тридцатый день рождения Роя Сэнди разбудила его: принесла поднос с маленьким тортиком, где горела единственная свеча, бокалом шампанского и самой обыкновенной поздравительной открыткой. Он тогда вскрыл ее подарки, а потом они занялись любовью. Грейс вышел из дому позже обычного, в четверть десятого, и приехал в брайтонское управление после половины десятого, опоздав на брифинг по делу об убийстве. Он обещал Сэнди вернуться домой пораньше, чтобы отпраздновать день рождения с друзьями – тогда это был его лучший друг Дик Поуп, тоже сотрудник уголовного отдела, и его жена Лесли, с которой Сэнди прекрасно ладила. Однако день выдался изнурительным, и Рой приехал домой почти на два часа позже, чем собирался. Сэнди нигде не оказалось.

Сначала он решил, что таким образом она показывает, как рассердилась на его опоздание. В доме, как всегда, царил порядок, только ее машина и сумочка бесследно исчезли. Никаких следов борьбы Рой не заметил.

Через сутки ее машину обнаружили на стоянке в аэропорту Гатуик. В день исчезновения Сэнди с ее кредитной картой было проведено две операции: платеж на сумму семь пятьдесят в аптеке Бута и еще один, на шестнадцать сорок два, – за бензин на заправочной станции «Теско». Жена не взяла с собой ни одежды, ни других вещей.

Соседи на их тихой улочке, выходящей на море, ничего не видели. По одну сторону их дома жила на редкость дружелюбная греческая семья – владельцы пары кафе, – но они тогда были в отпуске. Соседка слева, пожилая вдова, была туговата на ухо. Она засыпала, включив телевизор на полную катушку. Вот и сейчас, без четверти четыре утра, Рой слышал, как у нее надрывается какой-то американский полицейский сериал (у них была общая стенка). Пистолетные выстрелы, визг шин, вой сирен… Вдова тоже ничего не видела.

Единственная, от кого он надеялся хоть что-то узнать, была Норин Гринстед, жившая напротив. Бдительная и пугливая соседка, которой давно перевалило за шестьдесят, всегда знала, кто чем занимается. Если Норин не ухаживала за мужем Лэнсом, которого стремительно подтачивала болезнь Альцгеймера, то вечно торчала на улице в желтых резиновых перчатках – драила свой серебристый «ниссан», поливала и скребла дорожку, мыла окна или еще что-нибудь – независимо от того, нужно было это мыть или нет. Она даже выносила коврики и выбивала их перед домом.

От острых глаз Норин почти ничего не ускользало, однако Сэнди она каким-то образом упустила.

Грейс включил свет и встал с постели, скользнув взглядом по фотографии на ночном столике. Они снялись вместе с Сэнди в одном из отелей Оксфорда, куда ездили на конференцию, посвященную проблемам ДНК и отпечатков пальцев. Это было за несколько месяцев до ее исчезновения. Грейс – в костюме и при галстуке – сидит, развалился в шезлонге, Сэнди в вечернем платье прижимается к нему: светлые кудряшки и всегдашняя улыбка на лице, на сей раз обращенная к официанту, которого они попросили сделать снимок.

Грейс вынул фото из рамки, поцеловал его, вставил на место и отправился помочиться: с недавних пор мочевой пузырь будил его посреди ночи – заботясь о здоровье, он теперь выпивал рекомендуемые восемь стаканов жидкости в день. Потом он побрел вниз в одной футболке, в которой и спал.

У Сэнди был такой замечательный вкус! Сам по себе их дом – вернее, полдома, так как они имели общую стену с соседями, – был скромным жилищем, построенным в псевдотюдоровском стиле в тридцатых годах прошлого века. И только благодаря Сэнди здесь стало уютно. Она обожала просматривать воскресные приложения к газетам, женские и дизайнерские журналы. Делала вырезки, обсуждала с ним приглянувшиеся картинки. Они много часов трудились над интерьером: сами клеили обои, циклевали полы, покрывали их лаком, красили…

Сэнди увлекалась фэн-шуй и устроила маленький садик с фонтаном, заполонила дом свечами, покупала, когда могла, только натуральные продукты… Она всем интересовалась, обо всем расспрашивала и все подвергала сомнению – и за это он ее любил. Как здорово было строить планы на будущее!

Вдобавок Сэнди была еще и прекрасной садовницей: разбиралась в цветах, кустарниках и деревьях, знала, когда что надо сажать… Грейс умел подстригать газоны, но на том его навыки и заканчивались. Сейчас их сад пришел в запустение, и от этого Рой испытывал угрызения совести. Иногда он задавался вопросом: что бы она сказала, вдруг вернувшись?

Машина Сэнди до сих пор стоит в гараже. После того, как автомобиль вернули, судебные эксперты изучили его буквально под микроскопом. А потом он пригнал машину домой и запер в гараже. Несколько лет он подзаряжает аккумулятор – на всякий случай… Точно так же он хранит в спальне тапочки и платья Сэнди, зубную щетку в стакане…

Он все еще ждет, когда она вернется.

Окончательно проснувшись, Грейс налил себе «Гленфиддиша» и плюхнулся на кресло в гостиной. Щелкнув пультом, включил телевизор. Посмотрел три фильма, потом пробежался по нескольким спутниковым каналам, но ничто не привлекало его внимания дольше нескольких минут. Послушал музыку: «Битлз», Майлза Дэвиса, Софи Эллис-Бакстер… и выключил плеер.

Взял одну из своих любимых книг – «Сокровенное» Колина Уилсона. Книги, посвященные паранормальным явлениям, плотными рядами заполняли стеллажи снизу доверху. Грейс вяло листал страницы, потягивая виски и не в силах сосредоточиться больше чем на паре абзацев.

Вот ведь дрянь этот адвокатишка! Сегодня он всласть поиздевался над Роем в суде, и тот никак не мог отделаться от мыслей о нем. Ах ты, сукин сын, Ричард Чаруэлл! Напыщенный говнюк. Хуже того, Грейс понимал, что защитник его обскакал. Обманул и ловко провел. Вот что по-настоящему обидно.

Он снова взял пульт и переключился на телетекст. Все те же тухлые позавчерашние новости. Никакого крупного политического скандала, никакой выходки террористов, ни землетрясения, ни авиакатастрофы… Грейс никому не желал зла, но уповал, что утром появится какая-нибудь потрясающая новость и попадет на первые полосы газет и на радио. Что-то поинтереснее суда над Сурешем Хоссейном.

Ему не повезло.

12

Две общеизвестные бульварные газеты и одна солидная поместили отчеты о процессе над Хоссейном на первых полосах, все остальные – на второй или третьей.

Основной интерес вызвало не столько судебное разбирательство, сколь свидетельские показания суперинтендента уголовной полиции Роя Грейса. В половине девятого утра его вызвали на ковер к начальству. Рой стоял перед своей шефиней Элисон Воспер, и ему казалось, что время пошло вспять и он снова переминается с ноги на ногу в кабинете директора школы.

Кто-то из сослуживцев Роя прозвал начальницу «Номер 27», и это прозвище прилипло к ней намертво. В меню местного китайского ресторанчика, торгующего на вынос, под номером двадцать семь значилась свинина под кисло-сладким соусом. Теперь, когда кто-то заказывал блюдо номер 27, говорили: «Элисон Воспер». Именно такой она и была – кисло-сладкой.

Сегодня замначальника уголовной полиции Элисон Воспер, женщина чуть за сорок с жидкими, коротко стриженными светлыми волосами и костлявым, но не лишенным привлекательности лицом, пребывала в определенно кислом настроении. Роя раздражал даже резкий цветочный аромат ее духов.

На ней был строгий черный костюм с накрахмаленной белой блузкой. Сидела Элисон за огромным письменным столом из полированного палисандра. Ее кабинет, где царил безукоризненный порядок, располагался на первом этаже управления полиции в Льюисе, занимавшего особняк эпохи королевы Анны. Окна выходили на подстриженный газон. На столе – пусто, если не считать высокой хрустальной вазы с тремя пурпурными тюльпанами да аммонитовой подставки для ручек. На краю стола – семейная фотография в рамочке: муж и двое детей. Супруг Элисон тоже служил в полиции и, хотя был на несколько лет старше жены, не дотягивал до нее на три чина. Взгляд Роя упал на стопку утренних газет, раскинутых веером, словно раскрытые карты в покере.

Иногда Грейс дивился тому, как начальству удается содержать свои кабинеты – и рабочие столы – в порядке. Его собственное рабочее место всегда напоминало свалку. Залежи полуразвалившихся папок, письма, так и оставшиеся без ответа, потерянные ручки, квитанции, исходящие бумаги, которые никак не сходились с входящими… Рой решил: чтобы подняться на самый верх, необходимо обладать навыками канцелярской работы. У него, видимо, такие способности отсутствуют. На генетическом уровне.

Ходили слухи, будто года три назад Элисон Воспер удаляли рак груди. Грейс понимал, что это, скорее всего, только байки, так как заместитель начальника полиции воздвигла вокруг своей личной жизни настоящую стену. Тем не менее, в ней чувствовалась какая-то ущербность. Откровенно говоря, иногда Роя влекло к шефине: особенно когда в ее проницательных карих глазах вспыхивали веселые огоньки. Тогда ему казалось, что Элисон чуть ли не заигрывает с ним. Однако сегодня утром ей было явно не до флирта.

Она не протянула руки и даже не поздоровалась, а лишь сухо кивнула на один из двух стульев с высокой спинкой перед столом, после чего сразу взяла быка за рога. В ее взгляде читались и упрек, и откровенная ярость.

– Рой, что, черт побери, это значит?

– Извини.

– *Извини?*

Он кивнул:

– Я… дело в том, что мои слова вырваны из контекста…

– Ты хоть понимаешь, что из-за твоей оплошности может рассыпаться все дело? – перебила она, не дав закончить фразу.

– По-моему, мы можем это уладить.

– Сегодня утром репортеры достали меня звонками. Ты превратился в посмешище. Из-за тебя мы все выглядим скопищем идиотов. Зачем ты сотворил такую глупость?

Несколько секунд Грейс молчал, собираясь с мыслями.

– Эта женщина-медиум – просто чудо. Она уже помогала нам в прошлом. Мне и в голову не приходило, что кто-то про нее узнает.

Воспер откинулась на спинку кресла и, глядя Грейсу в глаза, медленно покачала головой:

– У меня на тебя были большие планы. Тебя и повысили благодаря мне. Я поддерживала тебя, Рой. Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь, правда?

Дело обстояло не совсем так, но сейчас не самый подходящий момент для споров.

– Знаю, – кивнул Рой, – и очень тебе признателен.

Номер 27 ткнула пальцем в газеты:

– И вот как ты меня отблагодарил! Вот чем ты мне отплатил!

– Перестань, Элисон. Я ведь задержал Хоссейна.

– А теперь подбросил его защите крупный козырь, с которым они вполне могут развалить обвинение!

– Ничего подобного! – не выдержал Рой. – Туфлю уже осматривали эксперты. Я расписывался, когда брал ее, и еще раз – когда возвращал. Им не удастся пришить мне самовольное изъятие улики! Пусть я иногда прибегаю к нетрадиционным методам, но ведь они не повлияли на ход расследования!

Элисон Воспер принялась разглядывать свои длинные наманикюренные ногти. Рой заметил, что кончики пальцев у нее почернели от типографской краски. Ему показалось, что исходящий от нее запах стал еще резче, словно она была каким-то ядовитым животным.

– Ты старший офицер, ты вел дело. И если позволишь дискредитировать себя, последствия могут быть очень серьезны. Зачем, черт побери, ты сотворил такую глупость?

– У нас в самом разгаре процесс по делу об убийстве. Мы точно *знаем,* что Хоссейн заказал Рэймонда Коэна, но трупа нет, верно?

Элисон кивнула. Грейс представил впечатляющие и убедительные улики.

– Отсутствие трупа – всегда слабое звено. – Он пожал плечами. – В прошлом мы неоднократно пользовались услугами экстрасенсов – как и вся полиция нашей страны. Вспомнить хотя бы Лесли Уиттл…

Дело об исчезновении Лесли Уиттл в свое время прогремело на всю страну. В 1975 году семнадцатилетнюю богатую наследницу похитили, и она исчезла, словно растворилась в воздухе. Поскольку полиции так и не удавалось обнаружить тело, детективы, наконец, прислушались к словам одной известной ясновидящей, практиковавшей лозоходство. Именно лоза указала на канализационный люк, где была спрятана несчастная задушенная девушка.

– Рой, дело Лесли Уиттл едва ли можно считать победой полиции.

– Были и другие случаи, – возразил он.

Элисон Воспер молча уставилась на суперинтендента. Вдруг на щеках у нее заиграли ямочки – могло показаться, будто она сменила гнев на милость, однако голос ее по-прежнему звучал холодно и сурово.

– Случаи, в которых мы добились успеха при помощи ясновидящих, можно по пальцам пересчитать!

– Неправда, и ты все прекрасно понимаешь!

– Рой, я понимаю одно… Ты – человек умный. Я знаю, что ты много времени посвящаешь изучению паранормальных явлений и веришь в это. Я видела книги у тебя в кабинете и уважаю тех офицеров полиции, кто умеет нестандартно мыслить. Но у нас есть долг перед обществом. То, что творится за закрытыми дверями, – одно. И совсем другое – образ, представляемый нами на публике.

– Но, Элисон, публика тоже верит! В двадцать пятом году провели опрос среди ученых. Их спрашивали, верят ли они в Бога. Сорок три процента ответили «да». Точно такой же опрос повторили в девяносто восьмом, и знаешь, какой получился результат? Положительный ответ дали все те же сорок три процента. Единственное отличие – в том, что среди верующих оказалось меньше биологов, зато больше математиков и физиков. Проводился и другой опрос – только в прошлом году. Людей спрашивали, происходило ли с ними что-либо сверхъестественное. Девяносто процентов ответили: «да»! – Рой придвинулся ближе к столу. – Девяносто процентов!

– Рой, обывателю хочется верить, что полиция тратит деньги налогоплательщиков на расследование преступлений и поимку преступников традиционными методами. Людям приятно думать, будто мы ползаем с лупой в поисках отпечатков пальцев и образцов ДНК, что у нас много лабораторий с кучей экспертов и что мы денно и нощно прочесываем поля и леса, осушаем болота, стучимся в двери и допрашиваем свидетелей. Им совсем ни к чему знать, что мы советуемся с мадам Аркатой, что принимает клиентов в конце Брайтонского пирса, смотрим в хрустальный шар и вращаем блюдечко! Налогоплательщики полагают, что, обращаясь к потустороннему миру, мы попусту тратим драгоценное время. Полицейский, блуждающий по древним развалинам, словно Гамлет, беседуя с духом отца, доверия не заслуживает. Ты понимаешь, к чему я веду?

– Да, понимаю. Позволь с тобой не согласиться. Наше дело – расследовать преступления. И мы должны пользоваться любыми подручными средствами.

Элисон упрямо замотала головой:

– Нам все равно не раскрыть всех преступлений, и с этим придется смириться. Однако обществу необходимо внушать уверенность. Надо, чтобы людям спокойно спалось у себя дома и чтобы они ходили по улицам без опаски.

– Полная чушь! – возмутился Грейс. – Ты прекрасно понимаешь, что манипулировать статистикой легче легкого. – Еще не договорив, он пожалел о своей несдержанности.

Начальница наградила его холодной, неприязненной улыбкой:

– Пусть правительство выделит нам еще сто миллионов фунтов в год, и мы искореним преступность в Суссексе. А пока нам остается только одно – как можно разумнее распределять ресурсы.

– Медиумы стоят дешево, – пожал плечами Грейс.

– Зато они подтачивают доверие к нам. – Элисон Воспер перевела взгляд на газеты. – Когда экстрасенсы ставят под угрозу результат судебного разбирательства, они обходятся слишком дорого. Я достаточно ясно выразилась?

– Если и неясно, то, по крайней мере, громко, – не смог удержаться от дерзости Рой. Сейчас Элисон его раздражала. Должно быть, он – закоренелый шовинист, раз ему так невыносима выволочка, устроенная женщиной.

– Позволь, я выражусь яснее. Сегодня тебе крупно повезло, что ты не вылетел с работы. Шеф не в восторге от твоей выходки. Он так разозлился, что угрожал навеки отстранить тебя от оперативной работы и до конца службы приковать к письменному столу. Ты этого добиваешься?

– Нет.

– Тогда кончай валять дурака и вспомни о том, что ты – полицейский.

13

Впервые с тех пор, как Рой Грейс пришел в полицию, он задался вопросом, так ли уж необходимо было становиться блюстителем закона? С раннего детства он ни о чем другом не мечтал, да и став старше, не помышлял об иной профессии.

Его отец Джек дослужился до инспектора уголовной полиции. Кое-кто из офицеров постарше еще помнил старика и тепло отзывался о нем. В детстве Грейс обожал отца. Он любил слушать его рассказы, кататься в патрульной машине, таскаться за ним на работу. Малышу Рою профессия отца казалась яркой и полной приключений – куда интереснее, чем у отцов других мальчишек.

Тогда Грейс смотрел все полицейские телесериалы, читал всевозможные детективы и боевики – от Шерлока Холмса до Эда Макбейна. Память у него была почти фотографическая, он любил разгадывать головоломки и при этом рос на редкость крепким мальчиком. После рассказов отца Рой проникся уверенностью, будто все полицейские – одна семья, где сильно развиты дух товарищества и чувство локтя.

Но в такие дни, как сегодня, он понимал, что работа полицейского заключается не только в том, чтобы вкалывать на пределе возможностей, но и уметь приспосабливаться к посредственностям, от которых никуда не деться. В современном политкорректном мире офицеру правоохранительных органов часто приходится чувствовать себя политической пешкой.

Последнее повышение по службе, сделавшее Роя вторым из самых молодых суперинтендентов уголовной полиции за всю историю Суссекса, еще три месяца назад приводило его в восторг. Теперь же оказалось, что высокий пост – это чаша с ядом.

Взлет по службе сопровождался переходом из шумного отдела в самом центре Брайтона, где работали почти все его друзья, в относительно тихое помещение бывшего завода в промзоне на окраине, совсем недавно отремонтированного и отданного под штаб-квартиру уголовной полиции Суссекса.

Прослужив тридцать лет, можно уйти на пенсию. Не важно, как ты работал, – если выдержишь эти три десятка, остаток жизни голодать не придется. Но Рой не так представлял себе свою карьеру. По крайней мере, обычно он относился к этому по-другому.

Но сегодняшний день изрядно подрубил ему крылья и показал, как все обстоит на самом деле. Условия изменились, думал он, сгорбившись за столом, не обращая внимания на попискивание, свидетельствующее о том, что на его электронный почтовый ящик пришло очередное сообщение. Он жевал сандвич из черного хлеба с яйцом и кресс-салатом и просматривал стенограммы судебного процесса над Сурешем Хоссейном. Жизнь не стоит на месте. Иногда перемены оборачиваются к лучшему, иногда – не очень. Еще год с небольшим, и ему стукнет сорок. В волосах уже пробивается седина.

А его новый кабинет слишком тесен.

Три дюжины фирменных зажигалок – его коллекция – кое-как разбросаны на полочке в простенке между столом и окном, откуда вид открывался вовсе не на лужайку, как у Элисон Воспер, а на стоянку и камеры КПЗ. На стене за спиной больше всего места занимали большие круглые деревянные часы, которые снимались в знаменитом телесериале «Полицейская работа» об участке в лондонском Ист-Энде. Их Рою подарила Сэнди на двадцать шесть лет.

Под часами красовалось чучело форели весом в семь фунтов и шесть унций, пойманной им несколько лет назад в Ирландии. Грейс нарочно повесил его под часами, чтобы было чем подкалывать подчиненных – мол, без труда не выловишь рыбу из пруда.

По обе стороны от чучела висело несколько документов в рамках и групповой снимок с подписью: «Брамсхиллский полицейский колледж. Отделение тяжких и серийных

преступлений. 1997 год», две карикатуры на него, нарисованные одним из сотрудников оперативного отдела, прирожденным художником. Противоположную стену занимали стеллажи с книгами (в основном – эзотерикой) и папками с делами.

Его письменный стол в форме буквы «L» занимали: компьютеры (обычный и карманный), переполненные лотки с входящими и исходящими документами, стопки писем (как срочных, так и не очень) и, наконец, свежий номер журнала дактилоскопистов с каламбурным названием «Распальцованный мир». Над всем этим хаосом доминировал заключенный в рамку афоризм:

«Мы не поднимаемся до уровня наших возможностей, а лишь опускаемся до уровня наших оправданий».

Оставшееся пространство занимали телевизор, видеоплеер, круглый стол, четыре стула и кучи папок и просто бумаг, а еще кожаная дорожная сумка, в которой находилось все необходимое для осмотра места преступления. На столе лежал открытый кейс, рядом валялись мобильный телефон, диктофон и куча расшифрованных стенограмм, которые он вчера брал с собой домой.

Рой выбросил недоеденный сандвич в мусорную корзину – аппетит как отшибло. Он маленькими глотками прихлебывал из кружки кофе, просматривая последние электронные письма, потом зашел на сайт полиции Суссекса и вызвал на монитор список файлов с делами, доставшимися ему после повышения от предшественника.

В каждом – подробности нераскрытого убийства. Куда компактнее, чем коробок двадцать с пухлыми папками, а то и больше, которые в противном случае громоздились бы на полу, вываливались из шкафов или покрывались плесенью в сыром гараже того участка, на территории которого было совершено убийство. В папках были снимки с места преступления, отчеты экспертов, собранные улики, показания свидетелей, стенограммы с заседаний суда, отделенные от остальных материалов и перевязанные цветной лентой. В новые обязанности входило заново изучать нераскрытые убийства, совершенные на территории графства, связываться с полицейским участком, занимавшимся тем или иным расследованием. Возможно, за прошедшие годы произошли какие-либо изменения, в результате которых дело можно было бы открыть заново.

Содержимое многих папок Рой Грейс знал наизусть благодаря почти фотографической памяти, помогавшей ему сдавать экзамены и в школе, и в полицейском колледже. Для него там были не просто отнятые человеческие жизни – и убийцы, до сих пор гуляющие на свободе! Каждое нераскрытое дело задевало Грейса за живое: ведь семья убитого не могла похоронить прошлое, ибо тайна так и осталась нераскрытой и правосудие не восторжествовало. Так как некоторым делам было уже более тридцати лет, Рой понимал, что остается последней надеждой родственников погибших.

Ричард Вентнор, ветеринар-гомосексуалист, забит до смерти в собственном кабинете двенадцать лет назад. А вот Сьюзен Дауни – красивая молодая девушка, изнасилована и задушена, ее тело пятнадцать лет назад нашли на церковном погосте. Памела Чизхолм, богатая вдова, найдена мертвой в искореженной машине – но травмы не характерны для автокатастрофы. Скелетик Пратапа Гокала, девятилетнего мальчика-индийца, обнаруженный под полом в квартире давно исчезнувшего подозреваемого-педофила. Всего несколько дел из длинного списка…

Останки жертв были преданы земле, условия изменились также и для них. В методике расследований произошел значительный прогресс, и теперь с помощью анализа ДНК можно выявить новые улики и новых подозреваемых. Интернет значительно упростил и расширил общение. Меняются законы. Появляются новые свидетели. Люди разводятся, ссорятся с друзьями. Супруги, двадцать лет назад не желавшие давать показания против своей

половины, начинают ненавидеть друг друга. Дел об убийстве не закрывают никогда. Просто их называют «висяками».

Зазвонил телефон. Помощница руководителя, помогавшая как ему, так и его непосредственной начальнице Элисон Воспер, сообщила, что звонят из оперативного отдела. Соединить его с детективом? Политкорректность раздражала Роя Грейса все больше и больше, особенно – в полиции. Не так давно их называли попросту секретаршами, а теперь – фу-ты ну-ты, помощница руководителя!

Он попросил соединить, и через секунду в трубке послышался знакомый голос Гленна Брэнсона, умницы, фанатично преданного делу детектива-сержанта, с которым ему неоднократно доводилось работать в прошлом. Помимо всего прочего, Гленн был живой энциклопедией во всем, что касалось кино. Грейсу Гленн Брэнсон нравился – возможно, сержант был его самым близким другом.

– Рой! Как делишки? Читал, читал про тебя…

– Ну и заткнись. Чего надо?

– Как ты? Нормально?

– Нет. Ненормально.

– Ты сейчас занят?

– Смотря что ты имеешь в виду.

– Ты хоть раз пробовал не отвечать вопросом на вопрос?

Грейс улыбнулся:

– А ты?

– Слушай, меня тут достала одна дамочка. У нее пропал жених. Вроде был мальчишник, но там что-то произошло. В общем, его нет со вторника.

Грейс, наморщив лоб, припомнил, какой сегодня день. Ага, четверг.

– Ну да?

– Я думал, ты сегодня в суде. Позвонил тебе на мобильный, но он отключен.

– Я обедаю. В суде перерыв – судья Дрисколл рассматривает документы, представленные защитой.

Один из главных недостатков судебного процесса в том, что он отнимает много времени. Грейс, возглавлявший расследование, в ходе всего разбирательства должен постоянно находиться либо в здании суда, либо на связи. А этот процесс грозит затянуться месяца на три, и большую часть времени займут хождения вокруг да около.

– По-моему, это не совсем обычный запрос насчет пропавшего без вести, – продолжал Гленн Брэнсон. – Мне бы хотелось задействовать и твои мозги. Ты свободен сегодня вечером?

Любому другому Грейс ответил бы «нет», но он знал, что Гленн Брэнсон не бездельник. Кроме того, черт побери, именно сейчас он рад под любым предлогом удрать из кабинета, даже несмотря на поганую погоду.

– Конечно, я выкрою немного времени.

– Отлично! – Помолчав, Гленн Брэнсон предложил: – Слушай, давай встретимся на квартире у того парня. По-моему, тебе стоит взглянуть на нее. Я раздобуду ключ и буду ждать тебя там. – Брэнсон продиктовал адрес.

Грейс посмотрел на часы, сверился с органайзером.

– Давай встретимся в полпятого, идет? Заодно пропустим по стаканчику.

– Неужели тебе нужно три часа, чтобы… Хотя извини, в твои годы уже не поскачешь. Пока!

Грейс вздрогнул. Он не любил, когда ему напоминали о маячащем впереди сорокалетии. Рой не представлял себе эту черту. В таком возрасте принято подводить итоги. Где-то он прочитал, что после сорока человек обретает ту форму, коей и придерживается до конца. Тридцать восемь – это еще куда ни шло, но в тридцать девять уже невольно задумываешься о грядущем юбилее. А ведь еще недавно он считал сорокалетних старичками. Вот черт!

Грейс снова просмотрел на список висяков. Иногда жертвы нераскрытых преступлений были ему ближе живых людей. Зависящие исключительно от него двадцать душ молили призвать их убийц к ответу. Они постоянно толпились в сознании Роя, когда он бодрствовал, – а иногда являлись и во сне.

14

Грейс имел право пользоваться служебной машиной, но предпочитал водить собственную «Альфа-Ромео-147». Он любил свою машину: ему нравились жесткие сиденья, плавный ход, почти спартанская функциональность салона, оглушительный выхлоп, ощущение четкости, яркие, крупные приборы на приборной доске. «Альфа» подходила ему по характеру.

Большие, толстые «дворники» елозили по ветровому стеклу, сметая струи воды, шины шуршали по мокрому асфальту, из стереомагнитолы доносилось бормотание Элвиса Костелло. Руководствуясь показаниями бортового компьютера, Грейс срезал путь по гребню холма, а потом спустился вниз, в долину. За пеленой дождя начинались пригороды приморского курорта Брайтон и Хоув. Вдали высился единственный сохранившийся старый ориентир – труба Шорэмской электростанции, а еще дальше, почти сливаясь с небом, поблескивала серая полоска Ла-Манша.

Здесь, на брайтонских улицах, он и вырос. Отец, бывало, без запинки называл ему имена местных подонков – торговцев наркотиками, содержателей так называемых «массажных салонов», разодетых в пух и прах антикваров – скупщиков старинной мебели и картин, барыг, которые сбывали краденые телевизоры и CD-плееры…

Когда-то на этом месте стояла деревня контрабандистов. Потом Георг IV выстроил здесь дворец – всего в несльких сотнях ярдов от дома своей любовницы. Каким-то образом Брайтону удавалось, с одной стороны, поддерживать свою криминальную репутацию, а с другой – сохранять имидж уютного городка, куда приятно бежать на выходные с любовницей или любовником. По мнению Грейса, эти особенности помогали Брайтону и Хоуву не превратиться в заурядный английский провинциальный курорт. Он включил сигнал поворота и вырубил бортовой компьютер.

«Грассмир-Корт» был многоквартирным домом из красного кирпича, построенным лет тридцать назад в богатом и модном районе Хоува. Фасад выходил на шоссе, сзади располагался теннисный клуб. Средний возраст жильцов колебался между двадцатью пятью и тридцатью пятью годами. В основном здесь жили холостяки, успешно делавшие карьеру, но попадались и молодые обеспеченные пенсионеры. Агентства недвижимости относили жилой комплекс «Грассмир-Корт» к бизнес-классу.

Высокий и лысый, как метеорит, чернокожий Гленн Брэнсон в толстой длинной куртке с капюшоном ждал на крыльце. Когда Грейс подъехал, тот разговаривал по мобильнику. Сейчас он больше походил на наркодельца, чем на легавого. Грейс улыбнулся – внешность коллеги, накачавшего за годы упражнений в тренажерном зале внушительную мускулатуру, напомнила ему слова телеведущего Клайва Джеймса, сказанные об Арни Шварценеггере: презерватив, набитый грецкими орехами.

– Здорово, старичок! – приветствовал его Брэнсон.

– Заткнись, я всего на семь лет старше тебя, – ухмыльнулся Грейс. – Придет время, тебе тоже стукнет тридцать девять, и ты поймешь, что это не смешно.

Они ударили друг друга по ладоням, потом Брэнсон нахмурился:

– Дерьмово выглядишь. Я серьезно!

– Гласность идет не всем.

– Да, но в утренних газетах твою фамилию напечатали большими крупными буквами, что я поневоле ее заметил…

– Как и все остальные жители Земли.

– Знаешь, дружище, все-таки туповат ты для старичка.

– Чего-чего? Туповат?

– Грейс, ты не умнеешь. Продолжай высовываться над бруствером, и однажды тебе снесут башку. Иногда мне кажется, что ты – самый редкостный придурок из всех моих знакомых.

Сержант отпер парадную дверь и распахнул ее.

– Спасибо, ты и впрямь умеешь утешить, – процедил Грейс, входя в подъезд следом за другом. И тут же скривился. Даже с завязанными глазами нетрудно определить, когда входишь в подъезд стареющего здания. Тот же противный душок вытертых ковров, старой краски, вареной капусты… – Как супруга? – спросил он, пока они дожидались лифта.

– Нормально.

– А ребята?

– Сэмми – классный парень. А Рэми становится настоящей чумой. – Брэнсон нажал кнопку вызова.

– Гленн, все было не так, – помолчав, бросил Грейс. – Газетчики все переврали.

– Знаю, старик, потому что я знаю тебя. А газетчики тебя не знают, но, даже если бы и знали, им было бы на тебя наплевать с высокой колокольни. Им нужны жареные факты, а ты оказался таким олухом, что скормил им лакомый кусочек.

Они вышли из кабины на седьмом этаже. Квартира находилась в конце коридора. Брэнсон отпер дверь.

Квартирка была небольшой: совмещенная гостиная-столовая, узкая кухня с рабочим столом, накрытым тонкой гранитной доской, и круглой раковиной из нержавейки, и две спальни, одну из которых хозяин превратил в кабинет. Там стояли компьютер iMac и письменный стол. Остальную часть кабинета занимали книжные полки, в основном забитые дешевыми изданиями в бумажных обложках.

По сравнению с унылым фасадом и обшарпанной лестницей, изнутри жилище Майкла Харрисона выглядело чисто и современно. Стены выкрашены белой краской с сероватым оттенком, обстановка модерновая. Видимо, хозяин увлекается японским дизайном. Низкие диваны, скромные гравюры на стенах, телевизор с плоским экраном, под которым стоит DVD-плеер, и замысловатый музыкальный центр с высокими и узкими колонками. В спальне хозяина – незастеленный диван-футон, гардероб с красивыми раздвижными дверцами, еще один плоский телевизор и низкие прикроватные тумбочки с современными бра в стиле хай-тек. На полу валялись кроссовки фирмы «Найк».

Грейс и Брэнсон переглянулись.

– Нехилая берлога, – заметил Грейс.

– Ага, – кивнул Брэнсон. – «Жизнь прекрасна».

Грейс удивленно посмотрел на друга.

– Фильм такой, – пояснил тот. – Я пропустил его в кино. Посмотрел по кабельному. Это – что-то с чем-то! Ты его видел?

Грейс покачал головой.

– Действие происходит в концлагере. Папа говорит сыну, что это такая игра. Если они победят, то им подарят настоящий танк. Цепляет покруче «Списка Шиндлера» и «Пианиста».

– Понятия не имею.

– Иногда я думаю, с какой планеты ты прилетел.

Грейс посмотрел на снимок в рамке у кровати. Симпатичный светловолосый молодой человек лет двадцати восьми, в черной футболке и джинсах, обнимал за плечи очень красивую женщину приблизительно его же лет с длинными темными волосами.

– Это он?

– И она. Майкл Харрисон и Эшли Харпер. Красивая парочка, верно?

Грейс кивнул, продолжая разглядывать снимок.

– Они должны были пожениться в субботу. По крайней мере, собирались.

– То есть?

– Если он объявится. Пока что дела обстоят не слишком хорошо.

– Говоришь, его не видели с вечера вторника? – Грейс выглянул в окно. Широкое, мокрое от дождя шоссе было запружено машинами. В пробке медленно лавировал автобус. – Что тебе о нем известно?

– Он местный. Добропорядочный гражданин. Застройщик. Дела идут неплохо. Фирма называется «Дабл-Эм пропертиз». У него есть компаньон по имени Марк Уоррен. Недавно они перестроили сущую развалюху – бывший склад в Шорэмской гавани. Сделали из него тридцатидвухквартирный жилой дом, и все квартиры ушли со свистом еще до окончания строительства. Они в бизнесе уже семь лет, понастроили тут кучу всего – иногда перестраивали, иногда возводили с нуля. А девочка – секретарша Майкла, умница и настоящая красотка.

– По-твоему, он пустился в бега?

Брэнсон покачал головой:

– Вот уж вряд ли.

Грейс взял со столика фотографию и всмотрелся в нее.

– Хм… я бы и сам на такой женился!

– Вот и я о том же.

Грейс нахмурился:

– Извини, я туго соображаю – у меня был трудный день.

– *Ты* бы на ней женился! Да будь я холостяком… Любой мужик в здравом уме рванул бы за ней на край света, верно?

– Девочка – просто класс.

– Что есть, то есть.

Грейс недоуменно посмотрел на друга.

– Господи, старичок, ты что, теряешь хватку? – притворяясь рассерженным, прорычал Брэнсон. – Совсем мышей не ловишь?

– Может быть, – согласился Грейс. – К чему ты клонишь?

Брэнсон покачал головой:

– Если бы ты должен был в субботу жениться на этой крошке, ты бы пустился в бега?

– Я что, псих?

– А если он не в бегах, то тогда где?

Грейс задумался.

– По телефону ты что-то говорил о мальчишнике – вроде какая-то шутка не удалась…

– Так мне сказала его невеста. Об этом-то я сразу и подумал. Бывает, у друзей жениха разыгрывается фантазия. После того, как он не объявился вчера, именно это мне и пришло в голову. Но исчезнуть на два дня?..

– Может, струхнул? Или у него другая?

– Все возможно. Пойдем, я покажу тебе еще кое-что.

Грейс следом за другом вышел в гостиную. Брэнсон уселся за монитор и застучал по клавиатуре. В компьютерах он был докой. Грейс тоже неплохо разбирался в технике и всякого рода приборах, но Брэнсон опережал его на много световых лет.

На экране появилась надпись: «Введите пароль». Брэнсон еще быстрее застучал по клавишам, и через несколько секунд монитор заполнился цифрами.

– Как ты это делаешь? – удивился Грейс. – Откуда у тебя пароль?

Брэнсон с усмешкой покосился на него:

– Никакого пароля не было. Большинство людей видят требование ввести пароль и пытаются его подобрать. Но зачем ему пароль, если он пользуется компьютером в одиночку?

– Я поражен. Ты настоящий компьютерный гений!

Пропустив похвалу мимо ушей, Брэнсон сказал:

– Я хочу, чтобы ты взглянул вот на что.

Грейс послушно уселся перед монитором.

15

Всего в паре миль от них Марк Уоррен тоже сидел за компьютером. Часы в правом нижнем углу монитора показывали 18.10. Рукава рубашки закатаны, у локтя – забытая чашка капучино с опавшей и сморщенной молочной пенкой. Обычно пустой стол в кабинете, который он делил с Майклом Харрисоном последние семь лет, был завален грудами документов.

Фирма «Дабл-Эм пропертиз» занимала четвертый этаж узкого шестиэтажного дома эпохи Регентства неподалеку от брайтонского железнодорожного вокзала. Этот дом был их первым проектом. Не считая рабочего кабинета, на этаже располагались зал для клиентов, небольшая приемная и кухонька. Обстановка современная, функциональная. По стенам развешаны снимки трех гоночных яхт, которыми они с Майклом владели сообща. По виду яхт можно было легко проследить за ростом благосостояния партнеров. Вначале они купили «Николсон-27», затем – судно посолиднее, «Контесса-33», и, наконец, приобрели роскошную «Ойстер-42», с которой в последнее время носились, как с писаной торбой.

Стены также украшали и фото их проектов. Пакгауз в Шорэмской гавани, перестроенный в тридцатидвухквартирный жилой дом. Старый приморский отель эпохи Регентства в Кемптауне, переделанный в десятиквартирный дом, и две конюшни на заднем дворе. И последний проект, самый претенциозный: живописный лесной участок площадью в пять акров, где партнеры получили разрешение построить двадцать домов.

После двух бессонных ночей глаза слезились. На секунду оторвавшись от монитора, Марк глянул в окно. Прямо напротив стояли казино и магазин, торгующий уцененными коврами. В солнечные дни отсюда было здорово любоваться, как гуляют по улице хорошенькие девушки. Но сейчас дождь лил не переставая, прохожие спешили по делам, спрятавшись под зонтами или закутавшись в куртки с поднятым воротником и сунув руки в карманы. Однако Марк был не в том настроении, чтобы думать о чем-либо, кроме стоявшей перед ним задачи.

Весь день напролет он каждые несколько минут звонил на мобильник Майклу, но всякий раз натыкался на автоответчик. Если только телефон не выключен или не села батарейка, это означает, что Майкл все еще *там.* Никто ничего не слышал. Судя по времени аварии, друзья закопали его позавчера, около девяти вечера. Прошло уже сорок пять часов.

Послышалась приглушенная трель городского телефона. Марк снял трубку, стараясь подавить нервную дрожь, за последние двое суток то и дело появлявшуюся в его голосе.

– «Дабл-Эм пропертиз».

– Здравствуйте, – приветствовал его какой-то незнакомый мужчина. – Я звоню насчет строительства в Эшдаун-Филдз. У вас есть проспект или прайс-лист?

– Боюсь, сэр, пока нет, – ответил Марк. – Появятся недели через две. Кое-какая информация есть на нашем интернет-сайте – или вы уже смотрели? Если хотите, представьтесь, и вам перезвонят.

Обычно он испытывал гордость, если кто-то так рано начинал интересоваться строительством, но в данный момент ему было совсем не до продаж.

Марк знал, как важно не терять голову. Он прочитал массу детективов и просмотрел кучу полицейских сериалов. Ловят тех, кто начинает паниковать. Надо сохранять спокойствие.

И продолжать стирать электронные письма.

Входящие. Отправленные. Корзина. Все остальные папки.

Невозможно совсем уничтожить текст электронных писем: они все равно остаются в памяти сервера – где-то там, в киберпространстве. Но уж туда-то никто не догадается заглянуть. Или все-таки догадается?

Он набирал слово за словом, выбрав программу поиска «Ключевые слова». *Майкл. Мальчишник. Джош. Пит. Роббо. Люк. Эшли. Планы! Операция «Возмездие»!* Он просматривал файлы и удалял все, что нужно. Предусматривая все возможности.

Джош в реанимации, в критическом состоянии – почти наверняка у него серьезно поврежден мозг. Если и выживет, то, скорее всего, останется «овощем». Марк сглотнул подступивший к горлу ком, во рту пересохло. Он знает Джоша с тринадцати лет, они вместе учились в школе «Варндин». Разумеется, и с Люком, и с Майклом тоже. Пит и Роббо присоединились к их компании позднее – они познакомились на какой-то пьянке в одном брайтонском пабе, когда им было лет по восемнадцать. Как и Марк, Джош был педантичен и честолюбив. А вдобавок еще и красавчик. Женщины всегда увивались вокруг него, как и вокруг Майкла. Некоторым все в жизни дается даром, а другие – такие, как он, – должны бороться за каждый дюйм. Хотя сейчас он, Марк, еще не стар – ему двадцать восемь, – он достаточно хорошо знает жизнь и понимает, что ничто не вечно. Если запастись терпением, если умеешь ждать, рано или поздно повезет и тебе. Лучшие хищники – самые терпеливые.

Большое впечатление на Марка произвел один документальный телефильм из жизни животных, снятый в Южной Америке, в пещере, где обитают летучие мыши.

Какие-то крохотные микроорганизмы питаются пометом этих зверьков на полу пещеры. Личинка съела микроорганизм, жук – личинку, паук – жука, паука – летучая мышь… Идеальная пищевая цепь. Летучая мышь умна; все, что ей нужно, – испражняться и ждать.

Пискнул мобильник. Мать Майкла звонила сегодня уже в третий раз, а вчера – неведомо сколько. Марк, как всегда, отвечал безупречно вежливо и дружелюбно. От Майкла все еще никаких вестей, сообщил он. Ужасно, но он и вправду понятия не имеет, что с ним случилось. Они собирались просто прогуляться по пабам. Он не представляет, где сейчас может быть Майкл.

– А ты не думаешь, что он может быть у другой женщины? – застенчиво спросила Джилл Харрисон своим хрипловатым голосом.

С ней он всегда неплохо ладил – насколько это было возможно. Ее муж отравился газом до того, как они с Майклом познакомились. Майкл говорил, что его мать после смерти отца ушла в себя – спряталась в раковину, да так там и осталась. Судя по фотографиям, висящим у нее дома, Джилл Харрисон в молодости была настоящей красавицей, этакой

сногсшибательной блондинкой. Но Марк увидел ее уже другой – надломленной, поседевшей раньше времени, с сухой и морщинистой от беспрерывного курения кожей.

– Я считаю, все возможно, миссис Харрисон, – ответил Марк и, помедлив, продолжил, тщательно подбирая слова: – Но он обожает Эшли.

– Она прекрасная девушка.

– Да, жаль, что она бросает работу. У нас не было секретарши лучше ее. – Некоторое время он поиграл с мышью, вслепую двигая по экрану курсор. – Но понимаете, иногда спьяну мужчина способен на любые безумные поступки…

И тут же пожалел о своих словах. Ведь Майкл как-то рассказывал ему, что его отец был пьян, когда покончил с собой!

В трубке надолго повисло молчание, а потом Джилл очень тихо сказала:

– По-моему, прошло достаточно много времени, и он уже должен был протрезветь. Майкл – добрый и верный человек. Что бы он ни натворил в пьяном виде, он ни за что не обидит Эшли. Наверное, с ним что-то случилось, иначе он бы обязательно позвонил. Я знаю своего сына. – Она снова помолчала. – Эшли в ужасном состоянии. Ты присмотришь за ней?

– Конечно!

Снова пауза.

– Как Джош?

– Без изменений. Зои все время в больнице. Вот закончу с делами и поеду туда, побуду с ней.

– Ты позвонишь мне сразу, как что-то узнаешь?

– Конечно.

Марк повесил трубку, перевел взгляд на стол, взял какой-то документ и вдруг обратил внимание на предмет, лежащий под ним. Его карманный компьютер!

Уоррена прошиб холодный пот. *Вот черт,* подумал он. *Черт, черт, черт!..*

16

Расставшись с суперинтендентом Грейсом, Гленн Брэнсон поехал обратно в город на служебном синем «воксхолле». В салоне воняло дезинфекцией – в прошлый раз, когда машиной пользовались, в ней везли раненого или кого-то вырвало. Он припарковался на своем обычном месте на стоянке за изящным, но внушительным зданием полиции Брайтона, толкнул дверь служебного входа и поднялся по каменной лестнице в кабинет, где сидел вместе с десятком коллег.

Было двадцать минут седьмого. Строго говоря, на этой неделе его смена заканчивалась в шесть, но после налета на наркопритон в понедельник у него была куча бумажной работы, и он добился разрешения задержаться. Да и лишние деньги совсем не помешали бы. Но сегодня он собирался просидеть всего час, до семи. У Эри очередные курсы по самоусовершенствованию. По понедельникам она слушала лекции по английской литературе, по четвергам занималась архитектурой. С тех самых пор, как родилась их дочь Рэми, Эри начала психовать из-за того, что ей якобы не хватает образования и она не сможет отвечать на вопросы детей, когда те подрастут.

Хотя почти все мониторы были выключены, порядка ни на одном столе не наблюдалось. Каждый рабочий отсек, как обычно, выглядел так, словно его обитатель покинул его в страшной спешке и вот-вот вернется.

На работе оставались всего двое сослуживцев – высокий и тощий детектив-констебль Ник Николл, трудяга и стремительный футбольный нападающий, и детектив-сержант Белла Мой, тридцати пяти лет, с выразительным личиком, осененным гривой спутанных волос.

Никто не встретил его радостными криками. Он прошел мимо Ника Николла, всецело поглощенного заполнением какой-то анкеты. Поджав губы, словно мальчишка на экзамене, он старательно вписывал шариковой ручкой в пустые клетки печатные буквы. Белла не сводила глаз с монитора компьютера, ее левая рука автоматически таскала драже из коробки на столе и закидывала их в рот. Несмотря на стройную фигуру, она ела больше, чем любое известное Гленну Брэнсону человеческое существо.

Усевшись за стол, он увидел, что на экране, как всегда, мерцает значок «Новое сообщение». Жена Эри, восьмилетний сынишка Сэмми и трехлетняя дочурка Рэми улыбались ему с фотографии в рамочке.

Брэнсон посмотрел на часы. Важно все время следить за временем. Эри взбесится, если он опоздает, и ей придется пропустить начало занятий. И потом, ему это нетрудно – он обожал возиться с детишками. Тут зазвонил телефон.

Звонили из приемной. Какая-то женщина ждет его уже больше часа и не уходит. Может, он переговорит с ней? Все остальные заняты.

– А я как будто не занят! – проворчал Гленн, не скрывая раздражения. – Чего она хочет?

– Это насчет аварии во вторник… пропавший жених.

Брэнсон сразу остыл.

– Хорошо. Иду.

Несмотря на бледность, Эшли Харпер во плоти оказалась такой же красоткой, как и на фото в квартире Майкла Харрисона. На ней были дизайнерские джинсы с широким ремнем, с плеча свисала дорогая сумочка. Проводив ее в комнату для допросов, Гленн налил по чашке кофе, закрыл дверь и уселся напротив. Как и все подобные помещения, это было маленьким и лишенным окон, с выкрашенными в тускло-оливковый цвет стенами, пол покрывал немаркий коричневый ковер. Середину комнаты занимали металлические стулья и стол, в воздухе явственно ощущался застоявшийся сигаретный дым.

Эшли поставила сумочку на пол. С бледного личика на сержанта горестно взирали красивые серые глаза в потеках туши. Пряди каштановых волос спадали на лоб и плечи. Ногти у нее были безукоризненные, как будто она явилась сюда прямо из маникюрного салона. Безупречная внешность невесты слегка удивила Брэнсона. Она выглядит просто сногсшибательно, – а ведь в такой ситуации люди обычно забывают о внешнем виде.

В то же время Брэнсон знал, как нелегко бывает раскусить женщину. Однажды, когда его брак переживал тяжелые времена, Эри дала ему почитать книгу под названием: «Мужчины – с Марса, женщины – с Венеры». Книга помогла ему более-менее разобраться в отличиях между мужской и женской психологией – однако не до конца.

– А вас нелегко застать, – заявила Эшли, откинув со лба длинную прядь каштановых волос. – Я оставила вам четыре сообщения.

– Да, извините. – Он вскинул руки. – Двое моих подчиненных взяли больничный, а еще двое – в отпуске. Представляю, что вы сейчас чувствуете.

– Неужели? Вы представляете, *что* я сейчас чувствую? В субботу я должна выйти замуж, а мой жених пропал с вечера вторника! Мы договорились со священником, я должна примерять свадебное платье, приглашено двести человек гостей, присланы свадебные подарки… Нет, вы точно не представляете, что это за кошмар! – По щекам девушки заструились слезы. Она шмыгнула носом и, порывшись в сумочке, достала бумажную салфетку.

– Послушайте, мне очень жаль. Я с самого утра, с тех пор, как мы с вами поговорили, занимаюсь исчезновением вашего… Майкла.

– И что? – Она промокнула глаза.

Брэнсон поболтал в руках стаканчиком с кофе. Еще слишком горячий, чтобы пить. Пусть остынет.

– Боюсь, мне пока нечего вам сообщить. – Это не совсем соответствовало действительности, но Брэнсону хотелось услышать то, что она намеревалась ему сказать.

– Чем конкретно вы занимались?

– Как я говорил вам утром по телефону, обычно, когда кто-то пропадает…

– Да поймите вы, у нас не *обычный* случай! – перебила его Эшли. – Майкл пропал во вторник вечером. Когда мы с ним не вместе, он звонит мне по пять-десять раз на дню. Прошло уже два дня. Понимаете – целых два дня!

Брэнсон внимательно наблюдал за выражением ее лица – не выдаст ли она себя чем-нибудь? Однако ничего такого не случилось. Перед ним сидела молодая женщина, которой очень хотелось узнать, куда пропал ее любимый. *А может,* мелькнула у сержанта циничная мысль, *она – отличная актриса.*

– Послушайте меня, пожалуйста. В общем-то, два дня – еще не повод паниковать. Но я согласен с вами – все это выглядит более чем странно.

– С ним что-то случилось, понимаете? Он пропал не так, как другие. Друзья что-то с ним сделали, куда-то его заперли или посадили – не знаю… я… – Девушка опустила голову, словно пытаясь скрыть слезы, порылась в сумочке, извлекла новую салфетку, промокнула глаза, покачивая головой…

Гленн был тронут. Она понятия ни о чем не имела – значит, никакого разговора пока толком не выйдет.

– Мы делаем все, чтобы найти Майкла, – мягко сказал он.

– Что, например? Что вы делаете?!

Ее горе тут же куда-то исчезло, как будто она носила его, словно вуаль. Потом последовал новый поток слез и горькие, со всхлипами, рыдания.

– Мы обыскали район, примыкающий к месту аварии наши люди до сих пор там – иногда после автокатастрофы потерпевшие теряют ориентацию в пространстве, и мы обшариваем все вокруг. А сейчас мы объявили полномасштабный розыск. Фото вашего жениха разослано во все полицейские участки. Все аэропорты и морские порты…

– Вы думаете, он пустился в бега? – вновь перебила его Эшли. – Господи! Зачем?

Брэнсон решил применить прием, которому научился у Роя Грейса. Таким образом можно было распознать, лжет человек или нет.

– Что вы сегодня ели на обед? – неожиданно спросил он.

Девушка удивленно уставилась на него:

– Что я сегодня ела на обед?

– Да. – Брэнсон внимательно следил за ее зрачками. Они переместились вправо. Режим *памяти!*

Мозг человека делится на левое и правое полушария. Одно полушарие – вместилище долгосрочной памяти, а в другом происходят творческие процессы. Когда человеку задают вопрос, его зрачки почти всегда смещаются в сторону полушария, задействованного для ответа. У некоторых памятью заведует правое полушарие, а у некоторых – левое; творческое полушарие – и другое.

Когда человек говорит правду, его зрачки смещаются в сторону полушария памяти; когда он лжет – в сторону творческого. Брэнсон научился распознавать, где у человека какое полушарие. Вначале он задавал простой, так называемый *контрольный* вопрос, вроде того, что сейчас. В таких случаях лгать незачем.

– Я сегодня вообще не обедала.

Сержант решил, что пора сделать новый ход.

– Мисс Харпер, насколько вы в курсе дел своего жениха?

– Я, знаете ли, полгода была его секретаршей. Едва ли найдется что-то, чего я не знаю.

– Значит, вам известно о его компании на Каймановых островах?

На лице девушки отразилось неподдельное изумление. Зрачки сместились влево. Режим выдумки. Значит, лжет.

– На Каймановых островах?! – переспросила она.

– Он и его партнер… – Помедлив, Брэнсон достал записную книжку и перелистал несколько страниц. – Марк Уоррен. Вам известно, что у них там имеется оффшорная компания? «Эйч-Ви пропертиз интернешнл»?

Эшли молча смотрела на сержанта.

– «Эйч-Ви пропертиз интернешнл»?!

– Совершенно верно.

– Нет, я о ней впервые слышу.

Брэнсон кивнул:

– Ладно…

Тон ее голоса едва заметно измениться. Благодаря Рою Грейсу он понимал почему.

– Вы расскажете мне что-нибудь еще?

– А я ничего больше и не знаю. Я надеялся, что вы меня просветите.

Зрачки Эшли вновь на секунду дернулись влево. Опять придумывает!

– Нет, – покачала она головой. – Мне очень жаль, но…

– Возможно, дело яйца выеденного не стоит, – развел руками Брэнсон. – В конце концов, кто не хочет уйти от налогов?

– Майкл человек практичный. И хороший бизнесмен. Но он никогда не делал ничего противозаконного!

– А я этого, мисс Харпер, и не утверждаю. Я просто пытаюсь сказать, что вы, возможно, не до конца знаете человека, за которого выходите замуж. Только и всего.

– Что вы имеете в виду?

Сержант вновь примирительно вскинул руки. Пять минут седьмого. Ему пора.

– Возможно, и ничего, – улыбнулся Брэнсон. – Однако нельзя упускать ни единой зацепки.

Ответной улыбки сержант так и не дождался.

17

Невероятно захламленный трейлер, где обитал Дэви, стоял вплотную к домику его отца на окраине Льюиса. Из окна виднелся двор, заваленный обломками машин. Дэви смотрел по старенькому телевизору с мигающим изображением американский полицейский сериал «Закон и порядок». Его любимый персонаж – крутой детектив Рейнальдо Кертис, держа за грудки хулигана, сверлил его грозным взглядом.

«Я с тебя не слезу, усек?» – прорычал Рейнальдо.

Дэви, в мешковатых джинсах и бейсболке, повернутой назад козырьком, плюхнулся на продавленный диван и впился зубами в шоколадный батончик «туинки», которые он каждую неделю заказывал по почте из Штатов.

– Да, подонок! – поддержал он своего кумира. – Я с тебя не слезу, усек?

У ног Дэви на драном линолеуме валялись остатки ужина – бифштекса с жареной картошкой. Впрочем, другого мусора хватало с избытком, – работая на пару с отцом, он

тащил к себе все, что попадалось на глаза. Этот хлам почти сплошняком покрывал пол его владений, а также полку и стол.

Рядом лежали останки рации, подобранной пару ночей назад. Дэви все собирался ее починить, но как-то руки не доходили. Он лениво повертел в руках корпус уоки-токи.

Вдоль корпуса тянулась глубокая трещина. От него отвалился большой кусок и выпали две батарейки – он подобрал их с дороги, куда они упали. Он действительно собирался починить рацию, но как-то забыл о ней. С памятью у него и впрямь было неважно – он забывал почти все, не в состоянии удержать это в голове.

Почти все.

Вокруг постоянно творилось нечто, для него совершенно бессмысленное. Жизнь напоминала головоломку, где всегда не хватает нескольких фрагментов. Причем важных фрагментов. В настоящий момент перед ним лежала головоломка под названием «рация», состоящая из четырех «фрагментов»: треснувшего корпуса, двух батареек и еще одной штуки вроде крышки.

Дэви доел батончик, облизал обертку и швырнул ее на пол.

– Усек? – повторил он в пустоту. Нагнувшись, поднял пластиковую коробку из-под гамбургера и пальцем подобрал остатки кетчупа. – Да! Я с тебя не слезу, усек?

Он хихикнул. По телевизору шла реклама. Какая-то телекрасотка вкрадчиво толковала о проблемах, связанных с ростом населения.

– Кончай трепаться, крошка! – пробурчал заскучавший Дэви. – Давай-давай, гони обратно сериал.

Однако вместо сериала начался еще один рекламный ролик. По ковру ползал младенец, который почему-то разговаривал басом. Несколько секунд Дэви следил за рекламой. Ерунда какая! Младенец не может разговаривать как взрослый. Потом его внимание переключилось на рацию. Из корпуса торчала телеантенна. Вытянув ее во всю длину, Дэви внимательно осмотрел ее и снова сложил.

– Чпок! – прогундосил он, вновь вытягивая антенну. – Чпок!

Он нацелил ее на экран, как ружье, – как раз в тот момент, когда сериал возобновился.

Дэви посмотрел на новенькие часы, подаренные вчера папой на день рождения. С такими часами клево смотреть автогонки. На них было множество кнопок, циферок и несколько дисплеев. Он так и не понял, что к чему, так как еще не разобрался с инструкцией. Папа обещал помочь ему прочитать ее, объяснить все трудные слова. К воскресенью ему нужно, чтобы все работало. В воскресенье покажут Гран-при Монако – тут надо подготовиться заранее…

В дверь постучали, и она чуть приоткрылась. На пороге стоял папа в охотничьей шапочке с опущенными ушами старой ветровке и высоких сапогах.

– Дэви, готовность – пять минут!

– Ой! Сейчас же идет «Закон и порядок». А нельзя через пятнадцать?

Комнату заполнило облако табачного дыма. Дэви увидел красный огонек: папа затянулся.

– Если хочешь идти охотиться на кроликов, надо выйти через пять минут. Ты небось уже выучил все до одной серии своего «Закона и порядка» наизусть!

После окончания очередной рекламной паузы сериал продолжился. Дэви поднес палец к губам. Покачав головой в шутливом отчаянии, Фил Уилер вышел из комнаты.

– Пять минут, – повторил он, закрывая за собой дверь.

– Десять! – крикнул Дэви ему вслед с американским акцентом. – Компромисс! Усек?

Он переключил внимание на рацию. А круто взять ее с собой на охоту! Изучив гнездо для батареек, он определил, где плюс, а где минус, и вставил их на место. Затем нажал одну из двух кнопок сбоку. Ничего. Он нажал на вторую кнопку и тут же услышал треск.

Дэви поднес рацию к уху и прислушался. Только треск. И вдруг, неожиданно – мужской голос, такой громкий, как будто говоривший находился с ним в одной комнате!

– Алло!

От испуга Дэви уронил рацию на пол.

– Алло! Алло!

Он уставился на коробочку, сияя от радости, но тут в дверь снова постучали, и папа позвал:

– Пошли, я уже взял твое ружье!

Дэви испугался. Что, если папа рассердится, увидев рацию? Ведь ему не разрешалось ничего уносить с места аварии! Дэви сел на корточки и нажал на другую кнопку – он решил, что так говорить безопасно, – и тихо прошипел с американским акцентом:

– Извини, не могу говорить. Он с меня не слезет, усек?

После чего запихнул рацию под кровать и выбежал из комнаты, оставив телевизор включенным. Пусть детектив Рейнальдо Кертис управляется без него!

18

– Эй! Алло! Алло! Алло!

Тишина. И атлас цвета слоновой кости.

– Пожалуйста, помогите!

Всхлипывая, Майкл несколько раз подряд нажал на кнопку «Вызов».

– Пожалуйста, помогите! Прошу вас, пожалуйста!

Но в ответ слышался только треск помех.

Странный какой голос, однако… Как будто плохой актер изображает американского гангстера. Может, это тоже часть розыгрыша? Майкл смахнул соленые слезы вниз, к сухим, потрескавшимся губам. На миг он почувствовал влагу, а затем его язык впитал ее, как промокашка.

Он посмотрел на часы. Без десяти девять. Сколько еще будет продолжаться эта пытка? И как им удается до сих пор держать все в тайне? Ведь сейчас наверняка Эшли, его мать – да и все остальные! – выпытывают у ребят, куда он пропал. А он валяется здесь уже… уже…

На него накатила новая волна паники. Сейчас без десяти девять, но чего? Вечера или утра?

Совсем недавно был день, так? Он следил, отмеряя час за часом. Неужели он настолько забылся, что пропустил целые сутки? Должно быть, сейчас вечер – сегодняшний вечер, а не завтрашнее утро!

Стало быть, прошло почти сорок восемь часов.

Куда они, мать их, подевались?

Он оперся ладонями о дно гроба и слегка приподнялся вверх. Хотелось растереть онемевшую поясницу. Плечи болели оттого, что он лежал сгорбившись, суставы затекли без движения… и от обезвоживания. По опыту Майкл знал, как опасно долго оставаться без движения и без воды – он ведь не раз выходил в плавание. Головная боль не унималась. Стоило ему надавить большими пальцами на виски, как она на несколько секунд проходила, но, как только он опускал руки, возвращалась с прежней свирепостью.

– Господи, в субботу я женюсь – слышите вы, козлы? Вытащите меня отсюда! – заорал он во всю мощь легких и замолотил кулаками по крышке гроба.

Дебилы! Завтра пятница. Канун свадьбы. Ему нужно получить костюм. Подстричься. В субботу вечером они с Эшли уезжают в свадебное путешествие в Таиланд, а перед отлетом еще столько дел! Ведь они улетают на две недели. Нужно написать свадебную речь.

Парни, завязывайте, мне еще столько всего нужно сделать! Вы уже расквитались со мной, и ладно! Отплатили мне за все мои проделки! Причем с лихвой! Рассчитались за все!

Положив руку на живот, Майкл нашарил фонарик и включил его на несколько драгоценных секунд, экономя батарейку. Ему показалось, что белый атлас стал еще ближе. Когда он смотрел на него в последний раз, крышка вроде бы возвышалась на добрых шесть дюймов, а сейчас – не больше чем на три, как будто гроб медленно и неуклонно уменьшается в размерах.

Майкл схватил дыхательную трубку, болтавшуюся перед лицом, снова прищурился, пытаясь всмотреться в нее, но так ничего и не разглядел. Затем проверил, ту ли кнопку нажимает на рации. Нажал на «Вызов» и заорал во всю мощь. Глухо. Тогда Майкл попробовал кнопку «Прием» и прислушался. Ничего.

– Nada! Ничего! – сказал он вслух. – И жрать нечего! Ни единой долбаной сосиски!

Перед глазами всплыла картина: сковородка на плите в маминой кухне. На сковородке жарятся сосиски, яйца, бекон, помидоры – все шкварчит, шипит, пузырится… Он почти ощущал запах – черт побери! Еще пахло хлебом, жарившимся на соседней сковородке, рядом в банке разогревается фасоль…

– О господи, как же я хочу жрать!

Он постарался не думать о еде и забыть о боли, хотя рези стали такими нестерпимыми, как будто кислота разъедала стенки желудка. В голове, за плотной завесой пульсирующей боли, мелькнули воспоминания из когда-то прочитанной книги – то ли о лягушках, то ли о жабах. Эти твари вынашивали потомство не в матке, а в желудке. По какой-то причине желудочный сок не вредил головастикам.

Какое чудо должно произойти, чтобы и мы, люди, перестали портить себе желудок? – внезапно подумал Майкл. Туман перед глазами слегка рассеялся, и в голову полезла всякая чепуха.

Несколько лет назад он читал одну теорию о суточных биоритмах. Все живые организмы на Земле подчиняются двадцатичетырехчасовому циклу. Кроме человека. Наш цикл составляет двадцать пять часов с четвертью. В ходе испытаний людей на несколько недель помещали в темную комнату и не давали часов. И всем испытуемым казалось, что они пробыли в темноте меньше, чем на самом деле.

Великолепно! Я сейчас мог бы стать одним из их долбаных подопытных кроликов!

Во рту так пересохло, что у него слиплись губы, – когда он открыл рот, ему стало так больно, как будто с губ содрали кожу.

Майкл посветил фонариком вверх: канавка, над которой он трудился, все углублялась. Он поднял ременную пряжку и вновь принялся скрести ее уголком крышку гроба. Майкл хорошо разбирался в породах дерева и понял, что крышка изготовлена из тика – едва ли не самой прочной древесины. Приходилось крепко зажмуриваться, чтобы стружка не попала в глаза. Пряжка становилась все горячее и горячее, пока ему, наконец, не пришлось прервать работу, чтобы дать ей немного остыть.

Извини, не могу говорить. Он с меня не слезет, усек?

Майкл нахмурился. Что это еще за придурок болтает с американским акцентом?

Неужели кому-то из них это кажется смешным? Какую лапшу они навешали на уши Эшли? И маме!

Через несколько минут, выбившись из сил, Майкл решил сделать перерыв, хотя понимал, что останавливаться нельзя. От обезвоживания быстрее устаешь. Надо бороться,

невзирая на усталость. Как можно скорее выбраться из распроклятого гроба! Выбраться наружу и задать этим придуркам как следует. О, что он с ними сделает!

Майкл царапал крышку еще несколько минут, время от времени больно задевая костяшками пальцев о древесину. Главное – не открывать глаз, чтобы в них не попала мелкая стружка или древесная пыль. Наконец он устал настолько, что работать был больше не в состоянии. Рука бессильно упала, сведенные мышцы шеи расслабились, голова безвольно откинулась назад…

И вконец измученный Майкл заснул.

19

В тот вечер стемнело необычайно рано. Припарковавшись за автобусной остановкой, Марк выключил мотор и несколько секунд сидел неподвижно. Широкая улица, блестевшая от непрекращающегося дождя, была пустынной – машины проезжали лишь изредка. Пешеходов, похоже, не было вообще, – стало быть, его никто не заметит.

Он надвинул бейсболку на глаза, поднял воротник куртки и побежал к подъезду Майкла, внимательно оглядывая все стоящие у дома машины. Не прячется ли кто-нибудь там, в темноте? Майкл всегда уверял, что в делах Марк продумывает все до мелочей. Правда, потом неизменно добавлял: «Но зануда, каких мало», что невероятно бесило компаньона.

С другой стороны, Майкл в общем-то прав. Своим успехом их фирма во многом обязана ему, Марку. А все потому, что черную работу он добровольно взвалил на себя: тщательно проверяет сметы, днюет и ночует на стройплощадке, лично проверяет качество закупаемых материалов, следит за соблюдением сроков и графика работ и просчитывает расходы до последнего пенни… В то время как Майкл полжизни тратит на охоту за юбками и редко принимает что-либо всерьез. Их фирма процветает именно благодаря ему, Марку, – ему одному. Вот только контрольный пакет акций – у Майкла, так уж вышло, что, когда они начинали, у него оказалось больше наличности.

На панели домофона значились сорок две квартиры. Он нажал одну кнопку наугад – главное, чтобы квартира была на другом этаже. Никто не ответил. Он нажал на другую, с табличкой «Маранелло».

Через несколько секунд ему ответил надтреснутый мужской голос с сильным итальянским акцентом:

– Алло? Да! Алло!

– Служба доставки! – выкрикнул Марк.

– Какой еще доставки?

– Почта! «Федерал-экспресс»! Из Америки, для Маранелло.

– Чего? Почта? Я не… мне не…

Однако после короткой паузы послышался писк открывшегося электронного замка.

Марк толкнул дверь, вошел в подъезд и, поднявшись на лифте на седьмой этаж, направился к квартире Майкла. Он знал, что тот хранит запасной ключ под ковриком на случай, если дверь вдруг захлопнется. Однажды такое уже приключилось – когда Майкл зачем-то выскочил в коридор пьяный в стельку да еще нагишом. Пошарив под ковриком, Марк вздохнул с облегчением: ключ был на месте. Простой ключ от йельского замка, весь в пыли.

Тем не менее, он на всякий случай позвонил в дверь и некоторое время тихо стоял, озираясь по сторонам. Лишь бы только его не увидел никто из соседей! Повернув ключ в замке, Марк скользнул в прихожую, быстро закрыл дверь за собой и достал из кармана фонарик. Окна квартиры Майкла выходили на улицу, точнее – на фасад жилого дома напротив. Наверное, если включить свет, ничего страшного не произойдет, но Марк старался предусмотреть все до мелочей. Вдруг его кто-нибудь заметит из окна?

Сбросив промокшие куртку и бейсболку, он повесил их на вешалку и замер, прислушиваясь. Нервы ни к черту! Сквозь смежную стену доносились звуки, похожие на марш. Наверное, соседи включили телевизор погромче.

Убедившись, что в квартире никого нет, Марк, щелкнув фонариком, приступил к поискам.

Он начал с гостиной-столовой: оглядел груду немытой посуды у раковины, недопитую бутылку кьянти с протолкнутой внутрь пробкой, затем перевел луч на кофейный столик. Стеклянная чаша с торчащей из нее большой обгоревшей свечой… телевизионный пульт… стопка журналов – GQ, FHM, «Яхты и парусный спорт»… Рядом мигал красный огонек автоответчика.

Марк прослушал сообщения. Одно из них было оставлено всего около часа назад матерью Майкла.

– Здравствуй, Майкл. – У нее был измученный голос. – Я звоню на всякий случай – вдруг ты вернулся?

Было сообщение и от Эшли – похоже, она звонила откуда-то издалека с мобильного, поскольку связь была неважная.

– Майкл, милый, звоню проверить – вдруг ты дома? Прошу тебя, пожалуйста, перезвони сразу, как появишься! Люблю тебя.

Еще один звонок – из «Бэрклиз-банк»: не желает ли Майкл воспользоваться новой кредитной системой, которую банк вводит для своих клиентов.

Не обнаружив для себя ничего интересного, Марк осмотрел два дивана, стулья и журнальные столики, а затем перешел в кабинет.

На столе перед компьютером: клавиатура, беспроводная мышь, коврик с подсветкой для нее, стеклянное пресс-папье в виде сердца, калькулятор, зарядное устройство для мобильного телефона и высокий черный стакан с ручками и карандашами. Того, что Марк искал, здесь не оказалось. Как и на книжных полках, не говоря уже о неприбранной спальне Майкла.

Черт.

Черт, черт, черт!

Заперев квартиру, Марк спустился по пожарной лестнице и через черный ход вышел на темную автостоянку. *Плохо дело,* подумал он, торопливо шагая по улице. *Очень-очень плохо!*

*** * ***

Через пятнадцать минут его БМВ-Х5 уже взбирался по пологому склону холма, где располагался огромный комплекс Суссекской окружной больницы. Оставив машину у приемного покоя и обогнув два микроавтобуса «Скорой», дежуривших в ожидании вызова, Марк вошел в ярко освещенный вестибюль, уже знакомый по вчерашнему визиту.

Миновав дюжину взволнованных людей, сидевших на пластиковых стульях под объявлением: «Выдача справок о состоянии здоровья – в течение трех часов», он по длинному переходу вышел к лифтам и поднялся на пятый этаж.

Марк направился к двери со светящейся табличкой «Реанимация». В ноздри настойчиво лез запах хлорки и больничной еды. Он завернул за угол и, пройдя мимо автомата с сандвичами и таксофона под пластиковой полусферой, увидел впереди дежурный пост отделения интенсивной терапии, где сидели две медсестры. Одна разговаривала по телефону, вторая утешала плачущую пожилую женщину.

Войдя в палату, Марк направился в угол, где накануне вечером лежал Джош. Он думал найти здесь Зои, однако вместо нее увидел высохшего старика с седыми космами и ввалившимися пожелтевшими щеками, утыканного трубками капельниц. Возле койки стоял аппарат искусственного дыхания.

Марк поспешно окинул взглядом другие койки, но Джоша здесь не было и в помине. Он пришел в ужас. Что, если парню стало лучше и его перевели в другую палату? Марк опрометью бросился к посту и встал перед висевшей на телефоне медсестрой – бойкой толстушкой лет тридцати, с высокой прической и беджиком с надписью: «Отделение БИТ, МЭРИГОЛД УОТТС, медицинская сестра». Судя по всему, она болтала со своим дружком.

Марк нетерпеливо ждал, облокотившись о деревянный барьер, и смотрел на множество черно-белых и цветных мониторов. Пару раз он быстро поворачивал голову, надеясь поймать взгляд медсестры, привлечь ее внимание, но ту, казалось, заботит лишь, где она будет ужинать.

– Да, хочется чего-нибудь китайского. Утку по-пекински. Знаешь, где готовят утку по-пекински с блинчиками и… – Наконец, болтушка соизволила обратить на него внимание. – Слушай, мне пора. Я перезвоню. Да, и я тебя люблю. – Она с улыбкой повернулась к Марку: – Слушаю вас! Чем я могу вам помочь?

– Джош Уокер. – Марк махнул рукой в сторону палаты. – Он лежал там… ммм… вчера. Скажите, пожалуйста, в какую палату его перевели?

Лицо медсестры застыло, как будто ей вкололи мощную дозу анестетика.

– Вы родственник? – настороженно спросила она.

– Нет, я его компаньон. – Марк тут же пожалел, что не представился братом Джоша. Она бы не стала проверять.

– Прошу прощения, – протянула медсестра, видимо пожалев, что из-за него прервала разговор, – но мы даем такого рода информацию только родственникам.

– Да просто скажите, куда его перевели!

Послышался писк. Медсестра посмотрела на мониторы. Над одним загорелась красная лампочка.

– Извините, но я должна идти, – заявила она и чуть ли не бегом поспешила в палату.

Марк достал мобильник, но тут же заметил объявление: «Пользоваться мобильными телефонами в отделении строго воспрещается».

Охваченный страхом, он рванул к лифтам и, спустившись на первый этаж, несся по лабиринту коридоров, пока не достиг главного входа.

Подойдя к стойке администратора, Марк услышал громкий, почти истерический вопль и увидел Зои. По ее лицу бежали слезы, светлые кудри совершенно растрепались.

– Это все ты, твой дружок Майкл и ваши идиотские шутки! – закричала она. – Кретины несчастные, тупицы!.

Он лишь молча смотрел на нее, пока она, сотрясаясь от безудержных рыданий, не упала в его объятия.

– Он умер, Марк! Только что! О господи! Умер! Джош умер! Помоги мне, пожалуйста! Что мне делать?

Марк обнял девушку еще крепче.

– Я думал, он пошел на поправку… и выкарабкается, – запинаясь, выдавил он.

– Они сказали, что ничем не могли помочь. Выживи он, все равно остался бы растением. О боже! Господи, Марк, прошу тебя, помоги мне. Что же делать? Как я скажу детям, что их папа никогда не вернется домой? Что я им скажу?

– Ты… хочешь чаю или еще чего-нибудь?

– Не хочу я никакого чая! – прорыдала Зои. – Я хочу моего Джоша! О господи! Его увезли в морг! О господи, боже мой, что же мне делать?!

Марк стоял молча, крепко обнимая молодую женщину и поглаживая ее по спине. Он надеялся, что никто не заметит, какое он испытывает облегчение.

20

Майкл проснулся, как от толчка, попробовал сесть, но тут же стукнулся головой о крышку гроба. Вскрикнув от боли, он дернулся, но плечи наткнулись на обитые атласом стенки. Майкл заметался, мучимый непреодолимым приступом клаустрофобии.

– Выпустите меня отсюда! – завопил он, судорожно втягивая в себя воздух, потея и дрожа от холода одновременно. – Умоляю, выпустите меня!

Майкл обессиленно умолк. Его никто не слышит. Голос заперт, похоронен здесь вместе с ним самим.

Он зашарил вокруг в поисках фонарика, но в растерянности не сразу нашел его. Включил, посветил вверх, затем – на стенки своей «тюрьмы». Бросил взгляд на часы. 11.15.

Ночи?

Уже наступило завтра?

Нет, должно быть, сейчас все-таки ночь. Ночь четверга.

Стекавшие по спине и груди струйки пота образовали под ним лужицу. Изогнувшись, Майкл посветил фонариком через плечо, и внизу что-то заблестело. Вода. Целый гребаный дюйм!

Он с ужасом уставился на дно гроба. Нет, это невозможно! Абсолютно невозможно, чтобы натекла целая лужа пота.

Два гребаных дюйма.

Майкл опустил руку и, подсвечивая фонариком, вытянул мизинец наподобие лота. Вода доходила до второго сустава. Да не мог он так вспотеть! Сложив ладонь лодочкой, Майкл зачерпнул воды и стал жадно пить грязную соленую жижу. Он пил и пил, несколько минут ему казалось: чем больше пьешь, тем больше хочется.

Только утолив жажду, Майкл сообразил, что возникла новая опасность. Вода поднимается! Он схватил пряжку и принялся бешено царапать крышку, но через несколько минут металл так накалился, что стал обжигать пальцы.

Дерьмо собачье!

Майкл поднял бутылку виски. Осталась всего треть. Он стукнул горлышком о дерево над головой. Никакого результата. Еще раз! Послышался треск – от бутылки откололся крошечный осколок. Ну нет, только дурак станет попусту разливать виски! Майкл поднес горлышко к губам, наклонил бутылку и набрал полный рот обжигающей жидкости. Господи, как хорошо-то!.. Он снова вытянулся во весь рост, прильнул к бутылке и глотал, глотал, глотал – пока не захлебнулся.

Поболтав бутылкой, он осветил ее фонариком. Сосредоточиться было трудно – голова кружилась. Виски осталось всего ничего. Если только…

Что-то глухо ударилось о крышку гроба, и Майкл почувствовал, как чертов ящик шевельнулся!

Еще один удар.

Словно кто-то топнул ногой.

Встал на крышку гроба прямо у него над головой и приплясывает!

Надежда всколыхнула каждый нерв. *О господи, наконец-то они вытаскивают меня отсюда!*

– О'кей, вы, подонки! – завопил он, но голос оказался слабее, чем он рассчитывал. Он перевел дух и услышал, как над головой что-то скребется. *Наконец-то! Наконец-то, мать вашу!*

– Какого хрена вы столько копались?

Тишина.

Он хватил кулаком по крышке.

– Эй! – Язык едва ворочался. – Так вас и растак, где вас черти носили? Джош! Люк! Пит! Роббо! Вы хоть представляете, сколько меня тут промариновали? Это уже не смешно – говорю вам, совсем не смешно! Слышите, козлы?!

В ответ – тишина.

Майкл прислушался.

Неужели ему только почудилось?

– Эй! Вы где?

Тишина.

Нет, не могло ему показаться! Он же слышал шаги! Может, какой-нибудь зверь? Нет, шаги явно тяжелее. Человеческие.

Майкл, как бешеный, замолотил по крышке гроба – сначала бутылкой, потом кулаками.

И вдруг в полном безмолвии, как если бы он смотрел по телевизору с выключенным звуком выступление фокусника, дыхательная трубка скользнула вверх и… исчезла.

В образовавшуюся дыру посыпались комочки земли.

21

Марк почти ничего не видел. Из-за охватившей его паники все расплывалось перед глазами – их застилал багровый туман. Голос Майкла! Он его слышал! Приглушенный, едва уловимый, замогильный, но, черт подери, его! О господи!

Он захлопнул дверцу БМВ. В лесу было темно, дождь хлестал вовсю. Нащупав замок зажигания, Марк попытался с ходу вогнать в него ключ. Ботинки отяжелели от налипшей грязи, вода с бейсболки ручьями лила на лицо.

Рука в водительской перчатке повернула ключ, и мотор послушно заурчал. Вспыхнули передние фары, и в их ярком свете Марк увидел могилу, а за ней – деревья. Какой-то лесной зверек стремительно метнулся в заросли, листья и траву трепало на ветру и било дождем – на секунду они напомнили Марку водоросли, колеблемые сильным океанским течением.

Он еще раз окинул взглядом могилу, предусмотрительно вновь прикрытую листом рифленого железа, в свою очередь замаскированного охапками веток и листьями. Заметив вторую лопату, по-прежнему торчавшую из земли, Марк грязно выругался. Рыча от злости, он вылез из машины, подбежал к ней и, выдернув последнюю улику, швырнул в багажник. Сел за руль, захлопнул дверцу, впялился в стену дождя, проверяя, все ли в порядке…

Все это время он лихорадочно просчитывал возможный сценарий дальнейшего развития событий. Строительство здесь не начнется, по крайней мере, еще месяц: необходимо довести до проекта и окончательно все подсчитать. И приезжать сюда раньше никому нет смысла. Комитет по планированию уже провел инспекцию, и всякая деятельность заморожена в ожидании визы и печати.

Не в силах унять дрожь, Марк выжал сцепление и поехал назад – мимо двух изгородей, якобы поставленных местным лесничеством для того, чтобы олени не выбегали на шоссе.

Выбравшись на дорогу, Марк включил радио и принялся крутить ручку настройки в поисках какой-нибудь музыки. Черт возьми! Везде одни новости. Болтовня. Реклама. Он переключился на CD-плеер, перебрал несколько дисков, но, так ни на чем и не остановившись, вырубил всю систему.

Через несколько минут – там, где шоссе делало плавный поворот, – лучи фар выхватили из темноты зияющие провалы в живой изгороди. От этого зрелища Марка затошнило. Впереди показались огни встречной машины, промелькнули мимо… А вот и еще… Марк вцепился в руль, стараясь справиться с головокружением. Надо сосредоточиться, мыслить трезво. Еще один изгиб, только куда более крутой… а он ехал слишком быстро. Изрядно струхнув, Марк резко дал по тормозам – чересчур резко. Когда включилась антиблокировочная система заносов, машину сильно тряхнуло, и тут же послышался глухой стук – дыхательная трубка скатилась с пассажирского сиденья на резиновый коврик.

Марку удалось вписаться в поворот лишь каким-то чудом. Заметив впереди «карман», он заехал туда, включил бортовой компьютер-навигатор и указал место назначения: Арлингтонское водохранилище. Через несколько секунд металлический женский голос объявил: «Маршрут просчитывается».

Двадцать пять минут спустя Марк подъехал к деревянной пристани безлюдного в такое позднее время яхт-клуба. Впереди расстилались пять миль воды. Он выключил зажигание, взял фонарик и, выйдя из машины во тьму, прислушался. Только скрип снастей на ветру. Вокруг – ни огонька. В здании клуба – полная тишина. Марк бросил взгляд на часы. Десять минут первого.

Он поднял с коврика дыхательную трубку, достал из багажника обе лопаты и подошел к дальнему концу пристани. Здесь они с Майклом начинали ходить на яхтах – еще подростками, до того как отважились рискнуть выйти в открытое море. Насколько он помнил, глубина здесь была около двадцати футов. Не совсем то, что надо, но сойдет. Бросив в воду дыхательную трубку, а следом – обе лопаты, Марк немного постоял, наблюдая, как на черной ряби расходятся круги. Потом снял ботинки и зашвырнул туда же – они мигом пошли ко дну.

Марк прошлепал назад к машине, натянул захваченные с собой легкие кожаные мокасины и поехал домой. Внезапно навалилась сильная усталость. Он ехал медленно, осторожно. Не хватает только, чтобы его засекли радары дорожной полиции. Привлекать внимание патрульных машин тоже ни к чему.

Утром – первым делом на автомойку у вокзала. Там всегда очередь, полно клиентов, в том числе и местных таксистов… Замызганных машин хоть пруд пруди, и на облепленный грязью БМВ-Х5 никто не обратит ни малейшего внимания.

22

Грейс вынул изо рта тлеющий окурок сигары, зевнул, снова сунул его в рот и крепко стиснул зубами. Пошевели мозгами! Он подхватил с зеленого сукна свои пять карт. В середине стола расползалась кучка фишек по пятьдесят пенсов, куда каждый игрок внес свою лепту. Стол был заставлен стопками виски и бокалами вина, горками монет и фишек, переполненными пепельницами, остатками картофельных чипсов и сандвичей. В комнате было не продохнуть от табачного дыма. Ветер с дребезгом швырял в оконные стекла пригоршни дождя. Сквозь них едва виднелись огни Дворцового пирса у Ла-Манша.

Порядок игры определял сдающий. Всякий раз, как подходила его очередь, Боб Торнтон, давно вышедший в отставку инспектор уголовной полиции, всегда выбирал «закрытый» покер – вариант, который устраивал Грейса меньше всего. Он бросил взгляд на часы. Без двадцати час. Согласно традиции, их еженедельные встречи за покером проходили по четвергам – последняя сдача начиналась в половине первого, после чего они играли две партии.

Сегодня Рою не везло – несмотря на то, что он надел свои «счастливые» бирюзовые носки и рубашку в синюю полоску, карта упорно не шла. Пару раз он рано спасовал и один раз неудачно сблефовал. На этой неделе игра давалась ему, как и вообще все, из рук вон плохо. Он уже продул сто пятьдесят фунтов, а последний «торг» часто бывает самым опасным.

Заглянув в карты, Грейс немного воспрянул духом и принялся наблюдать за лицами партнеров. Три десятки. Первая нормальная комбинация за последние два часа. Но и рискованная. С такой можно успешно завершить игру, но три десятки – отнюдь не стопроцентное попадание.

Физиономия Боба Торнтона оставалась невозмутимой. Крупный, еще бодрый старикан: в семьдесят с гаком он до сих пор постоянно играл в сквош. Вот и сегодня вырядился в зеленый шерстяной джемпер поверх клетчатой рубашки, вельветовые штаны и парусиновые теннисные туфли. У него был суховатый ястребиный профиль и руки в старческих пигментных пятнах, почти как у рептилии. Боб Торнтон был значительно старше остальных десяти игроков, собиравшихся за покером каждый четверг, и так – неделя за неделей, год за годом. Каждый по очереди принимал всю компанию у себя.

Традиция играть в покер возникла задолго до того, как Грейс пришел в полицию. Боб уверял, что несколько десятков лет назад, когда и он поступил на службу, стал самым молодым покеристом. Вспомнив о маячившем впереди тридцатидевятилетии, Грейс вдруг загрустил. Что, если и он, как Боб, когда-нибудь станет самым старым пердуном в компании?

Но с другой стороны, возраст давал и определенные преимущества. Боб играл резко и смело, по его лицу невозможно было ни о чем догадаться. Он был коварным и очень рисковым игроком. Грейс не мог припомнить и нескольких случаев за год, когда Боб не выходил из игры в плюсе, – вот и сейчас перед ним лежала внушительная горка мелочи и фишек. Грейс наблюдал, как старик, сгорбившись, перебирает карты, прижимает к груди, вглядываясь сквозь очки цепкими, жадными глазками. Потом он открыл и закрыл рот и быстро, как змея, облизал губы. Грейс сразу понял: насчет карт Боба волноваться нечего – если только старику не повезет с прикупом.

Что ж, теперь его, Грейса, очередь торговаться. Он оглядел остальных.

Том Аллен, тридцатичетырехлетний детектив с серьезным моложавым лицом и копной курчавых волос, в свитере поверх футболки, бесстрастно разглядывал карты. Прикинуть, *что* у него на руках, можно было лишь с большим трудом.

Рядом с Томом сидел Крис Крок из мотоциклетной бригады транспортной, или, как ее сейчас называют, дорожной, инспекции. Стройный, симпатичный, обаятельный атлет, светловолосый и голубоглазый, он больше смахивал на плейбоя, чем на полицейского. Крок слыл виртуозом обольщения. Сегодня они играли в его шикарной квартире на шестом этаже самого крутого брайтонского жилого комплекса – «Ван Аллена». К полицейским, живущим на широкую ногу, Грейс, как правило, относился с подозрением, но все знали, что бывшая женушка Крока – светская дама, наследница огромного состояния.

Крок познакомился с ней, остановив за превышение скорости, и хвастал, что леди вышла за него, несмотря на то что он ее тогда крупно штрафанул. Сейчас все это уже в прошлом, однако для самого Крока эта история кончилась удачно. Его супруге, как и многим спутницам жизни копов, спустя какое-то время надоело коротать вечера и выходные в одиночку. Зато в качестве отступного она оставила «бывшенькому» кучу денег.

Крок играл рисково. Грейс встречался с ним за покерным столом уже семь лет, но просчитать так и не смог – казалось, ему все равно, выигрывает он или проигрывает. Куда легче иметь дело с теми, кому есть что терять.

Грейс переключился на Тревора Картера, тихого, лысеющего очкарика из отдела информационных технологий в строгой серой рубашке с засученными рукавами и неброских коричневых брюках. Картер был скромным и бережливым семьянином, игравшим так осторожно, будто от его удачи зависело благополучие всех четверых детишек. Он почти не блефовал, побаивался поднимать ставку и в результате редко заканчивал игру в плюсе. Обычно Картера выдавал тик правого глаза – верный признак, что у него сильная комбинация. Сейчас его правый глаз подергивался.

Наконец Грейс посмотрел на Джеффа Паноуна, сотрудника отдела по борьбе с наркотиками. Тридцатилетний детектив был одет в черную футболку, белые джинсы и сандалии; темные волосы спускались почти до плеч, в ухе поблескивала золотая серьга. Он дымил толстенной сигарой. По опыту Грейс знал: когда Паноуну везет, он без конца тасует карты, перекладывает их, а если карта паршивая, почти не трогает. Сейчас Паноун теребил их, как заведенный.

– Рой, твоя ставка! – напомнил Боб Торнтон.

Игра шла с ограниченным банком. Поднимать ставки выше не позволялось, а потому они не выходили за пределы разумного. Поскольку шестеро игроков сообща положили на кон три фунта, от этого и следовало плясать. Грейс осторожно начал торговлю с одного фунта. Все его поддержали, пока Тревор Картер, поднявший ставку до трех, не начал подергивать правым веком еще сильнее.

Джефф поднял еще на два фунта. Боб Торнтон колебался всего долю секунды, однако от Грейса эта заминка не ускользнула. Значит, у Боба плохая карта, но он рискует, так как играют последнюю сдачу. Решив не упускать удобный случай, Грейс поднял ставку еще на три фунта.

Все уставились на него, зная, что сегодня ему не везет. Надо же было так себя выдать! Однако предпринимать что-либо было уже слишком поздно.

Том бросил карты и покачал головой. Крис несколько секунд колебался, а потом перебил на пять фунтов. Тревор и Джефф тоже подняли ставки. Боб Торнтон последовал их примеру.

– Сколько? – спросил он у Грейса.

Если Рой скажет поменять две, то сразу станет ясно, что у него тройная комбинация. С другой стороны, это может дать ему шанс. Обдумав все еще раз, Грейс заказал по одной, сбросив три трефы и оставив семерку пик. Ему досталась семерка червей.

Сердце екнуло. *Полный дом!* Не самая старшая комбинация, но уже серьезная. Три десятки и две семерки. Пошла игра!

Понаблюдав за тем, как партнеры меняют карты, Грейс заключил, что у него самая сильная комбинация, и пошел ва-банк. К его ужасу, трое из оставшихся спасовали, и он понял, что зарвался. Когда Тревор Картер перебил, Рой вздохнул с облегчением.

С самоуверенным видом достав бумажник, Грейс продолжал торговлю. Тревор поднимал ставку еще несколько раз – наконец, утратив хладнокровие, Грейс выудил из бумажника еще несколько банкнотов и открыл карты.

Попыхивая сигарой, он с волнением наблюдал, как Картер по одной выкладывает на стол собственную комбинацию.

Ах, черт! Черт, черт, черт!

Стрит-флеш – семерка, восьмерка, девятка, десятка и валет!

– Вот это да! – воскликнул Крок.

– Класс! – прогудел Боб Торнтон. – Богом клянусь, подфартило так подфартило!

– Они достались мне в прикупе! – взвизгнул от восторга Тревор Картер. – В прикупе пришли!

Грейс в замешательстве откинулся на спинку стула. Такая комбинация приходит один раз на миллион, – а может, и реже. Предсказать ее невозможно. И все же ему надо было вовремя остановиться. Тревор почти никогда не перебивал, а сейчас явно был уверен в том, что обставит его. Значит, Тревор раскусил его гораздо раньше.

– По-моему, Рой, пора тебе подзарядить свои сверхестественные силы, – поддразнил его Крок.

Все расхохотались.

– Отвяжитесь! – добродушно буркнул Грейс, хотя на душе у него кошки скребли. Элисон Воспер права. Над ним действительно смеются. Здесь друзья, и подтрунивают они беззлобно. Но в полиции работают и другие, для кого его взгляды – как красная тряпка для быка. Надо смотреть в оба, иначе его продвижение по службе затормозится, и карьере конец – его живенько обскачут молодые и зубастые.

А пока он проиграл почти триста фунтов.

К концу игры Грейс влетел в минус на четыреста двадцать два фунта и пятьдесят пенсов.

Спускаясь на лифте к подземному гаражу, он тихо матерился сквозь зубы. Идя к своей «альфа-ромео», припаркованной на гостевой стоянке, он так злился на себя и друзей, что почти не обратил внимания на заляпанный грязью БМВ-Х5, как раз выруливший навстречу.

23

– Я-я-яху! – Промокший насквозь Дэви отпер свой вагончик, пинком распахнул дверь и ворвался внутрь. – Я-я-яху! – объявил он телевизору, где на экране мельтешили его очередные дружки. Вода стекала по бейсболке, плащу и резиновым сапогам на пенопластовый коврик. Так, кто там счас? Ага, Джеймс Спейдер – сидит у себя кабинете и допрашивает какую-то телку.

– Извел две сотни гребаных паразитов, усек? – с «южным» акцентом прогнусавил Дэви Джеймсу Спейдеру.

Не обратив на него никакого внимания, тот продолжал беседовать с телкой. Дэви взял с кровати пульт и нацелил его на экран.

– Ну и ладно. Ты мне тоже без надобности! – Он переключился на другой канал. Теперь двое незнакомых парней, стоя лицом к лицу, орали друг на друга.

Клик!

Джеймс Гандольфино спокойно лавировал между тачками в автомобильном магазине «Мерседес-Бенц», направляясь к красотке с длинными черными волосами.

Дэви щелкнул пультом, и Гандольфино исчез.

Перебрав все каналы, но так и не найдя желающих пообщаться, он протопал к холодильнику.

– Налью-ка себе пивка из мини-бара, – заявил он. Достал банку кока-колы, вскрыл ее одной рукой, выхлебал половину и, плюхнувшись на кровать, раскатисто рыгнул. Часы показывали 2.21.

Спать не хотелось ни капельки. Дэви так и распирало от желания с кем-нибудь потрепаться, рассказать, сколько кроликов они с папой сегодня ухлопали.

– В том все и дело, – поделился неизвестно с кем Дэви и снова рыгнул. Порывшись в карманах плаща, достал пару гильз и повесил его на дверной крючок. Устало передвинулся на край постели – как Клинт Иствуд в одном вестерне – и, стянув резиновые сапоги, швырнул их на пол.

Дэви подкинул две пустые гильзы на ладони.

– На них написано твое имя, – сообщил он шагавшему навстречу Шону Пенну. Но и тот оказался неразговорчив.

И тут Дэви вспомнил. Кое-кто обязательно поговорит с ним! Он опустился на колени и, достав из-под кровати рацию, вытянул антенну на всю длину. Чпок!

Он нажал на кнопку «Прием». Раздался треск помех. Тогда Дэви надавил на «Вызов».

24

Проснувшись, Майкл заплакал. Он не знал, что делать, чувствовал себя таким беспомощным! Сейчас пятница, третий час утра. Завтра у него свадьба. А сегодня надо бы перелопатить миллион дел.

Кто забрал дыхательную трубку? Может, барсук утащил к себе в нору? Но на кой черт барсуку сдалась резиновая трубка? И потом, так тяжело барсуки не ступают. Нет, сюда точно приходил человек!

Кто?

Зачем?

Где Эшли – любимая, милая, красивая, заботливая? О чем она сейчас думает, что творится у нее на душе?

Майкл не переставал надеяться, что все происходящее – какой-то дурной сон, что еще минута – и он проснется у себя в постели рядом с Эшли. Дичь какая-то!

Вдруг послышалось шипение – резкое и четкое. Уоки-токи!

– Ты хоть врубаешься, сколько от них вреда? – прогундосил чей-то голос с техасским акцентом. – Эй! Врубаешься, чувак?

Майкл принялся отчаянно искать в темноте фонарик.

– Знаешь, а куча народу совсем в это не въезжает, – тем временем продолжал голос. – Паршивые экологи талдычат, что, мол, надо беречь природу, только они в этом – ни уха ни рыла, сечешь?

Отыскав рацию, Майкл включил микрофон.

– Алло! – торопливо сказал он. – Алло! Дэви?

– Ага, это я с тобой разговариваю! Но ведь ты-то не врубаешься, верно я говорю?

– Алло, ты кто?

– Слышь, друг, какое тебе дело, кто я такой? Вся беда в том, что пять паршивых кроликов сжирают почти столько же травы, сколько одна овца. Вот и подсчитай.

Майкл крепко сжал черную коробочку. Он был в полном недоумении. Может, у него галлюцинации? Что, черт побери, происходит?

– Позови Марка! Или Джоша… Люка… Пита… наконец, Роббо!

Несколько секунд его собеседник молчал.

– Алло! – крикнул Майкл. – Ты меня слышишь?

– Да, дружище, я никуда не делся.

– Кто ты такой?

– Можешь звать меня Человек Без Имени!

– Слушай, Дэви, шутка зашла слишком далеко, понимаешь? Слишком далеко, черт возьми! Прошу тебя, вытащи меня отсюда!

– Правда, здорово – две сотни кроликов?

Майкл уставился на рацию. Кто бы с ним сейчас ни разговаривал, у него явно не все дома! Неужели это псих, который только что увел у него дыхательную трубку?

– Слушай, – сдерживаясь из последних сил, прошипел Майкл. – Мои друзья запихнули меня сюда шутки ради. Ты не мог бы вытащить меня отсюда?

– Что, дела хреново?

– Не то слово, – по-прежнему не понимая, что происходит, ответил Майкл.

– А что скажешь насчет двухсот кроликов?

– А что, по-твоему, я про них должен сказать?

– Ты прикинь: кто стреляет две сотни кролей, тот крутой мэн, усек?

– Точно, – не стал спорить Майкл. – Совершенно с тобой согласен.

– Значит, мы с тобой настроены на одну волну. Круто!

– Точно. Круто.

– Круче не бывает, верно, друг?

– В самую точку, – сказал Майкл, пытаясь подстроиться под собеседника. – Так, может, поднимешь крышку, и мы все обсудим лицом к лицу?

– Устал я чего-то. Пойду подавлю подушку, усек?

Майкл запаниковал.

– Постой, не уходи! Давай еще поболтаем. Расскажи еще о кроликах, Дэви!

– Я же говорил. Называй меня Человек Без Имени!

– Ладно, Человек Без Имени, у тебя, случайно, не завалялось пары таблеток панадола? Голова просто раскалывается.

– Панадола?

– Да.

Молчание. Треск.

– Алло! – крикнул Майкл. – Ты еще здесь?

– Панадол? – хихикнул Дэви.

– Да ладно, вытащи меня отсюда!

– Все зависит от того, откуда – «отсюда»? – после долгой паузы произнес Дэви.

– Да здесь я, в этом чертовом гробу!

– Не вешай мне лапшу на уши.

– Я и не вешаю.

Смешок.

– Не вешай лапшу, идет, Шерлок?

– Идет! Никакой лапши, Шерлок!

– Мне пора, уже поздно. Спать пора!

– Эй, подожди, пожалуйста… пожалуйста…

Рация умолкла.

В угасающем луче фонарика Майкл увидел, что за последний час вода значительно поднялась. Он измерил глубину ладонью. Час назад вода доходила до середины указательного пальца.

Теперь она полностью закрывала ладонь.

25

Рой Грейс хмуро уставился на дисплей мобильника, где выскочило сообщение:

«Все время думаю о тебе! Клодин xx».

Клодин?

Начало десятого. Он сидел у себя в кабинете перед монитором, на котором каждую секунду пикал сигнал «Получено новое сообщение». Рой чувствовал себя разбитым, голова болела так, что темнело в глазах. Слегка познабливало. Дождь все не прекращался, и по кабинету гулял ужасный сквозняк. Несколько секунд он следил за бегущими по стеклу струями воды. Впрочем, пялиться на стену ближайшего дома – не самое интересное занятие в жизни. Он отвинтил колпачок бутылки с минералкой, купленной на бензоколонке по дороге на работу, и, порывшись в ящике стола, извлек оттуда облатку панадола. Выдавил из фольги две капсулы, проглотил и посмотрел, когда было отправлено сообщение: в четверть третьего ночи.

Клодин!

О боже! Она наверняка получила подтверждение, что ее послание дошло по адресу.

Ненавистница полицейских, завзятая вегетарианка, с которой он познакомился по Интернету и встретился во вторник. Дамочка оказалась ужасной, вечер прошел хуже некуда, и вот теперь она шлет ему эсэмэску! Жуть!

Грейс повертел в руках мобильник, прикидывая, что делать – ответить или просто стереть послание. Дверь открылась, и вошел Брэнсон в ворсистом теплом коричневом костюме, галстуке кричащих тонов и двухцветных коричнево-кремовых туфлях. В одной руке он держал пластиковый стаканчик кофе, а в другой – два бумажных пакета.

– Здорово, старичок! – как всегда, жизнерадостно приветствовал он Роя, плюхаясь напротив Грейса и водружая запасы провизии на стол. – Последнюю рубашку все-таки не спустил!

– Очень смешно! – буркнул Грейс.

– Выиграл вчера?

– Черта лысого. – Грейс все еще переживал из-за проигрыша. Четыреста двадцать монет! Деньги для него не проблема, и долгов у него нет, но он терпеть не мог проигрывать, особенно по-крупному.

– Видок у тебя еще тот.

– Спасибо!

– Нет, правда. Похож на кучу дерьма.

– Как мило с твоей стороны прийти и сказать мне об этом!

– Ты когда-нибудь видел «Парень из Цинциннати»?

– Не помню.

– Стив Маккуин. Он тоже продулся в карты. Там шикарная концовка – один малый из Долины поднял ставку, а он швырнул в него последней монетой. – Брэнсон снял крышку со стаканчика, пролив кофе на стол, достал из пакета булочку с миндалем, и рядом с лужицей кофе появилась дорожка сахарной пудры.

– Хочешь кусочек? – поинтересовался сержант, протягивая булочку Грейсу.

Тот покачал головой:

– На завтрак нужно есть более здоровую пищу.

– Ну да! Не хватало еще стать таким, как ты! Что ты ел на завтрак – органический силос?

Грейс помахал облаткой с панадолом:

– Вот все, что мне нужно. Ты чего к нам приперся?

– Через десять минут совещание у шефа. Меня записали в комиссию по борьбе с наркотиками.

– Вот повезло-то!

– Ты же сам говорил: надо зарабатывать политический капитал. Держаться поближе к начальству.

– Умница, запомнил. Я потрясен!

– На самом деле, старичок, к тебе я зашел по другому поводу. – Брэнсон извлек из второго пакета поздравительную открытку и протянул Грейсу. – Все должны подписать – для Мэнди.

Мэнди Уокер была сотрудницей брайтонского отдела по работе с несовершеннолетними, какое-то время работавшая вместе с ними.

– Она уходит? – спросил Грейс.

Брэнсон кивнул, изобразив руками округлившийся живот.

– Вообще-то я думал, ты сегодня в суде.

– Перенесли на понедельник. – Грейс расписался в открытке под дюжиной других фамилий и неожиданно почувствовал, что кофе и булочки пахнут совсем недурственно. Протянув руку, он вытащил из пакета круассан и с наслаждением принялся за еду. Он жевал медленно, разглядывая галстук Брэнсона. От четкого геометрического узора рябило в глазах.

– Рой, помнишь квартирку, где мы были в среду?

– На шоссе?

– Я кое-чего не могу взять в толк. Не хватает твоих мудрости и жизненного опыта. Пара минут найдется?

– А у меня есть выбор?

– Дело вот в чем, – не прекращая жевать, промычал Брэнсон. И пиджак, и галстук у него были в сахарной пудре и крошках. – В мальчишнике участвовали пятеро, так? И вот…

В дверь громко постучали, и помощница Грейса Элинор Ходжсон втащила целую кипу документов и папок. Некрасивая, но эффектная брюнетка средних лет с хорошей фигурой, она всегда ходила поджав губы, словно была недовольна собой или окружающими. Галстук Гленна Брэнсона явно действовал ей на нервы.

– Доброе утро, Рой! – поздоровалась она. – Доброе утро, сержант Брэнсон.

– Как делишки? – по-свойски отозвался Гленн.

Элинор положила документы Рою на стол.

– Я получила из Хантингдона два заключения судмедэкспертов. Одно из них – то, которое вы ждете.

– Томми Литл?

– Да. Еще я принесла ваше расписание и заметки для планерки в одиннадцать по бюджету.

– Спасибо. – Не дожидаясь ее ухода, Грейс торопливо переложил отчеты повыше. Хантингдон в Кембридже был одним из центров судебно-медицинской экспертизы, услугами которой пользовалась полиция Брайтона. Дело Томми Литла было старейшим висяком Грейса. Двадцать семь лет назад одиннадцатилетний Томми пошел из школы домой. Больше его никто не видел. В то время единственной ниточкой стал микроавтобус марки «моррис-майнор», замеченный свидетелем, которому хватило ума записать его номер. Тогда полиции не удалось доказать вину владельца микроавтобуса, одинокого извращенца, в прошлом уже обвинявшегося в приставании к малолетним. И вдруг два месяца назад по чистому совпадению микроавтобус снова попал в поле зрения Грейса. Через много лет «моррис-майнор» купил какой-то фанат автомобильной старины, а его задержали за вождение в нетрезвом виде.

За минувшие двадцать семь лет возможности медицинской экспертизы возросли многократно. С помощью анализа ДНК, не без оснований уверяли полицейские судмедэксперты, можно обнаружить следы пребывания человека в том или ином месте независимо от срока давности. Всего одна клетка кожи, не попавшая в пылесос, волосок, нить одежды… Улика в сто раз меньше булавочной головки – это будет настоящий след.

Сейчас у них есть целый микроавтобус. А подозреваемый еще жив. И эксперты прочесали микроавтобус чуть ли не под микроскопом!

Несмотря на то, что Грейс очень любил Брэнсона, сейчас ему вдруг захотелось, чтобы тот поскорее ушел. Что там раскопали эксперты? Если ему удастся довести до конца дело Томми Литла, он раскроет самый старый висяк в стране.

Брэнсон запихнул в рот остатки булочки.

– Значит, на мальчишнике их было пятеро, так? – продолжал он, не переставая жевать. – Жених обожает дурацкие розыгрыши, в свое время он ухитрился лихо подшутить над всеми друзьями. Одного приковал наручниками к полке в купе ночного экспресса на Эдинбург, хотя тот должен был следующим утром венчаться в Брайтоне.

– Веселый малый, – заметил Грейс.

– Да, именно так тупо и потешаются над лучшими друзьями. Ну вот. Что у нас получается? Где-то по пути потеряли жениха, Майкла Харрисона. Потом угодили в ДТП. Трое скончались на месте, четвертый был в коме и умер вчера ночью. Майкл исчез, о нем никто ничего не знает. Сегодня пятница. Через сутки с небольшим у него свадьба.

Брэнсон отхлебнул кофе, встал и забегал по кабинету. На секунду он остановился у плаката с расписанием дежурств и, перевернув его, схватил ручку и начал рисовать.

– Итак, имеется Майкл Харрисон. – Написав имя, Брэнсон обвел его кружком. – Имеются четверо мертвых приятелей. – Он нарисовал второй кружок. – Кроме того, есть невеста, Эшли Харпер. – Он обвел ее имя третьим кружком. – Компаньон Марк Уоррен. – Четвертый кружок. – И еще…

Грейс насмешливо посмотрел на друга.

– У нас есть то, что мы вчера нарыли в его компьютере, так?

– Банковский счет на Каймановых островах.

Не кладя ручку, Брэнсон опустился на стул.

– Ты сказал, компаньона на мальчишнике не было, – напомнил Грейс.

Брэнсона не переставала удивлять его способность запоминать мельчайшие подробности. От него ничто не ускользает!

– Верно!

– Он задержался в другом городе из-за того, что отложили рейс.

– Это он так говорит.

– Ну и что? Куда, по его мнению, делся Майкл Харрисон? Может, слинял на Каймановы острова?

– Рой, ты же видел его невесту. Мы с тобой согласились: ни один парень в здравом уме не сбежит от такой красотки. Она просто шик, высший класс и к тому же не дура. Но знаешь… – Брэнсон сжал губы.

– Что?

– Она врет. Я применил к ней твои методы НЛП – вспомнил про трюк с глазами. Спросил, известно ли ей о счете на Каймановых островах, и она сказала, что ничего не знает. Она лгала.

– Может, просто осторожничала. Прикрывала задницу своего босса и одновременно жениха. – На секунду Грейс отвлекся, так как компьютер пискнул, извещая о получении очередного электронного письма. – Что-нибудь надумал?

– Версий несколько. Возможно, друзья захотели расквитаться с женихом и где-то его заперли. Возможно, с ним произошел несчастный случай. А может, он просто струсил и сбежал. И Каймановы острова меня смущают.

Грейс открыл одно из писем, помеченное значков «Срочно!». Элисон Воспер. Шефиня спрашивала, свободен ли он в половине первого для краткого брифинга? Не прерывая разговора с Брэнсоном, Рой быстро настучал ответ: да, свободен.

– Его компаньон, Марк Уоррен, непременно был в курсе, какую шутку они задумали. Может, они привязали его к дереву и забыли?

– По словам мисс Харпер, Уоррен знал, что друзья планировали нечто в этом роде, но понятия не имеет, на чем они в конце концов остановились.

– Ты проверил пабы, в которые они заезжали?

– Проверяю.

– А радары, камеры видеонаблюдения?

– Тоже начал просматривать.

– А их тачку обшарил?

Судя по внезапно мелькнувшему на лице Брэнсона ужасу, микроавтобус он совсем упустил из виду.

– Какого черта?! Ты должен был первым делом проверить машину!

– Да, ты прав. Я еще не до конца въехал в это дело.

– Ты объявил его в розыск?

– Да, фото разослано еще утром. Он объявлен пропавшим без вести.

Грейсу показалось, будто над головой сгустились тучи. Объявлен пропавшим без вести! Эта сухая официальная фраза всякий раз била его наотмашь. Он подумал о красавице невесте, о которой толковал Брэнсон, – Эшли. Каково ей сейчас? Канун свадьбы, а жених «пропал без вести»…

– Гленн, ты говорил, жених любит розыгрыши. Может, он и сейчас решил подшутить над всеми и объявится ближе к свадьбе как ни в чем не бывало?

– При том, что четверо его друзей погибли? Если он так шутит, то, значит, болен на всю голову. – Брэнсон посмотрел на часы. – Какие планы на обед?

– Если не позвонит Джулия Робертс, я, наверное, свободен… да, и если Номер 27 не задержит меня дольше, чем на полчаса.

– Как там наша восхитительная Элисон Воспер?

Грейс наградил друга неласковым взглядом и вскинул брови.

– Скорее кислая, чем сладкая.

– Тебе никогда не хотелось ее трахнуть?

– Да, примерно одну наносекунду – а может, фемтосекунду – не помню, как называется мельчайшая единица времени.

– Мог бы здорово продвинуться по службе.

– Мне больше нравится другой путь.

– Какой?

– Не пытаться трахнуть заместителя начальника полиции.

– Ты видел «Лунную милю»?

– Не помню.

– Номер 27 иногда смахивает на Сьюзен Сарандон в том фильме. Хорошее кинцо! Так вот… Слушай, не хочешь в обед прокатиться со мной на автосвалку – по пути бы и поговорили? Ставлю пинту пива и первоклассный сандвич.

– Обед на автосвалке? Да, ты стильный чувак – я сразу догадался, как только увидел твой галстук.

26

По подсчетам Майкла, вода продолжала подниматься на дюйм каждые три часа. Она уже доходила почти до ушей, и его лихорадило от холода.

Всю ночь он неистово скреб крышку гроба бутылкой: к утру от нее уцелел всего один осколок, а руки ныли от усталости. Он выскреб в крышке глубокую канавку, но так и не процарапал ее насквозь.

Майкл задал себе график: два часа работы, полчаса отдыха. Он представил, что вычерпывает воду из трюма получившей пробоину яхты. Тщетно – уровень воды возрастал быстрее, чем под его пальцами истончалась крышка. Не успеет он и носа высунуть наружу, как захлебнется.

Каждые пятнадцать минут он нажимал кнопку «Прием». И каждый раз слышал только треск.

Одиннадцать часов три минуты. Пятница.

Он работал, как проклятый: стеклянная пыль и влажная земля сыпались дождем. Последний осколок уменьшался с каждой минутой. И еще – он все время думал. Когда стекло искрошится, у него останется ременная пряжка. А когда сломается и она, чем тогда скрести эту чертову деревяшку? Линзой от фонарика? Батарейками?

Рация громко зашипела, и он снова услышал липовый американский акцент.

– Здорово, приятель, как делишки? – На сей раз Майкл сразу узнал собеседника и мигом включил микрофон.

– Дэви! Это ты?

– По телику новости, – сообщил Дэви. – Показывают аварию, куда мы с папой ездили во вторник! Ну, скажу я тебе, что было! Все четверо всмятку, – а одного парня до сих пор ищут!

Майкл судорожно сглотнул.

– Что там было, Дэви? Какая у них была машина?

– «Форд-транзит». Ка-ак они перевернулись!

– Дэви, расскажи мне о той аварии.

– Шофер проломил башкой ветровое стекло – полчерепушки снесло! Представляешь, я прямо видел, как у него мозги вылезли наружу! Я сразу понял – не жилец. Выжил только один, но потом и он загнулся.

Майкла бросило в дрожь.

– А тот парень, который пропал… Ты знаешь, как его зовут?

– Ага!

– Скажи мне!

– Мне надо идти – помочь папе.

– Дэви, послушай. Возможно, тот парень – это я.

– Да ладно!

– Дэви, как его зовут?

– Мм… Не знаю. Просто сказали, что завтра он должен жениться.

Майкл зажмурился. О нет! Боже, только не это!

– Дэви, та катастрофа… ну, авария… произошла во вторник, около девяти вечера?

– Да вроде бы.

Ощутив прилив сил, Майкл поднес рацию к самым губам:

– Дэви, тот парень – это я! Это я должен завтра жениться!

– Лапшу на уши вешаешь?

– Нет, Дэви. Слушай меня внимательно.

– Мне пора – поговорим попозже.

– Дэви! – что было сил завопил Майкл. – Не уходи! Пожалуйста, не уходи! Ты – единственный, кто может меня спасти!

Ответом ему была тишина. Только слабое потрескивание свидетельствовало о том, что Дэви еще не отключился.

– Дэви!

– Мне надо идти, усек?

– Дэви, мне нужна твоя помощь. Ты единственный человек на свете, кто может мне помочь. Ты хочешь мне помочь?

Еще одна долгая пауза. Потом:

– Как, ты говоришь, тебя зовут?

– Майкл Харрисон.

– Вот и по телику только что так сказали.

– Дэви, у тебя есть машина? Ты умеешь водить?

– У папы есть грузовик.

– Можно поговорить с твоим папой?

– Ну… не знаю. Он вообще-то занят. Нам надо отбуксировать сломанную машину.

Майкл задумался. Как же достучаться до этого придурка?

– Дэви, хочешь стать героем? Тогда тебя покажут по телевизору!

Его собеседник хихикнул.

– Меня? По телевизору? Как будто я звезда?

– Да, ты можешь стать телезвездой! Позови своего папу, и я объясню ему, как тебе стать звездой. Позови его, дай ему рацию! Ну, как тебе мое предложение?

– Не знаю…

– Дэви, пожалуйста, передай рацию папе.

– Слышь, приятель, тут загвоздка. Папа не в курсах, что у меня есть рация. Он рассердится, если узнает, что я ее подобрал.

– По-моему, он будет гордиться тобой, если узнает, что ты – герой, – посулил Майкл.

– Ты так думаешь?

– Да, я так думаю.

– Мне пора идти. Пока! Конец связи.

Рация умолкла.

От всей души надеясь, что Дэви не ушел, Майкл позвал:

– Дэви! Пожалуйста, не бросай меня, позови папу! Дэви!

В ответ – ни звука.

27

Эшли сидела в крошечной гостиной бунгало матери Майкла, съежившись в старом продавленном кресле, и сквозь пелену слез с отсутствующим видом смотрела в пространство. Перед ней на кофейном столике стояло нетронутое блюдечко с бисквитами. Эшли всхлипнула и посмотрела на цветное фото в рамочке. Фотография стояла на полке над электрокамином. На снимке двенадцатилетний Майкл сидел на велосипеде. Из окна сквозь прозрачные занавески была видна мокрая от дождя дорога. На той ее стороне – луг, дальше – брайтонский ипподром.

– Портниха придет в два, – без выражения пробормотала она. – Что, по-вашему, мне делать? – Она отпила кофе и промокнула глаза салфеткой. Бобо, крошечная белая собачка породы ши-цу, со смешным хвостиком-колечком на голове, посмотрела на Эшли и тявкнула, выклянчивая бисквит. Девушка почесала ей мягкий животик.

Джилл Харрисон, в бесформенной белой футболке, слаксах и легких белых кроссовках, сидела на диване напротив. От ее сигареты поднималась тонкая струйка дыма. На свету

мерцало кольцо с бриллиантом – слишком большим, чтобы быть настоящим. Чуть ниже – тоненький золотой ободок, надетый в день свадьбы. Браслет едва не спадал с запястья.

– Он хороший мальчик, – взволнованно ответила Джилл хрипловатым голосом с сильным суссекским выговором. – Он в жизни никого не обидел – так я и сказала полисменам, когда они сюда приезжали. Мой Майкл не такой! – Джилл покачала головой и глубоко затянулась. – Любит пошутить… – Она сухо рассмеялась. – Бывало, мальчишкой он такое устраивал на Рождество… Мог стул из-под гостя выдернуть или еще что… Но не со зла, Эшли.

– Знаю.

– С ним что-то случилось. Это все ребята. Или он тоже попал в аварию. Но от тебя не сбежал. В воскресенье вечером он приезжал ко мне попить чаю. И все время твердил, как он тебя любит, как счастлив, да храни его Господь! Это ты сделала его таким счастливым! Он рассказывал мне, какой домик вы присмотрели за городом, как хотите его обставить. – Джилл снова затянулась сигаретой и закашлялась. – Майкл – умница. С тех пор, как его отец… – Она поджала губы, и Эшли поняла, что эти воспоминания по-прежнему причиняют ей боль. – С тех пор, как его отец… ты в курсе?

Эшли кивнула.

– Он заменил отца в доме. Если б не мальчик, я бы не справилась. Он был таким сильным. Настоящая скала – для меня и Карли. Она тебе понравится. Он послал ей деньги на обратный билет из Австралии, чтобы она прилетела на свадьбу, – да хранит его Господь! Она может приехать в любую минуту. Пару часов назад она звонила мне из аэропорта. – Джилл в отчаянии помотала головой.

Эшли, в широких коричневых джинсах и жатой белой рубашке, улыбнулась будущей свекрови.

– Я видела Карли перед отъездом в Австралию – она заходила в офис.

– Славная девочка.

– Другой и быть не может – раз она ваша дочь!

Джилл Харрисон, чуть подавшись вперед, затушила окурок в пепельнице.

– Знаешь, Эшли, всю жизнь Майкл очень много работал. В детстве, чтобы помочь мне и Карли, он разносил газеты, а теперь вот у них с Марком свое дело. И никто его не ценит. Марк славный парень, но…

– Что – но?

Джилл покачала головой.

– Ну, скажите!

– Я знаю Марка с детства. Они с Майклом были неразлучны. Но Марк всегда плелся у Майкла в хвосте. Иногда мне кажется, что Марк чуть-чуть ему завидует.

– По-моему, они отлично сработались, – пожала плечами Эшли.

Джил, достав из сумочки пачку «Данхилла», сунула в рот новую сигарету.

– Я всегда предупреждала Майкла, что с Марком надо держать ухо востро. Майкл такой простодушный, он так всем верит!

– Что вы говорите?

Джилл извлекла из сумочки дешевую пластмассовую зажигалку.

– Ты хорошо влияешь на Майкла. Ты ведь позаботишься о том, чтобы он всегда был счастлив?

Бобо снова заскулила, выпрашивая подачку.

– Майкл сильный, – не обращая на собачку внимания, ответила Эшли. – Он – парень что надо. Со всем справится.

– Да, конечно. – Джилл покосилась на телефон, стоящий на столике в углу. – Он и впрямь – что надо. Он вот-вот позвонит. Ах, бедные мальчики! Как они дружили… Поверить не могу…

– И я тоже.

– Милая, у тебя скоро примерка. Не отменяй ее. Шоу должно продолжаться. Майкл объявится, ведь ты тоже в это веришь?

– Конечно, – чуть помедлив, ответила Эшли.

– Поговорим позже.

Эшли встала и, подойдя к будущей свекрови, крепко обняла ее.

– Все будет хорошо!

– Ты для него – лучший подарок судьбы. Ты – настоящее чудо, Эшли. Я так обрадовалась, когда Майкл сказал, что вы… вы… – Джил захлебнулась от избытка чувств. – Что вы собираетесь…

Эшли легонько чмокнула ее в лоб.

28

Грейс сидел на переднем пассажирском сиденье синего «форда», плотно сжав губы и вцепившись руками в обивку. Дорога стремительно убегала назад. «Дворники» со скрипом сгоняли с ветрового стекла струи дождя. Гленн Брэнсон не обращал внимания на страх своего пассажира. Он не считал нужным сбавлять скорость на поворотах, так как недавно закончил курсы экстремального вождения для полицейских и гордился полученными навыками. Из магнитолы доносилось оглушительно громкое и невнятное бормотание – Брэнсон любил рэп.

– Здорово срезал, а?

– Угу. – Грейс решил: чем меньше разговаривать, тем меньше Брэнсон будет отвлекаться. Соответственно, увеличиваются шансы выжить для них обоих. Дотянувшись до приемника, он убавил громкость.

– Джей-Зи, – пояснил Брэнсон. – Клево, правда?

– Правда.

Они повернули направо.

– На курсах нас учили держаться левее, чтобы обзор был лучше. Разумно, да?

Перед ними был правый поворот, в который, по мнению Грейса, на такой скорости они запросто могли не вписаться.

– Да, неплохой совет, – подтвердил Грейс, чувствуя, как все обрывается внутри.

Каким-то чудом они все-таки свернули, и дорога пошла под уклон.

– Что, струхнул?

– Так, самую малость.

– Слабак! Спорим, все дело в твоем возрасте. Помнишь «Пулю»?

– Со Стивом Маккуином? Кажется, он тебе нравится.

– Просто класс! Лучшая погоня в кино.

– Она кончилась жуткой аварией.

– Отличный фильм, – заявил Брэнсон, пропустив последнее замечание мимо ушей. Впрочем, решил Грейс, вполне намеренно.

Сэнди тоже любила быструю езду. Это на все сто соответствовало ее бесшабашной натуре. Как же он боялся, что когда-нибудь Сэнди попадет в аварию! Сто раз объяснял ей: по законам физики машина, идущая на большой скорости, просто не может вписаться в поворот.

И все же за те семь лет, что они прожили вместе, она ни разу не угодила в переделку – на ее машине не было ни единой царапины.

Впереди, к своему облегчению, он увидел вывеску «Автостоянка Болни», прикрепленную к высокой листовой металлической ограде с натянутой поверху колючей проволокой. Брэнсон что было сил вдарил по тормозам и въехал в ворота, помеченные знаком: «Осторожно! Злые собаки». Перед ними оказался огромный склад-ангар.

Достав из багажника зонт и укрывшись под ним, они надавили кнопку звонка у серой двери. Секунду спустя им открыл толстяк лет тридцати, с сальными волосами и в синей робе поверх грязной футболки. Его сплошь покрытая татуировками лапища сжимала недоеденный сандвич.

– Детектив-сержант Брэнсон и детектив-суперинтендент Грейс, уголовная полиция, – представился Брэнсон. – Я вам звонил.

За спиной парня виднелись остовы разбитых легковушек и грузовиков. Не спеша прожевав кусок, толстяк задумчиво закатил глаза.

– Насчет «транзита», что ли?

– Да, – кивнул Брэнсон.

– Белый? Поступил во вторник от Уилера?

– Совершенно верно.

– Он там, во дворе.

Расписавшись в журнале, они прошли через весь ангар и оказались на огороженной площадке площадью в добрый акр. Насколько хватает глаз, вся площадка была завалена обломками искореженных машин. Некоторые были накрыты брезентом, но большинство стояло под открытым небом.

Подняв повыше зонтик, чтобы прикрыть макушку Брэнсона, Грейс разглядывал грузовик «рентокил», сгоревший после страшного лобового столкновения – трудно было представить, что после такой аварии кто-то выжил. Потом он заметил спортивный «порше», смятый буквально в лепешку – теперь в длину он был не более десяти футов. И «тойоту»-седан со срезанной крышей.

На этом кладбище машин Грейсу всегда делалось не по себе. Ему не довелось работать в транспортном отделе, но в те дни, когда он был патрульным, на его долю хватило автокатастроф, и каждый раз он испытывал ужас. Такое может случиться с каждым. К примеру, ты едешь отдыхать, предвкушая классный отпуск. А через несколько секунд – и часто даже не по твоей вине – машина становится убийцей, которая разрывает тебя на куски, ломает руки и ноги, – а иногда и сжигает заживо.

Роя передернуло. Сюда со всего графства свозили тачки, побывавшие в крупных авариях – часто со смертельным исходом. Их держали на спецстоянке до тех пор, пока отдел расследования дорожных происшествий или уголовный розыск собирал всю нужную информацию. Потом обломки отправляли под пресс.

Толстяк в робе показал им на искореженную кучу металла белого цвета. Часть крыши была отрезана, кабина с выбитым ветровым стеклом отлетела от кузова, салон был затянут пленкой.

– Вот она.

Грейс и Брэнсон молча смотрели на машину. Грейса вновь затошнило – останки микроавтобуса являли собой сплошной ужас. Детективы обошли вокруг. Грейс заметил на колпаках густой слой грязи. Точно такие же пласты, постепенно размываемые дождем, покрывали и подножки, и кузов.

Передав коллеге зонт, он потянул на себя водительскую дверцу. В нос ему тут же ударил отвратительный, невыносимый смрад – тяжелый запах гниющей крови. Неважно, сколько раз он с этим сталкивался, – всегда было одинаково тяжело. Так пахнет сама смерть!

Задерживая дыхание, он сдернул пластиковую пленку. Баранку снесло напрочь, водительское кресло съехало вправо, обивка в пятнах крови… Кровь запеклась и на полу, и на приборной доске.

Прикрыв пятна пленкой, Грейс влез в салон. Там было темно и неестественно тихо. По коже поползли мурашки. Пол тоже был покорежен, педали торчали под неестественным углом. Подавшись вперед, он открыл бардачок и достал оттуда руководство пользователя, пачку талонов за парковку, несколько чеков с автозаправок и пару магнитофонных кассет без ярлычков. Кассеты он передал Гленну.

– Их не мешало бы прослушать.

Брэнсон сунул их в карман.

Протиснувшись сквозь огромную рваную дыру, Грейс оказался в кузове. Шаги рождали в пустой металлической коробке гулкое эхо. Брэнсон распахнул задние дверцы, и стало светлее. На полу валялись пустая пластмассовая канистра из-под бензина, запасная покрышка, гаечный ключ и затянутый в пластик талон на парковку. Грейс вытащил талон, посмотрел на дату – несколько дней до аварии – и передал Брэнсону. Еще в фургоне валялась одинокая кроссовка фирмы «Адидас» на левую ногу, которую он тоже передал Брэнсону, и короткая нейлоновая куртка. Порывшись в карманах куртки, Грейс извлек оттуда пачку сигарет, пластмассовую зажигалку и квитанцию из брайтонской химчистки. Брэнсон аккуратно разложил все по пакетам.

Грейс внимательно осмотрел салон, стараясь ничего не упустить. Потом вылез наружу и, нырнув под зонт, спросил у Брэнсона:

– Кому принадлежал микроавтобус?

– Фамилия владельца Хулигэн. Он – хозяин похоронного бюро в Брайтоне. Там работал один из погибших – его племянник.

– Целых четыре жмурика? Им должны предоставить солидную оптовую скидку, – мрачно сострил Грейс.

– Знаешь, иногда шуточки у тебя на редкость дурацкие.

Рой пожал плечами.

– Ты уже говорил с работниками похоронного бюро?

– Вчера днем лично допросил Шона Хулигэна, владельца. Как ты догадываешься, он очень расстроен. Говорит, его племянник был трудолюбивым парнем, старался, как мог.

– А остальные? Кстати, он разрешил племяннику взять микроавтобус?

Брэнсон покачал головой:

– Нет. Но он говорит, такое на него не похоже.

Грейс немного подумал.

– Как они обычно использовали микроавтобус?

– Для перевозки трупов. Из больниц, хосписов, домов престарелых – тамошним обитателям неприятно смотреть на катафалки. Ты, кстати, есть не хочешь?

– Хотел – до того, как мы сюда попали.

29

Через десять минут они сидели за шатким столиком в углу почти пустынного зала загородного паба. В ожидании заказа Грейс прихлебывал «Гиннесс», а Брэнсон – диетическую колу. Рядом красовался внушительных размеров камин, набитый дровами, но не горел. На стенах – древние сельскохозяйственные орудия. Грейс любил подобные пабы –

настоящие старые сельские пивные – и терпеть не мог современных, отделанных «под старину» и насквозь фальшивых. К сожалению, на фоне безликого городского пейзажа псевдостаринные заведения множились, как поганки.

– Ты проверил его мобильный? – поинтересовался Грейс.

– После обеда обещали прислать распечатку, – ответил Брэнсон.

– Заказ номер двенадцать!

Грейс поднял голову. Бармэйд принесла поднос с обедом. Бифштекс и пудинг с почками для него, стейк из меч-рыбы и салат для Гленна Брэнсона.

Грейс ткнул ножом мягкое почечное сало, и оттуда хлынул густой горячий соус.

– Инфаркт на тарелке! – поддразнил его Брэнсон. – Знаешь, что такое почечное сало? Животный жир. Вот так-то!

Выдавив на краешек тарелки горчицы, Грейс ответил:

– Дело не в том, что ты ешь: главное – есть с удовольствием и не дергаться. Мнительность убивает.

Брэнсон отправил в рот кусок рыбы и с аппетитом заработал челюстями.

– Кстати, я читал, что из-за загрязнения окружающей среды содержание ртути в морской рыбе просто зашкаливает, – продолжал Грейс. – Ее нельзя есть чаще чем раз в неделю.

Брэнсон перестал жевать. Ему явно стало не по себе.

– Где ты это прочел?

– Кажется, в журнале «Нейчур». Он считается одним из самых авторитетных научно-популярных журналов в мире. – Наблюдая за гримасами друга, Грейс не смог сдержать улыбки.

– Черт, а мы едим рыбу… да почти каждый вечер! Неужели ртуть?

– Скоро термометром станешь.

– Не смешно! То есть…

Разговор прервали два резких звонка.

Грейс выхватил из кармана мобильник и посмотрел на дисплей.

«Почему не отвечаешь, Здоровяк? Клодин XX».

– Господи, только ее не хватало, – сказал он. – Чертова зайка!

Брэнсон удивленно вскинул брови.

– Зайки полезные – и мясо у них дешевое.

– Эта вовсе не дешевая, и она мяса не ест. Я назвал ее «зайкой», как в том старом фильме с Гленн Клоуз.

– А, «Роковое влечение»? Майкл Дуглас и Энн Арчер, восемьдесят седьмой год. Классный фильм – в воскресенье его показывали по спутниковому.

Грейс показал ему текст эсэмэски.

Брэнсон ухмыльнулся:

– Значит, ты – Здоровяк?

– До этого у нас не дошло. И не дойдет!

Тут зазвонил мобильник в нагрудном кармане самого Брэнсона.

– Гленн Брэнсон. Да? Ладно, хорошо. Буду через час. – Он дал отбой, положил телефон на стол и взглянул на Грейса. – Пришла распечатка переговоров Майкла Харрисона из компании «Водафон». Если хочешь, подскочим вместе в контору и глянем…

Грейс задумался, достал карманный компьютер и сверился с расписанием. На сегодняшний вечер он ничего не планировал, так как хотел разобраться с документами по делу Суреша Хоссейна, затребованными Элисон Воспер к совещанию, назначенному на половину первого. Еще он собирался прочесть отчет экспертов по делу Томми Литла. Но Томми Литл ждал двадцать семь лет, еще один день мало что мог изменить. А вот исчезновение Майкла Харрисона – дело срочное. Даже не будучи знакомым с фигурантами, Грейс сочувствовал им. Особенно невесте – он понимал, каково это: внезапно лишиться любимого. И если он хоть чем-то сможет помочь, то непременно это сделает.

– Да, – сказал он. – Конечно!

Брэнсон, оставив рыбу, уныло ковырял салат, зато Грейс с аппетитом уплетал бифштекс и пудинг с почками.

– Вот что я недавно прочел, – сообщил он Брэнсону. – Французы пьют больше красного вина, чем англичане, но живут дольше. Японцы едят больше рыбы, чем англичане, но живут дольше. Немцы едят больше свежего мяса, чем англичане, и пьют больше пива, но опять-таки живут дольше. Знаешь, в чем тут соль?

– Нет.

– Дело не в том, что ты ешь или пьешь. Нас убивает то, что мы говорим по-английски.

Брэнсон ухмыльнулся:

– Не знаю, за что я тебя люблю. Тебе вечно удается вдолбить в меня комплекс вины.

– Поехали искать Майкла Харрисона. А потом можешь наслаждаться выходными.

Брэнсон сдвинул рыбу на край тарелки и залпом допил колу.

– В так называемых легких напитках полно аспартама, – неодобрительно покачал головой Грейс. – Читал в Интернете, что от аспартама бывает волчанка.

– Что такое волчанка?

– Это штука похуже ртути!

– Спасибо, Здоровяк.

– Ты просто мне завидуешь.

Загнав машину на стоянку, друзья через служебный вход попали в старое семиэтажное здание, где размещалось полицейское управление Брайтона. Грейс испытал прилив ностальгии. Брайтонское управление считалось самым неспокойным в Великобритании. Ему нравились царящие здесь шум и суета. Рой проработал в этом здании почти пятнадцать лет, а получив повышение и переехав в относительно тихую штаб-квартиру уголовного розыска на окраине, иногда скучал по здешнему шуму и гаму.

Грейс и Брэнсон поднимались по бетонной лестнице. На выкрашенных синей краской стенах висели до боли знакомые табло и доски с расписанием нарядов и объявлениями. В воздухе так и витало напряжение. И пахло не так, как в больнице, школе или гражданской конторе. Это был запах энергии.

Они миновали четвертый этаж, где находился его прежний кабинет, поднялись на пятый, прошли мимо стенда с огромным заголовком: «Раскрываемость преступлений на апрель 2004 года – 27,8 %». Следом за Брэнсоном Грейс вошел в длинный узкий кабинет, где сержант корпел над делом об исчезновении Майкла Харрисона. Шесть столов с компьютерами. За двумя столами сидели детективы, которых он знал и любил, – констебль Ник Николл и сержант Белла Мой. Расписание дежурств было прикноплено к распоркам. На

стене висела белая доска, а рядом с ней – крупномасштабная карта Суссекса, истыканная цветными булавками.

– Кофе? – предложил Брэнсон.

– Ничего не надо, спасибо.

Они остановились у стола Беллы, заваленного кипами документов. Среди бумаг стояла открытая коробка с драже. Белла ткнула пальцем в их сторону:

– Я заказала в «Водафоне» распечатку звонков Майкла Харрисона с утра вторника до девяти сегодняшнего дня. Заодно попросила и распечатку разговоров его четверых друзей.

– Хорошая мысль, – похвалил ее довольный проявленной инициативой Брэнсон.

Белла указала на монитор компьютера:

– Я нанесла на карту ретрансляторы всех операторов мобильной связи, которыми пользовались пять человек. «Ориндж», «Водафон» и «Ти-Мобайл». «Ориндж» и «Ти-Мобайл» работают в более высоком частотном диапазоне по сравнению с компанией «Водафон», к которой подключен Майкл Харрисон. Последний сигнал его мобильника зарегистрирован на базовой станции Пиппингфорд-Парк в квадрате А-22. К сожалению, ее нельзя рассматривать как ближайшую к месту происшествия – если ближайшая ретрансляционная станция перегружена, она отсылает сигналы к следующей свободной вышке.

Эта девушка далеко пойдет, подумал Грейс. Окинув взглядом карту, он спросил:

– Каково расстояние между вышками?

– В городах они расположены примерно через пятьсот метров, но за городом могут отстоять и на несколько миль друг от друга.

По предыдущим делам Грейс помнил, что вышки операторов сотовой связи служат своего рода маяками. Мобильный телефон, независимо от того, говорят по нему или он находится в режиме ожидания, постоянно посылает сигналы, улавливаемые ближайшим к нему маяком. Исходя из этого, нетрудно зафиксировать передвижения любого владельца сотового телефона. Но в городе найти его значительно проще, чем «на травке».

Белла встала и, подойдя к висящей на стене карте Суссекса, показала на синюю булавку в центре Брайтона, окруженную зеленой, желтой и белой:

– Я пометила сигналы телефона Майкла Харрисона синим цветом. У всех его друзей цвета разные.

Грейс следил за пальцем девушки, а она продолжала давать разъяснения:

– Как видим, с семи до девяти вечера все пять источников сигналов перемещаются совокупно. – Она ткнула по очереди в три разные точки. – В каждом из этих мест есть паб. Зато дальше все становится интереснее. – Белла обвела пальцем точку в нескольких милях к северу от Брайтона. – Сначала пять точек сближаются вновь. Но потом их остается только четыре.

– Зеленая, малиновая, желтая и белая, – подытожил Брэнсон. – Синей нет.

– Именно, – кивнула Белла.

– Куда девалась синяя точка?

– Никуда. – Белла выразительно покачала головой. – Она просто исчезла.

– Значит, компания распалась, – сказал Грейс. – Примерно… без четверти девять?

– Если только он не потерял телефон.

– Разумеется.

– Стало быть, нас интересует район милях в пятнадцати к северу от Брайтона и прилегающая территория в радиусе пяти миль? – уточнил Гленн Брэнсон.

– Его телефон все еще подает сигналы? – спросил Грейс, тряхнув головой.

Он словно впервые заметил Беллу. Ему доводилось встречаться с ней и раньше, но он никогда по-настоящему не замечал, насколько она красива. Симпатичное личико, да и грудка что надо – если, конечно, Белла не пихает в лифчик камни. Полногрудые женщины всегда его заводили. Он заставил себя переключиться на работу. Но тут же покосился на руку девушки – проверить, носит ли та кольцо. Он увидел колечко с сапфиром, но не на безымянном пальце. Надо запомнить!

– Последний сигнал зарегистрирован во вторник, в двадцать сорок пять. С тех пор – ничего.

– Что скажешь? – спросил Грейс.

В голубых глазах Беллы застыло задумчивое выражение. Она неизменно держалась с ним почтительно – как-никак он был старшим по званию.

– По мнению техника телефонной компании, либо его мобильный выключен с вечера вторника, либо находится вне зоны действия сети.

Грейс кивнул:

– Майкл Харрисон – честолюбивый и удачливый бизнесмен. Завтра утром он должен жениться на очень красивой женщине. Его телефон умолк за двадцать минут до столкновения, в котором погибли четверо его друзей. Весь последний год он тайно переводил деньги со счета своей компании на Каймановы острова – нам известно по меньшей мере о миллионе фунтов. А его компаньона, который тоже должен был в ту роковую ночь участвовать в мальчишнике, по какой-то причине там не оказалось. Я пока верно все излагаю?

– Да, – подтвердил Гленн Брэнсон.

– Значит, он мог умереть. Или разыграть собственное исчезновение.

– Надо проверить очерченный Беллой район. Зайти во все пабы, где они могли побывать. Поговорить со всеми, кто его знает.

– А потом?

– Факты, – развел руками Гленн. – Собрать все факты. Если они не приведут нас к Харрисону, начнем строить предположения.

На столе Беллы зазвонил телефон. Сняв трубку, она сразу посерьезнела. Значит, звонок важный.

– Вы уверены? – переспросила она. – Со вторника? Вы уверены, что именно со вторника? Его не мог взять кто-то другой?.. Да, согласна. Спасибо, ваши сведения нам очень пригодятся. Оставьте, пожалуйста, свой номер.

Грейс смотрел, как ее рука выводит номер телефона и имя: Шон Хулигэн.

– Спасибо, мистер Хулигэн. Большое спасибо. Мы вам перезвоним. – Положив трубку, она посмотрела на Грейса и Брэнсона. – Звонил мистер Хулигэн, владелец похоронного бюро, где работал погибший Роберт Хулигэн. Он только что обнаружил: со склада пропал гроб!

30

– Гроб?! – слегка опешил Гленн Брэнсон.

– Такое обычно не крадут, правда? – нахмурилась Белла Мой.

Грейс промолчал – его отвлекала жужжавшая в комнате муха, тычущаяся в оконное стекло. Этажом ниже – отдел судебно-медицинской экспертизы. Окровавленная одежда и прочие улики с места преступления притягивают трупных мух, как магнитом. Грейс их терпеть не мог. Трупные, или мясные, мухи – хищники в мире насекомых.

– Тот парень, Роберт Хулигэн, без спроса взял дядин микроавтобус. Вполне вероятно, гроб он тоже позаимствовал самовольно. – Он насмешливо посмотрел на Брэнсона с Беллой. – Может, они и впрямь задумали над ним подшутить? Черный юмор и все такое…

– По-твоему, друзья могли засунуть Харрисона в гроб? – прищурился Гленн Брэнсон.

– У тебя есть версия получше?

Брэнсон с раздражением хмыкнул.

– Работаем с фактами. Так?

Глядя на Беллу и подсознательно любуясь ее красотой, Грейс спросил:

– Хулигэн уверен, что гроб пропал? Может, они его просто потеряли?

– Теряют ключи, но гробы – вряд ли, – ухмыльнулся Брэнсон.

– Ошибки быть не может, – перебила его Белла. – Это был самый дорогой гроб во всем заведении – из индийского тика. Хулигэн уверяет, что такой не рассыплется бог знает сколько лет. Но этот экземпляр оказался с изъяном. Может, древесина покоробилась или еще чего – в общем, днище не было герметичным. Он как раз послал рекламацию производителям в Индию.

– Невероятно! Оказывается, мы ввозим гробы из Индии! – удивился Брэнсон. – Неужели в Англии нет своих плотников?

Грейс, еще раз изучив карту, очертил пальцем круг.

– Район довольно большой.

– Как долго человек может прожить в гробу? – спросила Белла.

– Если гроб закрыт крышкой, все зависит от того, есть ли доступ воздуха, вода и пища, – ответил Грейс. – Без воздуха в «ящике» долго не протянешь. Несколько часов, может, день.

– Но прошло уже три, – заметил Брэнсон.

Грейс вспомнил: однажды он читал про турка, которого извлекли живым из-под развалин собственного дома через двенадцать дней после землетрясения.

– Если есть воздух, можно продержаться по крайней мере неделю, а может, и дольше. Будем надеяться, если они и впрямь положили его в гроб, то хоть додумались каким-то образом обеспечить приток воздуха. Иначе нам придется искать не живого человека, а труп… Надеюсь, вы уже допросили Марка Уоррена, его компаньона?

– Он еще и его шафер, – вмешался Николл. – Говорит, понятия не имеет, что произошло. Они просто собирались прошвырнуться по пабам, но его не было в городе, и он в мальчишнике не участвовал.

Грейс хмуро взглянул на часы. Время почти ощутимо утекало сквозь пальцы.

– Одно дело – прошвырнуться в мальчишник по пабам, и совсем другое – прихватить с собой гроб. Гроб не берут вдруг, по наитию – правда? – Он по очереди оглядел сотрудников.

Все трое покачали головой.

– Кто-нибудь беседовал с их подругами, женами?

– Я, – сказала Белла. – Это тяжело, потому что они все в шоке, но одна была очень зла – Зои… – Она полистала блокнот и вырвала несколько страничек. – Зои Уокер – вдова Джоша Уокера. Она сказала, что Майкл вечно устраивал глупые розыгрыши, и уверена, что его друзья решили поквитаться.

– И шафер не в курсе? – удивился Грейс. – Что-то не верится.

– А я совершенно убежден в том, что Уоррен ничего не знает, – возразил Николл. – Зачем ему лгать?

Грейса удивила наивность молодого детектива. Но он всегда считал, что молодым нужно давать шанс проявить себя, и не стал продолжать. Однако мысленно взял на заметку: нужно будет вернуться к этому попозже.

– Район поисков просто огромный, – вздохнул Брэнсон. – К тому же, там лесной массив: сто человек не прочешут его и за несколько дней.

– Попробуем его сузить, – ответил Грейс. Взяв со стола Беллы маркер, он нарисовал на карте синий круг и повернулся к Николлу: – Ник, нам нужен список всех окрестных пабов. С них мы и начнем. – Он повернулся к Брэнсону: – У тебя есть фотографии ребят из микроавтобуса?

– Да.

– Молодец. Два комплекта?

– Я заказал дюжину.

– Разделимся. Мы с сержантом Брэнсоном обойдем одну половину пабов, а вы двое – вторую. Попробую заказать вертолет, чтобы прочесал местность, – хоть там сплошной лес, возможно, что-то удастся разглядеть с воздуха.

* * *

Час спустя Гленн Брэнсон притормозил на пустой стоянке у паба «Королевская голова» на Рингмер-роуд расположенного на самой границе круга поисков. Детективы вылезли из машины и, подойдя к двери, прочитали на вывеске, что владельцы заведения – Джон и Маргарет Хоббс.

Внутри, в распивочной, было пусто, как и в ресторане с отдельными кабинками, тянувшимися вдоль левой стены. В воздухе витали «ароматы» политуры и прокисшего пива. В дальнем углу, рядом с доской для игры в дартс, мигал лампочками «однорукий бандит».

– Эй! – крикнул Брэнсон. – Есть кто-нибудь?

Перегнувшись через стойку, Грейс увидел открытый люк погреба. Он зашел за стойку, опустился на колени и, глянув вниз, крикнул:

– Эй! Где вы там?

– Сейчас поднимусь, – проворчал кто-то в ответ.

Грейс услышал грохот, и две громадные лапищи поставили на край погреба бочонок с надписью «Харви». Следом появилась и голова потного краснолицего толстяка в белой рубашке и джинсах – судя по габаритам и перебитому носу, бывшего боксера.

– Чего надо?

Брэнсон показал ему ордер на обыск.

– Полиция Суссекса. Сержант уголовного розыска Брэнсон, суперинтендент уголовного розыска Грейс. Нам нужен хозяин. Вы мистер Хоббс?

– Он самый, – пропыхтел толстяк, с трудом вылезая наверх и опасливо глядя на незваных гостей. От него исходил тяжелый запах немытого тела.

– Пожалуйста, взгляните на фотографии. Кого-нибудь узнаете? Возможно, они заходили к вам вечером во вторник. – Брэнсон выложил снимки на стойку.

Тщательно рассмотрев каждое фото, Джон Хоббс покачал головой:

– Нет, никогда раньше их не видел.

– А вы работали вечером во вторник? – спросил Грейс.

– Работаю каждый божий день, – ответил владелец паба. – Семь дней в неделю. А все из-за вас, ребята!

– Из-за нас?

– Из-за вашего транспортного отдела. Если у тебя сельский паб, поди заработай, коли козлы из транспортного так и шныряют вокруг, заставляют моих клиентов дышать в трубку!

Грейс нетерпеливо отмахнулся.

– Вы совершенно уверены, что никого не узнаете?

– По будням у меня больше десяти клиентов за раз не бывает – и то если повезет. Зайди ко мне такая компашка, я бы их мигом заприметил. Никого не знаю. А что, должен был?

В такие минуты Рой Грейс ужасно злился на работников дорожной инспекции. Для большинства граждан контакты с полицией сводятся к тому, что их останавливают за превышение скорости или вождение в нетрезвом виде. В результате полицейских считают не друзьями и гарантами мира, а врагами.

– Вы телевизор смотрите? Местные газеты читаете?

– Нет, – мотнул головой Хоббс. – Дел невпроворот. А что? Я что-нибудь нарушил?

– Четверо из этих ребят погибли, – бросил рассерженный носорожьей непробиваемостью владельца паба Гленн Брэнсон. – Разбились в аварии во вторник вечером.

– И вы хотите пришить дело бедному владельцу пивной? Обвинить его в том, что он накачал их спиртным?

– Я этого не говорю, – возразил Грейс. – Вовсе нет! Я ищу парня, который был с ними. – Он показал на снимок Майкла.

Хоббс покачал головой:

– Здесь его не было.

Оглядев заведение, Брэнсон спросил:

– У вас есть камера наружного наблюдения?

– Шутите? Как будто у меня есть деньги покупать всякие такие штуковины! Вот моя камера! – Хоббс ткнул себя в глаза. – Дается бесплатно при рождении. А теперь извините – мне надо перелить пиво.

Ни Грейс, ни Брэнсон не потрудились ответить.

31

Майкл вздрогнул. Кто-то ползал у него в волосах. Насекомое медленно перебирало лапками, но неуклонно двигаясь ко лбу. Паук?

Выронив от неожиданности пряжку, он принялся яростно расчесывать волосы. От сражений с крышкой кожа на пальцах стерлась до мяса.

Насекомое добралось до лица – лапки заскользили по щеке, носу, губам…

– Убирайся, дрянь! – Майкл хлопнул по щеке ладонью и почувствовал, как под пальцами лопнуло что-то мелкое и склизкое. Кем бы ни была эта тварь, она больше его не побеспокоит, и Майкл старательно стер его останки с короткой колючей щетины.

К насекомым он всегда относился равнодушно – кроме пауков. Еще в детстве он прочел в местной газете историю о зеленщике, которого цапнул тарантул, затаившийся в связке бананов. Зеленщик тогда чуть не помер.

Луч фонарика заметно поблек и отбрасывал на белый атлас лишь маленькое пятнышко тускло-янтарного света. Теперь Майклу приходилось постоянно напрягать шею: иначе вода заливала глаза и рот. Через некоторое время еще какое-то насекомое укусило его в лодыжку. Место укуса болело и чесалось.

Он потряс фонариком. На мгновение свет погас совсем. Потом нить накала затлела еще на несколько секунд – и… темнота.

Майкла бил озноб. Он не околел от холода только потому, что все время скреб эту чертову крышку, хотя ему так и не удалось процарапать сквозную дыру. А пробиться надо позарез – иначе вода… Он пытался отогнать мрачные мысли, но не мог. Вода все поднималась и уже закрывала ноги и живот. Одной рукой Майкл кое-как ухитрялся удерживать рацию в просвете между грудью и крышкой, не давая ей промокнуть.

Он почувствовал, как его захлестывает отчаяние. В голове все крутились и крутились слова Дэви: «Шофер проломил башкой ветровое стекло – полчерепушки снесло!

Представляешь, я прямо видел, как у него мозги вылезли наружу! Я сразу понял: не жилец. Выжил только один, но потом и он загнулся!»

Место и время аварии совпадали, марка микроавтобуса – тоже. Пит, Люк, Джош, Роббо – неужели их всех больше нет? Так вот почему никто за ним не явился! Но Марк-то должен знать, что они замышляли, – он ведь шафер! Конечно, сейчас Марк наверняка возглавляет поиски! Если только с ним тоже что-то не случилось, с тоской подумал Майкл. Может, он присоединился к друзьям в следующем пабе и был с ними в микроавтобусе?

Пятница, десять минут пятого. Майкл попытался представить, что сейчас происходит. Что делает Эшли? Мама? Готовятся ли они к завтрашнему событию?

Полная тишина.

Мне нужно выбраться отсюда!

Послышалось шипение, треск, словно кто-то пилил дерево. Майкл не сразу сообразил, что это опять заработала рация.

– Ты это серьезно насчет того, что меня покажут по телику? – прогнусавил уже знакомый голос.

– Дэви!

– Слышь, приятель, мы только что вернулись – ну и авария была, доложу я тебе! Мужика расплющило в лепешку. Спасатели часа два провозились с автогеном, пока не достали водилу. Ну и видок у него был. Жуть! Но все равно лучше, чем у бабы в другой тачке, – усек?

– Усек, – с готовностью подтвердил Майкл, уже усвоив стиль общения собеседника.

– Или не усек? Она ведь кони двинула. Врубаешься?

– Кони двинула? Врубаюсь.

– Но, ва-аще, сразу ясно, кто откинется, а кто – нет. Правда, не всегда… Врубаешься в расклады?

– Дэви, вспомни вторничную аварию. Сколько человек было в микроавтобусе?

– Я вспоминал, сколько было «Скорых», – немного помолчав, ответил Дэви. – Если авария тяжелая, присылают по машине на каждого. Когда мы приехали, одна «Скорая» отъезжала, а вторая еще стояла там.

– Дэви, ты, случайно, не помнишь имен пострадавших?

К изумлению Майкла, Дэви тут же отчеканил:

– Джош Уокер. Люк Джиринг. Питер Уоринг. Роберт Хулигэн.

– У тебя хорошая память, Дэви, – похвалил его Майкл. – А кто-нибудь еще там был? Не было ли в машине человека по имени Марк Уоррен?

Дэви хихикнул.

– Имен я не забываю. Если бы Марк Уоррен был в той аварии, я бы запомнил. У меня в голове все имена, какие я слышу. Я помню все, что слышал, и когда. Правда, толку от этого…

– Наверное, в школе ты был отличником по истории.

– Наверное, – помрачнел его собеседник.

Майкл был настолько подавлен, что с трудом сдерживал желание заорать. Призвав на помощь все свое терпение, он спросил:

– Ты помнишь, где произошла авария?

– На шоссе А-26. Две и четыре десятых мили к югу от Кроуборо.

Перед Майклом забрезжил слабый лучик надежды.

– Мне кажется, я нахожусь недалеко от того места. Дэви, ты умеешь водить машину?

– То есть автомобиль?

– Да, именно.

– Зависит от того, что ты понимаешь под словом «водить».

Майкл устало закрыл глаза. Должен же быть какой-то способ достучаться до этого дебила! *Но как? Как?!*

– Дэви, мне очень нужна помощь. Серьезно! Ты любишь играть?

– В компьютерные игры? Да! А у тебя есть «Сони-плейстейшн-2»?

– С собой – нет.

– Может, мы с тобой поиграем по Интернету?

В рот Майклу попала вода. Выплюнув ее, он подумал, что она поднимается все быстрее.

– Дэви, я дам тебе номер телефона. Позвонить сумеешь? Мне нужно, чтобы ты сообщил одному человеку, где я. Можешь набрать номер сейчас, пока ты разговариваешь со мной?

– Хьюстон, у нас проблемы.

– Какие?

– Понимаешь, телефон-то в папином доме. Он не знает, что у меня есть рация, мне нельзя было ее подбирать. Это наша с тобой тайна.

– Отлично! Я умею хранить тайны.

– Папа здорово рассердится!

– А тебе не кажется, что он рассердится еще больше, когда узнает, что ты мог спасти мне жизнь, но оставил умирать? По-моему, ты – единственный человек на свете, который знает, где я нахожусь.

– Ладно, я никому не скажу.

В рот Майклу вновь попала грязная жижа – солоноватая и противная на вкус. Он сплюнул. Руки и плечи совсем затекли – он все время должен был напрягать их, чтобы удерживать голову над водой.

– Дэви, если ты мне не поможешь, я умру. Ты можешь стать героем. Хочешь стать героем?

– Мне пора, – пробубнил Дэви. – Вон идет папа – я ему нужен.

– Нет! – потеряв терпение, взорвался Майкл. – Дэви, черт побери, ты никуда не пойдешь! Ты должен мне помочь. Ты… должен… черт возьми… мне помочь!

Ответом ему было молчание – на сей раз очень долгое. Майкл испугался, что перегнул палку.

– Дэви! – чуть спокойнее позвал он. – Дэви, ты меня слышишь?

– Слышу, слышу. – Голос Дэви изменился. Внезапно он стал кротким и виноватым, как у маленького мальчика.

– Дэви, сейчас я продиктую тебе номер телефона. Запиши его, пожалуйста, и позвони по нему. Скажи, что они могут поговорить со мной по твоей рации – и это очень-очень срочно. Пожалуйста, помоги мне!

– Ладно. Сказать, что это очень-очень срочно.

Майкл продиктовал номер, Дэви сообщил, что сейчас сходит позвонит, а потом снова свяжется с ним по рации.

Через пять минут, показавшиеся ему мучительно долгими, из рации снова донесся голос Дэви.

– Там автоответчик, – сообщил он.

Майкл в бессильной ярости стиснул кулаки.

– Ты не оставил сообщение?

– Нет. Про сообщение ты ничего не сказал.

32

Хозяйка «Монахов» в Акфилде оказалась высокой, коротко стриженной блондинкой лет пятидесяти, внушительных размеров. Судя по всему, жизненного опыта ей было не занимать. Она встретила Грейса и Брэнсона дружеской улыбкой и внимательно рассмотрела снимки, разложенные на столе детективами.

– Как же, – кивнула она. – Были они здесь, все пятеро. Дайте-ка вспомнить… Во вторник, около восьми.

– Вы уверены? – переспросил Гленн Брэнсон.

Хозяйка показала на фото Майкла:

– Видок у него был помятый, но держался неплохо. – Женщина ткнула пальцем в фото Джоша: – Вот этот заказывал. Сначала всем по пиву, да еще, кажется, и водки. А этот, – она вновь указала на Майкла, – все твердил, что в субботу женится. Заявил, что я – самая красивая женщина из всех, кого он видел, – мол, если бы мы встретились раньше, то женился бы на мне.

Она ухмыльнулась Брэнсону и весело подмигнула Грейсу. Уж эта явно умеет найти с полицией общий язык, подумал Грейс. Несомненно, все местные служители закона у нее в кармане. Вот почему она может себе позволить не закрывать заведение даже после одиннадцати вечера.

– Вы, случайно, не слышали, что они собирались делать или куда направлялись? – спросил Грейс.

– Нет, голубчик. Они все были в приподнятом настроении. Народу у меня было немного, они все сидели вон в том углу. – Хозяйка показала в противоположный угол зала. Там в нише стоял стол, стену над ним украшала конская сбруя. – Я и внимания-то на них особого не обращала – один мой завсегдатай жаловался мне на жену. Знаете, как это бывает?

– Да, – кивнул Грейс.

– Значит, вам неизвестно, куда они поехали после вас? – уточнил Брэнсон.

Хозяйка покачала головой:

– Наверное, ушли в загул. Расплатились – и привет.

– У вас есть камера наблюдения?

Хозяйка снова улыбнулась Грейсу, словно заигрывая с ним:

– Нет, милый. Извини.

Когда они вышли из паба и побежали через двор к машине, ежась под холодным проливным дождем, Грейс услышал отдаленное стрекотание вертолета. Он поднял голову, но так ничего и не разглядел. Брэнсон отпер дверцу. Грейс юркнул в салон и тут же позвонил Белле и Нику.

– Как дела, ребята?

– Полная тишина, – ответил Николл. – Ничего хорошего. У нас осталось еще два паба. А что у вас?

– Еще три.

Брэнсон включил зажигание.

– Сногсшибательная дамочка, – заметил он. – По-моему, ты ей понравился.

– Спасибо, – отозвался Грейс. – После вас!

– Я счастливый женатый человек. Это ты можешь позволить себе плыть по течению.

Рой Грейс опустил голову и уставился на дисплей мобильника. Клодин, вегетарианка из Гилдфорда, которая терпеть не могла полицейских, снова прислала ему эсэмэску.

– Везет тебе, – сказал он. – А мне кажется, половина незамужних баб – ненормальные… Авария произошла в начале десятого. Видимо, это был последний паб перед тем, как они засунули его в гроб.

– Могли успеть еще в один.

Они объехали три оставшихся паба, но молодых людей на снимках не признал никто. Зато Ник и Белла обнаружили еще одну пивную, куда друзья заглядывали по пути. Они уехали оттуда около половины девятого – все здорово навеселе. Тот паб находился примерно в пяти милях отсюда. Грейса новости не обрадовали. Судя по всему, сейчас им известно о Майкле Харрисоне не больше, чем в самом начале.

– Надо переговорить с его компаньоном, – сказал Грейс. – Раз он – шафер, то обязательно должен что-то знать. Как по-твоему?

– По-моему, надо прочесать всю округу.

– Да, но район поисков необходимо сузить.

Брэнсон выжал сцепление.

– Когда-то ты рассказывал про одного чудика, который находит людей с помощью маятника.

Грейс удивленно воззрился на друга:

– Да…

– Не помню, как его зовут. Ты говорил, он умеет находить пропавшие вещи, качая маятником над картой.

– Мне казалось, ты в это не веришь. Ты ведь твердишь, будто я идиот, потому что интересуюсь такими вещами. И ты предлагаешь, чтобы я посоветовался с таким человеком?

– Рой, я просто в отчаянии. Не представляю, что еще можно сделать.

– Продолжать работу – вот что.

– А может, попробуем?

Грейс улыбнулся:

– А я-то считал тебя скептиком.

– Я и есть скептик. Но наш парень завтра в два должен венчаться, и мы… и у нас есть… – сержант бросил взгляд на запястье, – всего двадцать два часа на то, чтобы доставить его к алтарю. И примерно пятьдесят квадратных миль леса, который надо обыскать, хотя солнце сядет через четыре часа. Что скажешь?

В глубине души Грейс и сам склонялся к тому, чтобы прибегнуть к помощи Гарри Фрейма. Но после фиаско, пережитого в среду в суде, он не был уверен, что ради этого стоит рисковать карьерой. Что, если об этом пронюхает Элисон Воспер?

– Давай испробуем все, что только можно, а там поглядим.

– Боишься, что скажет босс? – подколол его Брэнсон.

– Доживешь до моих лет – тоже начнешь беспокоиться о пенсии.

– У меня впереди еще лет тридцать.

33

Эшли Харпер жила в одном из крохотных домиков в викторианском стиле, тянувшихся вдоль железной дороги. Когда-то эта часть Хоува считалась рабочим районом, но за последние годы постепенно входила в моду – жилье дорожало не по дням, а по часам. Здесь селились преуспевающие одиночки и молодежь, только начинающая устраивать жизнь. О благосостоянии жильцов свидетельствовали дорогие машины, припаркованные на улице, и элегантные, нарядные двери.

Выйдя из машины, Грейс и Брэнсон обогнули «гольф-GTI» и кабриолет «рено» и позвонили в дверь дома номер 119, возле которого стояла серебристая «ауди-ТТ».

Через несколько секунд им открыла очень красивая женщина лет тридцати. При виде Брэнсона она печально улыбнулась.

– Добрый день, Эшли, – поздоровался Брэнсон. – Это мой коллега, детектив-суперинтендент полиции Грейс. Можно с вами поговорить?

– Конечно, входите. У вас есть новости? – Девушка посмотрела на Грейса.

Обстановка ее квартиры резко контрастировала с фасадом дома. Они оказались в оазисе самого минималистского минимализма. Белый ковер, белая мебель, серебристые металлические жалюзи, на стене – большая репродукция в рамке со знакомой Грейсу фотографии Джека Веттриано, изображающей четверых пижонов в костюмах с иголочки, музыкальный центр, подвешенный на стене, мигает разноцветными лампочками. Стрелки настенных часов без циферблата показывали 18.20.

Она предложила им выпить: Брэнсону принесла минеральной воды в красивом стакане, а Грейсу, расположившемуся рядом с другом на диване, черный кофе в изящной белой чашке.

– Трое свидетелей видели вашего жениха во вторник вечером в различных пабах в районе Эшдаунского леса, – сообщил Гленн Брэнсон. – Каждый из них также подтвердил, что ваш жених был в компании четырех друзей. Однако об их дальнейших планах нам ничего не известно, кроме того, что они собирались напиться.

– Майкл не пьет, – без выражения произнесла Эшли, баюкая в ладонях большой бокал красного вина.

– Расскажите о Майкле, – попросил Грейс, не спуская с девушки пристального взгляда.

– Что вас интересует?

– Все. Как вы с ним познакомились?

Она улыбнулась и сразу заметно расслабилась.

– Я пришла устраиваться на работу в его фирму… Она принадлежит Майклу и его компаньону.

– Марку Уоррену?

Легкая заминка – такая короткая, что ее никто не заметил бы. Но только не Грейс.

– Да.

– Где вы работали раньше? – спросил он.

– В риелторском агентстве в Торонто. Я тогда жила в Канаде, а в Англию вернулась незадолго до того, как стала секретаршей Майкла.

– Вернулись?

– Вообще-то я англичанка – здесь жили мои предки. – Эшли улыбнулась.

– В какой фирме вы работали в Торонто?

– Вы знаете Торонто? – удивилась она.

– Десять лет назад провел там неделю на курсах повышения квалификации – в отделе тяжких преступлений.

– Понятно. Я работала в мелкой фирме – дочернем предприятии группы «Бэй».

Грейс кивнул.

– Значит, Майкл Харрисон и Марк Уоррен взяли вас на работу?

– Угу. В прошлом ноябре.

– И что дальше?

– Работа мне понравилась – они хорошо платили. Мне хотелось набраться опыта в строительной фирме. Оба владельца оказались славными ребятами… – Она смутилась. – Майкл мне сразу понравился, но я была уверена, что он женат или у него есть девушка.

– Извините за нескромный вопрос, – перебил ее Грейс, – когда вы с Майклом начали встречаться?

– Очень скоро – через пару месяцев. – Вновь легкая заминка. – Вначале мы сохраняли свои отношения в тайне – Майкл боялся, что Марк узнает. Ему казалось, что он обидится, если – ну, понимаете – если я тоже ему понравилась.

Грейс кивнул.

– И когда же все раскрылось?

Эшли покраснела.

– Однажды Марк вернулся в офис, когда мы его не ждали…

Грейс улыбнулся. Девушка вызывала сочувствие, в ней чувствовалась какая-то хрупкость, беззащитность, из-за которой почти всем мужчинам хотелось помочь ей – вот как ему сейчас, а ведь они знакомы всего несколько минут!

– И что потом?

– Некоторое время всем было неловко. Я сказала Майклу, что, наверное, мне нужно уйти, но он настоял, чтобы я осталась.

– А Марк?

Снова мимолетная пауза, не ускользнувшая от внимания Грейса. Лицо Эшли на миг напряженно застыло.

– Он отнесся нормально.

– Значит, это не повредило вашим деловым отношениям?

– Нет.

Глядя ей в глаза, Грейс спросил:

– Вы знали, что у них есть оффшорная фирма на Каймановых островах?

Девушка покосилась на Брэнсона, потом снова перевела взгляд на Роя:

– Нет… я этого не знала.

– Майкл когда-нибудь упоминал, что они с мистером Уорреном каким-либо способом уклоняются от уплаты налогов?

Лицо Эшли исказилось от гнева – столь безудержного и внезапного, что Грейс вздрогнул.

– Что такое?! Вы откуда – из полиции или из налогового управления?

– Если вы хотите, чтобы мы нашли вашего жениха, то должны помочь нам узнать его получше. Расскажите нам все – даже то, что, на ваш взгляд, совершенно не имеет значения.

– Я просто хочу, чтобы вы нашли его – живым. Ради всего святого!

– Жених не обсуждал с вами свой мальчишник? – спросил Грейс. Много лет назад сам он накануне свадьбы подробно рассказал Сэнди, где они будут, и наутро, чуть свет, она спасла его – брошенного на окраине Брайтона в одних носках и привязанного к почтовому ящику.

Эшли покачала головой:

– Они собирались пропустить по нескольку рюмочек – вот все, что он мне сказал.

– Что вы намерены предпринять, если он не объявится завтра к свадьбе? – спросил Брэнсон.

Слезы потоком хлынули из глаз Эшли, и она выбежала из комнаты, но вскоре вернулась с вышитым платочком, которым то и дело промокала соленые дорожки на щеках.

– Не знаю, – всхлипнула она. – Правда не знаю! Пожалуйста, найдите его! Я так его люблю, что этого не вынесу!

– Вы ведь работали секретаршей у них обоих, – дождавшись, пока девушка успокоится, продолжал Грейс. – Разве Марк Уоррен не рассказывал вам, что они задумали?

– Обычную холостяцкую вечеринку. У меня был девичник – такой, как у всех. Только и всего, ничего больше.

– Вам известно, что Майкл любит разыгрывать друзей?

– У Майкла отличное чувство юмора – отчасти из-за этого я его и люблю.

– Вам что-нибудь известно о гробе?

Она резко выпрямилась, чуть не расплескав вино:

– О каком гробе?! Что вы имеете в виду?

– Один из молодых людей, Роберт Хулигэн… – осторожно вмешался Брэнсон, – вы с ним знакомы?

– Да, виделась несколько раз. Типичный неудачник.

– Вот как?

– Так говорил М… Майкл. Он вечно таскался за ними, но на самом деле своим не был.

– И все же он оказался достаточно своим, чтобы его пригласили на мальчишник? – не отставал Брэнсон.

– Майкл терпеть не может обижать кого бы то ни было. Наверное, он решил, что так будет лучше. Понимаете, остальных ребят он назначил шаферами – всех, кроме Роббо.

Грейс отхлебнул кофе.

– Вы с Майклом не ссорились? У вас не было ничего такого, что дало бы повод заподозрить, что его чувства к вам слегка охладели?

– Господи! – воскликнула Эшли. – Нет! Ничего похожего! Я… он…

– Где вы проведете медовый месяц?

– На Мальдивах. Майкл забронировал нам чудное местечко – он любит воду. Яхты, подводное плавание… Райский уголок!

– Мы ищем его с вертолета. В поисках задействована сотня констеблей, прошедших спецподготовку. Если к вечеру он не объявится, мы начнем полномасштабный розыск в том районе, где его видели перед исчезновением. Но мне не хочется отрывать от дела сотню ценных сотрудников только ради того, чтобы выяснилось, что он загорает где-нибудь на Каймановых островах за счет британских налогоплательщиков. Вы меня понимаете?

Эшли кивнула.

– Чего уж не понять, – с горечью произнесла она. – Вас больше волнуют деньги, а вовсе не поиски Майкла!

– Нет, – мягко возразил Грейс. – Дело не в деньгах. Я готов подписать смету на любые расходы, лишь бы найти вашего жениха.

– Тогда ищите скорее! Прошу вас! – Ссутулив тонкие плечики, девушка горестно уставилась в бокал. – Я читала про вас в «Аргусе» – и во вчерашнем выпуске «Дейли мейл». Ведь это вас подняли на смех за то, что вы обращались к медиуму, да?

– Да.

– Я верю в такие вещи. Вы не знаете кого-нибудь? То есть… нет ли среди ваших знакомых экстрасенса, который умеет находить пропавших людей?

Грейс покосился на Брэнсона и вновь перевел взгляд на Эшли:

– Есть такой.

– А вы не могли бы обратиться к нему – или порекомендовать кого-нибудь мне?

Грейс задумался.

– У вас есть какая-нибудь вещь Майкла? – Он чувствовал, что Гленн Брэнсон пожирает его взглядом.

– Какая, например?

– Любая. Все равно какая. Предмет одежды, украшение – что-то, чего он касался.

– Сейчас поищу. Дайте мне пару минут.

– Никаких проблем!

34

– Ты что, спятил? – спросил Брэнсон, когда они отъехали от дома Эшли.

– Ты ведь сам предложил, – пожал плечами Грейс, вертя в руках полученный от девушки медный браслет. Радио надрывалось вовсю, и Грейс убавил басы.

– Да, но зачем ты обратился к ней напрямую?

– А ты хотел, чтобы мы сперли что-нибудь у него из квартиры?

– Не сперли, а позаимствовали! Старик, ты ведешь опасную игру. А если она все раззвонит репортерам?

– Ты просил, чтобы я тебе помог.

Брэнсон подозрительно покосился на него:

– Ну и что ты о ней думаешь?

– Она знает больше, чем говорит.

– Пытается прикрыть ему задницу?

Грейс рассматривал браслет. Три тонких медных обруча, скрепленные вместе, на каждом – два маленьких кружка.

– А как по-твоему?

– Ну вот, ты опять за свое – отвечаешь вопросом на вопрос.

Некоторое время Грейс молчал, вспоминая Эшли Харпер. Она тревожится, не сразу отвечает на вопросы… За девятнадцать лет работы в полиции он усвоил многое. Но наверное, главное – то, что правда не всегда лежит на поверхности. Эшли Харпер явно знает больше, чем говорит, – ее выдают глаза. Возможно, сейчас она убита горем и переживает из-за того, что полиции стало известно о фирме на Каймановых островах. И все же… она о чем-то умалчивает.

Через двадцать минут они остановились у желтой полосы, за которой начиналась пешеходная зона Кейптауна, и вылезли из машины.

Дождь все еще лил, как из ведра. Море было пустынно, если не считать какого-то танкера или грузового судна, серым пятном расплывающегося на горизонте. Навстречу им несся плотный поток легковушек и грузовиков. Справа горели огни Дворцового пирса.

«Приморский парад» – бульвар, вытянувшийся на милю вдоль красивых особняков эпохи Регентства, – был запружен машинами, бегущими в обоих направлениях. Одним из немногих современных зданий здесь был «Ван Аллен» – жилой комплекс двадцать первого века в стиле ар-деко. Они позвонили по домофону в квартиру номер 407.

– Да? – почти сразу отозвался взволнованный голос.

– Марк Уоррен? – спросил Гленн Брэнсон.

– Да, кто там?

– Полиция. Можно переговорить с вами о Майкле Харрисоне?

– Конечно. Поднимайтесь на четвертый этаж.

Послышался резкий гудок, и Грейс распахнул дверь парадного.

– Странное совпадение, – заметил он, когда они вошли в лифт. – Вчера я играл здесь в покер.

– У кого?

– У Криса Крока.

– У Криса Крока? Из транспортников?

– У него самого.

– Как удалось отхватить такую шикарную хату?

– Он женился на деньгах – точнее, развелся с ними. Его «бывшенькая» лопается от бабок: как-то раз он мне рассказывал, что ее папаша из тех, кто частенько выигрывает в лотерею. А еще ему повезло с адвокатом по бракоразводным процессам.

– Продувная бестия!

Они вышли на четвертом этаже, пройдя по коридору, устланному пушистым синим ковром, остановились у двери с табличкой «407» и позвонили.

Не прошло и нескольких секунд, как им открыл молодой человек двадцати семи – двадцати девяти лет, в строгой белой рубашке с открытым воротом, полосатых брюках и черных кожаных туфлях с золотыми цепочками.

– Входите, пожалуйста, – учтиво пригласил он.

Грейсу показалось, будто он где-то видел этого парня – причем совсем недавно. Но где? Где, ради всего святого, он мог его видеть?

Брэнсон, как положено, предъявил удостоверение, но Марк Уоррен почти не взглянул на него. Следом за хозяином детективы прошли в просторную гостиную, где два красных дивана образовывали угол, а длинный и узкий черный лакированный стол служил границей «обеденной» зоны.

Студия, как отметил Грейс, походила на квартиру Эшли Харпер. Она тоже была оформлена в минималистском стиле, только на дизайн ушло куда больше денег. В одном углу на высоком черном постаменте красовалась африканская маска. На стенах висели модные, хотя и малопонятные абстрактные картины, из высокого окна открывался превосходный вид на море и Дворцовый пирс. На плоском экране дорогого телевизора с приглушенным звуком «Банг и Олуфсен» шли новости.

– Принести вам чего-нибудь выпить? – осведомился Марк Уоррен, нервно потирая руки.

Грейс внимательно оглядел его, подмечая все жесты, прислушиваясь к интонациям. Молодой человек источал тревогу. Ему явно было не по себе. Что неудивительно – принимая во внимание то, что ему пришлось пережить. По опыту Грейс знал: выжившие в катастрофе часто мучаются комплексом вины.

– Спасибо, не стоит, – ответил Брэнсон. – Мы не собираемся вас задерживать, у нас всего несколько вопросов.

– Есть какие-нибудь новости о Майкле?

Грейс рассказал, как они объезжали пабы, и о пропавшем гробе. Молодой человек отвечал как-то невпопад, и в голове у Грейса вспыхнул сигнал тревоги – правда, пока маленький, больше похожий на искорку.

– Поверить не могу, что они стащили гроб, – вытаращил глаза Марк Уоррен.

– Вам следовало быть в курсе, – возразил Грейс. – Разве в обязанности шафера не входит организация мальчишника?

– Да, я читал по Интернету, – согласился тот.

– Значит, вам ничего не было известно? – нахмурился Грейс. – Совсем ничего?

Марк заволновался и поначалу заговорил дрожащим голосом:

– Н-нет, я этого не утверждал… Вначале… мы собирались… то есть Люк предлагал… вызвать стриптизершу… – Понемногу он успокаивался. – Но потом решили, что стриптиз – это вчерашний день… захотелось чего-то пооригинальнее.

– Вы собирались отомстить Майклу Харрисону за все его розыгрыши?

Марк Уоррен заметно растерялся:

– Да… что-то вроде этого…

– Но про гроб вы не говорили? – спросил Рой Грейс, сосредоточившись на зрачках Уоррена.

– Нет! – возмущенно воскликнул тот.

– О тиковом гробе, – уточнил Грейс.

– Я… мне ничего не известно ни о каком гробе!

– Вы – шафер, но вам ничего не известно о том, что затевалось на мальчишнике?

Долгая пауза. Марк Уоррен долго сверлил полицейских взглядом.

– Да, – наконец ответил он.

– Марк, что-то не клеится, – усмехнулся Грейс. – Извините, но я вам не верю. – Он сразу почувствовал, что его собеседник разозлился.

– Вы обвиняете меня во лжи? Извините, господа, встреча окончена. Мне необходимо переговорить со своим адвокатом.

– Адвокат для вас важнее, чем поиски компаньона? – удивился Грейс, не спуская с молодого человека глаз. – Завтра у Майкла Харрисона свадьба. Надеюсь, вы не забыли?

– Я его шафер.

И тут Грейс вспомнил, где он его видел! Или, по крайней мере, мог.

– Марк, какая у вас машина?

– БМВ.

– Какой модели? Третьей? Пятой? Седьмой?

– «Икс-пять».

– Полноприводная?

– Да.

Грейс кивнул, лихорадочно соображая…

35

Дожидаясь в коридоре лифта, Брэнсон некоторое время смотрел на дверь квартиры Марка Уоррена. Убедившись, что хозяин не подслушивает, он спросил:

– Что еще за история с машиной?

Детективы вошли в кабину, и Грейс нажал на кнопку цокольного этажа. Все еще прокручивая в голове разговор с Марком, он не ответил.

Брэнсон продолжал в упор смотреть на друга.

– С парнем что-то не то. Согласен?

Грейс по-прежнему молчал.

– Надо было нажать не «цоколь», а «первый этаж».

Грейс вышел на подземную автостоянку, Брэнсон последовал за ним. Здесь стоял полумрак, было сухо, попахивало машинным маслом. Они миновали «феррари», «ягуар», спортивную «мазду» и маленький «форд», потом – два пустых бокса. Наконец Грейс остановился перед серебристым внедорожником БМВ-X5. Он внимательно оглядел машину. На кузове все еще поблескивали капли воды.

– Клевая тачка, – заметил Брэнсон. – Но сзади они не слишком-то вместительные. «Ренджровер» или «кайенн» просторнее.

Грейс осмотрел колеса, потом опустился на колени и заглянул под подножку.

– Вчера, когда я приблизительно без четверти час вышел от Криса, мне тут попался БМВ, – объяснил он. – Я обратил на него внимание, потому что уж больно необычно он выглядел – нечасто видишь заляпанный грязью БМВ-Х5 в центре Брайтона. На таких тачках обычно ездят за покупками богатые домохозяйки.

– Ты уверен, что видел именно эту машину?

Грейс постучал себя пальцем по лбу:

– Номерные знаки!

– У тебя фотографическая память! Надо же – еще действует в твоем преклонном возрасте!

– Еще действует.

– Что думаешь?

– А ты?

– Пропавший гроб. Лес. Машина, заляпанная грязью. Шафер – единственный, кто выжил в этой истории, – не находит ничего более срочного, чем вызвать адвоката. Банковский счет на Каймановых островах. Все это скверно пахнет.

– Не просто скверно! Воняет!

– Что дальше?

Грейс достал из кармана медный браслет и подбросил на ладони.

– Вот что.

– Ты и в самом деле так считаешь?

– У тебя есть версия получше?

– Вызвать Марка Уоррена для официального допроса.

Грейс покачал головой:

– Он не дурак. Нам надо его перехитрить.

– И мы провернем это с помощью психа, который крутит маятник?

– Доверься мне.

36

Не спать! Спать нельзя! Иначе не выживешь. От переохлаждения хочется спать, но, заснув, ты впадешь в кому, и тогда тебе каюк.

Майкла била дрожь, иногда он начинал бредить. Холодно! Как же холодно! Он слышал голоса – слышал, как Эшли что-то шепчет ему на ухо… Он протянул руку, чтобы дотронуться до нее, и костяшки пальцев стукнулись о твердый тик.

В рот попала вода, и Майкл принялся яростно отплевываться. Он прижимался лицом к самой крышке гроба. Фонарик окончательно сдох. Майкл старался удерживать над водой рацию, но рука так затекла, что он понимал: надолго его не хватит.

Ставший бесполезным мобильник перекочевал в задний карман джинсов. Лежать стало неудобно, зато Майкл приподнялся на полтора дюйма. Он понимал, что умирает, и, хотя не знал, сколько ему еще отпущено, было ясно, что очень немного.

– Эшли! – слабым голосом позвал он. – Эшли, любимая!

В рот вновь попала вода.

Корпусом фонарика Майкл царапал все расширяющуюся и углубляющуюся ямку в крышке, думая о завтрашней свадьбе. Мама показала ему, какое платье наденет, – и шляпку,

и туфли, и новую сумочку… Она ждала его похвалы, желая, чтобы сын знал: в этот торжественный день она не ударит лицом в грязь. Мама хотела, чтобы они с Эшли ею гордились. Он вспомнил разговор с младшей сестрой, звонившей из Австралии. Как она обрадовалась, что он купил ей обратный билет! Карли, наверное, уже здесь – сидит с мамой, готовится к свадьбе.

Шея болела так, что Майкл не знал, долго ли еще вытерпит эту муку, – каждые несколько минут приходилось расслаблять мышцы и опускать голову под воду, задерживая дыхание. Вода покрывала лицо. Потом он выныривал на поверхность. Скоро свободного пространства не останется совсем.

Рыдая от горя и ужаса, он застучал по крышке, замолотил что было сил… Потом в очередной раз включил рацию.

– Дэви! Дэви! Эй, Дэви!

Он выплюнул очередную порцию воды.

Каждая клеточка его тела дрожала.

Рация лишь издевательски шипела.

Зубы выбивали дрожь. Майкл невольно глотнул грязной воды и поперхнулся.

– Пожалуйста, пожалуйста, кто-нибудь! Пожалуйста, помогите!

Он попытался успокоиться, продумать свадебную речь. Нужно поблагодарить подружек невесты. Предложить за них тост. Не забыть в первую очередь поблагодарить маму. Закончить тостом в честь подружек невесты. Рассказать несколько анекдотов. Например, тот, что во вторник выдал Пит. Как парочка едет в свадебное путешествие и…

Медовый месяц!

Все уже заказано загодя. Завтра в девять вечера они улетают на Мальдивы. Первым классом! Эшли пока не в курсе, для нее это будет сюрприз.

Да вытащите же меня отсюда, идиоты! Иначе я опоздаю на свадьбу, не улечу в свадебное путешествие. Ну же! Скорее!

37

Часы на приборной панели «форда» показывали 19.13. Оставив позади элегантные кемптаунские особняки эпохи Регентства, Брэнсон вырулил на проложенное высоко над скалами шоссе. Мимо промелькнули неоготические башенки комплекса «Ройден-скул», частной школы для девочек, следом за ним – здание Общества слепых св. Дунстана в стиле ар-деко. Уже несколько дней дождь лил, не переставая, машина раскачивалась от сильного ветра. Брэнсон включил радио, заглушил постоянные переговоры по полицейской волне и поймал песню в исполнении «Скиссор систерз».

Несколько секунд Грейс покорно терпел, а затем решительно вывернул рукоятку приемника влево.

– В чем дело, старик? – удивился Брэнсон. – Группа-то крутейшая!

– Крутейшая, крутейшая, – согласился Грейс.

– Не хочешь отстать от жизни? Шагай в ногу с культурой.

– Ты теперь что, мой культурный гуру?

Брэнсон с иронией покосился на друга:

– Жаль, что не я твой личный стилист. Тебе надо сходить к хорошему парикмахеру. Зовут его Ян Хэббин, и работает он в «Точке». Пусть он подровняет тебе лохмы – понимаешь, сейчас ты выглядишь… таким замшелым…

– Точно, – кивнул Грейс. – Я уже чувствую, как мох растет. Ты предложил угостить меня обедом. А сейчас даже чай поздно пить, скоро ужин. Этак нам скоро придется вместе позавтракать.

– Ты вообще жил когда-нибудь нормально? – Еще не успев договорить, Брэнсон пожалел о сказанном. Даже не глядя на Грейса, он почувствовал, что другу больно. – Извини, старик!

Они проехали симпатичную горную деревушку Роттингдин, а затем дорога пошла нырять вверх-вниз вдоль сумбурного нагромождения построек Солтдина, выросшего здесь уже после войны. Ага, а вот и Писхейвен!

– Сейчас налево, – подсказал Грейс, и машина запетляла в лабиринте извилистых улочек, застроенных отдельно стоящими развалюхами и скромными многоквартирными домами. Наконец они остановились у маленького, довольно запущенного бунгало, рядом с которым был припаркован еще более запущенный с виду прицеп.

Спасаясь от дождя, друзья взбежали на крошечное крыльцо, увешанное ветряными колокольчиками, и позвонили. Им открыл миниатюрный жилистый старичок лет семидесяти с гаком. Его зеленые глаза бодро поблескивали. Козлиная бородка давно оставила тщеславные потуги прикрыть подбородок, зато длинные седые волосы были стянуты в хвост. На нем был восточный халат с поясом и простые хлопчатобумажные штаны. С шеи на золотой цепочке свисал египетский амулет «ангх». При виде гостей старичок засиял от восторга. Схватив Грейса за руку, он уставился на детектива с такой радостью, словно встретил давно потерянного друга.

– Суперинтендент Грейс! – воскликнул он тоненьким голоском. – Как приятно снова вас видеть!

– Взаимно, друг мой. Это сержант Брэнсон. Гленн, познакомься. Гарри Фрейм.

Несмотря на преклонный возраст и миниатюрные размеры, рука у Гарри Фрейма оказалась неожиданно сильной. Старичок смерил Брэнсона пристальным взглядом:

– Приятно познакомиться. Входите, входите!

Следом за хозяином они шагнули в тесную прихожую освещенную тусклой лампочкой-фонариком. Судя по всему, Гарри Фрейм являлся поклонником морского стиля. В первую очередь в глаза бросался большой иллюминатор в медной раме на стене. Далее они проследовали в гостиную, где полки ломились от макетов кораблей в стеклянных бутылках. Кроме того, здесь стояли потертый диван и два кресла с заботливо наброшенными на спинки салфетками, выключенный телевизор и у окна – круглый дубовый стол с четырьмя стульями. Там и расположились все трое. На стене Брэнсон разглядел старую репродукцию с изображением домика Энн Хэтауэй, жены Шекспира, и вышитое по шелку изречение в рамочке: «Разум, однажды расцветший, не вернется более к изначальному ничтожеству».

– Чаю, джентльмены?

– Спасибо, – отозвался Грейс.

Брэнсон, то и дело поглядывавший на друга, чтобы понять, как себя вести, кивнул:

– С удовольствием.

Гарри Фрейм торопливо вышел из комнаты. Брэнсон посмотрел на белую свечу, горевшую в стеклянном подсвечнике на столе, и бросил на Грейса недоуменный взгляд, словно вопрошая: «Что за хрень тут творится?»

Тот лишь молча улыбнулся. *Придется потерпеть, дружок!*

Через несколько минут в гостиную вплыла добродушная полная седовласая старушка в свитере домашней вязки, коричневых эластичных брюках и новеньких белых кроссовках. В руках она держала поднос с тремя кружками чаю и тарелкой бисквитов с кремом.

– Привет, Рой! – запросто поздоровалась она с Грейсом. Потом подмигнула Брэнсону и представилась: – Я Максин – Та, Кому Следует Повиноваться!

– Рад познакомиться. Сержант полиции Брэнсон.

Следом в гостиную вошел муж старушки с картой в руках.

Грейс взял кружку с водянисто-зеленым чаем и заметил: Брэнсон уставился на предложенный напиток с явным сомнением.

– Итак, джентльмены, – начал Гарри, усаживаясь напротив гостей, – опять кто-то пропал без вести?

– Майкл Харрисон, – ответил Грейс.

– А, тот молодой человек, о котором писали в «Аргусе»? Какая ужасная авария! Они были еще слишком молоды, чтобы их призывать!

– Куда призывать? – не понял Брэнсон.

– В мир духов – куда же еще?

Брэнсон метнул на Грейса испепеляющий взгляд, однако суперинтендент предпочел сделать вид, что ничего не заметил.

Отодвинув от себя тарелку с бисквитами и свечу, Фрейм расстелил на столе крупномасштабную карту Восточного Суссекса.

Брэнсон сунул в рот бисквит. Порывшись в кармане, Грейс протянул медиуму браслет Майкла:

– Ты просил принести вещь пропавшего.

Фрейм взял браслет и, сжав его в ладони, закрыл глаза. Два офицера полиции молча наблюдали за его действиями. Добрую минуту медиум сидел зажмурившись и, наконец, энергично закивал.

– Угу, – проворчал он, не открывая глаз. – Мм… да, угу… – Вздрогнув, он открыл глаза и посмотрел на Грейса и Брэнсона так, как будто был несказанно удивлен, что они все еще здесь. Фрейм склонился над картой и достал из кармана моток лески со свинцовым грузиком на конце. – Посмотрим, посмотрим, – сказал он. – Да, и впрямь посмотрим. Как чай?

Грейс сделал глоток. Напиток оказался горячим и кисловатым на вкус.

– Превосходно!

Брэнсон тоже честно хлебнул из кружки.

– Вкусно, – похвалил он.

Гарри Фрейм просиял. Было видно, что его радость непритворна.

– Ну, вот и хорошо… – Положив локти на стол, он закрыл лицо руками, словно молился, и что-то забормотал.

Грейс предусмотрительно не поворачивался в сторону Брэнсона.

– Ярум-м-м… – забормотал Фрейм себе под нос. – Ярум-м-м… Бр-н-н-н… Ярум-м-м…

Вдруг он выпрямился, держа леску над картой большим и указательным пальцами. Грузик начал раскачиваться взад-вперед, подобно маятнику. Сосредоточенно поджав губы, старик быстро очертил грузиком круг, обследуя карту дюйм за дюймом. Потом вопросительно поглядел на детективов:

– Акфилд? Кроуборо? Эшдаунский лес?

Те закивали.

Однако Гарри Фрейм отрицательно мотнул головой:

– Нет, извините. Ни в одном из тех мест его нет. Попробую поискать на другой карте, масштабом помельче.

– Гарри, мы совершенно уверены, что он находится в одном из этих районов, – сказал Рой Грейс.

Фрейм решительно покачал головой:

– Нет, маятник туда не указывает. Нужно обследовать более обширный район.

Брэнсон буквально источал недоверие, и эту волну скепсиса Рой чувствовал едва ли не кожей. Посмотрев на другую карту – Восточного и Западного Суссекса, – Грейс увидел, что маятник очертил небольшой кружок над Брайтоном.

– Вон он где! – пробормотал Фрейм.

– В Брайтоне? Вряд ли, – усомнился Грейс.

Фрейм разложил на столе крупномасштабную карту Брайтона с названиями улиц и вновь поднял свой маятник. Вскоре грузик закружил над Кейптауном.

– Да! – воскликнул медиум. – Да, вон он где!

Грейс пристально смотрел на Брэнсона, словно пытаясь прочесть его мысли.

– Гарри, ты ошибаешься, – проговорил он.

– Нет, Рой, не ошибаюсь. Тот, кого ты ищешь, там.

Грейс покачал головой:

– Мы только что из Кейптауна, ездили туда поговорить с его компаньоном. Ты уверен, что ничего не перепутал?

Гарри Фрейм повертел в руке медный браслет.

– Вещь точно его? Майкла Харрисона?

– Да.

– Значит, он там, где я показал. Мой маятник никогда не ошибается.

– Можете указать адрес? – спросил Брэнсон.

– Нет, адрес не могу – там слишком плотная застройка. Но вы поищите, и обязательно его найдете.

38

– У-у-у, псих чертов! – проворчал Брэнсон, явно торопясь убраться от дома Гарри Фрейма подальше.

Погруженный в раздумья Грейс долго молчал. За прошедший час дождь, наконец, перестал, пелену серых, нависших над морем облаков прорезали лучи закатного солнца.

– Допустим – только допустим, – что он прав.

– Давай выпьем и поедим, – предложил Брэнсон. – Умираю от голода – я сейчас в обморок хлопнусь.

Часы показывали 20.31.

– Отличная мысль.

Гленн позвонил по мобильному жене и сразу начал оправдываться, но разговор становился все более напряженным, пока сержант в конце концов не дал отбой.

– Совсем не в себе!

Грейс сочувственно улыбнулся. В чужую личную жизнь лучше не лезть.

Вскоре они сидели в пабе «Барсучья берлога». Грейс заказал двойную порцию виски «Гленфиддиш» со льдом. Он заметил, что его друг залпом осушил пинтовую кружку пива – несмотря на то, что вел машину.

– Я пошел в полицию, чтобы дети могли мною гордиться, – вздохнул Брэнсон. – Твою мать! Когда я работал вышибалой, у меня, по крайней мере, была личная жизнь. По вечерам я купал Сэмми, укладывал его спать и рассказывал сказку, а потом уходил на работу. Знаешь, что мне сейчас заявила Эри?

– Что? – Грейс изучал список дежурных блюд, намеченный мелом на доске.

– Сэмми и Рэми плачут, потому что я обещал прийти домой и почитать им на ночь.

– Так поезжай, – мягко, но серьезно посоветовал Грейс.

Брэнсон допил кружку и заказал вторую.

– Сам знаешь, не могу. У нас ненормированный рабочий день – не как в какой-нибудь поганой конторе с девяти до пяти. Я не могу просто взять и пойти домой, как какой-нибудь засранный гражданский, в пятницу у нас – не короткий день. У меня долг перед Эшли Харпер и Майклом Харрисоном. Так?

– Научись вовремя переключаться, – посоветовал Грейс.

– Вот как? И когда же мне переключиться?

Грейс допил виски. Хорошо пошло! Сначала обожгло пищевод, потом согрело желудок. Он протянул стопку бармену, заказал по новой, положил на стойку двадцатифунтовый банкнот и попросил разменять, чтобы купить сигарет в автомате. Рой не курил уже несколько дней, но сегодня желание подымить было нестерпимым.

В лоток автомата упала пачка «Силк кэт». Грейс сорвал целлофан и попросил у бармена спички. Потом закурил и блаженно затянулся. Потрясающе!

– Я думал, ты бросил, – заметил Брэнсон.

– Так и есть.

Грейс поднял вторую стопку и чокнулся с Гленном.

– У тебя нет никакой личной жизни, а я порчу свою. Добро пожаловать в полицию!

Брэнсон покачал головой:

– Этот твой дружок Гарри Фрейм – тот еще чудило! Ох и тараканов у него в черепушке!

– Помнишь Эбигайль Мэтьюз?

– А, это та восьмилетняя девчушка? Дело было пару лет назад?

– Да.

– Ее похитили на пороге родительского дома. Ты нашел ее в ящике, в ангаре аэропорта Гатуик.

– Рейс на Нигерию. Ее продали одной голландской банде, промышляющей торговлей детьми для педофилов.

– Ты тогда классно сработал. Тебя, часом, не после этого повысили?

– Да. Только я еще никому не рассказывал, как мне удалось ее найти. – Виски развязало Рою Грейсу язык. – Не говорил, потому что…

– Почему?

– Тогда не я отличился, Гленн, вот почему. Малышку отыскал Гарри Фрейм со своим маятником. Понял?

Брэнсон ответил не сразу.

– Так вот почему ты ему так доверяешь!

– Он и в других случаях оказывался прав. Но я не трублю о нем на каждом углу. Элисон Воспер и ее дружки – большие шишки – не любят, когда что-то не вписывается в их схемы. Если хочешь сделать карьеру в полиции, для виду играй по правилам. Для виду, понял? На самом деле можешь вытворять что вздумается, но главное: пусть считают, будто ты в точности следуешь инструкции! – Он осушил вторую стопку куда быстрее, чем собирался. – Давай чего-нибудь пожрем.

Брэнсон заказал креветки под чесночным соусом. Грейс выбрал откровенно вредный для здоровья окорок с яичницей из двух яиц и жареной картошкой, закурил новую сигарету и велел бармену повторить.

– Что будем дальше делать, о мудрый старец?

Грейс прищурился:

– Можем расшибиться в лепешку.

– Авария не поможет ни нам, ни Майклу Харрисону – я верно рассуждаю или что-то упустил?

– По-моему, нет. Сейчас у нас… – Грейс посмотрел на часы, – девять вечера, пятница. Если только не поехать обыскивать Эшдаунский лес с лопатой и фонариком, я не представляю, что пока можно сделать.

– Наверняка мы что-то прохлопали.

– Так всегда и бывает, Гленн. Очень мало кто понимает, насколько в нашей работе важны интуиция и прозорливость.

– Ты имеешь в виду везение?

– Знаешь старый анекдот про игрока в гольф?

– Нет.

– Он говорит: «Странно! Чем больше играю, тем больше мне везет».

Брэнсон ухмыльнулся:

– Значит, мы с тобой, наверное, еще мало играем.

– По-моему, достаточно долго. Завтра – большой день. Если мистеру Майклу Харрисону все же вздумалось всех разыграть, завтра наступит момент истины.

– А если нет?

– Тогда переходим к плану «Б».

– Это еще что такое?

– Понятия не имею. – Грейс подмигнул другу поверх стопки. – И вообще, я тут ни при чем – мы просто вместе обедаем. Припоминаешь?

39

Эшли, в белом махровом халате, ссутулившись сидела на постели и смотрела по плазменному телевизору повтор «Секса в большом городе». Зазвонил телефон. Она вздрогнула и выпрямилась, чуть не расплескав из бокала совиньон-блан. Ее будильник показывал 23.18. Вообще-то для звонков поздновато!

– Да! Алло! – сняв трубку, дрожащим голосом выпалила она.

– Эшли! Я тебя не разбудила, милая?

Девушка поставила бокал на ночной столик, схватила пульт и приглушила звук телевизора. Джилл Харрисон, мать Майкла.

– Нет. Совсем не разбудили. Все равно не могу заснуть. Я глаз не сомкнула со… со вторника. Скоро приму снотворное… мне его врач прописал… сказал, что я сразу отключусь. – Она услышала в трубке отдаленное тявканье Бобо.

– Эшли, я хочу, чтобы ты подумала еще разок. Мне и в самом деле кажется, что тебе следует отменить завтрашний прием.

Та глубоко вздохнула:

– Джилл, мы ведь все уже обсудили: и вчера, и сегодня. Все уже оплачено, и денег нам не вернут; приглашены гости издалека – например, мой дядя прилетел из Канады: это он должен подвести меня к жениху.

– Славный человек, – сказала Джилл. – Подумать только – прилетел с другого конца света!

– Мы с ним обожаем друг друга, – ответила Эшли. – Дядя взял отпуск на всю неделю, чтобы в понедельник присутствовать на репетиции.

– Где он остановился?

– В Лондоне – в «Лансборо». Он всегда останавливается в лучших отелях. – Эшли помолчала. – Конечно, я уже все ему рассказала, но он ответил, что все равно приедет,

чтобы меня поддержать. Мне удалось отговорить подружек лететь из Канады – они собирались к нам вчетвером. И некоторых лондонских друзей – последние два дня мой телефон звонит, не умолкая.

– И мой тоже.

– Проблема в том, что Майкл пригласил друзей и коллег со всей Англии и даже из других стран. Я попыталась связаться, с кем могла, и Марк тоже, но нам необходимо позаботиться о тех, кто все равно приедет. И потом, я уверена, что Майкл объявится.

– Не думаю, милая… сейчас уже вряд ли.

– Джилл, Майкл по-всякому разыгрывал друзей, когда те женились, – двое из них чуть не опоздали на свадьбу и вбежали в церковь через несколько минут после начала службы. Майкл так шутит. Может быть, он до сих пор где-то сидит, связанный или прикованный наручниками, и не знает об аварии. Но он наверняка хочет успеть.

– Ты славная и очень добрая девушка. Тебе будет очень тяжело, если он не появится в церкви. Пожалуй, разумнее было бы смириться с мыслью, что с ним приключилась какая-то беда. Четыре человека погибли, милая. Майкл не мог об этом не знать – если он жив и здоров.

Эшли шмыгнула носом и расплакалась. Несколько секунд она безудержно рыдала, утирая глаза бумажными салфетками, одну за другой доставая их из коробки на столике.

– Я стараюсь изо всех сил, но ничего не выходит, – выдавила она сквозь слезы. – Я просто… все время… молюсь о том, чтобы он пришел… каждый раз, когда звонит телефон, я думаю, что это он… знаете… что он засмеется и скажет – это все была всего-навсего глупая шутка.

– Майкл – хороший мальчик, – сказала Джилл. – Он никогда не был жесток, а все, что случилось, – жестоко. Он бы так не поступил – это не в его характере…

Джилл Харрисон надолго замолчала.

– Как вы? – наконец не выдержала Эшли.

– Если не считать того, что я ужасно переживаю за Майкла, все в порядке. Спасибо. Со мной Карли.

– Она прилетела?

– Да, пару часов назад, из Австралии. Боюсь, после такого долгого перелета она не успеет отдохнуть к завтрашнему дню.

– Обязательно заеду с ней повидаться. – Эшли вновь замолчала. – Знаете, о чем я думаю?.. К нам съедутся люди со всего света, и мы должны прийти в церковь хотя бы для того, чтобы встретить их… и чем-нибудь угостить. Представляете, что будет, если мы не поедем в церковь, а Майкл вдруг объявится?

– Он все поймет! Могла же ты отменить свадьбу в память о погибших мальчиках…

– Джилл, пожалуйста, давайте поедем в церковь и проверим! – принялась умолять Эшли, захлебываясь слезами.

– Прими таблетку, милая, и ложись спать.

– Утром я вам позвоню.

– Хорошо. Я встану рано.

– Спасибо за звонок.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи! – ответила Эшли и положила трубку.

Разговор как будто прибавил ей сил. Она энергично перекатилась на другой бок, и ее грудь вывалилась из глубокого выреза ночной рубашки. Эшли в упор посмотрела на голого Марка, лежащего рядом под простыней.

– Вот тупая корова! Ни о чем не догадывается! – Она широко улыбнулась, лицо осветилось радостью. – Ни о чем!

Эшли обвила руками его шею, крепко прижала к себе и принялась страстно целовать – сначала в губы, а потом медленно опускаясь все ниже и ниже, продлевая сладкую пытку…

40

Майкл обливался потом под пуховым одеялом. Жарко, слишком жарко и душно – так, что мозги плавятся. Дышать почти невозможно. Струйки пота стекают по лицу, рукам, ногам, пояснице… Он сбросил одеяло, попытался сесть, но, больно стукнувшись обо что-то головой, вновь вытянулся во весь рост.

Плюх!

О боже!

Вокруг него хлюпала вода, казалось, проникшая уже и под кожу – кровеносные сосуды и ящик, где он томится, стали сообщающимися. В голове мельтешила какая-то мысль, но Майклу никак не удавалось ее ухватить. Я таю, подумал он. *Как мыло в ванне.*

Стало холодно. Всего секунду назад было невыносимо жарко, а теперь холодно. Как же зверски холодно! Как стучат зубы: хо-лод-но, хо-лод-но, хо-лод-но! Голова раскалывается.

– Схожу-ка я в ванную и гляну, нет ли в аптечке парацетамола, – вслух объявил Майкл. Не услышав в ответ ни слова, он продолжал: – Я ненадолго. Только выскочу в аптеку.

Голод, исчезнувший несколько часов назад, набросился на него и начал терзать с новой силой. Желудок жгло огнем, как будто кислота разъедала его стенки в поисках пищи. Во рту пересохло. Майкл зачерпнул воды. Как ни противно было пить соленую вонючую жижу, он заставил себя сделать пару глотков.

Осмос!

– Осмос! – выкрикнул он что было мочи. В припадке эйфории, и стал повторять его снова и снова! – Осмос! Я врубился! Осмос!

Внезапно Майклу опять стало жарко – лицо покрылось испариной.

– Эй, кто-нибудь! Выключите термостат! – крикнул он в темноту. – Ради бога, мы здесь все сваримся! Кто мы, по-вашему, – омары?!

Майкл захихикал – таким смешным показалось ему это замечание. Потом прямо над головой крышка гроба начала подниматься: медленно, неуклонно, бесшумно… пока он не увидел ночное небо, по которому сновали кометы. От него исходило сияние – луч света с неторопливо плавающими в нем золотистыми пылинками. Майкла вдруг осенило, что все звезды небесные именно этим лучом и нарисованы. Небо было его экраном. Потом он увидел, как среди звезд к нему плывет чье-то лицо. Эшли. Как будто он смотрит на нее со дна бассейна, а она плывет над ним лицом вниз.

Потом сверху показалось еще одно лицо – мама. Потом Карли, сестренка. Отец, в элегантном коричневом костюме, кремовой рубашке и красном шелковом галстуке – лучшем своем галстуке. Странно, почему отец в бассейне остался сухим.

– Ты умираешь, сынок, – сказал Том Харрисон. – Теперь ты уже скоро будешь с нами.

– Папа, по-моему, я еще не готов.

Отец криво усмехнулся:

– В том-то и дело, сынок. Кто из нас готов?

– Я вспомнил слово, которое никак не мог ухватить, – похвастался Майкл. – Осмос!

– Хорошее слово, сынок.

– Как ты, папа?

– Здесь можно проворачивать такие дела, сынок! Просто класс! И даже лучше. Здесь тебе не нужно рвать задницу, чтобы припрятать денежки на Каймановых островах. Что заработал, то и твое! Ну как, нравится?

– Да, папа…

Только Майкл разговаривал уже не с папой, а с викарием, преподобным Сомпингом, надменным коротышкой лет шестидесяти, с седеющими волнистыми волосами и бородой, чуть ли не до самых глаз закрывавшей кирпично-красное лицо. Только румянец у преподобного был не здоровым – от пребывания на свежем воздухе, – а из-за вечно лопавшихся от многолетнего запойного пьянства сосудов.

– Ты сильно опоздаешь, Майкл, если не выберешься оттуда. Ты понимаешь, что, если не успеешь в церковь до заката, я по закону не имею права венчать тебя?

– Да, понимаю, но…

Он потянулся к викарию, чтобы схватить за руку, но ударился о прочный непроницаемый тик.

Темнота.

Любое движение сопровождалось всплеском воды.

Потом он заметил кое-что обнадеживающее. Измерил уровень воды ладонью. Она уже не закрывала щек и опустилась до шеи.

– Прямо как галстук, – сказал Майкл вслух. – Можно ли носить воду, как галстук?

Тут его заколотила нервная дрожь, руки свело судорогой, локти прижались к бокам. Ноги задергались, дыхание участилось, пока он, наконец, не захрипел и не засвистел, как паровоз.

Я умираю, я скоро умру – здесь, один, в день моей свадьбы. Они идут за мной – духи, они спустятся в гроб, и тогда…

Майкл поднес трясущиеся руки к лицу. Он не помнил, когда в последний раз молился – наверное, задолго до смерти папы. Кончина Тома Харрисона стала для него последним подтверждением того, что Бога нет. Но сейчас ему вспомнились слова молитвы, и он шептал их, закрыв лицо руками, словно не желая, чтобы его кто-то подслушал.

От этого благочестивого занятия Майкла отвлек треск, а потом он услышал громкую музыку в стиле кантри и гнусавый голос:

– Доброе утро, любители спорта. В эфире радиостанция Буффало! Несмотря на дождь, слушайте последние новости из мира спорта и погоды! Сообщаю результаты финальных матчей…

Майкл лихорадочно зашарил по груди в поисках рации, при этом нечаянно столкнув ее в воду.

– О, черт, нет! Только не это!

Он выудил рацию из воды, хорошенько встряхнул и, нащупав кнопку «Вызов», нажал ее.

– Дэви! Это ты, Дэви?

Снова шипение и треск.

– Здорово, старик! Говоришь, у тебя дружки во вторник разбились?

– Да.

– Вот мы и снова встретились!

– Дэви, мне очень нужна твоя помощь. Тогда ты сможешь сделать шикарное объявление по своей радиостанции.

– Зависит от того, какие еще новости будут в тот день, – возразил Дэви.

– Ладно. – Майклу ужасно хотелось наорать на придурка. – Мне нужно, чтобы ты либо дозвонился до человека, с которым я смогу пообщаться по рации, либо чтобы вы с папой приехали и спасли меня!

– Все зависит от того, где ты находишься – на нашем участке или нет. Усек?

– Да, Дэви. Я все усек.

41

Потом они долго лежали в постели нагишом. Вокруг них в комнате горело двенадцать ароматизированных свечей, из музыкального центра лился голос Норы Джонс. Прикурив сигарету, Эшли поднесла ее к губам Марка, и тот глубоко затянулся.

– Джилл права, – заметил Марк. – Мне кажется, тебе не стоит идти в церковь, и совершенно ни к чему устраивать прием.

Эшли яростно замотала головой:

– Нет, стоит! Стоит! Неужели непонятно? Я приду в церковь… – Она с наслаждением вдохнула дым, затем медленно, изящно выпустила тоненькую голубую струйку в потолок. – Все увидят меня – бедную брошенную невесту. И всем станет меня так жалко!

– Вот уж не согласен… Все это может запросто обернуться против тебя.

– Каким образом?

– Скажем… тебя могут посчитать бесчувственной, решив, что ты во что бы то ни стало готова настоять на своем и плевать хотела на гибель Пита, Люка, Джоша и Роббо. Пусть все видят, как мы с тобой переживаем.

– Мы созвонились с их родственниками, послали соболезнования – короче, сделали все, как надо. Но последние три дня мы только и делаем, что говорим о свадьбе. Да, черт побери! *Мы настаиваем на своем!* Мы *обязаны* заплатить проклятым поставщикам и позаботиться о тех несчастных гостях, которые все-таки на свадьбу явятся. Их, скорее всего, будет немного, но мы не вправе подвести тех, кто придет!

Марк взял у нее сигарету.

– Эшли, люди обо всем догадаются. Ты уже три дня приводишь мне свои логические доводы, но меня не слушаешь совсем. По-моему, ты совершаешь огромную ошибку.

– Положись на меня. – Эшли заглянула ему в глаза. – Или ты струсил?

– Господи, да не струсил я, а просто…

– Хочешь дать задний ход?

– Даже и не думал!

– Выше нос, напарник!

– Стараюсь…

Эшли провела рукой по его животу, взъерошила волосы на лобке, игриво потыкала пальчиком обмякший пенис…

– Что-то не похоже, – лукаво заметила она.

42

Выходные Грейс начал так, как ему больше всего нравилось, – с утренней шестимильной пробежки по набережной Брайтона и Хоува. Дождь опять лил, как из ведра, но Рой не обращал на это внимания – на нем была низко надвинутая бейсболка с длинным козырьком, защищавшим лицо от воды, легкий спортивный костюм и новенькие кроссовки фирмы «Найк». Двигаясь в хорошем, бодром темпе, он вскоре забыл о дожде и обо всех своих невзгодах, а лишь просто глубоко дышал, преодолевая милю за милей. В голове незнамо почему крутилась песня Стиви Уандера «Подписано, запечатано, отправлено».

Тихонько мурлыча хорошо знакомую мелодию под нос, Рой миновал старика в плаще, выгуливавшего пуделя, а потом его обогнали двое затянутых в лайкру парней на горных велосипедах. Был час отлива. Двое рыбаков копали на берегу червей для наживки.

Чувствуя привкус соли на губах, Грейс продолжал бежать: вдоль ограды приморского бульвара, вдоль выгоревшего остова Западного пирса… Затем по пандусу спустился чуть ли не к самому пляжу. Здесь местные рыбаки хранили лодки – подальше от кромки прибоя, чтобы прилив не утащил их в море. На бегу он читал названия лодок: «Дэйзи-Ли», «Краса Брайтона», «Сэмми»… Пахло свежей краской и просмоленными канатами, а когда Грейс пробегал мимо еще закрытых кафе, в ноздри шибал запах тухлой рыбы. Перед глазами, тут же исчезая за спиной, мелькали торговые центры, картинные галереи, клуб виндсерфинга, лодочная пристань за низкой бетонной стеной… Потом Рой нырнул под балки громады Дворцового пирса – здесь семнадцать лет назад они с Сэнди впервые поцеловались. Он уже начал уставать, но не сдавался, решив повернуть обратно лишь после того, как достигнет утесов Блэк-Рок.

Пискнул мобильник, сообщая о получении эсэмэски.

Грейс остановился, расстегнул «молнию» на кармашке и посмотрел на дисплей:

«Эй, Здоровяк! Не дразни девицу – страшный сон приснится! Клодин XX».

Господи! Да отвяжись ты! Сначала целый вечер нападала на меня за то, что я легавый, а теперь проходу не даешь! Пока что опыт знакомств по Интернету складывался у Грейса как нельзя более неудачно. Неужели они все такие же, как Клодин, – агрессивные одинокие бабы со съехавшей крышей? Конечно нет. Должны же где-то быть и нормальные женщины. Или он не прав?

Он сунул телефон в карман и затрусил дальше. Надо ей все же ответить, хотя, может быть, самое лучшее – просто не обращать внимания. Как же ее отшить? *Отвяжись, перестань ко мне липнуть? Приятно было познакомиться, но я решил стать голубым?*

Наконец Грейс остановился на том, что, вернувшись домой, пошлет Клодин эсэмэску. Он выбрал трусливый и осторожный ответ:

«Извини, но я понял, что еще не готов к серьезным отношениям».

Расслабленный мозг заработал. Рой вспомнил о неуклонно растущей куче документов у него на столе, о преступной сети нигерийских торговцев молодыми женщинами, о процессе над Сурешем Хоссейном, о висяке Томаса Литла… и об исчезновении Майкла Харрисона.

Последнее дело не давало Грейсу покоя. Ночью ему вдруг пришла в голову мысль, с тех пор не покидавшая его. Он выбрался на узкую дорожку, тянувшуюся вдоль почти отвесных белых меловых утесов, возвышавшихся над стоянкой для яхт с ее лесом мачт, рядами понтонов, отелями, магазинами и ресторанами, и пробежал еще две мили.

После чего, чувствуя, что начинает сдавать, повернул обратно. Ноги сводило от напряжения. Оказавшись рядом с жилым комплексом «Ван Аллен», поднялся по пандусу на тротуар и, дождавшись, пока поредеет поток машин на «Приморском параде», пересек проезжую часть. Потом по узкой улочке обогнул здание и остановился у входа на подземную стоянку.

Ему повезло. Через несколько секунд ворота открылись, и со стоянки выехал темно-синий «порше-бокстер». За рулем сидела хищного вида блондинка: несмотря на серый дождливый день – в темных очках. Грейс проскользнул внутрь до того, как ворота снова закрылись. Было приятно хотя бы ненадолго отдохнуть от дождя.

Пробегая по бетону, Рой вдыхал сухой воздух, насыщенный парами бензина. Миновав красный «феррари», который он запомнил с прошлого раза, и несколько других машин, он остановился перед сверкающим, чисто вымытым внедорожником БМВ-X5.

Грейс посмотрел на номерные знаки. «W 796 LDY». Огляделся – нет ли кого поблизости. Ни души. Подойдя к машине, он опустился на колени у ближайшего к нему переднего колеса, лег на спину, нырнул под днище и стал разглядывать внутреннюю поверхность колесной ниши. Она была вся в грязи.

Достав из кармана носовой платок, Грейс развернул его на левой ладони, а правой рукой принялся скрести сухую грязь, пока на белый квадратик ткани не упало несколько комочков.

Грейс осторожно свернул платок, завязал узлом и, сунув его в карман, выполз из-под машины. У выхода из гаража он провел рукой над инфракрасным лучом, и секунду спустя, громко клацнув и деловито зажужжав моторчиками, ворота открылись.

Рой вышел и, оглядевшись по сторонам, побежал домой.

43

В половине десятого утра, приняв душ, Грейс не спеша позавтракал яичницей и поджаренными грунтовыми помидорами. Дома он старался есть натуральные продукты, чтобы хоть как-то ослабить сокрушительное воздействие всей той дряни, какую сплошь и рядом приходилось запихивать в себя на работе, и литрами пил минералку. Лениво полистав «Дейли мейл», Грейс полюбовался на фото последней модели «астон-мартина» в журнале «Аутрокар», а затем перебрался в кабинет, когда-то служивший кладовкой. Из окна был виден его крошечный, невероятно запущенный садик, выглядевший особенно встрепанным, заросшим и лохматым по сравнению с ухоженными до безобразия участками соседей. Усевшись перед монитором компьютера, Грейс набрал домашний номер Гленна Брэнсона. Платок с образцами земли, взятыми на БМВ Марка Уоррена, лежал на столе в целлофановом пакетике.

К телефону подошла Эри. Несмотря на то, что с Гленном они поладили с ходу, найти общий язык с женой друга Грейсу никак не удавалось. Она часто бывала с ним резка, как будто подозревала его, холостяка, в том, что он пытается сбить ее мужа с пути истинного.

Много лет Грейс лез из кожи вон, пытаясь ей угодить. Он никогда не забывал о днях рождения их детей, посылал им дорогие подарки и поздравительные открытки, а когда его изредка приглашали к обеду или ужину, всегда являлся с цветами. Порой Грейсу казалось, что Эри, наконец, смягчилась, но сегодня она явно не была настроена миролюбиво и пришла в раздражение, едва услыхав его голос.

– Привет, Рой, – небрежно бросила Эри. – Позвать Гленна?

Нет, на самом деле я хочу поговорить с Маленьким Лунным Человечком, едва не вырвалось у Роя, но он сдержался.

– А он дома?

– Вообще-то мы спешим, – проворчала она. Грейс услышал в трубку недовольный детский визг. – Сэмми! – взорвалась Эри. – Отдай сестре игрушку! Ты уже поиграл, теперь ее очередь! – Визг стал громче.

Наконец к телефону подошел Брэнсон:

– Здорово, старичок. Что-то ты рановато!

– Ха-ха, очень смешно. Что, ты говорил, у тебя на сегодня планы?

– Сестренке Эри стукнуло тридцатник. Она живет в Солихалле. Я стою перед выбором: или искать Майкла Харрисона, или спасать свой брак. Как бы ты поступил на моем месте?

– Спасай свой брак. И скажи спасибо старому другу, поставившему на личной жизни крест. Зато в выходные он делает за тебя твою работу.

– Спасибо. Чем занимаешься?

– Собираюсь на свадьбу.

– Какой ты сентиментальный! Фрак и цилиндр приготовил? Успел забрать из чистки?

– Тебе кто-нибудь говорил, какая ты сволочь?

– Жена, которая меня уже почти бросила.

Грейсу стало больно. Он понимал, что Гленн не хочет его обидеть, но слова друга жгли, как огнем. Каждый вечер, даже в самый поздний час, заранее зная о грядущем скандале, Брэнсон возвращается домой к любимым детям, а в постели его ждет теплая красивая женщина. Те, кому дано такое счастье, не в состоянии понять, каково это – жить одному.

Одиночество.

Гадкая штука!

Что есть, то есть.

Грейс устал от одиночества, но не знал, как ему быть. Может, найти кого-нибудь? Влюбиться, жениться… А потом объявится Сэнди! Что тогда?

В глубине души Рой понимал: Сэнди не объявится никогда. Однако рана в сердце не затягивалась: так старая патефонная игла кружит и кружит, все углубляя бороздку. Поди тут смирись с неизбежным! Пару раз в год, когда ему становилось особенно тоскливо, он ходил к медиуму, пытаясь связаться с Сэнди или, по крайней мере, хоть что-то о ней узнать. Но она все время ускользала, оставаясь вечным негативом, так и не проявлявшимся в кювете фотографа.

Грейс пожелал Брэнсону хорошо повеселиться, завидуя другу, его требовательной жене и чудесным детишкам, его проклятой «нормальности». Он вымыл тарелку и, выглянув в окно, на противоположной стороне улицы увидел Норин Гринстед в коричневом кримпленовом брючном костюме, фартуке, желтых резиновых перчатках и пластиковой шляпке от дождя. Она деловито мыла губкой свой серебристый «ниссан», стоящий у дома. Черно-белая кошка метнулась через дорогу. По радио ведущий «Домашних откровений» брал интервью у женщины, чьи родители с самого ее детства не разговаривали друг с другом.

За девятнадцать лет работы в полиции Грейс усвоил: человеческим странностям предела нет. С каждым днем ему казалось, что люди становятся все более странными.

Вернувшись в кабинет, он набрал номер брайтонской полиции и спросил, на месте ли кто-нибудь из следственного отдела. Вскоре его соединили с Джо Тиндаллом, которого он высоко ценил.

Это был педантичный, помешанный на работе и бесконечно изобретательный тощий коротышка в очках, с редеющими жесткими волосами – типичный «сумасшедший ученый» из фильма ужасов. До того, как прийти в полицию, Тиндалл несколько лет работал в Британском музее в отделе судебно-медицинской археологии. Именно с Джо Грейс расследовал дело о похищении Томми Литла.

– Привет, Джо! – поздоровался он с коллегой. – Не отдыхается в выходные?

– Ха! На мне баллистическая экспертиза налета на ювелирный магазин – все остальные смылись. А еще на мне аж со среды висит ножевое ранение, так что благодарю покорно, отдыхайте сами!

Грейс вспомнил: поздно вечером в среду в Брайтоне кого-то зарезали. Было непонятно, что произошло – ограбление или ссора двух геев-любовников.

– Джо, нужна помощь. Я тут соскреб образец почвы с машины подозреваемого. Можно ли очень быстро установить, из какой части Суссекса грязь? Насколько точно это можно определить?

– Насколько точные данные тебе нужны?

– В пределах нескольких квадратных футов.

– Очень смешно, Рой!

– Мне не до смеха.

– А у тебя есть образчик почвы из интересующего тебя района? Я могу сличить их и посмотреть, совпадает ли состав. В Суссексе встречаются и мел, и глина, и галечник, и песок…

– Район Эшдаунского леса.

– Там в основном песок и глина. Их можно сличить по содержанию пыльцы, ископаемых, семян, экскрементов животных, травы, воды – словом, всего, что угодно. Как я понимаю, тебе нужно вычислить определенную точку?

– В пределах нескольких квадратных миль.

– Тогда я тебе не завидую. В Англии полно таких мест, как в Эшдаунском лесу.

– А сколько времени понадобится, если у меня нет почвы из нужного района?

– Несколько недель, при условии что мне дадут целую команду помощников и кучу денег.

– Но в принципе ты можешь это сделать?

– При неограниченных ресурсах и запасе времени я сумею определить, из какого именно участка леса взят данный образец почвы.

– В каких приблизительно пределах?

– Это зависит от множества факторов. Но скорее всего, не более нескольких сотен квадратных футов.

– О'кей, спасибо. Мне нужно кое-что тебе показать. Ты еще побудешь у себя в кабинете?

– Рой, я на месте весь день.

44

Час спустя, переодевшись в синий костюм, белую рубашку и яркий галстук, Грейс въехал на территорию раскинувшейся среди холмов промзоны Холлингбери на окраине Брайтона. Миновав супермаркет ASDA, безобразный одноэтажный монстр постройки пятидесятых годов прошлого века, он затормозил у длинного приземистого здания в стиле ар-деко. Суссекс-Хаус, главное управление брайтонской уголовной полиции.

Когда-то здесь был завод. Несколько лет назад полиция выкупила его у хозяев и перестроила. Если бы не бросавшаяся в глаза табличка с названием учреждения, случайный прохожий запросто мог принять угрозыск за шикарный современный отель. Ослепительно белый фасад с аккуратно подстриженным газоном по всей длине производил сильное впечатление. И только когда въезжаешь в высокие, надежно охраняемые ворота, на стоянку, забитую патрульными машинами, и натыкаешься взглядом на мрачное помещение КПЗ, вид становится далеко не таким благолепным.

Припарковавшись между полицейскими джипом и микроавтобусом, Грейс подошел с тылов, приложил к электронной панели магнитный пропуск, и дверь открылась. Детектив переступил порог, махнул пропуском перед дежурным офицером, сидевшим в приемной, и побежал вверх по устланной толстым ковром лестнице. У ее подножия и на стенах вдоль ступенек висели синие стенды с древними полицейскими дубинками, вышедшими из обихода; в пролетах этажей были развешаны большие доски с прикнопленными к ним фотографиями особо отличившихся сотрудников разных отделов.

Грейс хорошо знал всех этих людей. Ян Стил и Верити Смарт из отдела особых расследований, Дэвид Дэвисон из аналитического, Уилл Грэм и Кристофер Деррикотт из научно-исследовательского, Джеймс Симпсон из оперативно-разыскного, Террина Клифтон-Мур из отдела семейных проблем и помощи несовершеннолетним и еще пара дюжин знакомых лиц…

Верхняя площадка лестницы плавно переходила в просторный зал, заставленный письменными столами. Сегодня здесь было всего несколько человек. По обе стороны зала тянулись ряды дверей отдельных кабинетов, на которых под эмблемой полиции Суссекса висели таблички с фамилиями их хозяев.

Миновав приемную начальника управления полиции Суссекса суперинтендента Гэри Уэстона, Грейс приложил магнитный пропуск к электронному замку и оказался в длинном коридоре с кремовыми стенами. Здесь к стендам – на сей раз красного цвета – были прикреплены графики, диаграммы и схемы основных оперативно-разыскных мероприятий. Один из них был озаглавлен: «Основные мотивы преступлений. Диаграмма», другой – «План расследования убийства», третий – «Осмотр места преступления».

Грейсу нравилось, что здесь все такое передовое и современное. Большую часть жизни он проработал в старых, убогих сараях, смахивавших на давно не чищенные крольчатники. Приятно было сознавать, что его любимая полиция, которой Рой отдавал все душевные силы, действительно вступает в двадцать первый век. Впрочем, и в Суссекс-Хаус имелся один существенный недостаток, вызывавший недовольство всех сотрудников: здесь не было столовой.

Грейс шагал дальше, одну за другой оставляя позади помеченные аббревиатурами двери. За первой находился отдел серьезных происшествий, часть которого составлял подотдел тяжких преступлений. Далее шли отделы: собственной безопасности, оперативно-разыскной, затем – просмотровый зал и комната для допросов. И тут Рою в нос ударила вонь, с каждым шагом становившаяся все нестерпимее.

Отвратительный, выворачивающий наизнанку, тошнотворный запах… За долгие годы работы Грейс приучился сразу распознавать его. Слишком часто приходилось с ним встречаться. Ни один другой запах не был столь мерзок: он окутывал, как невидимое облако, проникал под кожу, залезал глубоко в ноздри, в легкие, в желудок, пропитывал волосы и одежду. Посетитель уносил вонь с собой и потом еще долго ощущал ее присутствие.

Толкнув дверь маленького отдела осмотра места преступления, Грейс сразу определил источник смрада: фотограф работал над вещдоками. На столе, застланном коричневой оберточной бумагой, в ярком свете галогенных ламп лежала разорванная и окровавленная гавайская рубашка, а рядом в пластиковых мешках – брюки и легкие замшевые туфли.

Грейс не сразу признал человека в белом комбинезоне, напряженно вглядывавшегося в видоискатель установленного на треножнике фотоаппарата «Хассельблад». С тех пор, как они в последний раз виделись несколько месяцев назад, Джо Тиндалл изменился до неузнаваемости. Он больше не напоминал всклокоченного «сумасшедшего профессора» в больших очках с роговой оправой. Обритый наголо, с эспаньолкой, в супермодных треугольных очках с подсиненными линзами, Тиндалл скорее походил на светского тусовщика, чем на трудягу ученого.

– У тебя новая подружка? – спросил Грейс вместо приветствия.

Тиндалл вздрогнул от неожиданности:

– Рой! Рад тебя видеть. Да, собственно говоря… но кто тебе сказал?

Грейс ухмыльнулся, продолжая разглядывать Джо. Он бы не удивился, увидев у него в ухе серьгу.

– Она молоденькая?

– Ну… вообще-то… да. Откуда ты знаешь?

Грейс снова ухмыльнулся и многозначительно оглядел бритую голову и модные очки.

– Она вернула тебе молодость!

Наконец, до Тиндалла дошло, и он застенчиво улыбнулся:

– Рой, она меня доконает! По три раза за ночь – и так каждую ночь.

– Ты только *пытаешься* кончить три раза за ночь или у тебя это получается?

– Ох, да пошел ты! – Тиндалл оглядел Грейса с головы до ног. – Шикарно выглядишь для субботы. Свидание?

– Нет. Свадьба.

– Поздравляю… Кто эта счастливица?

– Подозреваю, что она совсем не счастлива, – парировал Грейс, выкладывая на стол рядом с рубашкой пакетик, где лежали образцы почвы, взятые им утром. – Мне нужно, чтобы ты сделал для меня ряд анализов.

– Тебе всегда нужно, чтобы я сделал для тебя ряд анализов.

– Неправда, Джо! Когда я принес материалы по делу Томми Литла, то нарочно подчеркнул, что это не к спеху. Сейчас другой случай. Пропал человек, и от того, как быстро ты проведешь экспертизу, может зависеть, живым мы его найдем или мертвым.

Джо Тиндалл поднял пакетик и посмотрел на просвет. Потом легонько встряхнул, не отводя глаз от комочков земли.

– Похоже на песок, – заметил он.

– Ну и что?

– По телефону ты упомянул Эшдаунский лес.

– Угу.

– Возможно, там ты и найдешь такую почву.

– Что значит – возможно?

– В Великобритании полно мест с песчаной почвой, Рой. В Эшдаунском лесу – тоже.

– Меня интересует участок площадью примерно семь футов на три.

– Типа могилы?

– Это и есть могила.

Джо Тиндалл кивнул и снова уставился на образец.

– Ты хочешь, чтобы я на основании твоего пакетика с землей обнаружил могилу посреди Эшдаунского леса?

– Ты точно уловил мою мысль.

Эксперт снял очки, как будто они мешали ему видеть, но тут же надел их снова.

– Видишь ли, в чем дело, Рой… Ты разыщи эту могилу, а я скажу, оттуда взята земля или нет.

– Мне бы хотелось наоборот.

Тиндалл встряхнул пакетик.

– Понятно. Как ты думаешь, кто я? Дэвид Блейн? Деррин Браун? Покачаю пакетом в воздухе и вычислю тебе могилу посреди леса в десять гектаров?

– А что, не можешь?

– Представь себе – как ни странно, нет, не могу.

45

Несколько часов спустя «альфа-ромео» Грейса медленно взбиралась на вершину высокого холма, где стояла деревня Патчем-Виллидж. Сегодня здесь, в церкви Всех Святых в два часа пополудни, то есть ровно через сорок пять минут, должно было состояться венчание.

Это была его самая любимая церковь во всей округе. Она являла собой типичный образчик раннеанглийской клерикальной архитектуры: камерная, простая, грубой серой

каменной кладки, с невысокой колокольней, витражным заалтарным окошком и древними могильными плитами на заросшем травой кладбище.

Сильный дождь сменился изморосью. Грейс припарковал свою «альфу» на обочине неподалеку от входа, так что мог хорошенько разглядеть всех приезжающих. Пока – никого, лишь на мокром асфальте дороги докисала россыпь конфетти – видимо, от утренней свадьбы.

Вот пожилая женщина в прозрачном дождевике с капюшоном катит тележку с продуктами по булыжной мостовой, вот она остановилась перекинуться словечком со здоровяком в непромокаемой куртке, шедшим ей навстречу с крошечной собачкой на поводке… Вот собачка задрала ногу на уличный фонарь…

Вот подъехал синий «форд-фокус», оттуда вылез человек с двумя фотокамерами на шее. Грейс окинул его пристальным взглядом. Интересно, это – фотограф, нанятый снимать свадьбу, или представитель прессы? Через несколько секунд к церкви подъехал маленький коричневый «воксхолл» и остановился рядом с «фордом». Из «воксхолла» выбрался молодой человек в куртке с капюшоном и блокнотом, свидетельствовавшим о том, что это – репортер. Поздоровавшись с фотографом, они о чем-то застрекотали. Оба то и дело оглядывались по сторонам.

Еще десять минут спустя показался серебристый внедорожник БМВ. Из-за дождя и тонированных стекол Грейс не мог разглядеть, кто сидит за рулем, но сразу узнал номерные знаки Марка Уоррена. Впрочем, он не заставил себя долго ждать – знакомая фигура в темном плаще, выскользнув из БМВ, поспешила ко входу и исчезла внутри, однако почти сразу вернулась к машине.

Из подкатившего такси бодро выпрыгнул высокий, безукоризненно одетый пожилой седовласый джентльмен во фраке и с красной гвоздикой в петлице. В руке он держал серый цилиндр. Захлопнув заднюю дверцу, джентльмен направился к церкви. Очевидно, таксисту было велено подождать. Следом подъехала серебристая спортивная «ауди-ТТ», и Грейс сразу вспомнил, что видел ее у дома Эшли Харпер.

Водительская дверца распахнулась, и из салона выпорхнула Эшли – зонтик надежно прикрывал высокую прическу и красивое белое свадебное платье. Со стороны пассажирского сиденья появилась пожилая женщина в синем платье с белой каемкой и аккуратно уложенными серебристо-седыми волосами. Эшли приветственно помахала в сторону БМВ и нырнула под зонтик. Обе женщины засеменили по дорожке к церкви и исчезли за дверью. Марк Уоррен шел по пятам.

Без пяти два со стороны кладбища показался викарий, и Грейс решил, что ему тоже пора идти. Оставив машину, он натянул сине-желтую куртку фирмы «Томми Хилфигер». У самой церкви дорогу ему преградил молодой человек лет двадцати пяти с блокнотом – остролицый, в дешевом сером костюме, с так небрежно повязанным галстуком, что верхняя пуговица рубашки оставалась открытой. Молодой человек жевал резинку.

– Суперинтендент Грейс?

Детектив смерил юнца ледяным взглядом. Он привык, что репортеры узнают его, но все равно держался настороженно.

– А вы кто такой?

– Кевин Спинелла, газета «Аргус». Есть ли какие-либо свежие новости о Майкле Харрисоне?

– Боюсь, пока нет. Мы надеемся, что он появится на свадьбе.

Репортер посмотрел на часы:

– Времени осталось маловато, верно?

– Он не первый жених, который опаздывает на свадьбу. – Грейс улыбнулся и прошагал мимо Спинеллы.

– Скажите, суперинтендент, как по-вашему, Майкл Харрисон жив или мертв? – торопливо крикнул вслед репортер.

Остановившись на секунду, Грейс ответил:

– Пока он считается пропавшим без вести.

– Пока?

– Извините, больше ничего сообщить не могу. – Грейс толкнул тяжелую дверь и, нырнув в полумрак, прикрыл ее за собой.

В церкви он всегда испытывал двойственное чувство. Может, стоит взять подушечку, встать на колени и помолиться, как поступает большинство сограждан? Как и он сам в детстве – по воскресеньям, рядом с папой и мамой. Но порой Грейса подмывало сесть на скамью и сказать Богу: «Я больше не верю в твой гнев». После исчезновения Сэнди он много раз ходил в церковь и молился, чтобы она вернулась. Иногда он посещал службы, но обычно предпочитал пустую церковь. Сэнди не была верующей, и, когда по прошествии нескольких лет мольбы и стенания Роя остались без ответа, он постепенно превратился в агностика. Обращаться к Всевышнему расхотелось напрочь.

Верните мне Сэнди, и тогда я поверю в вас всей душой! Но не раньше, мистер Бог. Договорились?

Грейс прошествовал по проходу мимо мокрых зонтиков, доски объявлений под распятием и стопкой приглашений, где значилось: «Майкл Джон Харрисон и Эшли Лорен Харпер». Повеяло знакомыми запахами: старого высохшего дерева, поношенных облачений священников, пыли и воска… Церковь была красиво убрана цветами, но они не пахли.

Около дюжины людей стояли в проходе и в боковом приделе. Все молчали, словно статисты на съемках, ждущие команды режиссера.

Грейс присоединился к группе, на ходу кивнув Эшли. Та, белая как мел, цеплялась за локоть пожилого джентльмена в черном фраке – очевидно, своего отца. Рядом стояла приехавшая вместе с ней женщина. Симпатичная, лет пятидесяти, но с напряженным, застывшим взглядом много испытавшего человека. Марк Уоррен, в темно-синем костюме с белой гвоздикой в петлице, стоял рядом с симпатичной парочкой лет тридцати-тридцати пяти.

Рой понял: все на него смотрят. Молчание нарушила Эшли, сбивчиво поблагодарив детектива за то, что он пришел. Вначале она представила его матери Майкла, упорно отводившей взгляд, а затем красивому импозантному джентльмену, которого он счел ее отцом. Оказалось, что это ее дядя. Тот крепко пожал Грейсу руку и представился Брэдли Каннингемом.

– Рад познакомиться, суперинтендент! – сказал он, глядя Грейсу прямо в глаза.

– Вы из какой части Штатов? – поинтересовался тот, уловив его североамериканский акцент.

Дядя обиженно насупился:

– Вообще-то я канадец, из Онтарио.

– Прошу прощения.

– Ничего страшного. Вы, англичане, часто нас путаете.

– Наверное, и вам нелегко бывает определить, из какой части Великобритании тот или иной человек.

– Да, вы правы.

Детектив улыбнулся и одобрительно оглядел фрак.

– Приятно видеть, что кто-то оделся на свадьбу подобающим образом.

– Честно говоря, эти штаны жмут невыносимо – признался Каннингем. – Я взял костюм напрокат в вашей фирме «Мосс бразерс», но они, кажется, подсунули мне штаны не того размера! – Внезапно он посерьезнел. – Какой ужас, правда?

– Да, – рассеянно кивнул Грейс, – ужас!

Их прервала Эшли, познакомившая Грейса со священником, преподобным Сомпингом – бородатым коротышкой в белой рясе с высоким воротничком и с красными, налитыми кровью глазами. Священник откровенно злился.

– Я говорил мисс Харпер, что нужно все отменить, – решительно заявил он. – Зачем так себя изводить? И потом, гости… Полная чушь!

– Нет, он *непременно* появится, – зарыдала Эшли. – Появится, я знаю! – Она подняла на Грейса заплаканные глаза. – Пожалуйста, скажите им, что Майкл скоро будет!

Детектив посмотрел на невесту – такую печальную и беззащитную, что он едва удержался, чтобы не броситься к ней и не заключить в объятия. Такой несчастной была эта девушка, такая безысходность написана на ее лице, что ему захотелось как следует врезать бесчувственному священнику.

– Майкл Харрисон еще может прийти, – сурово отчеканил Грейс.

– Тогда ему придется поспешить, – холодно заметил преподобный Сомпинг. – Через час у меня здесь другая свадьба.

– Я думал, здесь церковь, а не супермаркет! – процедил Грейс, злясь на черствость священника.

Сомпинг окинул его презрительным взглядом, однако, поняв, что это не подействовало, стал оправдываться:

– Я служу Господу. Это Он дает мне расписание.

– В таком случае попросите своего босса вызвать жениха! – выпалил Грейс. – И в темпе!

46

В двадцать минут третьего, оглядев немногочисленных собравшихся, преподобный Сомпинг поднялся на кафедру с видом альпиниста, взбирающегося на Эверест. Положив ладони на деревянные перила, он подался вперед и торжественно провозгласил:

– Невеста, мисс Эшли Харпер, и мать жениха, миссис Джилл Харрисон, попросили меня сообщить, что свадьба откладывается на неопределенный срок из-за неявки жениха, Майкла Харрисона. То, что должно было стать радостным событием, – единение двоих молодых, любящих друг друга людей перед лицом Господа нашего, – не состоится ввиду отсутствия Майкла. Никто из нас не ведает, что с ним случилось, но наши мысли и молитвы – с ним, его родными и будущей новобрачной.

Сомпинг помолчал, выразительно посмотрев на присутствующих, а затем продолжил:

– Мисс Харпер и миссис Харрисон великодушно предлагают гостям закусить, хотя свадьба и не состоялась. Угощение накрыто в зале королевы Марии в Королевском павильоне. Они будут признательны, если вы примете их приглашение после того, как мы помолимся о здравии Майкла.

Он торопливо прочитал молитву, и кто-то распахнул двери.

Грейс наблюдал за тем, как гости молча, по одному выходят из церкви. Все происходящее больше напоминало похороны, а хоронить на той неделе предстояло аж четверых. Рой надеялся, что Майкл Харрисон не присоединится. Но то, что он не пришел на собственную свадьбу, – нехороший знак. Очень плохой знак! Теперь мысль о розыгрыше можно отбросить.

Беспокоило детектива и кое-что другое.

* * *

Час спустя все собрались в зале королевы Марии Королевского павильона. Гости разглядывали розовые стены, украшенные старинными полотнами в золоченых рамах. Не было слышно веселого гомона, какой обычно бывает на вечеринках, – лишь кое-кто тихо переговаривался. Гостям хватило всего нескольких столов из двадцати, накрытых на двести персон и украшенных орхидеями. Два повара в белых халатах и высоких колпаках стояли за уставленными блюдами буфетными стойками с целой армией официантов и официанток. Многоярусный свадебный торт сиротливо оплывал в сторонке, в то время как гости с жадностью накинулись на закуски и шампанское.

Грейс, приглашенный Эшли, задержался у входа, чтобы позвонить констеблю Николлу и сержанту Мой и попросить привлечь к работе еще людей. Белла порекомендовала молодую сотрудницу по имени Эмма Джейн Бутвуд, в данный момент свободную, и Грейс велел немедленно ввести ее в курс дела.

На приеме он не сводил глаз с Эшли и Марка Уоррена. Несмотря на то, что ее глаза были на мокром месте, а тушь потекла, девушка старалась улыбаться. По одну сторону от нее за столом сидел молодой человек, а по другую – незнакомая Грейсу женщина. Кажется, в церкви их не было. Одновременно с ними в зале появилось еще несколько человек, но Эшли объяснила, что прийти могут все желающие.

– Он обязательно появится, – услышал Грейс ее слова. – Его просто что-то задержало. Странно, не правда ли, – ведь день свадьбы должен стать счастливейшим в жизни! – И она вновь разразилась рыданиями.

За другим столом Грейс увидел миссис Харрисон, а рядом с ней – дядю Эшли. Некоторое время он задумчиво наблюдал за Брэдли Каннингемом, но потом его внимание отвлек Марк Уоррен, щеголявший белой гвоздикой в петлице. В руке он сжимал пустой бокал из-под шампанского и едва ворочал языком.

– Детектив-сержант Грейс? – вопросил он, почти вплотную подойдя к Рою.

– Детектив-суперинтендент, – поправил его тот.

– Из-звините… я и не знал, что вас повысили!

– Меня повысили давно, мистер Уоррен.

Марк ненадолго увял, но затем вновь ринулся в бой. Его взгляд выражал высшую степень презрения, правда, от выпитого глаза слегка съезжали к носу. Эшли его поведение явно настораживало – Грейс видел, как невеста то и дело беспокойно поглядывает в их сторону.

– Неуж-жели вы н-не можете ос-ставить эту молодую леди в покое? Вы хоть п-понимаете, какие ч-чувства она ис-спытывает?

– Именно поэтому я и пришел, – спокойно парировал Грейс.

– Вы д-должны искать Майкла, а не болтаться по веч-черинкам и нажираться на х-халяву!

– Марк! – предостерегающе воскликнула Эшли.

– Отстань, – отмахнулся от нее тот и снова в упор уставился на Грейса. – Интерес-сно, как вы, вашу мать, его ищете?

Рой начал злиться, однако не подал и виду.

– Мои подчиненные делают все, что в их силах.

– А по-моему, нет. Скаж-жите, вы имеете право пить на службе?

– Это минеральная вода.

Марк покосился на бокал Грейса.

Эшли вскочила из-за стола и подошла к ним.

– Марк, почему бы тебе не пообщаться с другими гостями? – довольно резко спросила она.

Грейс явственно ощущал: что-то не так, но он пока не мог определить, что именно.

Неожиданно Уоррен схватил его за грудки:

– З-знаете, в чем ваша проблема? В-вам на все наплевать, верно?

– С чего вы взяли?

– Ну, признайтесь! – глупо ухмыляясь, на повышенных тонах потребовал Марк. – Вы не любите богатых, правда? По-вашему, пусть бы мы убирались на фиг, да? У вас и так полно дел – следить за п-превышением скорости, ловить вод-дителей. Зач-чем париться насчет какого-то б-богатенького б-бедолаги… ж-жертвы роз-зыгрыша? Ведь можно получить н-неплохую п-премию, отлавливая пьяных з-за рулем!

Грейс намеренно понизил голос почти до шепота, зная, что эта уловка вынудит Марка сделать то же самое.

– Мистер Уоррен, к дорожной полиции я не имею никакого отношения. Я здесь для того, чтобы попытаться помочь вам.

Марк придвинулся ближе, чтобы лучше расслышать его слова:

– П-пардон, не понял.

– Когда я учился в полицейском колледже, у нас однажды был смотр, – по-прежнему тихо продолжал Грейс. – Приезжала инспекция. Перед смотром я до блеска надраил пряжку на ремне, и она сверкала, как зеркало. Но шеф заставил меня снять ремень и показал всем обратную сторону пряжки. О ней я совсем забыл, и мне стало стыдно. Это послужило мне хорошим уроком: самое главное – не то, что на виду. – Он смерил Марка загадочным взглядом.

– Ну и ш-што вы хотите этим сказать?

– Сами догадайтесь, мистер Уоррен, – в следующий раз, когда будете мыть машину.

Детектив отвернулся и отошел в сторону.

47

Грейс, глубоко задумавшись, сидел в машине. Дождь все хлестал с завидным упорством, и среди потоков воды на ветровом стекле он не сразу заметил подсунутую под один из «дворников» штрафную квитанцию за неправильную парковку.

Вот гады!

Выскочив из машины, Рой сорвал с квитанции целлофан. Тридцать фунтов за превышение времени стоянки на пять минут – и никаких шансов списать это на представительские расходы. За этим начальство следит строго.

Надеюсь, вы оцените мои старания, мистер Брэнсон, наслаждаясь выходными с семьей в Солихалле! Грейс поморщился и с отвращением швырнул квитанцию на коврик у пассажирского сиденья. Мысленно он снова вернулся к Марку Уоррену, а затем и к более давним событиям. Пять лет назад он ездил в США на краткосрочные курсы судебно-медицинской психологии в Куонтико.[4] Конечно, двух недель недостаточно, чтобы стать докой, однако курсы научили его доверять интуиции. А еще он узнал о языке жестов.

Так вот: этот самый «язык» подсказывал Грейсу, что с Марком Уорреном творится неладное.

Марк Уоррен только что потерял четверых близких друзей. Пропал его компаньон – весьма вероятно, тоже погиб. Он должен испытывать шок – пребывать в оцепенении, в замешательстве. Только не злиться. Злость приходит потом!

И еще: он подметил, что Марк вздрогнул, услышав про вымытую машину. Суперинтендент явно попал в точку.

Не знаю, что у вас на уме, мистер Марк Уоррен, но уж я непременно постараюсь вывести вас на чистую воду!

Грейс достал телефон, набрал номер и прислушался к длинным гудкам. В субботний вечер он ожидал услышать автоответчик, но трубку сняли. Женский голос, теплый и приятный. Нипочем не догадаешься, чем его обладательница зарабатывает на жизнь!

– Городской морг Брайтона и Хоува.

– Клио, это Рой Грейс.

– Привет, Рой! Как дела? – В обычно бесстрастном тоне Клио пробились озорные нотки.

Как всегда, Грейс непроизвольно начал флиртовать с ней по телефону.

– Да нормально. Я потрясен – ты работаешь в субботу вечером!

– Мертвые дней недели не разбирают. – Клио помолчала и добавила: – Да и живые, по-моему, тоже. По крайней мере, большинство из них.

– Большинство?

– Мне кажется, живые частенько не знают, какой сегодня день недели, – притворяются, конечно, будто в курсе, а на самом деле понятия не имеют. А по-твоему как?

– Мрачноватая философия для дождливого субботнего вечера, – заметил Грейс.

– Видишь ли, я готовлюсь к защите диссертации по философии в заочном университете. Надо же мне на ком-то оттачивать свои доводы! А на рабочем месте мне и поговорить-то не с кем.

Рой улыбнулся:

– Как ты вообще?

– Нормально.

– Чем-то расстроена?

– Что ты, Рой! Просто устала, вот и все. Торчу тут одна всю неделю. Народу не хватает – Дуг в отпуске.

– Скажи, ребята, погибшие во вторник вечером, все еще в морге?

– Да. И Джош Уокер тоже.

– Это тот, что умер потом – в больнице?

– Да.

– Ничего, если я сейчас подскочу? Мне нужно на них взглянуть.

– Твои мальчики никуда не убегут.

Грейсу всегда нравился ее черный юмор.

– Буду минут через десять, – обещал он.

* * *

Машин в субботу вечером оказалось больше, чем он ожидал. Прошло почти двадцать минут, прежде чем Грейс, поднявшись на эстакаду, свернул направо и, следуя указателю «Городской морг Брайтона и Хоува», въехал в кованые железные ворота, приваренные к кирпичным колоннам. Их не закрывали круглые сутки. Как символично, подумал он, что мертвецы не испытывают особого почтения к рабочему времени.

Ему часто приходилось бывать в морге. Место это окружала какая-то черная аура. Длинное одноэтажное здание с серой облицовкой под крошку и глубоким подъездом под

козырьком – достаточно глубоким, чтобы там поместились машина «Скорой помощи» или большой грузовик. Морг был перевалочной станцией для путешествий в один конец – на кладбище или в печь крематория – для людей, умерших внезапно: либо насильственной смертью, либо при неясных обстоятельствах, либо скоропостижно, после таких болезней, как вирусный менингит, когда результаты вскрытия в дальнейшем могли пригодиться живым.

Вскрытие – это последняя стадия деградации. Человека, который всего пару дней назад ходил, разговаривал, читал, занимался любовью – да чем угодно! – разрезали и вынимали из него внутренности, как из свиной туши на разделочном столе мясника.

Грейсу не хотелось об этом думать, но не думать он не мог, так как наблюдал этот процесс на разных стадиях и отлично знал, что к чему. С трупа снимают скальп, потом спиливают верхушку черепа, извлекают мозг и кромсают на кусочки. Вскрывают грудную клетку, вытаскивают внутренние органы, режут их, взвешивают, образцы тканей посылают на биопсию и патоанализ, а все ненужное, рассовав по белым пластиковым мешкам, запихивают обратно, словно гусиные потроха.

Грейс остановил машину рядом с маленькой синей спортивной «MG», судя по всему принадлежащей Клио. Спасаясь от дождя, нырнул под козырек и позвонил. Эта синяя дверь с верхней панелью из матового стекла могла бы украсить какой-нибудь дорогой пригородный особняк.

И вот уже Клио Мори приветливо улыбается детективу. Грейс никак не мог привыкнуть к несоответствию внешности этой прелестной, длинноволосой блондинки лет тридцати и места ее работы. Даже длинный зеленый хирургический халат, плотный фартук и бесформенные бахилы не могли испортить ее потрясающей фигуры. С такими данными Клио вполне могла бы стать моделью или актрисой, а с ее умом – добилась бы успеха на любом поприще. И поди ж ты – работает в морге! Возится с трупами, готовит их ко вскрытию, чистит, моет, убирает да вдобавок утешает родственников погибших, вызванных на опознание. И по большей части работает в одиночку.

В ноздри, как всегда, ударил насквозь пропитавший все здание приторно-сладкий запах дезинфектанта. Роя от него всегда подташнивало.

Из тесной прихожей они свернули налево и оказались в кабинетике, служившем офисом. Это был узкий аппендикс с напольным вентилятором, розовыми стенами и ковром, рядком стульев для посетителей и небольшим металлическим столом, где стояли три телефона и лежала стопка крафт-конвертов со штампом «Личные вещи» и большой зелено-красный гроссбух с вытисненной золотом надписью: «Морг. Журнал регистрации».

Под настенным светильником в рамочках висели сертификаты квалификации Клио, в том числе и диплом Британского института бальзамирования. На противоположной стене – камера видеонаблюдения, просматривающая коридоры, равно как подступы к зданию со всех сторон.

– Чайку не желаешь, Рой?

От доброго взгляда ее веселых синих глаз у Грейса потеплело на душе.

– С удовольствием.

– «Инглиш брэкфаст», «Эрл Грей», дарджилинг, китайский, ромашковый, мятный, зеленый листовой?

– Я думал, здесь морг, а не чайная!

Клио улыбнулась:

– Кофе у нас тоже есть. Эспрессо, с молоком, колумбийский, мокко…

Грейс вскинул руку:

– Обычный черный чай, пожалуйста!

– С обычным молоком, с обезжиренным, с лимоном?..

Рой поднял и вторую руку:

– Сдаюсь! С молоком. Все равно с каким. Джо еще не появлялся?

Он заранее попросил приехать эксперта Джо Тиндалла.

– Еще нет. Хочешь подождать его здесь?

– Да, пожалуй.

Клио включила электрический чайник и исчезла в смежной комнатке, служившей кладовкой. Не успел чайник закипеть, как она вернулась с зеленым комбинезоном, синими бахилами, маской для лица и белыми латексными перчатками. Все это хозяйство девушка протянула Грейсу.

Пока он одевался, Клио заварила чай и открыла коробку овсяного печенья. Грейс тут же захрустел печенинкой.

– Значит, ты всю неделю сидишь тут одна? Не надоело? Тут и поговорить-то не с кем.

– Я всегда занята – что ни день, кого-нибудь привозят. А то и двоих. Вот и поскучай тут! Из Истборна обещали прислать подмогу, но и у них дел невпроворот. Должно быть, в последнюю неделю мая с людьми что-то происходит.

Грейс начал было натягивать маску, но передумал – молодые люди погибли совсем недавно, и он по опыту знал, что сильного запаха можно не опасаться.

– Родственники погибших уже приходили?

Клио кивнула.

– А тот пропавший парень – ну, жених – нашелся?

– Я только что со свадьбы.

– То-то мне показалось, что для субботы ты слишком шикарно вырядился. – Клио улыбнулась. – Значит, хотя бы одна проблема разрешилась.

– Нет, – покачал головой Грейс. – Потому-то я сюда и приехал.

Она удивленно вскинула брови, но промолчала.

– Тебе нужно что-то конкретное? Я могу достать тебе копии заключений судмедэкспертизы для коронера.

– Когда приедет Джо, я хотел бы первым делом осмотреть их ногти.

48

Вместе с Джо Тиндаллом, на ходу натягивавшим перчатки, Грейс шагал следом за Клио по крапчатым плиткам пола, любуясь длинными светлыми мелированными прядями ее волос. Они миновали застекленное окошко инфекционного бокса и вошли в главный зал.

Центр зала занимали два стальных стола, один – приваренный к полу, другой – на колесиках, вдоль стены тянулись морозильные камеры с дверцами от пола до потолка, в углу – синий гидравлический подъемник. Стены покрывал серый кафель, по периметру комнаты бежал сточный желоб. Напротив морозильника – рядок раковин из нержавейки, в одной из них – свернутый кольцом желтый резиновый шланг. В дальнем конце зала поблескивал металлом широкий рабочий стол для вскрытий, рядом с ним – шкафчик. Сквозь его стеклянные дверцы Рой разглядел инструменты и упаковки батареек «дюраселл». Слева от него висел список с именами всех покойных, с колонками цифр, где указывались вес их мозга, легких, сердца, печени, почек и селезенки. Имя последнего «клиента» – Адриан Пенни – и его неутешительные характеристики были дописаны синим химическим карандашом.

Проследив за взглядом Грейса, Клио бодро заметила:

– Вчерашний мотоциклист. Обогнал грузовик, но не заметил торчащую впереди стальную балку. Бедолаге снесло голову.

– И как только ты ухитряешься оставаться в своем уме? – удивился Грейс.

– А кто говорит, что я в своем уме? – лукаво улыбнулась Клио.

– Не знаю, как ты тут работаешь.

– Рой, опасны не мертвецы. Опасны живые.

– Верно подмечено.

Интересно, верит ли она в привидения? Но сейчас не время спрашивать.

Холод здесь пробирал до костей. Морозильная система громко жужжала, наверху пощелкивало – видимо, одна из флуоресцентных ламп была плохо ввинчена в патрон.

– Кого показать первым?

– Нам без разницы – со всеми перезнакомимся.

Клио подошла к дверце под номером 4 и потянула ее на себя. Из камеры вырвалось облачко морозного пара, но Грейса передернуло не от холода. Ему стало не по себе при виде останков, разложенных под пластиковой пленкой на каждом из четырех поддонов, выехавших оттуда на роликах.

Служительница морга подкатила подъемник, закрепила его в пазах, переместила на него верхние носилки и, закрыв дверцу, сдернула пленку. Под ней лежало рыхлое белое тело мужчины с редкими прилизанными волосами. Все тело и мертвенно-бледное лицо покрывали синяки и кровоподтеки. В широко распахнутых остекленевших глазах застыл ужас. Съежившийся пенис едва виднелся в густой поросли лобковых волос – ни дать ни взять мелкий грызун, впавший в спячку. Грейс посмотрел на темно-желтую бирку, привязанную к ноге трупа. Роберт Хулигэн.

У молодого человека были широкие заскорузлые ладони с очень грязными ногтями.

– Их одежда здесь, у тебя?

– Да.

– Отлично! – Грейс попросил Тиндалла взять образцы грязи из-под ногтей.

Эксперт достал из сумки острый скальпель, попросил у Клио пакетик и осторожно выскреб из-под каждого ногтя понемногу. Потом надписал и запечатал пакетик.

Руки следующего трупа, Люка Джиринга, были сильно изрезаны, но, если не считать крови, ногти, изгрызенные почти под корень, оказались относительно чистыми. На руках Джоша Уокера грязи тоже не оказалось. А вот ногти Питера Уоринга были просто черными. Тиндалл выскреб образчики из-под его ногтей и высыпал в пакетик.

Затем они с Грейсом внимательно осмотрели одежду. На подошвах ботинок всех четверых налипла земля, комья ее пристали и к одежде Роберта Хулигэна и Питера Уоринга. Тиндалл разложил все образчики по отдельным пакетам.

– Ты сейчас вернешься в лабораторию со всем этим добром? – спросил Грейс.

– Я собирался ехать домой. Неплохо было бы отдохнуть до конца выходных и пожить личной жизнью – хотя бы притвориться.

– Джо, извини, но мне очень нужно, чтобы ты начал работать с ними немедленно.

– Великолепно! Ты хочешь, чтобы пропали билеты на концерт «Ю-ту»? Я выложил по пятьдесят фунтов за каждый! И чтобы после этого я отменил свидание и ночевал на работе, в спальном мешке?

– «Ю-ту»! Значит, она и вправду молоденькая?

– Да, Рой, и знаешь, что еще? У нее все так – вынь да положь или пошел на хрен! Это чертовски дорого мне обходится.

– Возможно, сейчас на карту поставлена жизнь человека.

– Тогда пусть мне возместят деньги за билеты! – распаляясь все больше, прошипел Тиндалл.

– Джо, дело не мое.

– Вот как? А чье же?

– Гленна Брэнсона.

– Так где же он сам, мать его так?!

– На дне рождения в Солихалле.

– Чем дальше, тем лучше!

Дойдя до раздевалки, Тиндалл содрал с себя комбинезон, маску и перчатки и злобно швырнул в корзину.

– Всего тебе наихудшего, Рой, – буркнул он. – В следующий раз порть выходные кому-нибудь другому.

– Я скоро подъеду и составлю тебе компанию.

– Можешь не трудиться.

Тиндалл хлопнул дверью, и вскоре Грейс услышал сердитое урчание мотора. Вдруг он заметил, что судмедэксперт в раздражении забыл черную папку, где лежали пакеты с вещдоками. Некоторое время он размышлял, не догнать ли его, но потом передумал. Он попозже поедет в управление и постарается успокоить коллегу. Джо совершенно прав – на его месте и в его положении Рой сам хорошенько бы психанул.

Вернувшись в приемную, Грейс схрумкал еще одно печенье и допил остывший чай. Потом взял папку Джо, и Клио проводила его до дверей. На пороге он обернулся:

– Ты до скольких сегодня работаешь?

– Посижу еще часок-другой, если повезет – то есть если сегодня больше никто не умрет.

Грейс молча любовался ею. Какая славная девушка! Он посмотрел на ее руки, и вдруг у него екнуло сердце – ни единого колечка! Правда, в рабочее время Клио могла их снимать…

– Я… – начал он. – Так, подумал… ты… ну, понимаешь… у тебя есть какие-нибудь планы на вечер?

У нее вспыхнули глаза.

– Вообще-то я собиралась пойти в кино, – сказала она, но тут же добавила, словно успокаивая его: – С подругой, со старой подругой, которая только что пережила мучительный развод.

– Не знаю, замужем ли ты… – неуверенно промямлил Грейс. – Или, может, у тебя есть друг… но я…

– Нет ни того, ни другого, – ответила Клио и смерила его откровенно соблазнительным взглядом.

– Может, мы бы могли как-нибудь… выпить вместе?

Не сводя с него лучащихся теплом глаз, она расплылась в улыбке:

– С преогромным удовольствием!

К машине Грейс летел окрыленный, напрочь позабыв о проливном дожде. И лишь когда он нажал на пульт сигнализации, чтобы открыть дверцы, Клио крикнула вслед:

– Рой! Ты кое-что забыл!

Он повернулся и увидел, что она протягивает ему папку Джо.

49

– Ты идиот! – бросила Эшли Марку, бессильно развалившемуся рядом с ней на заднем сиденье лимузина. – Что ты устроил? И зачем накинулся на легавого? – Подавшись вперед, она проверила, до конца ли поднята стеклянная перегородка, отделяющая их от водителя.

Марк положил руку ей на лодыжку – ладонь поползла вверх, под свадебное платье. Эшли грубо оттолкнула его:

– Совсем спятил? Ради бога, прекрати!

– Легавый – б-болван!

– У тебя мозги расплавились. Дались тебе радары и скрытые камеры!

Марк прищурился:

– Х-хочу сбить его со следа!

Эшли увидела впереди здание «Ван Аллена». Половина шестого.

– И каким же образом?

– Ну… вряд ли я бы грубил ему, если бы мне было что скрывать, правда?

– А что это за история с мытьем машины?

– Понятия не имею.

– А следовало бы. Что он имел в виду?

Внезапно зашипел динамик.

– Подъехать спереди? – спросил шофер.

– В-валяйте, – буркнул Марк и повернулся к Эшли. – П-поднимешься ко мне? В-выпьем!

– Знаешь, чего я сейчас больше всего хочу? Убить тебя!

– Ну и з-загадка с этой автомойкой!

– Ничего себе загадка – ты чуть нас не выдал!

Марк вывалился из машины. Не подхвати его Эшли, он бы растянулся на тротуаре. Прохожие глазели на них, но Эшли ни на кого не обращала внимания. Сейчас ее интересовало только одно – втащить Марка в дом, прежде чем он выкинет очередной фортель.

Отпустив водителя, она дотащила Марка до подъезда. Некоторое время он тупо пялился на домофон, но все-таки кое-как сумел набрать код.

Через несколько минут они уже были у него. Повернув ключ в замке, Марк запер дверь на задвижку.

– Эй! – крикнула Эшли. – Мне нельзя у тебя оставаться.

Марк начал хватать ее за платье. Она отбросила его руки:

– Давай выпьем кофе, а потом я хочу, чтобы ты рассказал, что имел в виду детектив, когда советовал тебе получше мыть машину.

Марк тупо уставился на нее. Какая она красивая в белом кружевном свадебном платье с поднятой фатой! Он наклонился к ней и поцеловал в губы. Эшли не противилась – даже быстро ответила на поцелуй, но тотчас отпрянула.

– Я серьезно. Мне нельзя оставаться. Надо ехать к мамаше Майкла и играть роль убитой горем брошенной невесты – или кого я еще там на хрен должна изображать! Господи, ну и денек! Просто кошмар!

Марк, спотыкаясь, добрел до кухни и, открыв буфет, достал банку кофе. Повертев ее в руках, сунул обратно на полку и вытащил из холодильника бутылку шампанского.

– По-моему, мы должны выпить за твою свадьбу, – пьяно ухмыляясь, пробормотал он.

– Не смешно! И потом, ты и так перебрал.

Размахивая бутылкой, Марк плюхнулся на диван и похлопал по подушке, приглашая Эшли сесть рядом.

Немного помедлив, она опустилась на противоположный конец дивана подальше от Марка, откинула фату и, закинув ногу на ногу, сбросила туфли.

– Марк, я хочу знать, что имел в виду Грейс, когда советовал тебе лучше мыть машину!

– Понятия не имею!

Она молча сверлила его взглядом.

– Ты меня любишь?

Досадливо тряхнув головой, Эшли вскочила с дивана.

– Да, я люблю тебя. Не знаю за что – особенно сейчас, – но люблю! Только мамаша Майкла ждет, что я заеду к ней и буду рыдать у нее на плече! Поэтому я ухожу.

– Сначала выпей.

– Марк, прекрати!

Марк, словно подброшенный пружиной, взлетел с дивана, спотыкаясь, подскочил к Эшли и грубо облапил ее. И застыл, уткнувшись носом ей в шею.

– Знаешь… если бы не авария… свадьба бы состоялась. И ты бы сейчас уже стала миссис Майкл Харрисон.

Эшли кивнула, явно начиная оттаивать.

Он посмотрел ей прямо в глаза:

– Сейчас вы бы уже мчались в Лондон, в отель «Савой». И ночью ты бы занималась с ним любовью, ведь так?

– Да, именно этим принято заниматься в первую брачную ночь.

– И что бы ты чувствовала?

Обхватив ладонями его лицо, она ответила:

– Я бы представляла, что он – это ты.

– А ты бы делала для него то же, что для меня? Отсосала бы ему?

Она отпрянула:

– Марк!

– Сделала бы это?

– Ни в коем случае.

– Да ладно!

– Марк, мы ведь договорились.

Он прошагал к раковине, сорвал с бутылки фольгу и достал из бара два бокала. Расплескав вино по бокалам опять вернулся к Эшли.

Девушка нехотя чокнулась с ним.

– Мы же все четко расписали.

– У нас был план «А». Теперь переходим к плану «Б». – Марк сделал большой глоток, наполовину осушив бокал. – Ш-што тут плохого?

– Во-первых, ты облажался. Во-вторых, вышло так, что я не стала миссис Майкл Харрисон. А значит, не получу законной доли от его половины акций в компании «Дабл-Эм пропертиз».

– Не половины, а двух третьих, – поправил Марк.

– Ну и что?

– Мы заключили договор страхования директоров-основателей, защищающий нашу небольшую компанию от убытков, связанных со смертью или нетрудоспособностью одного из совладельцев. Стало быть, доля Майкла переходит ко мне.

– Да, при условии, что он умер.

– Что значит – при условии?!

– Ты надежно заткнул дырку для воздуха? Замазал суперклеем, как я велела?

– Д-да… – промычал Марк, беспокойно поводя плечами.

Эшли смотрела на него невидящим взглядом – как на пустое место.

– А не врешь?

– Н-нет. Крышка была прикручена. Я вытащил дыхательную трубку и накидал сверху целую тонну земли. Будь он жив, дал бы о себе знать, верно?

Эшли испепелила его взглядом.

– Хочешь, чтобы я с-снова туда смотался и вогнал ему в сердце осиновый кол?

Она отпила еще шампанского и, подойдя к музыкальному центру, оглядела полку с дисками.

– Как ты меня любишь?

– Словами не выразить!

Эшли достала компакт-диск из коробочки, сунула в проигрыватель и нажала кнопку «Пуск». Миг, и по комнате поплыли звуки песни «Кругом одна любовь». Отобрав у Марка бокал, девушка поставила его на полку рядом со своим и, обхватив любовника за шею, потащила танцевать.

– Если ты меня любишь, никогда не обманывай – идет? – прижавшись губами к его уху, прошептала она.

Они немного потоптались посреди комнаты, потом Марк неуверенно пробормотал:

– В п-последнее время меня кое-что б-беспокоит.

– Что?

– Как ты знаешь, мы с Майклом бывали в офисе, оба пользовались карманными компьютерами для приема электронной почты. Мы старались, чтобы к нему не попали письма, где речь шла о мальчишнике, – но мне кажется, что-то я мог и упустить.

– О чем ты?

– Мне кажется, одно письмо я послал и ему – по ошибке. И оно сейчас у него.

Эшли тут же отпрянула, и глаза ее сделались колючими, как гвозди.

– Значит, карманный компьютер при нем?

– Возможно.

– Что значит – возможно?

– В офисе я его не нашел. И в квартире тоже.

– То есть компьютер с ним в могиле?

– Должно быть.

– Должно быть?!

Марк пожал плечами:

– Ты уж лучше убедись наверняка.

Он молча смотрел на нее.

– Я поделился с тобой просто потому, что…

– Почему?

– Потому что дело рискованное.

– Лучше тебе добыть его.

– Мы в безопасности, пока его не найдут.

Эшли села на диван и сделала еще глоток шампанского.

– Ушам своим не верю! Почему ты мне раньше не сказал?!

Марк пожал плечами.

– Я думал… Я…

– Ты – что?!

Марк придвинулся поближе и потянулся к ней с бокалом. Эшли резко отпрянула.

– Ты должен его достать, – отчеканила она. – И чем скорее, тем лучше. Сегодня же. Ясно?

50

По пути в офис Грейс переключил мобильник на наушники и позвонил Гленну Брэнсону.

– Как там Солихалл?

– Размок от дождя. А сестра Эри слегла с мигренью.

– Ничего себе! Веселенькая вышла вечеринка!

– Все равно я заработал кучу очков за то, что появился. А как свадьба?

– Немножко похожа на твой юбилей. Жених так и не объявился.

– Неудивительно. Ты мне вот что скажи: много ли родичей Эшли Харпер было на свадьбе?

– Я видел только одного, – сказал Грейс. – Дядю. – Он притормозил у светофора. – А теперь ты ответь. Ты проверял состояние счета Майкла Харрисона и его кредитные карточки?

– Они под постоянным наблюдением. Никаких операций со вторника, со второй половины дня. То же самое – с его мобильным. А ты как?

– Вертолет облетел весь район, но ребята ничего не засекли. Николл и Мой работают все выходные – разослали фотографии Майкла в газеты, собирают данные всех камер видеонаблюдения в интересующем нас районе. Я привлек еще людей для расшифровки данных. Надо решаться и вызывать спасателей, чтобы прочесать весь лес. И еще – мне все больше и больше не нравится его компаньон, Марк Уоррен.

– Почему?

– Пока ничего определенного, но мне кажется, он что-то скрывает. За ним нужно последить.

– Уже сделано.

– Молодец. Так и продолжай… – Грейс отвлекся, трогаясь с места, так как на светофоре загорелся зеленый. – Мне кажется, не помешает как следует проверить их компанию, «Дабл-Эм пропертиз». Какая у них страховка?

– Я тоже об этом подумал. А еще я распорядился взять под контроль их компанию на Каймановых островах. А как тебе Эшли?

– Не знаю, – пробурчал Грейс. – Пока не разобрался. Производит убедительное впечатление. Но сдается мне, за ней тоже не вредно бы последить. Знаешь, что в ней кажется странным?

– У нее нет родных. Ты видел фильм «Последний соблазн» с Линдой Фиорентино? – Внезапно телефонная связь ослабла, и голос Брэнсона зазвучал прерывисто.

– Не помню.

– Там еще играл Билл Пуллман.

– Все равно не помню.

– Тот самый, что снимался в «Людях в черном».

– Ну и что?

– Советую посмотреть. Запомни – «Последний соблазн». Там женщина-хищница. Плохая концовка. Так вот, героиня слегка напоминает мне Эшли.

– Надо посмотреть.

– Закажи на DVD.Play.com – у них диски отличного качества.

– Ты знаешь многих молодых девушек, у которых нет родственников? Тебе двадцать семь, ты выходишь замуж – самый важный день в твоей жизни, но ты в состоянии предъявить всего одного родственника!

– Может, она сирота. Надо проверить ее биографию.

– Побеседую-ка я с матерью Майкла – уж она-то должна знать биографию будущей невестки от и до!

– Моя мать знала об Эри больше меня, когда меня окольцевали.

– Вот именно.

* * *

Грейс шагал по коридору следственного отдела полиции с папкой Джо Тиндалла в руках. Он остановился у белого экрана, приколотого к красному щиту под заголовком: «Наиболее типичные мотивы преступлений». Иногда полезно освежить в памяти базовые схемы, хотя большинство их и так намертво отпечаталось у него в голове.

Преступления на сексуальной почве. Ревность. Расизм. Гнев/страх. Неконтролируемые эмоции. Поддержание жизненного тонуса. Корысть. Гомофобия. Ненависть. Месть. Психозы.

Он перешел к следующему щиту, озаглавленному: «Первая фаза расследования».

1. Определение круга подозреваемых;
2. Сбор вещественных доказательств;
3. Осмотр места происшествия;
4. Допрос непосредственных свидетелей;
5. Розыск потенциальных свидетелей;
6. Допрос потерпевшего;
7. Установление возможных мотивов;
8. Задействование средств массовой информации;
9. Результаты вскрытия;
10. Допрос основных свидетелей;
11. Прочие следственные мероприятия.

Вот оно – эти хваленые средства массовой информации! Для них эта история – лакомый кусочек. Надо позвонить знакомым – пусть история выплывет наружу. Может, тогда дело сдвинется с мертвой точки. Грейс толкнул маленькую чистенькую дверь отдела судмедэкспертизы. Для начала он решил позвонить Кевину Спинелле из «Аргуса».

Джо Тиндалл ждал его в первой из двух комнат – так называемой «мокрушке». На полу лежала кипа мешков из оберточной бумаги со штампом «Вещественные доказательства», а на столе – рулон такой же бумаги. В углу матово поблескивали раковина из нержавейки и высокий кислородный баллон.

– Спасибо, – бросил Джо Тиндалл, принимая от Грейса пакет. Голос его звучал куда холоднее и суше, чем утром, но, по крайней мере, более спокойно.

Эксперт открыл черную папку, достал пакетики с землей, а потом мешки с одеждой. По большей части все предметы одежды были в крови. От мешков начал подниматься удушливый запах разлагающейся плоти.

– Ты хочешь, чтобы я сравнил образцы почвы, взятые из-под ногтей погибших и с их одежды, с тем образцом, что ты мне притащил?

– Да, с машины подозреваемого. Как быстро их можно сличить?

– Сличать будет барышня по имени Хилари Флауэрс – правда, подходящее имечко?[5] Цветочек-лепесточек.

Грейс улыбнулся:

– Мне уже доводилось с ней работать. Просто умница!

– Гений по части цветочной пыльцы. Как-то представила мне результаты исследования нескольких видов пыльцы, взятой из ноздрей жертв. Но ее услуги дорого стоят.

Грейс огорченно покачал головой. Когда он пришел в полицию, главным было – раскрывать преступления. Сейчас, когда почти все исследования проводят частные фирмы, все дело в финансировании.

– Она быстро работает?

– Обычно выдает результат через две недели.

– У меня нет двух недель – возможно, человека похоронили заживо. Джо, нам дорога каждая минута!

Тиндалл взглянул на часы:

– Суббота, 18.20. Посмотрим, везунчик ты или нет. – Он набрал номер. Грейс взволнованно следил за выражением его лица. Через несколько секунд Тиндалл, покачав головой, прошептал: – Автоответчик! – Он оставил сообщение и положил трубку. – Вот и все, что я могу сделать, Рой. Если образцы совпадают, она это обнаружит. Пыльца, личинки насекомых, ископаемые, состав почвы – все подробности.

– Больше никого не можешь порекомендовать?

Джо Тиндалл вновь бросил взгляд на часы:

– Рой, сегодня суббота. Если я сейчас уеду и буду гнать, как сумасшедший, то еще могу успеть на второе отделение концерта «Ю-ту», – а потом еще и перепихнуться. Когда до тебя дойдет: эксперты, умеющие сличать образцы почвы, – тоже люди, и у них бывают планы на субботний вечер.

– Джо, у парня, которого похоронили заживо, тоже были планы на сегодня. Он должен был жениться.

– Кошмар!

– Вот именно!

– Не хочу хвастаться, но… На этой неделе я проработал сто десять часов.

– Ты такой же, как я!

– Рой, я не всесилен. Отнюдь! Ты меня знаешь: если бы я что-то придумал, то сказал бы. Будь в Англии хоть один человек, способный сегодня представить нам сравнительный анализ почвы, я бы прыгнул в машину и понесся бы к нему. Но я больше никого не знаю. Хилари – женщина. Я дам тебе ее телефон, позвони ей. Больше ничем помочь не могу.

Грейс, безнадежно махнув рукой, нацарапал в блокноте номер.

51

Когда Грейс садился в машину, мобильник пискнул, предупреждая о том, что пришло новое текстовое сообщение:

«Кто говорит о серьезных отношениях? Речь идет только о сексе. XXX».

Он покачал головой. Вот и пойми этих женщин! Во вторник вечером Клодин просто из себя выходила – львиную долю из трех часов пилила его за то, что он служит в полиции. А теперь, в ответ на его эсэмэску, заявляет, что хочет с ним переспать!

Хуже всего было то, что ему этого тоже хотелось – впервые за долгие годы. Клодин не красавица, но и не уродина. Поскольку впереди маячили очередные одинокие выходные, перспектива съездить в Гилдфорд и уложить в постель не выносящую копов вегетарианку казалась почти заманчивой.

Но все же недостаточно. Кроме того, сейчас его голова была забита более прозаическими мыслями. Он прикидывал, что надо сделать, чтобы найти Майкла Харрисона.

* * *

В начале восьмого дождь ослабел. Вместе с констеблем Линдой Бакли – коротко стриженной блондинкой лет тридцати пяти, с добрым, простодушным лицом и удивительно цепким взглядом – Грейс прошел по усыпанной гравием дорожке через аккуратный палисадник перед бунгало Джиллиан Харрисон и позвонил в дверь. В ответ из дома послышалось громкое тявканье. Через несколько секунд дверь распахнулась, и пулей вылетевшая из квартиры маленькая белая собачонка с розовым бантиком на голове вцепилась Рою в ботинок.

– Бобо! Ко мне, Бобо!

Он предъявил удостоверение женщине, которую помнил по сегодняшней неудавшейся свадьбе.

– Миссис Харрисон? Детектив-суперинтендент Грейс, брайтонская полиция. Констебль Бакли – сотрудница отдела по вопросам семьи и брака. Мы командировали ее в помощь вам и мисс Харпер. Если вам что-то понадобится, обращайтесь к ней.

Платиновые волосы миссис Харрисон все еще были уложены в элегантную прическу; она по-прежнему оставалась в красивом синем платье с белой каемкой, однако ходила по дому босиком. От нее пахло табаком. Одарив мимолетной улыбкой констебля Бакли, женщина воззрилась на Грейса с таким страхом, что у того сжалось сердце.

– Да, я вас помню… вы сегодня были на приеме.

– Можно с вами поговорить?

Глаза миссис Харрисон распухли от слез, на лице виднелись потеки туши.

– Вы нашли его? Вы нашли моего сына?

Грейс покачал головой:

– Мне очень жаль, но… пока нет.

– Может, зайдете? – на миг запнувшись, пригласила их в дом Джилл Харрисон.

– Благодарю вас.

Зайдя следом за хозяйкой в маленькую гостиную, Грейс сел на предложенное кресло рядом с незажженным искусственным камином.

– Хотите что-нибудь выпить – бокал вина, кофе?

– Если можно, стакан воды.

– Мне ничего не нужно, – заявила констебль Бакли. – Вам помочь?

– Нет-нет, что вы. Спасибо, не надо!

Собачка подняла мордочку и жалобно тявкнула.

– Бобо, тихо! – приказала хозяйка, и та послушно засеменила за ней на кухню.

Грейс оглядел комнату. На стене – репродукция «Стогов сена» и еще одна, с изображением влюбленной пары у ветряной мельницы в Клейтоне. С большой обрамленной фотографии между ними смотрел Майкл Харрисон в смокинге, обнимающий Эшли Харпер в длинном вечернем платье. Снимок был явно сделан на каком-то светском приеме. Рядом висел еще один снимок: Майкл, еще совсем мальчишка, в шортах, стоит прислонившись к велосипеду. Чуть выше – черно-белое свадебное фото Джилл Харрисон и ее покойного мужа (Грейс знал ее историю со слов Гленна Брэнсона). Майкл Харрисон определенно уродился в

отца – высокого, обаятельного шатена с волосами до плеч. Судя по огромным лацканам пиджака и широким брюкам, снимок был сделан в середине семидесятых.

Вернулась Джилл Харрисон в сопровождении Бобо. В одной руке хозяйка дома несла стакан воды, в другой – бокал вина. Передав Грейсу стакан, она уселась на диван напротив него.

– Извините за сегодняшнее, миссис Харрисон. Представляю, как все это должно было вас расстроить, – начал Рой, с благодарностью сделав глоток холодной воды.

В комнату вошла молодая загорелая девушка в майке и джинсах, с крупным носом и длинными взлохмаченными светлыми волосами. Она могла служить ходячей рекламой пирсинга: колечки в ушах и губах, шарик клипсы в языке…

– Карли, моя дочь. Карли, это старший инспектор полиции Грейс и констебль Бакли, – представила гостей Джилл Харрисон. – Карли прилетела на свадьбу из Австралии.

– Я видел вас на приеме, но подойти поговорить не удалось, – приветливо улыбнулся Рой, вставая, чтобы пожать девушке руку, которую та едва не отдернула. Потом он снова сел.

– Приятно познакомиться, Карли, – коротко кивнула констебль Бакли.

Карли села на диван рядом с матерью и покровительственно положила руку ей на плечо.

– Где вы были в Австралии? – спросил Грейс, чтобы завязать разговор.

– В Дарвине.

– Не бывал. Я ездил только в Сидней.

– У меня там дочь живет! – подхватила констебль Бакли, стараясь растопить лед.

Карли равнодушно передернула плечами.

– Я хотела отменить и свадьбу, и прием, – заявила Джилл Харрисон. – Но Эшли настояла на своем. Она…

– Она – тупая стерва, – вмешалась Карли.

– Карли! – вскричала ее мать.

– Извините, – буркнула девушка. – Все считают, что Эшли… – Она жеманно взмахнула рукой на манер куклы Барби, – такая милая. А по-моему, просто расчетливая сучка.

– Карли!

Та чмокнула мать в щеку.

– Извини, мама, но так и есть. – Девушка повернулась к Грейсу: – Вот вы бы не отменили прием после всего, что случилось?

– Не знаю, Карли, – осторожно ответил детектив, наблюдая за матерью и дочерью. – Мне кажется, она оказалась между молотом и наковальней.

– Мой брат – самый лучший парень на свете! – заявила Карли. – Да-да!

– Похоже, Эшли вам не нравится, – заметил Грейс, решив не упускать удобный случай.

– Вот именно, не нравится.

– Почему?

– Мне кажется, она очень славная, – вмешалась Джилл Харрисон.

– Ерунда, мама! Тебе просто ужасно хочется иметь внуков. А еще ты рада, что Майкл – не голубой.

– Карли! Как тебе не стыдно!

– Ничего мне не стыдно! Эшли – расчетливая ледышка!

Грейс насторожился, но сумел сохранить внешнюю невозмутимость.

– Карли, почему у вас сложилось такое впечатление?

– Не слушайте ее! – перебила Джилл Харрисон. – Она устала и не выспалась: долгий перелет, смена часовых поясов…

– Чушь собачья! – воскликнула Карли. – Она – охотница за деньгами!

– Насколько хорошо вы обе ее знаете? – спросил Грейс.

– Я виделась с ней один раз, и с меня хватило, – поморщилась Карли.

– По-моему, Эшли – очаровательная девушка, – пожала плечами Джилл. – Умная, приятная, может поддержать разговор на любую тему. Со мной она очень мила.

– Вы знакомы с ее родственниками? – как бы между прочим обронил Грейс.

– У бедняжки нет никаких родственников, кроме очень славного дядюшки в Канаде. – Джилл покачала головой. – Ее родители погибли в автокатастрофе, когда ездили в отпуск в Шотландию. Ей было всего три года. Эшли отдали в другую семью, но приемные родители плохо с ней обращались. Сначала они жили в Лондоне, потом переехали в Австралию. Когда она подросла, приемный отец несколько раз пытался ее изнасиловать. В шестнадцать лет Эшли сбежала от них в Торонто к дяде и тете. Кажется, тетя недавно скончалась, и Эшли очень горевала по этому поводу. Брэдли с женой были единственными людьми, относившимися к ней по-доброму. Ей пришлось пробиваться в жизни самостоятельно. Я искренне восхищаюсь ею.

– Фэ-э-э!.. – Карли сделала вид, что ее сейчас вырвет.

– В чем дело? – осведомился Грейс.

– Едва увидев эту девицу, я тут же просекла, что она насквозь фальшивая. А после сегодняшнего… вообще кошмар! Не знаю почему, но у меня сложилось впечатление, что она не любит моего брата. Я точно знаю. Наверное, ей жутко хочется выйти за него замуж, но это не то же самое, что любить. Люби она его на самом деле, ни за что не устроила бы сегодняшнего представления – ей было бы просто не до того!

Грейс посмотрел на девушку с растущим интересом.

– Понимаете, о чем я? – продолжала Карли. – Я рассуждаю, как женщина. Может быть, мама права, и я устала после долгого перелета, но я – женщина. И я люблю брата. Не то что эта дрянь паршивая – его невеста!

– Карли!

– Ах, мама, да перестань ты!

52

После ухода все еще кипевшей от злости Эшли Марк включил телевизор, надеясь поймать программу новостей. Заодно он повернет и ручку настройки радиоприемника, но семичасовой выпуск уже кончился.

Он переоделся в джинсы, кроссовки, пуловер и легкую куртку, до ушей натянул бейсболку с длинным козырьком. Его трясло от нервного напряжения и от избытка кофеина в крови. Пытаясь протрезветь, Марк влил в себя две большие кружки крепчайшего кофе и теперь допивал третью. Осушив до дна, он направился к выходу и уже стоял на пороге, как зазвонил телефон.

Марк вернулся в гостиную и посмотрел на дисплей. *Номер не определяется!* Немного поколебавшись, он все же снял трубку.

– Вас беспокоит Кевин Спинелла из «Аргуса». Я бы хотел побеседовать с мистером Марком Уорреном.

Марк выругался. Соображай он получше, можно было бы сказать, что Марк Уоррен вышел, но с удивлением услышал собственный голос:

– Да, я у телефона.

– Добрый вечер, мистер Уоррен. Извините, что беспокою вас в субботний вечер. Меня интересует ваш компаньон Майкл Харрисон. Я был сегодня в церкви Всех Святых в Патчеме. Вы шафер. Мне показалось неудобным вламываться в церковь, но можно ли задать вам несколько вопросов сейчас?

– Мм… да, конечно!

– Насколько я понял, Майкл Харрисон исчез после мальчишника, когда произошла та ужасная авария. Скажите, почему вас, шафера, там не было?

– Где, на мальчишнике?

– Ну да.

– Разумеется, я должен был участвовать, – ответил Марк, стараясь, чтобы его голос звучал дружелюбно и естественно. – Просто меня не было в городе, я ездил на Север по делам. Рассчитывал вернуться вовремя, но мой рейс отложили из-за тумана.

– Куда вы летали?

– В Лидс.

– Ага, понятно. Такое бывает – наша всегдашняя проблема.

– Вот именно! – воскликнул Марк, радуясь, что находит с репортером общий язык.

– По словам полиции, вы не знали, что именно затевалось на мальчишнике. Это верно?

Марк ответил не сразу. *Думай! Держи ухо востро!*

– Нет, – ответил он. – Это не совсем так. То есть… совсем не так. Мы собирались прошвырнуться по пабам.

– По пабам? Ясно… Но разве не шафер придумывает план мальчишника?

– Да, наверное.

– А вы не организовывали тот мальчишник?

Марк пытался сосредоточиться. В голове зазвенел сигнал тревоги.

– Да, верно… Майклу хотелось чего-нибудь попроще… просто зайти в несколько пивных с приятелями. Я, разумеется, собирался тоже там быть.

– Что именно вы планировали?

– Мы… ну… что обычно бывает на подобных мероприятиях? Обойти несколько пивных, напоить Майкла, а потом отвезти домой. Мы хотели нанять машину с шофером, но один из ребят заявил, что может взять микроавтобус бесплатно и вести его сам – пить он не собирался. Вот мы и избрали более дешевый вариант.

– Когда возникла мысль насчет гроба?

Черт возьми! Марк почувствовал, что все глубже увязает в трясине.

– Как вы сказали – «гроба»?!

– Насколько я понял, вы заказали гроб.

– Что за чушь! Я ни о чем таком и слыхом не слыхивал! – притворяясь потрясенным до глубины души, воскликнул Марк. – Ничего себе! *Гроб?!*

– Так что, вы утверждаете, что друзья придумали это в ваше отсутствие? – не отставал журналист.

– Совершенно верно. Видимо, так и вышло. Один из них, Роберт Хулигэн, работает… то есть работал… в похоронном бюро своего дяди… но о гробе у нас и речи не шло. Вы уверены, что они взяли гроб?

– Полиция сообщила, что, по их сведениям, в микроавтобусе находился гроб. Еще до аварии. Как по-вашему, что могло случиться с Майклом Харрисоном?

– Понятия не имею. Я крайне встревожен.

– Вчера я говорил с вдовой одного из ваших друзей, миссис Зои Уокер. Она сказала, вы собирались отомстить Майклу, потому что он все время подшучивал над друзьями. Может быть, гроб имеет какое-то отношение к мести?

– Повторяю, мне о гробе ничего не известно. Возможно, они решили взять его в последнюю минуту.

– Как вы считаете, могли ваши друзья положить Майкла Харрисона в гроб и где-нибудь оставить?

– Вы ведь знаете, что бывает, когда напиваешься в веселой компании, – поразмыслив, протянул Марк. – Иногда друзья откалывают совершенно идиотские номера.

– Знаю. Сам был таким.

Оба рассмеялись. Марк почувствовал легкое облегчение.

– Что ж, спасибо, что уделили мне время. Если что-нибудь узнаете, пожалуйста, позвоните нам. Я дам вам номер.

– Конечно, – ответил Марк, оглядываясь в поисках ручки.

Несколько минут спустя в кабине лифта он перебирал в уме подробности разговора, надеясь, что не сморозил какую-нибудь глупость. Интересно, что скажет Эшли, увидев его фамилию на газетной полосе. Наверняка взбесится из-за того, что он согласился дать интервью. Но разве у него был выбор?

Поднявшись по пандусу со стоянки, Марк осторожно вывел машину на улицу, повернул налево и влился в плотный поток транспорта. Ему то и дело приходилось притормаживать, понимая, что, скорее всего, он превышает скорость. Меньше всего на свете ему хотелось, чтобы его остановили и заставили дышать в трубочку!

Через двадцать минут он въезжал на стоянку садоводческого торгового центра на задворках Ньюхейвена, порта на Ла-Манше милях в десяти от его дома. Времени оставалось в обрез – в восемь вечера магазин закрывался. Марк быстро купил лопату, отвертку, молоток, долото, карманный фонарик, плотные резиновые перчатки и сапоги. К восьми он уже вернулся в машину. На стоянке почти никого не осталось. Небо было на удивление чистым – прежде чем полностью стемнеет, пройдет добрых два часа, а то и больше.

Значит, пока надо как-то убить время.

Марк понимал, что должен поесть, но в желудке все переворачивалось. Может, взять гамбургер или что-нибудь из китайской кухни на вынос? Или индийской… Ничего не хотелось. Эшли злится на него. Раньше он никогда ее такой не видел, и это огорчало и пугало Марка. Как будто между ними оборвалась связь. Нужно вновь наладить отношения, а единственный способ этого добиться – успокоить Эшли. Выполнить все в точности так, как она велела. Марк и сам пришел к мысли, что иного выбора нет.

Очень хотелось ей позвонить, признаться в любви и услышать в ответ, что она тоже его любит. Только Эшли ничего не скажет – по крайней мере, сейчас. Правильно она устроила ему выволочку – он повел себя, как последний идиот и чуть их не выдал. Боже, ну зачем он свалял такого дурака с тем легавым?

Марк завел мотор и включил радио. Восемь часов. Местная станция начала выпуск новостей. Вначале международные – в Ираке опять плохо… Трения между Тони Блэром и Европейским союзом… Внезапно Марк навострил уши.

«Полиции Суссекса по-прежнему неизвестно местонахождение Майкла Харрисона, пропавшего без вести совладельца брайтонской строительной фирмы,

– прощебетала дикторша. –

Его невеста, Эшли Харпер, и гости сильно огорчены тем, что он не появился на собственной свадьбе в патчемской церкви Всех Святых. Высказываются опасения, что он лишен возможности передвигаться в результате розыгрыша на холостяцкой вечеринке, после

которой четверо его друзей погибли. Детектив-суперинтендент полиции Брайтона Рой Грейс, возглавивший поиски Майкла Харрисона, сегодня утром заявил, что дело из категории „Розыск пропавших без вести" официально переведено в разряд особо тяжких преступлений».

Марк прибавил громкость и услышал голос суперинтендента:

«Мы полагаем, что Майкл Харрисон стал жертвой трагически закончившегося розыгрыша, и призываем всех, кто может что-либо сообщить о событиях прошлого вторника, срочно связаться с управлением полиции Суссекса».

У Марка все поплыло перед глазами, ему показалось, что бетонное покрытие стоянки ходит ходуном. Уши заложило, как при взлете самолета или при погружении с аквалангом. Он зажал нос и напрягся, чтобы прочистить уши. Руки стали влажными. Тут Марк понял, что весь взмок, по коже бежали соленые струйки.

Дыши глубже, приказал он себе. Именно так нужно справляться со стрессом. Этому приему для переговоров с особо несговорчивыми клиентами его научила Эшли.

Марк сидел в окутанной сумраком машине, прислушиваясь к биению сердца, и глубоко дышал.

Очень долго.

53

Как только расследование – будь то дело об убийстве, похищении, изнасиловании, вооруженном ограблении, мошенничестве или розыске пропавшего без вести – переходит в разряд особо тяжких преступлений, операции присваивается кодовое название.

Руководство ею ведется из Суссекс-Хаус. Вот почему в 20.20 в субботу, когда большинство нормальных людей, имеющих личную жизнь, сидят дома или где-нибудь развлекаются, Рой Грейс, теперь официально возглавивший следственную бригаду, опять поднимался по лестнице управления уголовной полиции мимо стендов со снимками сотрудников и развешанных по стенам архаичных полицейских дубинок.

Запрос о переводе дела в разряд особо тяжких преступлений он сделал сразу после разговора с Джилл Харрисон. Решение это было непростым, поскольку розыск требовал огромных дополнительных ассигнований и привлечения большего количества сотрудников. Для этого предстояло изрядно пободаться с Большим Боссом и Элисон Воспер. Грейс предвидел, что ему придется нелегко, и заранее продумывал ответы на все каверзные вопросы шефини.

Детектив-констебль Ник Николл и детектив-сержант Белла Мой, тяжко вздохнув, попрощались с планами на выходные. Они уже ехали сюда из управления вместе с новенькой, Эммой Джейн Бутвуд, прихватив все материалы по делу, хотя располагали они немногим.

Грейс вошел в отдел особо тяжких преступлений – застеленный зеленым ковром большой зал, где трудились рядовые сотрудники. Старшие офицеры занимали отдельные кабинеты по периметру зала. На двери каждого – табличка с фамилией, напечатанная на сине-желтой фотохромной карточке.

Слева, за прозрачной стеной, располагался просторный кабинет непосредственного начальника Роя – старшего детектива-суперинтендента Гэри Уэстона (впрочем, на деле он напрямую подчинялся Элисон Воспер). Гэри Уэстон и Рой Грейс давно знали друг друга. Они работали вместе, когда Грейс только пришел в полицию и был еще зеленым новичком, да и Уэстон не мог похвастаться опытом: он был всего на месяц старше.

Иногда Грейс немного ему завидовал. Как Гэри удалось совершить такой головокружительный взлет? Несомненно, очень скоро он возглавит полицию какого-нибудь графства. Но почему? В глубине души Рой знал ответ. Дело не в том, что Гэри Уэстон способнее или умнее, – они вместе побывали на множестве курсов повышения

квалификации. Просто Гэри лучше умеет держать нос по ветру. Грейсу таким никогда не стать. Нет, он не презирал своего бывшего напарника за гибкость. Они остались добрыми друзьями. Но он, Рой Грейс, никогда не смолчит, как часто приходится делать Гэри.

Сейчас, в половине девятого вечера в субботу, Гэри, разумеется, на месте нет. Шеф уголовного розыска умеет виртуозно совмещать семью, развлечения и работу. Стены его кабинета украшают снимки борзых собак и скаковых лошадей, что выдавало в их обладателе страстного поклонника бегов. Все свободное пространство занимают фотографии красивой жены и четверых детишек, и положение их недвусмысленно указывает посетителям, что именно главное в жизни Уэстона.

Грейс не сомневался, что сейчас Гэри где-нибудь на собачьих бегах. Весело закусил с женой и друзьями, сделал ставки… Его ждет мирное воскресенье в кругу семьи. В стекле Рой увидел свое расплывшееся отражение и пошел дальше через пустой зал – мимо мигающих на дисплеях сигналов о полученных сообщениях, факсов, компьютерных мониторов с проплывающими на них заставками… Иногда – особенно в такие минуты – Грейс чувствовал себя оторванным от реального мира, ему казалось, будто он – призрак и невидимкой скользит мимо живых людей.

Поднеся пропуск к электронному замку, он толкнул дверь и вошел в устланный серой ковровой дорожкой длинный тихий коридор, где вкусно пахло свежей краской. В центре большого красного щита, озаглавленного «Операция „Лиссабон“», красовался снимок какого-то азиата-бородача в окружении фотографий каменистого пляжа у подножия высоких скал на местном курорте Бичи-Хэд, сделанных с разных ракурсов. Все снимки были помечены красными кружками.

Неопознанный мужчина был найден мертвым четыре недели назад у основания утеса. Вначале полицейские решили, что этот человек покончил с собой, бросившись со скалы, но вскрытие показало, что он уже был мертв, когда его оттуда скинули.

На противоположной стене висел щит «Операция „Баклан“» с фотографией хорошенькой молодой брюнетки, обнаруженной на окраине Брайтона. Девушку изнасиловали и задушили.

Грейс миновал следственный отдел, куда детективы перебирались на время крупных операций, и вошел в дверь напротив, помеченную надписью «Оперативный штаб № 1».

Именно в этот кабинет стекались нити крупных операций. Здесь все было новеньким – обстановка, запах, даже люди. Знакомым оставался лишь неистребимый «дух» китайской кухни. Несмотря на то, что матовые стекла окон располагались слишком высоко и сквозь них ничего не было видно, зал со свежевыкрашенными белыми стенами казался просторным и хорошо освещенным. Вдобавок он излучал положительную энергию, выгодно отличаясь от всех перегруженных лишней техникой и заполоненных деловито снующими людьми конференц-залов, где Грейсу доводилось бывать ранее.

Оперативный штаб был оформлен в футуристическом стиле – такой вполне подошел бы Центру управления полетами в Хьюстоне. Внушительных размеров аппендикс в углу разгораживался на три секции. В каждой стоял длинный овальный стол светлого дерева, за которым могли легко уместиться восемь человек, и массивные белые стенды, куда сведения вносили специальными фломастерами. Один стенд был отдан операции «Баклан», второй – «Лиссабон», а третий – операции «Сугроб». Все стенды сплошь покрывали фотографии с места преступления и диаграммы, показывающие, как продвигается следствие. Скоро здесь будет еще один стенд: «Сальса». Названия для операций выбирались наугад компьютером полицейского управления в Скотленд-Ярде.

В основном кодовые слова не имели ничего общего с самими операциями, но иногда их приходилось менять. Грейс вспомнил один такой случай, когда волей обстоятельств переименовали операцию «Снежок». Тогда они расследовали убийство чернокожего, чей

расчлененный труп был найден в багажнике машины. Название заменили другим, менее двусмысленным. Но сейчас, выбрав для их операции слово «Сальса», компьютер случайно попал в точку. У Грейса возникло чувство, будто расследование повинуется какому-то песенно-танцевальному ритму.

В отличие от обыкновенных комнат полицейского участка здесь ни на столах, ни на стенах не было ничего личного. Ни семейных фотографий, ни постеров футбольных команд, ни объявлений о предстоящих состязаниях, ни карикатур. Каждый предмет в зале, если не считать мебели и оборудования, имел отношение к текущему делу. Правда, сейчас на одном из рабочих столов стояла коробка с китайской лапшой, которую пластиковой вилкой отправлял в рот донельзя усталый длинноволосый инспектор Майкл Коуэн.

За вторым с банкой кока-колы в руке сидел руководивший другой следственной бригадой Джейсон Пайетт. Взгляд его намертво приклеился к плоскому монитору. Пайетт был одним из умнейших детективов, с какими Грейс когда-либо работал. Он с легкой душой заключил бы пари, что в один прекрасный день Пайетт возглавит Столичную полицию,[6] то есть займет самый важный пост среди блюстителей закона во всей стране.

Каждой из бригад придавались: офис-менеджер, чьи обязанности обычно выполнял сержант или инспектор, младший офицер, следивший за работой оборудования, а также аналитик, координатор и секретарь.

Майкл Коуэн, в джинсах и широкой клетчатой рубахе навыпуск, радостно приветствовал Грейса:

– Как делишки, Рой? Ты у нас сегодня пижон.

– Выходит, зря я для вас, ребята, нарядился? А я-то думал, оно того стоит!

– Держи карман!

– Что за дрянь ты лопаешь? – парировал Грейс. – Ты хоть представляешь, из чего это сделано?

Майкл Коуэн, ухмыляясь, закатил глаза.

– Химикалии поддерживают меня на плаву.

Грейс покачал головой:

– Воняет, как в китайской забегаловке!

Коуэн мотнул головой в сторону белого стенда «Операция „Лиссабон“».

– Да ладно, если хочешь, я поделюсь с тобой своей китайской отравой – только скажи. Мне сегодня пришлось отменить свидание с одной пылкой крошкой.

– Я бы махнулся с тобой не глядя, – вздохнул Грейс.

Майкл Коуэн бросил на него вопросительный взгляд:

– Кто она?

– Поверь, с этой дамочкой ты переспать не захочешь.

– Неужели так плохо?

– Хуже не бывает.

54

Справа на обочине – там, где шоссе делало плавный поворот, – Марк в свете фар увидел венки. Некоторые лежали на траве, другие были прислонены к дереву, а остальные – к живой изгороди. С тех пор, как он был здесь в последний раз, венков прибавилось.

Марк сбросил скорость и медленно двинулся дальше. По спине поползли мурашки. Его била нервная дрожь. Венки проплывали мимо, исчезая из вида. Наконец они совсем растворились в темноте, словно морок. Джош, Пит, Люк, Роббо!..

И он сам – если бы не отложили рейс.

Тогда, конечно, все пошло бы по-другому. Покрывшись гусиной кожей, Марк нажал на акселератор. Хотелось поскорее убраться отсюда – ему было чертовски не по себе. Пикнул и зазвонил мобильник. На дисплее высветился номер Эшли.

Марк прижал к губам микрофон, радуясь, что слышит ее голос. Как ему нужно сейчас с кем-то поговорить!

– Привет!

– Ну и?.. – Голос Эшли оставался столь же ледяным, как в тот момент, когда она выходила из его квартиры.

– Я еду.

– Только едешь?

– Пришлось ждать темноты. И кстати, думаю, нам не стоит разговаривать по мобильному, лучше я заскочу к тебе на обратном пути.

– Марк, не вздумай!

– Да. Я… *я…* а как Джилл?

– Расстроена. Что, по-твоему, она должна чувствовать?

– Угу.

– Что значит «угу»? С тобой все в порядке?

– Вроде того.

– Ты протрезвел?

– Конечно, – обиделся он.

– А голосок что-то не слишком твердый…

– Плохо себя чувствую, ясно?

– Ясно. Но ты это сделаешь?

– Мы же договорились.

– Позвони мне потом.

– Конечно.

Он дал отбой. Видимость была очень скверной из-за тумана: ветровое стекло покрывала пленка влаги. Резиновые уплотнители на «дворниках» заскрипели, и Марк их выключил. Кустарник на опушке выглядел знакомым, и он сбросил скорость, чтобы не проскочить нужный поворот.

Вскоре Марк миновал первую загородку, потом вторую. Фары разрезали туман, как лучи лазера. Он прибавил газу, и машина подпрыгнула в колее. Деревья вокруг внушали страх; казалось, они угрожающе давят со всех сторон. Он посмотрел в зеркало заднего вида – просто так, на всякий случай…

А на какой, собственно, случай?

Это уже близко. Внимание отвлекло бормотание радио. Марк выключил приемник; отчего-то стало трудно дышать, по вискам и спине вновь потекли струйки пота. Вдруг машина провалилась в колдобину, капот резко нырнул, и ветровое стекло обдал мощный фонтан грязной воды. Он снова включил «дворники» и снизил скорость. Боже, ну и ямища! Да, порядочно натекло воды с тех пор, как он был здесь в последний раз. А потом… О, черт, черт, черт!

Колеса забуксовали в жидкой грязи.

Марк наддал газу; джип завибрировал, дернулся, но тут же снова увяз.

Господи, только не это!

Он не может застрять – не может, и все! Ну как он объяснит спасателям, почему в половине десятого вечера оказался здесь, в лесу…

Дыши глубже!

Марк сделал вдох, опасливо вглядываясь в темноту, во все тени перед собой, сбоку, сзади, включил антиблокировочную систему. Что-то глухо ударило в днище, но БМВ не сдвинулся с места. Марк зажег свет в салоне и посмотрел на приборную доску. В этой обновленной модели есть пневмоподвеска с регулировкой высоты кузова, датчики систем противобуксовки и стабилизации и прочие навороты. Он очень гордился своим внедорожником, но так и не удосужился прочитать инструкцию.

Потянувшись вбок, Марк вытащил из бардачка руководство пользователя и начал судорожно листать указатель в поисках нужной страницы. Потянул на себя рычаг, нажал кнопку, положил руководство рядом и не без опаски нажал на акселератор. Машина дернулась и, к его облегчению, рванула вперед.

На малых оборотах его БМВ-Х5 гораздо увереннее проходил глубокие лужи, словно двигался на гусеничном ходу. Потом Марк свернул направо – на дорогу, что вела к поляне. Из-под колес порскнул маленький кролик, повернулся, заскакал обратно, потом опять метнулся вперед – перед самой машиной. Марк так и не понял, сбил он зверушку или нет, да ему было в общем-то наплевать. Вот так бы ехать и ехать вперед – на заданной скорости, уверенно форсируя лужи и канавы.

Впереди показалась заросшая мхом и травой поляна. Увидев гору срезанных веток на листе рифленого железа – сделанный им собственноручно камуфляж могилы, – Марк с облегчением перевел дух. Все на месте!

БМВ въехал на относительно твердый участок: не хватало еще, чтобы машина провалилась в тартарары, пока ее хозяин занят другими делами. Включив дальний свет, он натянул новые резиновые сапоги, схватил фонарик и вылез наружу. Грязь чавкнула под ногами.

Вокруг стояла полная тишина. Внезапно в кустах послышался легкий шорох. Марк испуганно обернулся, затаив дыхание от ужаса, и посветил фонариком. Раздался треск, потом звяканье, как будто в жестяную кружку бросили монету, и он увидел, как меж деревьев, неуклюже переваливаясь с боку на бок, бредет крупный фазан.

Сам не свой от страха, Марк провел фонариком слева направо, достал из багажника резиновые перчатки, припасенные инструменты и оттащил все к краю могилы.

Несколько секунд он просто стоял, глядя вниз, на лист рифленого железа, и прислушиваясь. Тихо урчал мотор. С веток падали капли. Но больше ничего. Полная тишина! По желобку железного листа ползла улитка – ее раковина казалась одинокой, как старый моряк на разбитом корабле. Отлично! Железный лист выглядит так, будто лежит здесь нетронутым уже много лет.

Положив инструменты и фонарик на мокрую траву, Марк ухватился за угол листа и потянул его на себя. Внизу, точно черная расселина в леднике, зияла могила. Он судорожно стиснул фонарик, выпрямился и застыл на месте; надо было набраться смелости, чтобы сделать еще шаг.

Как будто Майкл притаился там, внизу, и вот-вот его схватит!

Потихоньку, шажок за шажком, Марк двинулся к краю могилы. Дернувшись, направил луч фонарика вниз, на длинное, сужающееся книзу отверстие.

И облегченно вздохнул.

Все было точь-в-точь так, как он оставил. Земля по-прежнему навалена кучкой, никто ее не трогал. Несколько секунд Марк виновато озирался по сторонам.

– Извини, компаньон, – прошептал он. – Я…

Больше сказать было нечего. Марк вернулся к машине и выключил фары. Сигналить о своем присутствии нет смысла – он сомневался, что кто-то вздумает в такой поздний час бродить по лесу, но мало ли что!

Марк усердно копал почти час, и, наконец, лопата стукнулась о деревянную крышку гроба. Земли оказалось больше, чем он ожидал, – правда, позавчера подсыпал еще, но все-таки… Марк продолжал орудовать лопатой, пока не показалась крышка гроба с ввинченными по краям медными шурупами. Дыра, откуда раньше торчала дыхательная трубка – та самая, что он так старательно залепил землей, – расширилась. А может, ему только кажется?

Он поднял лопату и воткнул ее в отвал, потом взял отвертку и открутил все четыре шурупа. Тут возникло непредвиденное препятствие: гроб плотно сидел в яме, и вокруг не было свободного пространства. Стоять можно было только на самой крышке, но тогда как ее снять?

Марк вылез наверх и, зажав фонарик в зубах, не выпуская отвертки, подполз к краю ямы и свесился вниз. Руки легко доставали до крышки гроба.

Его заколотило от страха. Какого черта он думает там найти? Вынув изо рта фонарик, Марк тихо позвал:

– Майкл! – Потом громче: – Майкл! Эй! Майкл!

Он несколько раз постучал по крышке рукояткой отвертки, хотя и понимал: будь Майкл жив и в сознании, то услышал бы его шаги и стук лопаты о крышку. Хотя… может быть, он настолько ослаб, что просто не в силах отозваться.

Если – *если!* – он еще жив.

Вот именно – если. Прошло уже четыре дня, а дышать-то нечем! Марк снова сунул фонарик в рот и сжал его зубами. *Он должен! Должен достать проклятую штуковину! Должен открыть гроб и забрать у Майкла его карманный компьютер.* Потому что могилу рано или поздно обнаружат, раскопают и увидят труп, а при нем – проклятый КПК, где сохранились все электронные письма, и та ищейка, суперинтендент полиции Грейвз, или как его там, доберется до «мыла», отправленного им Майклу в понедельник. Марк сообщал, что у них для Майкла кое-что припасено, кое-что потрясающее, но это – сюрприз. Также он туманно намекал, что они задумали, – Майкл вряд ли что-либо понял, а вот коп обо всем догадается с ходу.

Марк подсунул отвертку под край, нажал и потянул вверх. Теперь в щель пролезали его пальцы. Положив отвертку наземь и придерживая тяжелую крышку левой рукой, он изо всех сил потянул ее на себя и тотчас краем глаза заметил глубокую канавку с зазубренными краями, процарапанную изнутри.

На дне гроба тускло блеснула черная вода – в луже плавали обрывки журнала. Яркий луч высветил огромные глянцевые груди.

Марк вскрикнул, и фонарик, выпав у него изо рта, с громким всплеском упал в воду.

В гробу никого не было.

55

Падая, крышка грохнула, как ружейный выстрел. Марк с трудом поднялся на ноги, но, тут же споткнувшись, рухнул в грязь. Он пополз на коленях и, развернувшись, вгляделся в темноту. Марк взвизгивал и подвывал от ужаса, задыхаясь, не зная, куда бежать. К машине? В лес?

О боже! О господи! Господи!!!

Он на карачках отполз от могилы и лихорадочно зашарил вокруг. Где Майкл? Затаился поблизости – и вот-вот нападет из засады?

Что, если сейчас в глаза ударит луч фонарика?

Марк с трудом доковылял до машины, рывком распахнул дверцу и, плюхнувшись на сиденье, включил свет в салоне. Пошел он – пусть слепнет, гад! С силой захлопнув дверцу, он ударил по кнопке центрального замка, повернул ключ зажигания, перевел рычаг АКПП в положение «вперед», врубил ближний свет и нажал на газ. Машину резко занесло – фары осветили деревья и движущиеся под ними темные тени. Впрочем, последние тут же исчезали: Марк все кружил и кружил на месте.

О боже!

Что же случилось, черт побери?

Карманный компьютер Майкла! Надо вернуться и посмотреть. Он обязан это сделать.

Но как, чтоб его разорвало и подбросило, как он умудрился?!

Как он сумел выбраться? Да потом еще накрыть гроб крышкой и завинтить шурупы! И накидать сверху земли!

Разве что… его там вообще никогда не было!

Но если его там не было, почему он не явился на свадьбу?

Мысли путались. В голове – сплошной винегрет. Марк хотел позвонить Эшли, но, разумеется, понимал, о чем она сразу же спросит.

Ты нашел карманный компьютер?

Марк остановил машину у края могилы и еще долго сидел за рулем, затравленно озираясь. Потом открыл дверцу, спрыгнул на землю, упал на живот и, даже не пытаясь подвернуть рукава, сунул кисти в холодную воду. Дотянулся до атласной обшивки. Ощупал мягкие боковины, обшарил дно… Наткнулся на фонарик и, оглядев, кинул обратно. Все равно батарейки сдохли. Рука коснулась чего-то маленького, круглого и металлического. Крепко стиснув находку в кулаке, Марк извлек ее на свет. Поднеся предмет к фаре, он увидел, что это крышечка от бутылки виски.

Марк повернулся, испуганно вглядываясь в обступивший его лес. Потом снова сунул руки в гроб и добросовестно прочесал днище. Раскисшая страница журнала облепила руку. Больше ничего! Совсем ничего! Проклятый гроб был пуст.

Он встал, прикрыл яму железным листом, кое-как забросал ветками и вернулся в безопасное укрытие машины. С силой захлопнул дверцу, развернулся и напролом попер назад через кусты и лужи, что было сил давя на педаль газа. Наконец, чуть не сшибив обе загородки, он вымахнул на шоссе.

Оказавшись на ровном покрытии, Марк перевел машину в обычный режим работы и покатил в Брайтон, то и дело поглядывая в зеркало заднего вида. Отчаянно хотелось позвонить Эшли, но он был слишком растерян, напуган и не знал, что сказать.

Где этот чертов Майкл?

Куда он подевался?

Марк опять проехал мимо венков, бросил взгляд на оранжевые лампочки на «торпеде», потом – на дорогу и снова – в зеркало. Неужели ему все это почудилось? Может, у него глюки? *Выкладывайте, ребята, что вы затеяли? Что вы от меня скрыли? Бросили в могилу пустой гроб? Ладно! Но что вы тогда сделали с Майклом?*

Постепенно Марк начал успокаиваться, в голове немного прояснилось. Он начал убеждать себя в том, что все это сейчас не имеет значения. Майкла в могиле нет. Никаких трупов. А значит, и на него, Марка, нечего вешать!

Зажав руль коленями, он стянул резиновые перчатки и бросил их на коврик под пассажирским сиденьем. Конечно, это очередная проделка Майкла! Его работа. Шутник Майкл. Неужели он подстроил все это нарочно?!

И не явился на собственную свадьбу?

В голове завертелись совершенно дикие мысли. Вдруг Майкл пронюхал о них с Эшли и решил таким образом отомстить? Они с Майклом знакомы, можно сказать, всю жизнь. С тринадцати лет. Майкл был смышленым парнишкой, но и он, Марк, всегда ухитрялся справляться с неприятностями по-своему. Возможно ли, чтобы Майкл докопался до их тайны? Ведь они с Эшли вели себя осторожнее некуда!

Марк вспомнил день, когда Эшли явилась к ним в офис, откликнувшись на объявление в «Аргусе». Им требовалась секретарша. Она вошла – такая умная, красивая. Эта девочка на голову превосходила всех, кого они видели до нее. Совсем другой класс!

Марк тогда только-только расстался со своей подружкой, был свободен и воспылал к Эшли такими чувствами, каких прежде не испытывал ни к кому. Между ними с первых минут установилась связь, хотя Майкл, казалось, ничего не замечает. К концу второй недели ее работы они тайком от Майкла стали спать вместе.

Месяца через два Эшли сказала Марку, что Майкл пригласил ее поужинать, и спросила, как быть.

Марк тогда просто взбесился, но и виду не подал. Всю жизнь, с тех пор, как познакомился с Майклом, он жил в его тени. Тому всегда удавалось снимать самых красивых девчонок на вечеринках. Он сумел так обаять управляющую банком, что дамочка охотно предоставила ему кредит. Майкл купил свою первую развалюху, перестроил ее и продал с большой прибылью. А он, Марк, едва сводил концы с концами, вкалывая за сущие гроши в мелкой бухгалтерской фирме.

Когда они решили открыть общее дело, именно Майкл вложил в него основной капитал – и получил две трети акций компании. Теперь их фирма стоит несколько миллионов, и львиная доля принадлежит Майклу.

А Эшли… впервые женщина из них двоих выбрала его, Марка.

И этот стервец посмел пригласить ее на свидание!

Все, что случилось потом, придумала Эшли. Она выйдет за Майкла замуж, а потом с ним разведется. Все просто: достаточно подложить под него шлюху и заснять их игры скрытой камерой. При разводе Эшли получит половину акций Майкла, а если добавить к ним тридцать три процента Марка, они вдвоем завладеют контрольным пакетом, а заодно и компанией. И тогда – прощай, Майкл!

Просто. Проще не бывает. *Убийственно просто.*

Впрочем, убийство в их планы не входило.

56

Эшли, в белом махровом халате, с распущенными по плечам волосами, открыв дверь, изумленно уставилась на заляпанного грязью Марка.

– Ты что, спятил? Зачем явился сюда? – вместо приветствия, недоверчиво и злобно спросила она. – Да еще посреди ночи! Марк, сейчас двадцать минут первого!

– Впусти меня. Звонить я побоялся. Нужно срочно поговорить.

Обеспокоенная звучавшим в его голосе отчаянием, девушка посторонилась, но вначале внимательно оглядела улицу.

– За тобой никто не следил?

– Нет.

Она перевела взгляд на его ноги:

– Марк, чем ты, черт побери, занимался? Посмотри на свои башмаки!

Тот стянул грязные резиновые сапоги, не выпуская их из рук, переступил порог гостиной и тупо уставился на мигающие лампочки стереосистемы.

Заперев дверь, Эшли с испугом посмотрела на сообщника:

– Ну и вид у тебя!

– Мне надо выпить.

– По-моему, ты сегодня и так выпил предостаточно.

– Сейчас я трезв, как стекло!

– Тебе чего? – спросила она, помогая ему стянуть куртку. – Виски?

– «Балвени», если есть. Впрочем, любое сойдет.

– Тебе нужно принять ванну. – Эшли направилась в кухню. – Так что случилось? Ты достал КПК?

– У нас проблема.

Эшли круто развернулась на каблуках:

– Что еще?!

Марк беспомощно посмотрел ей в глаза:

– Его там нет.

– Как – нет?!

– Он… я не знаю… но его…

– Ты хочешь сказать, там нет гроба?

Они сели на диваны напротив друг друга, и Марк рассказал, что произошло. Первым делом Эшли подбежала к каждому из окон и проверила жалюзи. Потом налила ему виски, а себе сварила черный кофе.

– А не могло выйти так, что ты перепутал место?

– Хочешь сказать, что в лесу был спрятан еще один гроб? Нет. Я сам выбрал поляну. Мы хотели оставить ему порнографический журнал и бутылку виски: и то и другое я нашел в гробу… вернее, не саму бутылку, а колпачок от нее.

– И крышка была привинчена, и сверху накидана земля? – Держа чашку обеими руками, Эшли сдула пенку и осторожно отпила. Халат на ней распахнулся, обнажив полные белые груди. Несмотря на охватившую его панику, Марк ощутил прилив желания – ему захотелось стиснуть Эшли в объятиях и жадно ею овладеть.

– Да… все было точно как в четверг, когда я…

– Когда ты вытащил дыхательную трубку?

Марк глотнул виски. Эшли сочувственно улыбнулась. Может быть, позволить ему остаться на часок-другой, помочь сбросить стресс?

Она слегка помрачнела.

– Ты уверен, что он был там, когда вытаскивал дыхательную трубку?

– Конечно, он был там, мать его! Я слышал, как он кричал. Господи!

– А тебе не померещилось?

– Что он кричал?!

– Ты тогда был просто никакой.

– Ты бы на моем месте была не лучше. Ведь он был моим компаньоном! Лучшим другом! Я не какой-нибудь убийца, я…

Девушка смерила его выразительным циничным взглядом.

– Я делаю все это, потому что… потому что люблю тебя, Эшли. – Марк выпил еще.

– Значит, сейчас он может быть где угодно, – подытожила она. – Вдруг он прячется в темноте и следит за нами?

Марк покачал головой:

– Не знаю. Раз он не в гробу, почему не явился на свадьбу? Да нет же – там точно кто-то был, скреб крышку изнутри, пытался выбраться!

Эшли восприняла эту новость довольно равнодушно.

– Может, он нас с тобой расколол? Ничего другого в голову не приходит… Сволочь, в любую щель пролезет, все выведает!

– Чушь собачья! – возразила Эшли. – Майкл и понятия ни о чем не имел. Он много раз обсуждал тебя со мной – считал, что ты хочешь жениться на хорошей девушке, завести детишек, просто тебе никак не удается найти стоящую подружку.

– Отлично! Он всегда меня переоценивал.

– В хорошем смысле, Марк. Ты ему небезразличен.

– Что-то ты слишком пылко его защищаешь!

– Он мой жених.

– Ха-ха, как смешно! – Марк поставил стакан на квадратный кофейный столик и закрыл лицо ладонями.

– Соберись! Возьми себя в руки! Давай рассуждать логически!

Тот, не поднимая головы, кивнул.

– В четверг вечером Майкл еще лежал в гробу. Ты вытащил трубку и заделал отверстие в крышке, так?

Марк промолчал.

– Майкл обожает дурацкие шуточки. Каким-то образом он выбрался из гроба и решил обставить все так, будто по-прежнему там.

Марк с ужасом вытаращил на нее глаза:

– Ничего себе шуточки! Но тогда ему известно, что это я забрал дыхательную трубку! А тому может быть всего одна причина!

– Ошибаешься. Откуда ему знать, что трубку вытащил именно ты? Ее мог взять кто угодно – мало ли кто шляется по лесу!

– Брось, Эшли! Как ты себе это представляешь? Случайный прохожий натыкается на могилу в лесу, из гроба торчит дыхательная трубка. Он вытаскивает ее и наваливает сверху еще тонну земли?!

– Я просто просчитываю все возможные варианты.

Марк удивленно воззрился на нее – в голове молнией промелькнула догадка: что, если Эшли и Майкл сговорились против него? И хотят заманить в ловушку?!

Но, тут же вспомнив, сколько дней и вечеров он за последние месяцы провел с Эшли, все ее жаркие признания, все безумства в постели, все их планы на будущее – и ее всегдашние язвительные замечания в адрес Майкла, отбросил черные мысли.

– Или так, – продолжала Эшли. – Все ребята – Пит, Люк, Джош и Роббо – знали, что ты опаздываешь, и решили разыграть вместе с Майклом тебя, но вышло иначе…

– Не говори ерунды, – отмахнулся Марк. – Даже если предположить, что Майкла вообще не было в гробу, когда я приезжал туда в четверг, и мне только почудилось, что он кричит… Тогда где же он? Где пропадает с вечера вторника? Почему ни с кем не связался? Почему не явился на свадьбу? Как ты это объяснишь?

– Никак. Разве что ребята решили разыграть вас обоих и Майкл сейчас лежит связанный в каком-то другом месте.

– Или подался в бега!

– Да куда он денется! – возразила Эшли. – За это я ручаюсь.

– Почему ты так уверена?

Она посмотрела Марку прямо в глаза:

– Потому что он меня любит. Он действительно по-настоящему меня любит. Вот почему я знаю, что он не сбежал. Ты все восстановил там, как раньше?

– Да, – чуть помедлив, солгал Марк, не желая сознаваться, что бежал из лесу в панике.

– Значит, остается только ждать, – пожала плечами Эшли. – Или отправляйся искать его. А когда найдешь, реши вопрос.

– Решить вопрос?

Она бросила на него красноречивый взгляд.

– Эшли, я не убийца. Я на многое способен, но…

– Марк, подумай как следует. У тебя нет выбора.

– Он не сможет ничего на меня повесить! Ничего мне не пришьет! – Он задумался. – Можно мне переждать здесь?

Эшли встала, подошла к Марку и, положив руки ему на плечи, принялась нежно массировать спину. Потом поцеловала в шею.

– Как бы мне хотелось, чтобы ты остался! – прошептала она. – Но нельзя. Вдруг объявится Майкл? Или нагрянет полиция?

Марк, извернувшись, попытался поцеловать ее в губы. Она позволила ему лишь один короткий поцелуй и тут же отпрянула.

– Уходи. Убирайся! Найди Майкла до того, как он найдет тебя.

– Эшли, я не могу.

– Можешь! Ты уже сделал это в четверг ночью. Хоть ты и облажался, но доказал, что духу у тебя хватит! Так ступай и доведи дело до конца.

Марк зашлепал по полу к сапогам. Эшли подала ему промокшую грязную куртку.

– Нам нужно быть осторожнее в разговорах по телефону – полиция сует нос повсюду, – предупредила она. – Будем исходить из того, что наши телефоны прослушиваются.

– Мудрая мысль.

– Поговорим утром.

Марк опасливо распахнул дверь, как будто ожидал увидеть за ней Майкла с пистолетом или ножом в руке. Но улица была пуста – лишь в тусклом свете фонарей поблескивали припаркованные у тротуаров машины. Тишину ночи нарушали лишь вопли дерущихся вдали котов.

57

Раз в два месяца Грейс вывозил развлекаться свою восьмилетнюю крестницу Джей Сомерс. Ее родители, Майкл и Виктория, тоже работали в полиции и дружили семьями с Роем и Сэнди. Именно они очень поддержали его в трудное время. У них было четверо детей от двух до одиннадцати лет, и Рой считал Сомерсов почти что второй семьей.

Сегодня Грейсу пришлось разочаровать Джей, объяснив девочке, что он может уделить ей всего пару часов, а потом должен вернуться на работу, чтобы помочь человеку, попавшему в беду.

Грейс никогда не рассказывал Джей заранее, куда ее поведет; озорница обожала отгадывать, какие их ждут развлечения, в первые несколько минут после того, как садилась в машину.

– По-моему, сегодня мы поедем смотреть зверей! – заявила девочка.

– Ты так думаешь?

– Да.

Крестница Роя была прехорошенькой: длинные серебристые волосы, ангельское личико и заразительный смех. Сегодня Джей нарядилась, как всегда, в короткое зеленое платьице с белой кружевной отделкой, на ногах – крохотные розовые тенниски. Иногда она говорила до смешного по-взрослому. Бывали моменты, когда Грейсу казалось, что он едет в компании не с ребенком, а с миниатюрной женщиной.

– Почему ты решила, что мы поедем смотреть зверей?

– Погоди, дай подумать… – Джей, подавшись вперед, принялась крутить ручку настройки магнитолы. Потом переключилась на CD-плеер и поставила альбом группы «Блю».

– Тебе нравится «Блю»?

– Угу.

– А еще мне нравятся «Скиссор систерз»

– Правда?

– Они крутые. Ты их знаешь?

Грейс вспомнил, что эта группа нравится и Гленну Брэнсону.

– Конечно!

– Мы определенно едем смотреть зверей.

– Как по-твоему, кого именно мы навестим?

Она прибавила громкость и начала прихлопывать в такт музыке.

– Жирафов.

– Хочешь посмотреть жирафов? – лукаво усмехнулся Грейс.

– Жирафы почти не видят снов, – объявила Джей.

– Неужели? Они сами тебе так сказали?

– Мы в школе проходили, как спят животные. Собаки часто видят сны. И кошки тоже.

– А жирафы?

– Нет.

Грейс улыбнулся:

– Да, но откуда ты знаешь?

– Просто знаю, и все.

– А ламы?

Девочка пожала плечами.

Было чудесное утро поздней весны, яркие солнечные лучи слепили глаза, и Грейс достал из бардачка темные очки. Сегодня появилась надежда – хотя бы слабая, – что длинной череде дождливых дней приходит конец.

Джей – настоящее солнышко, и ему очень нравится ездить с ней. За несколько драгоценных часов, проведенных с крестницей, Рой забывал о своих невзгодах.

– А что еще вы проходили в школе?

– Всякий отстой.

– Какой отстой?!

– Школа вообще отстой.

С ребенком на пассажирском сиденье Грейс вел машину очень осторожно, и за пределы Брайтона они выбрались не скоро.

– В последний раз, когда мы ездили развлекаться, ты говорила, что тебе нравится в школе.

– Учителя такие придурки.

– Все до единого?

– Кроме миссис Дин. Она славная.

– Какой предмет она ведет?

– Жирафьи сны. – Джей захихикала.

Грейс притормозил – впереди была развязка с односторонним движением.

– А остальные?

Джей, немного помолчав, вдруг выпалила:

– Мама считает, что тебе нужно снова жениться!

– Ну да? – удивленно переспросил Рой.

Та убежденно закивала.

– А ты как считаешь?

– Я думаю, ты был бы счастливее, если бы завел подружку.

Они проехали развязку и покатили по окружной дороге.

– Что ж, – пробормотал Грейс, – как знать…

– Почему у тебя нет подружки? – не унималась крестница.

– Потому что… – Он вздохнул. – Знаешь, не всегда просто найти свою половинку.

– А вот у меня уже есть друг, – сообщила Джей.

– Да ты что?! Расскажи мне о нем.

– Его зовут Джастин. Учится в моем классе. Говорит, что хочет на мне жениться.

Грейс покосился на малышку:

– А ты хочешь за него замуж?

Она энергично покачала головой:

– Он придурок.

– Он твой дружок, но при этом придурок?! Зачем он тогда нужен?

– Я намерена с ним порвать, – очень серьезно заявила Джей.

Вот почему еще Грейсу нравилось проводить с ней выходные. Благодаря этой крохе он не терял связи с молодостью. Но сейчас он пришел в полное замешательство. Была ли у него самого подружка в восемь лет? Еще чего!

В кармане на дверце зазвонил мобильник. Грейс не стал включать громкую связь, – возможно, он услышит плохие новости, которые огорчат Джей.

– Рой Грейс слушает.

– Алло! – послышался молодой женский голос. – Детектив-суперинтендент Грейс?

– Да.

– Говорит детектив-констебль Бутвуд.

– Эмма Джейн? Привет. Добро пожаловать в нашу команду.

– Спасибо. – Девушка явно волновалась. – Я сейчас в здании угрозыска… констебль Николл просил позвонить вам. У нас кое-что есть.

– Что?

– Сэр, новость не слишком хорошая, – смутившись еще сильнее, продолжала Эмма Джейн. – Какие-то бродяги нашли труп в Эшдаунском лесу, милях в двух от Кроуборо.

Прямо в центре района поисков.

– Молодой человек лет тридцати, по приметам вроде бы похож на Майкла Харрисона.

– В каком он состоянии? – покосившись на Джей, спросил Грейс.

– К сожалению, такими сведениями я не располагаю. Сейчас туда выехал доктор Черчмен. Констебль Николл спрашивает, ждать ли вас?

Грейс снова посмотрел на Джей. Выбора не было.

– Буду через час!

– Спасибо, сэр.

Когда он нажал отбой, Джей укоризненно покачала головой:

– Мама говорит, нельзя разговаривать по мобильному за рулем. Это очень опасно!

– Джей, твоя мама совершенно права. Извини, но мне придется отвезти тебя домой.

– Мы еще не посмотрели жирафа!

Рой включил бортовой компьютер и проверил, много ли машин на развязке.

– Извини. Пропал один молодой человек, и я помогаю его найти.

– А с тобой мне можно?

– Не сейчас, Джей. Прости, дружочек. – Грейс поднес трубку к уху и набрал домашний номер Сомерсов. К счастью, они оказались дома. Он вкратце описал Виктории, что случилось, и повернул обратно, а Джей пообещал свозить куда-нибудь в следующее воскресенье. Тогда они точно посмотрят жирафа.

Через десять минут, держась за его руку, девочка плелась по дорожке к двери своего дома. На ее личике застыло разочарование.

Грейс чувствовал себя последним мерзавцем.

58

Заляпанная грязью патрульная машина ждала у ответвления шоссе. Сообразив, что здесь нужно сворачивать в лес, Рой подогнал к ней свою «альфа-ромео» и около мили ехал за констеблем.

Залитая дождем размытая колея была почти непроходима для «альфы»: днище засасывало в липкую жижу, передние колеса буксовали. Из-под капота плескала густая взвесь, забрызгивая ветровое стекло крупными коричневыми пятнами. Грейс выругался. Перед тем, как ехать за Джей, он побывал на дорогой автомойке. Посаженные вдоль дороги кусты утесника царапнули борт, и Рой, услышав резкий скребущий звук, выругался еще громче. Нервы у него были на пределе. Мало того что он огорчил Джей, а теперь еще и труп…

Конечно, покойник вовсе не обязательно окажется Майклом Харрисоном. Но такое совпадение… В последний раз его видели как раз неподалеку. А неизвестный – приблизительно такого же возраста и телосложения.

Нет, дело дрянь!

Место происшествия огородили желтой лентой. За ограждением стояло несколько машин: две патрульные, белый микроавтобус судмедэкспертов, зеленый без надписей – скорее всего, из похоронного бюро – и спортивный «лотус-элиз» с откидным верхом, принадлежащий Найджелу Черчмену, местному патологоанатому-консультанту, обожавшему такие вот игрушки. Интересно, каким чудом он сюда добрался?

Остановившись рядом, Грейс открыл дверцу, ожидая что в нос ему ударит смрад разложившейся плоти. Но в лесу пахло хвоей, цветами, землей… Кем бы ни оказался покойный, умер он недавно. Рой попробовал было поаккуратнее вылезти из машины, но его нога в кожаном мокасине тут же провалилась в топкую грязь.

Натянув извлеченные из багажника белые дождевик и резиновые сапоги, Грейс нырнул под ленту ограждения. Джо Тиндалл, точно в такой же «униформе», тотчас повернулся к нему. В руках у него была большая камера.

– Здорово! – бросил Грейс. – Классные получились выходные!

– И у тебя, и у меня, – досадливо скривил губы Тиндалл, кивнув в сторону поляны. – А ведь мама хотела, чтобы я стал бухгалтером!

– Трудно представить тебя в роли канцелярской крысы, – фыркнул Грейс.

– Зато у бухгалтеров есть личная жизнь, – возразил Тиндалл.

– Да, но что это за жизнь?

– Воскресенья они проводят дома, с женой и детьми.

– Все известные мне женатики, – отвечал Грейс, – ждут не дождутся минуты, когда избавятся от жены и детей на целый день. Особенно по воскресеньям. – Он похлопал коллегу по спине. – Один мечтает копаться в саду, для другого такое времяпровождение – ад кромешный.

Тиндалл махнул рукой, и Рой увидел почти незаметное в густом кустарнике тело.

– Вот у кого воскресенье точно не задалось, как ни крути.

– Не лучшее сравнение при таких обстоятельствах, – вздохнул Грейс, подходя к уже облепленному трупными мухами покойнику.

Черчмен, атлет с младенчески невинным лицом, в белом халате стоял на коленях и что-то бормотал в маленький диктофон.

Грейс посмотрел на труп довольно рыхлого молодого человека с короткими жесткими волосами, в клетчатой рубашке, мешковатых джинсах и коричневых ботинках. Он лежал на спине с закрытыми глазами. Челюсть слегка отвисла. Лицо одутловатое, кожа – мертвенно-белая, в правом ухе – крошечная золотая серьга-колечко. На круглом, уже окоченевшем лице застыло выражение детской обиды.

Рой попытался воспроизвести в памяти виденные им фотографии Майкла Харрисона. Цвет волос тот же самый, черты лица – похожи, но Майкл вроде бы выглядел покрасивее. Хотя… Грейс знал, что черты лица после смерти меняются по мере того, как высыхает кровь и кожу стягивает.

Найджел Черчмен оглянулся.

– Рой, – улыбнулся он. – Привет, как ты?

– Нормально, а ты?

Патологоанатом кивнул.

– Что мы имеем?

– Пока не знаю – слишком рано. – Руки в резиновых перчатках осторожно приподняли голову покойного. Грейса замутило, когда с нее в воздух взмыл рой потревоженных мушек. На затылке зияла глубокая рваная рана, покрытая спутанными волосами и запекшейся кровью. – Парня сильно стукнули сзади каким-то тупым предметом, – пояснил Черчмен и, со свойственным людям его профессии черным юмором, добавил: – Удар оказался вредным для здоровья.

– Знаешь, с каждым разом твои шутки все более дурацкие.

Черчмен широко улыбнулся, словно услышал комплимент:

– Ты говоришь прямо как моя жена.

– Мне казалось, ты развелся?

– Да.

Их перебил громкий треск: у одного из констеблей вдруг ожила рация. Грейс обернулся: тот о чем-то докладывал начальству. Потом он вновь оглядел труп. Лицо… одежда… дешевые наручные часы на еще более дешевом пластиковом ремешке… На правом запястье – сплетенный из зеленых проводков браслет. Рой помахал рукой над лицом покойного, отгоняя мух. Да, место сходится, но можно ли быть уверенным, что перед ним Майкл Харрисон?

– При нем ничего не было – ни кредитной карты, ни документов?

– Нет, мы ничего не нашли.

Грейс задумался. Так ли оделся бы жених на мальчишник? Судя по рассказам, Майкл Харрисон должен бы выглядеть более респектабельно. А этот юнец смахивает на мелкого жулика. Но кем бы этот парень ни был, он не заслужил того, чтобы валяться здесь с пробитым черепом, облепленным мухами.

– Сколько он, по-твоему, здесь пролежал? – спросил Грейс.

Черчмен встал и выпрямился во все свои шесть футов.

– Пока точно не знаю. Но недолго. Никаких признаков поражения паразитами, кожные покровы не обесцвечены. Принимая во внимание погодные условия – несколько дней было тепло и сыро, – можно ожидать быстрого разложения. Он здесь максимум двадцать четыре часа, а возможно, чуть меньше.

Мозги у Грейса лихорадочно заработали: он вспоминал всех числящихся в розыске молодых людей в возрасте от двадцати до тридцати лет. Он прекрасно помнил статистические данные за долгие годы поисков Сэнди. Двести пятьдесят тысяч человек в год исчезают в одной только Англии. И треть из них – бесследно. Кто-то умер, и от трупов избавились так умело, что останков не нашли. Кто-то сбежал, и, как полиция ни старалась, на след беглецов напасть не удалось. Кто-то уехал за границу и сменил документы.

Ему известно далеко не обо всех. Ему достаются далеко не все дела о пропавших без вести при подозрительных обстоятельствах!

Время сходится. Внешность – вроде бы тоже. *Вроде бы!* Существует только один надежный способ все проверить.

– Везите в морг, – распорядился Грейс. – Посмотрим, сумеет ли кто-нибудь его опознать.

59

Голый, не считая полотенца, обернутого вокруг бедер, Марк вышел из душевой и направился в раздевалку спортивного клуба. Сегодня он выложился на все сто, но играл паршиво. Продул в теннис своему всегдашнему воскресному партнеру Тобиасу Кормайнду, управляющему инвестиционным банком, – смуглому, жилистому и решительному полудатчанину-полуамериканцу. Марк редко выигрывал партию целиком, но обычно ему удавалось взять хотя бы один сет. Нынче же, не в силах собраться, он победил только пару раз за весь матч.

Тобиас нравился Марку уже тем, что не входил в тесный кружок закадычных друзей Майкла. Именно хитроумный Тобиас, обладающий обширными связями в лондонских деловых кругах, дал Марку несколько ценных советов о том, как расширить деятельность «Дабл-Эм пропертиз» за пределами Брайтона и выйти на международный рынок. Но Майкл ни о чем подобном и слышать не желал. Он не видел смысла лишний раз рисковать, предпочитая топтаться на месте – заниматься каким-нибудь одним проектом, продавать его и только потом приступать к новому.

Тобиас дружелюбно похлопал Марка по спине:

– По-моему, сегодня ты совсем не об игре думал, верно?

– Да. Извини!

– Да что ты! С тобой столько всего случилось на этой неделе. Ты потерял четверых лучших друзей, да еще и компаньон пропал. – Обнаженный Тобиас яростно растирался полотенцем. – О чем только думает полиция? Ты должен подстегивать их, понимаешь, подталкивать в спину, как и всех остальных. Они там все заторможенные – если их не теребить, никто с места и не сдвинется.

Марк улыбнулся:

– Эшли – девушка цепкая. Она с них не слезет!

– Как она?

– Держится, сам понимаешь. Вчера ей пришлось особенно тяжко – несколько гостей, с которыми ей не удалось связаться, все же приехали на свадьбу.

Тобиас не был знаком ни с Майклом, ни с Эшли, поэтому добавить ему в общем-то было нечего.

– Паршиво, если он не явился на свадьбу.

Марк кивнул, вставил ключ в замок своего шкафчика. Не успел он его открыть, как дважды пискнул мобильник. На дисплее появилась надпись: четыре новых входящих сообщения.

Извинившись перед Тобиасом и отойдя от него на несколько шагов, он просмотрел список входящих. Первое – от матери: та спрашивала, есть ли новости, и просила не опаздывать к воскресному обеду, так как позже собирается на концерт. Следующее – от Эшли: похоже, она беспокоится.

«Марк! Марк! Наверное, ты сейчас на корте. Как сможешь, сразу перезвони».

Третье сообщение – от нее же.

«Где ты? Почему не объявляешься?»

Четвертое – опять же от Эшли.

«Марк, пожалуйста, перезвони. Это очень срочно!»

Внутри все похолодело. Он отступил еще дальше от Тобиаса. Что там такое стряслось? *Неужели Майкл?!*

Всю ночь Марк размышлял, пытаясь сообразить, как его компаньону удалось выбраться из гроба и что говорить, если тот предъявит ему счет. Поверит ли Майкл, что он не знал о затее друзей? Все, что ему требуется, – одно-единственное «мыло» с карманного компьютера Майкла. Марк, как и остальные, послал ему несколько писем с намеками насчет мальчишника.

Он позвонил Эшли, опасаясь самого худшего. Голос у нее был огорченный и в то же время до странности спокойный – он решил, что она притворяется на тот случай, если их телефоны прослушиваются.

– Я… не понимаю, что происходит, – сказала Эшли. – С полчаса назад мне позвонила молодая женщина-детектив по имени Эмма Джейн… фамилию забыла… – Она сделала паузу. Марк услышал шорох бумаги, а потом – опять ее голос. – Констебль Бутвуд. Она спросила, не носил ли Майкл в ухе серьгу. Я сказала, что носил, когда мы с ним начали встречаться, но я уговорила его избавиться от этой дряни, потому что, по-моему, она вредила его имиджу.

– Ты была права, – хмыкнул Марк.

– Как по-твоему, мог он снова нацепить серьгу на мальчишник?

– Возможно. Ты же знаешь, он всегда предпочитал свободную форму одежды, когда куда-то выбирался. А в чем дело?

– Констебль только что звонила еще раз. В лесу возле Кроуборо нашли труп человека, по приметам похожего на Майкла… – Эшли заплакала. Великолепное представление для тех, кто прослушивает разговор.

– О господи! – выдохнул Марк. – Они уверены, что это он?

– Не знаю! – простонала она, горько и прерывисто всхлипывая. – Маму Майкла вызвали в морг для опознания. Она только что звонила – просила меня быть с ней. Они хотят, чтобы мы приехали как можно скорее.

– Хочешь, я тоже поеду? Я могу отвезти вас обеих…

– Пожалуйста, если ты не против… Я сейчас не в состоянии вести машину, и Джилл тоже – она совершенно подавлена. О боже, Марк! Какой ужас! – Эшли вновь разрыдалась.

– Эшли, я приеду, как только смогу. Сначала захвачу Джилл, так как она живет ближе ко мне, а потом заскочу за тобой. Через полчаса буду у тебя.

Эшли плакала так горько, что Марк не понял, расслышала ли она последние слова.

60

На обратном пути в Брайтон Грейс позвонил Джей и попросил прощения за испорченный выходной.

– Как зовут того, кто пропал? – полюбопытствовала Джей.

Грейс помолчал, но, решив, что назвать имя – невелика беда, ответил:

– Майкл.

– Дядя Рой, почему он спрятался? Он что-то натворил?

Грейс улыбнулся: для детей мир устроен так просто! Но вопрос хороший. Он уже давно понял, что полицейскому нельзя упускать ни единой мелочи, нужно переворачивать все камни, открывать все двери, всегда мыслить нестандартно. Майкл Харрисон мог сам организовать собственное исчезновение – следовательно, нельзя сбрасывать со счетов и такой вариант. И то, что в морг уже наверняка доставили труп похожего на него человека, не меняет дела.

– Не уверен, – честно сказал Рой крестнице.

– А что будет, если вы так и не найдете этого Майкла?

Невинный вопрос вызвал в душе Грейса бурю эмоций.

– Думаю, мы его найдем. – Детективу не хотелось говорить девочке о трупе.

– А если нет? – не сдавалась Джей. – Вы долго будете искать?

Он грустно улыбнулся. Святая простота! Девочка родилась через год после исчезновения Сэнди и понятия не имеет, как больно ранят ее слова.

– Сколько понадобится, столько и будем.

– Если Майкл хорошо спрятался, у вас на это уйдет очень много времени. Правда?

– Возможно.

– И мы еще много лет не увидим жирафа?

Поговорив с крестницей, он тут же набрал номер Эммы Джейн Бутвуд.

– Что там с серьгой?

– Майкл Харрисон когда-то носил в ухе маленькое золотое колечко. Невеста убедила его снять серьгу. Но не исключено, что он снова надел ее на мальчишник.

Не слишком обнадеживающая новость, подумал Грейс.

– Ладно. Теперь – мобильные телефоны. Отныне мы будем слушать все разговоры Марка Уоррена и Эшли Харпер. Я хочу, чтобы операторы мобильной связи предоставили нам распечатку их бесед начиная с… – он чуть-чуть помедлил, – прошлой субботы.

– Сэр, нам вряд ли удастся узнать что-либо существенное до завтра. Мне уже приходилось иметь дело с операторами мобильной связи: в выходные их не застанешь.

– А вы постарайтесь.

– Есть, сэр!

* * *

Через десять минут, во второй раз за выходные, Грейс подъехал к длинному приземистому зданию городского морга Брайтона и Хоува. Даже великолепный майский день не мог развеять мрачного впечатления от этих мест, как будто серые, оштукатуренные и

покрытые каменной крошкой стены вообще не пропускали внутрь тепла. Сюда допускались только хладные трупы да мертвые души.

Разумеется, за исключением Клио Мори.

Грейс понадеялся, что сегодня она снова дежурит. Только бы она работала сейчас, взмолился он про себя, нажимая на кнопку звонка. Через несколько секунд, к его радости, дверь открыла именно Клио. Одетая, как всегда, в форменный зеленый комбинезон, зеленый фартук и белые сапоги – единственный «наряд», в каком Грейс ее видел, – девушка приветствовала его широкой улыбкой. Похоже, она искренне ему рада.

Некоторое время он просто стоял, не зная, что сказать, – точно мальчишка на первом свидании с девушкой, по его глубокому убеждению, слишком прекрасной для такого заурядного типа.

– Привет! – поздоровался Грейс и тут же добавил: – Пора нам перестать встречаться таким вот образом.

– Я предпочитаю, чтобы ты вошел сюда самостоятельно, а не вплыл вперед ногами, – не осталась в долгу Клио.

Он покачал головой и ухмыльнулся:

– И на том спасибо!

Клио отвела его в свой крохотный кабинет с розовыми стенами.

– Чаю, кофе, газировки?

– Можешь заварить корнуолльский чай с цельным молоком?

– Конечно! А еще у меня есть лепешки с клубничным джемом и топлеными сливками.

– И домашнее печенье?

– Конечно. – Не сводя с детектива глаз, Клио отбросила со лба светлый локон – откровенно зазывный жест. – Так вот как ты представляешь себе воскресный отдых?

– Именно. Разве по воскресеньям не принято устраивать пикники?

– Ясное дело. – Она включила чайник. – Но обычно для этого ездят за город, чтобы понюхать цветочки и полюбоваться не на жмуриков, а на птичек.

– Да что ты?! – поразился он. – То-то мне казалось, что я живу как-то не так.

– Мне тоже.

Оба замолчали. Грейс понимал: вот он, шанс, которого нельзя упускать. Чайник слабо зашипел, из пластикового носика вырвалась струйка пара.

– Ты говорила, что живешь одна. А ты когда-нибудь была замужем? – спросил он. – Дети у тебя есть?

Клио обернулась и посмотрела ему прямо в глаза – тепло, дружелюбно, доверчиво…

– Тебя интересует, нет ли у меня бывшего мужа, двоих-четверых детишек, собаки и хомячка?

– Да, что-то в этом духе, – улыбнулся в ответ Грейс. Под ложечкой перестало сосать: с ней было спокойно и уютно. Чертовски уютно!

– У меня есть золотая рыбка, – сказала она. – Можно считать ее ребенком?

– Золотая рыбка?! Не может быть! У меня тоже!

– Как ее зовут?

– Не ее – его. Марлон.

Клио расхохоталась:

– Что за нелепое имя для золотой рыбки?

– К счастью, он этого не знает, – усмехнулся Грейс.

Она покачала головой, широко улыбаясь. Чайник продолжал кипеть.

– По-моему, отличное имя.

– А твою как зовут?

Клио ответила не сразу – в глазах плясали озорные огоньки.

– Рыбка.

– Просто *рыбка?* – повторил Грейс. – Так его и зовут?

– Ее.

– Понятно. По крайней мере, легко запомнить. Рыбка!

– Не так утонченно, как *Марлон,* – возразила Клио.

– Ну и что? Мне нравится. В этом определенно что-то есть. – Решив не упускать удобный случай, хотя нужные слова с трудом приходили в голову, он продолжал: – Наверное, ты сейчас занята, и у тебя не будет времени, чтобы выпить вместе?

Ее ответ застал его врасплох.

– Отчего же? Я с огромным удовольствием!

– Здорово! Ладно. Когда лучше… то есть… как насчет завтра?

– Понедельник мне подходит, – кивнула она.

– Потрясающе! Мм…

Грейс напрягал воображение, думая, куда бы ее повезти. В Брайтоне полным-полно классных баров, но именно сейчас ему туда не хотелось. Может, им посидеть где-нибудь в тихом местечке? Или, наоборот, в шумном? В ресторане? По вечерам в понедельник народу много не бывает. А может, на первый раз сойдет и паб?

– Где ты живешь?

– Почти на краю Равнины.

– Знаешь «Серых драгунов»?

– Конечно!

– Давай встретимся там около восьми.

– Договорились.

Чайник издал пронзительный свисток, оба улыбнулись. Клио начала заваривать чай, но тут в дверь позвонили. Она вышла из комнаты и вскоре вернулась в сопровождении долговязого констебля Николла, по случаю выходных одетого в легкие брюки и футболку.

– Добрый день, Рой! – поздоровался он с шефом.

– Вот, чайку захотелось. Здесь сегодня потрясающе обслуживают.

– С бергамотом? – спросила Клио. – Зеленый? Ромашковый? Дарджилинг?

– А обычный чай у вас есть? – смущенно пробормотал молодой констебль.

– Заказ принят! Один обычный!

– Итак, что у нас? – спросил Грейс, возвращаясь к сути дела.

– Джиллиан Харрисон – мать Майкла – едет сюда на опознание, – сообщил Ник.

– Он выглядит вполне пристойно, – сказала Клио.

Она приобрела большую квалификацию, готовя трупы к опознанию. Какими бы изуродованными или искалеченными они ни поступали в морг, любящие родственники или друзья не должны падать в обморок при виде погибших – хотя иногда покойников приходилось буквально собирать по кускам. Пройдя служебным ходом, они вышли в маленький, застланный ковром просмотровый зал, служивший также часовней для представителей всех конфессий, и Грейс убедился, что Клио потрудилась на славу.

Молодой человек лежал на спине, голова его покоилась на пластиковой подушке, ловко скрывавшей проломленный затылок. Клио стерла с лица и рук трупа грязь и въевшуюся салсу, вымыла короткие волосы, привела в порядок одежду. Если бы не мертвенная бледность, могло бы показаться, что молодой человек просто задремал в тихий воскресный день, выпив несколько кружек пива.

– Эмма Джейн занимается распечатками телефонных переговоров, – доложил Грейсу Ник Николл.

– Нам нужно понять, куда ветер дует, прежде чем решаться на дальнейшие действия, – ответил Грейс, разглядывая покойника. – Вначале давай выясним, наш ли это клиент.

Издали, от двери, послышался звонок.

– Вот сейчас все и выяснится, – заявила Клио, выходя.

Вскоре девушка вернулась, следом шли Джилл Харрисон и Эшли Харпер. Взволнованная невеста крепко держала посеревшую свекровь за руку. У матери Майкла Харрисона вид был такой, словно она приехала в морг прямо из сада, где подрезала кусты: волосы растрепаны, поверх белой футболки кое-как накинута неряшливая ветровка, коричневые эластичные брюки пузырятся на коленях, на ногах – стоптанные домашние тапочки. Эшли, в темно-синем костюме и ослепительно белой блузке, являла собой полную противоположность Джилл – можно было подумать, будто она собралась на праздник.

Обе женщины сухо кивнули Грейсу. Он отступил в сторону, и Клио подвела их к смотровому окошку. Грейс пристально наблюдал за ними. На секунду он перевел взгляд на Клио. Она сказала двум женщинам несколько слов, соблюдая нужную пропорцию между сочувствием и профессиональной деловитостью. Чем лучше он узнавал эту девушку, тем больше она ему нравилась.

Джилл Харрисон что-то сказала и со слезами на глазах отвернулась.

Эшли покачала головой и тоже отвернулась, ласково обняв мать жениха за плечи.

– Вы совершенно уверены, миссис Харрисон? – спросила Клио.

– Это не мой сын, – сквозь рыдания выдавила та. – Это не он… не Майкл! Не он!

Эшли кивнула.

– Это не Майкл, – подтвердила она. Потом подошла к Грейсу и повторила: – Это не Майкл.

Грейс видел, что обе женщины не лгут. Бурная реакция Джилл Харрисон была вполне объяснима. А вот то, что на лице Эшли Харпер не было и намека на облегчение, весьма его удивило.

61

Через два часа Грейс, Гленн Брэнсон, только что вернувшийся из Солихалла, Ник Николл, Белла Мой и Эмма Джейн Бутвуд сидели за столом в отсеке, выделенном для операции «Сальса».

Грейс ободряюще улыбнулся новой сотруднице – стройной, симпатичной девушке с выразительным лицом и длинными светлыми волосами, уложенными на затылке в пучок. Потом он зачитал вслух отчет, продиктованный им ей сразу по возвращении из морга. Рой любил лишний раз повторить уже известные данные.

– 29 мая, воскресенье, 18.15, – начал он. – Первый отчет о ходе операции «Сальса». Разыскиваемый – Майкл Харрисон, двадцати девяти лет. Следствие начато на пятый день после того, как он пропал без вести. Сейчас я вкратце повторю основные подробности дела.

Несколько минут Грейс перечислял события, предшествовавшие исчезновению Майкла, а затем очертил круг возможных подозреваемых.

– В настоящее время у нас нет доказательств, что было совершено преступление. Однако мне кажется странным поведение Эшли Харпер – невесты Майкла Харрисона – и его компаньона Марка Уоррена. Подозрение вызывает и дядюшка Эшли из Канады, некий Брэдли Каннингем. Что-то подсказывает мне: он не тот, за кого себя выдает. Правда, пока мои догадки ни на чем не основаны.

Грейс сделал паузу, выпил воды и продолжал:

– Теперь что касается личного состава. Управление Восточного Даунса любезно предоставило в наше распоряжение нескольких человек. Мы начали поиски в районе аварии, происшедшей ночью в прошлый вторник, и за минувшие несколько дней добились определенных результатов. Я намерен привлечь к делу наших водолазов-поисковиков – они обыщут все местные реки, озера и бассейны. Мы также продолжим осмотр района поисков с вертолета. Погода улучшилась, и, возможно, им удастся что-то разглядеть сверху.

Далее Грейс сообщил, что планерки будут проходить ежедневно в 8.30 и 18.30. С пятницы к расследованию присоединятся компьютерщики. Затем он зачитал раздел «Следственно-оперативные мероприятия», включавший подраздел «Средства массовой информации». Об исчезновении Майкла Харрисона объявят в еженедельной телепрограмме «Криминальный дозор», если он не найдется к тому времени.

Следом шел раздел «Судебно-медицинская экспертиза». Специалисты сличили образцы почвы, взятые с машины Марка Уоррена, с образцами, взятыми с одежды и из-под ногтей четверых погибших молодых людей. К завтрашнему дню пришлет свое заключение Хилари Флауэрс, геолог-консультант.

Затем Грейс перешел к «Анализу поведения подозреваемых». Он подробно описал подчиненным замеченные им странности в поступках и реакции Марка Уоррена и Эшли Харпер и сообщил, что у компании «Дабл-Эм пропертиз» есть тайный банковский счет на Каймановых островах.

Наконец он подытожил все сказанное:

– Возможные версии, на мой взгляд, таковы. Первое: Майкл Харрисон где-то спрятан и не может оттуда выбраться. Второе: Майкл Харрисон мертв – либо погиб в заточении, либо убит. Третье: Майкл Харрисон исчез по своей воле. Вопросы есть?

Первым поднял руку Гленн Брэнсон. Имеет ли отношение к делу обнаруженный в лесу неопознанный труп?

– Если только в Эшдаунском лесу не орудует серийный убийца, который охотится на двадцатидевятилетних молодых мужчин, то – вряд ли.

Все захихикали, невзирая на серьезность положения.

– Кто разрабатывает убитого? – спросил Брэнсон.

– Ребята из Восточного Даунса, – ответил Грейс. – У нас и так дел невпроворот.

– Рой, может, все-таки пора приставить хвост к Эшли Харпер и Марку Уоррену? – прищурился Брэнсон.

Грейс и сам подумывал о том же, но для того, чтобы установить эффективное круглосуточное наблюдение за одним подозреваемым, требуется по меньшей мере тридцать человек – три команды, работающие посменно, восемь часов каждая. И то если дело простое. В противном случае людей потребуется еще больше. По опыту Грейс знал, что начальство дает санкцию на наблюдение лишь в случае крайней необходимости – например, если нужно взять крупного наркоторговца или на карту поставлена чья-то жизнь. Буде они в скором времени не добьются результатов, то, возможно, он и в самом деле попросит такое разрешение.

– Да, – кивнул Рой. – Но не сейчас. А пока надо проверить записи всех камер видеонаблюдения в Брайтоне и Хоуве за прошлый четверг – с рассвета до часу ночи. Утром в

пятницу Марк Уоррен куда-то ездил на своей машине, джипе марки БМВ-Х5, – подробности есть в отчете. Я хочу знать, куда он ездил… – Вдруг он вспомнил: – Да, еще у Майкла Харрисона есть яхта, он держит ее в Суссекском яхт-клубе. Необходимо проверить, на месте ли она. Мы будем полными идиотами, если организуем слежку по полной программе, а он тем временем поднимет паруса и улизнет. – Грейс посмотрел на констебля Бутвуд. – Можно сократить район поисков, сверив местонахождение камер и радаров с распечатками операторов мобильной связи. Проверять нужно только камеры в пределах действия телефонных сетей. Кстати, как у вас дела?

– Пока никак, сэр. Они пришлют распечатки только завтра утром. Сегодня мне никто не может помочь.

Грейс посмотрел на часы:

– Завтра в десять мне нужно быть в суде – хотя, возможно, я им там и не понадоблюсь. Поэтому в половине девятого утра встречаемся здесь. – Он повернулся к Брэнсону: – В управлении Восточного Даунса с нами работает инспектор Джон Лэмб. Он уже собрал своих сотрудников. Было бы неплохо, если бы ты переговорил с ним.

– Прямо сейчас и позвоню.

Грейс замолчал – он листал отчет, проверяя, не упустил ли чего. Ему нужно больше знать о характере Майкла Харрисона и о его деловых отношениях с Марком Уорреном, а также об Эшли Харпер. Он оглядел свою команду.

– Сейчас 19.30, воскресенье. По-моему, вам пора домой – немного отдохнуть. Впереди у нас целая неделя. Спасибо за то, что пожертвовали выходным.

Брэнсон, в модных широких брюках и элегантной хлопчатобумажной куртке на «молнии», догнал его на стоянке.

– Ну и какие у тебя предчувствия, о мудрый старец? – поинтересовался он.

Грейс засунул руки глубоко в карманы.

– За последние два дня я прокорпел над этим делом столько, что у меня глаз замылился. А ты что скажешь?

Брэнсон огорченно хлопнул себя по бокам:

– Старина! Почему ты всегда со мной так? Не можешь просто ответить на вопрос?

– Не знаю. Ну так как?

– Тьфу ты! Иногда ты меня просто бесишь!

– Вот оно как? Ты все выходные развлекался с семьей, пока я делал за тебя всю грязную работу, и ты же еще и лезешь в бутылку!

– Развлекался с семьей?! – взвился Брэнсон. – По-твоему, провести в дороге три часа туда и три обратно на шоссе М-1, с норовистой женой и вопящими детьми – развлечение?! Тоже мне радость! В следующий раз давай поменяемся: ты свозишь их в Солихалл, а я останусь здесь и буду заниматься любой дрянью, какой прикажешь. Идет?

– Договорились.

Грейс подошел к своей машине. Брэнсон навис над ним:

– И все-таки – что ты чувствуешь?

– Есть многое на свете, друг Горацио, что неподвластно нашему уму.

– Не понял!

– Пока яснее выразиться не могу. Не нравятся мне эти Марк Уоррен и Эшли Харпер.

– Почему?

– Очень не нравятся.

Грейс дружески похлопал Брэнсона по плечу, сел в машину и, миновав проходную, вырулил на шоссе. Перед ним открылась панорама Брайтона и Хоува. Дорога уступами спускалась к морю. Грейс полюбовался солнцем на безоблачном голубом небе и поставил компакт-диск Боба Берга «Загадки». Он ехал и слушал, и по спине бежали мурашки. И на несколько приятных мгновений Рой смог отключиться от расследования и мысленно представить Клио Мори.

Он улыбнулся.

А затем вновь вспомнил о работе: долгой тоскливой поездке в Южный Лондон и обратно. Если повезет, он вернется домой к полуночи.

62

Марк – в тонком свитере, джинсах и носках – как заведенный бегал по квартире со стаканом виски в руке, не в силах ни успокоиться, ни здраво рассуждать. На экране телевизора с выключенным звуком актер Майкл Китчен с непроницаемой физиономией куда-то бодро вышагивал по истерзанной войной Южной Англии. Место действия показалось Марку смутно знакомым – где-то возле Гастингса.

Дверь он запер и на замок, и на задвижку. С балкона тоже никто не влезет – он живет на четвертом этаже. Кроме того, Майкл боится высоты.

На улице уже почти стемнело. Десять вечера. Какие-нибудь три недели, и наступит самый долгий день в году. Сквозь стеклянную дверь балкона Марк видел, как вдали от берега поблескивает одинокий огонек. Наверное, лодочка или яхта.

Несколько недель назад они с Майклом выходили в море на своем гоночном шлюпе, «Два М». Сегодня он собирался съездить в док и заняться мелким ремонтом. Лодку нельзя надолго оставлять без присмотра: там все время что-нибудь протекает, ломается, ржавеет, облезает…

Честно говоря, яхта была для Марка неприятной обузой. У него никогда не вызывала восторга вся эта суматоха, а уж в шторм он буквально цепенел от ужаса. Парусный спорт играл важную роль в жизни Майкла – так было всегда с тех пор, как Марк с ним познакомился. Однако, став деловым партнером Майкла, поневоле приходилось под него подстраиваться.

Конечно, было и много хорошего – Марк с удовольствием вспоминал славные погожие деньки, когда легкий ветерок раздувал паруса. Сколько выходных они провели, плавая вдоль побережья в Девон и Корнуолл! А порой, бывало, пересекали Ла-Манш и бросали якорь у французского берега или у Нормандских островов. И все же он не слишком расстроится, если больше никогда не ступит на палубу яхты.

Где же ты, Майкл, черт тебя дери?!

Марк глотнул еще виски и, развалившись на диване, вытянул ноги. Как же ему не по себе! Сегодня Майкл и Эшли должны были отправиться в романтическое свадебное путешествие. Он еще не придумал, как смириться с мыслью о том, что Эшли будет заниматься любовью с Майклом – и не один раз. А чего еще ждать в медовый месяц! Разве что она как-нибудь выкрутилась бы… Она ведь обещала ему что-нибудь придумать. И все равно – как можно отлынивать от секса целых две недели?

Конечно, она уже переспала с Майклом – собственно, на этом их план и был построен. Впрочем, потом Эшли говорила, что он в постели не фонтан.

Если не соврала!

Марк встряхнул кубики льда в стакане и отпил еще. Он уже навестил вдов Пита, Люка и Джоша, а также отца Роббо – всякий раз под предлогом того, что якобы хочет поподробнее все узнать насчет похорон. На самом же деле ему хотелось выяснить – вдруг им что-то случайно стало известно, вдруг кто-то из друзей проговорился, куда они собирались вечером

во вторник. Марка интересовала любая мелочь, способная бросить на него тень подозрения или, наоборот, подсказать, что было у них на уме.

Ночью с четверга на пятницу Майкл точно был в гробу. Ему не померещилось. Ничего подобного! Майкл лежал в могиле в ночь с четверга на пятницу, а вчера его там не оказалось, хотя крышка была по-прежнему завинчена. А Майкл – не Гудини.[7]

Если в четверг Майкл был в гробу, а сейчас его там нет, значит, кто-то его выпустил. А потом вернул крышку на место. Но зачем?

Или это очередная шуточка Майкла?

Но если он выбрался из гроба, почему не пришел на свадьбу?

Покачав головой, Марк вернулся к отправной точке. Допустим, Майкла и в самом деле там не было, а его голос ему только померещился. Эшли в этом убеждена на все сто! Бывали минуты, когда Марк и сам склонялся к подобному мнению. И все же он не был уверен до конца.

Нужно еще раз все с ней обсудить. Что, если Майкл все же каким-то чудом выбрался сам и догадался, что они замышляют?

Тогда бы он, естественно, уже предъявил свои обвинения обоим.

Марк встал. Может, все-таки поехать к Эшли? Поведение девушки внушало ему беспокойство: она стала такой отстраненно-холодной, как будто все, черт побери, случилось по его вине! Впрочем, и так ясно, что она ему скажет.

Он снова забегал по комнате. Допустим, Майкл жив и вылез из гроба. Что он поймет, прочитав электронную почту?

И вдруг Марка осенило: в суете последних дней он упустил один очень простой способ проверки. Майкл всегда копировал содержимое своего карманного компьютера, пересылая полученные сообщения на их офисный сервер.

Марк влетел в кабинет, откинул крышку ноутбука и принялся за дело. Несколько минут спустя он выругался. Проклятый сервер выключен!

И есть лишь один способ снова его запустить.

63

Макс Кандиль был красив почти невероятно. Настолько, что при виде его Рой Грейс всякий раз поражался. Молодой человек лет двадцати пяти, с обесцвеченными волосами, голубыми глазами и правильными чертами лица выглядел настоящим Адонисом наших дней. Макс вполне мог бы стать топ-моделью или кинозвездой. А он жил в скромном домике на две семьи в пригороде Перли, предпочтя свой так называемый *дар* карьере. Но даже при такой скромной жизни он мало-помалу превращался в восходящую звезду среди медиумов.

Ни заурядный домик с потолочными балками в псевдотюдоровском стиле, ни аккуратный газон, ни чистенький «смарт» на подъездной дорожке никак не указывали на род занятий их хозяина.

Внутри – по крайней мере, на первом этаже, где только и бывал Грейс, – все было белым: стены, ковры, мебель, продолговатые, устремленные вверх современные скульптуры, картины, даже два кота, рыскавшие по дому, точно миниатюрные гепарды-альбиносы. В резном кресле рококо с белой рамой и белой же атласной обивкой сидел сам медиум – в белых водолазке, джинсах от Келвина Кляйна и кожаных туфлях.

Деликатно прихватив указательным и большим пальцами тонкую фарфоровую чашечку с травяным настоем, экстрасенс манерно растягивал слова:

– Какой у тебя усталый вид, Рой. Много работы?

– Еще раз прости за то, что я так поздно, – сказал Грейс, отпивая глоток кофе, сваренного Кандилем.

– Рой, у духов иные временные рамки, чем у людей. Я не считаю себя рабом часов. Вот, смотри! – Макс поставил чашку, поднял обе руки и закатал рукава, показывая не обремененные никакими приборами запястья. – Видишь?

– Везет тебе!

– Когда речь заходит о времени, мой герой – Оскар Уайльд. Он славился полным отсутствием пунктуальности. Однажды, когда он особенно опоздал на какой-то званый ужин, хозяйка сердито указала на настенные часы и спросила: «Мистер Уайльд, вы хоть понимаете, который час?» А он ответил: «Дорогая моя, умоляю, скажите, откуда этой гнусной машинке знать, что делает великое золотое солнце?»

– Хорошо! – улыбнулся Грейс.

– Что привело тебя ко мне сегодня? Постой, я сам угадаю. Дело как-то связано со свадьбой… Ну как, тепло?

– Макс, за это призов не положено.

Кандиль улыбнулся. Грейс высоко ценил его. Кандиль не всегда попадал в точку, однако процент верных догадок был необычайно высок. По своему богатому опыту Грейс знал: ни один экстрасенс не способен все и всегда угадывать правильно. Поэтому он предпочитал работать с несколькими, иногда сравнивая результаты.

Ни один из знакомых ему медиумов не смог сказать, что случилось с Сэнди, – а он побывал у многих. Сразу после ее исчезновения Рой за несколько месяцев объездил всех экстрасенсов с мало-мальски солидной репутацией. Неоднократно бывал он и у Макса Кандиля. При первой встрече медиум честно признался, что ничего не чувствует – он не способен войти с ней в контакт. По словам Макса, некоторые люди оставляют за собой след – некое подобие шлейфа: тогда воздух или предметы словно вибрируют с определенной частотой. После других не остается ничего. Как будто, говорил Макс, Сэнди никогда и не существовала. Он не мог этого объяснить и не знал, сама ли она замела все следы или кто-то помог. А значит, определить, жива ли она, было невозможно.

Однако, взявшись за поиски Майкла Харрисона, медиум ощутил куда большую определенность. Дотронувшись до браслета, полученного Грейсом от Эшли, он почти сразу брезгливо отдернул руку, как будто обжег пальцы.

– Это не его вещь, – быстро сказал Макс. – Определенно не его!

– Ты уверен? – нахмурился Грейс.

– Да, я абсолютно уверен.

– Браслет дала мне его невеста.

– Тогда задай ей – и себе – вопрос: «зачем?» Эта вещь совершенно точно не принадлежит Майклу Харрисону.

Грейс завернул браслет в платок и осторожно уложил в пакет. Макс Кандиль был человеком эмоциональным и не всегда – далеко не всегда! – оказывался прав. Однако его мнение совпадало с тем, что сказал Гарри Фрейм. Значит, здесь действительно что-то не так.

– А что ты можешь сообщить о Майкле Харрисоне? – спросил Грейс.

Медиум вскочил, вышел из комнаты, на ходу посылая котам воздушные поцелуи, и почти сразу вернулся с бульварной газеткой «Новости мира».

– Моя любимая газета, – объявил он. – Люблю узнавать, кто с кем трахается. Гораздо интереснее политики.

Грейсу и самому нравилось читать «Новости мира», но в данный момент он не собирался признаваться в этой своей слабости.

– Да, наверное, – согласился он.

Медиум пролистнул пару страниц и поднял газету так, чтобы Грейс видел заголовок, под которым красовался снимок Майкла Харрисона. Статья называлась «Охота на беглого жениха».

Некоторое время экстрасенс внимательно разглядывал снимок.

– Смотри-ка, оказывается, здесь цитируют тебя! «Делу об исчезновении Майкла Харрисона придан статус особо тяжкого преступления, – заявил суперинтендент уголовного розыска полиции Суссекса Рой Грейс. – Нам выделены дополнительные силы для прочесывания района, где он предположительно находится…» – Кандиль снова посмотрел на Грейса и сказал: – Майкл Харрисон жив. Точно жив!

– Правда? Где он? Мне нужно его найти – для того-то и потребовалась твоя помощь.

– Я вижу его в тесном и темном помещении.

– Может это быть гроб?

– Не знаю, Рой. Картинка слишком размытая. Видимо, у него осталось совсем мало энергии. – Медиум на несколько секунд закрыл глаза и медленно повернул голову слева направо. – Да, очень мало! У бедняги почти села батарейка.

– Что ты имеешь в виду?

Медиум вновь закрыл глаза.

– Он совсем ослаб.

– Насколько? – забеспокоился Рой.

– Он угасает. Пульс медленный – еле слышный.

Глядя на медиума, Грейс не переставал удивляться. Откуда Макс черпает сведения? Действительно чувствует биополя – или просто гадает по наитию?

– Твое тесное и темное помещение – где оно? В лесу? В городе? На земле или под землей? А может, на воде?

– Не вижу, Рой. Не могу сказать.

– Надолго ли его хватит?

– Ненадолго. И я не знаю, вытянет ли он.

64

– Понимаешь, какое дело, Майк. Не всем везет одновременно. Странная у нас с тобой складывается ситуация: повезло и мне, и тебе. Но насколько?

Майкл – слабый, дрожащий от лихорадки, почти в полубреду – поднял голову, но толком ничего не разглядел. Все окутывал мрак. Мужской голос был незнакомым и говорил на какой-то странной смеси южнолондонского говорка с австралийским акцентом, глотая окончания и выпаливая слова с бешеной скоростью. Может, это Дэви подражает очередному дурацкому телегерою? Нет, вряд ли. В голове все плыло. Майкл пребывал в полном замешательстве. Где он – в гробу?

Умер?

Голова раскалывалась, в горле пересохло. Он попытался открыть рот, но губы спеклись. По жилам расползался ледяной холод.

Я умер.

– Тебя запихнули в жуткий сырой гроб, ты насквозь промок, у тебя болели суставы… А сейчас ты в теплом и сухом местечке. Ты умирал. Теперь, может быть, и не умрешь. Подчеркиваю: *может быть!*

Голос растворился во мраке. Майкл тонул, опускался в шахту лифта – вниз, вниз! Стены стремительно мчались вверх. Он попытался позвать кого-нибудь, но губы не шевелились – что-то давило на них. Из глотки вырвался лишь панический всхлип.

Потом снова послышался голос – на сей раз близко, как будто незнакомец тоже был в лифте, рядом.

– Майк, помнишь кошку Шредингера?

Они продолжали спускаться. Сколько тут этажей? Да какая разница?!

– Ты изучал в школе физику?

Кто это? Где он?

– Дэви! – попытался крикнуть Майкл.

Но вышел только сдавленный стон.

– Майк, если бы ты хоть малость петрил в науке, точно слыхал бы о ней. Шредингеровская кошка сидит в ящике, живая и мертвая одновременно. Так же как сейчас ты, друг мой.

Майкл чувствовал, что теряет сознание. Лифт теперь качался на тросах: казалось, он со свистом летит вниз вдоль бесконечной стены мрака. Майкл ощутил тепло, и сквозь сомкнутые веки забрезжило что-то красное. Он открыл глаза, но тут же опять зажмурился, чтобы не ослепнуть от яркого света.

– По-моему, тебе не стоит спать, сейчас нужно оставаться в сознании, Майк. Не хватало еще, чтобы ты тут у меня помер, – с тобой и так сплошные заморочки. Чуть погодя дам тебе еще немного воды и глюкозы – пока пищу надо вводить медленно. Не бойся, ты в надежных руках. Я получил закалку в джунглях, умею выживать сам и помогаю другим. Считай, повезло, что на тебя наткнулся именно я. Только не спи! Давай малость поболтаем, познакомимся получше – подружимся. Идет?

Майкл снова попытался заговорить, но лишь застонал. Он стал вспоминать. Вот его вытаскивают из гроба, потом он лежит на чем-то мягком в фургоне… когда это было? В вечер мальчишника? Может, с ним кто-то из друзей? Марк? Веки опускались сами собой – неудержимо клонило в сон.

В лицо плеснули холодной водой, и Майкл вздрогнул. Глаза открылись и замигали, сквозь пелену влаги вглядываясь во тьму.

– Не обижайся, приятель. Я просто не даю тебе дрыхнуть. – Теперь в голосе незнакомца явственно слышался австралийский акцент, а не лондонский говорок.

Майкл поежился: вода немного оживила его. Он хотел шевельнуть руками, проверить, лежит ли все еще в гробу, но они не слушались. Ноги тоже не слушались. Можно подумать, его связали… Майкл попробовал поднять голову, прикоснуться к крышке, но сил хватило только приподняться на пару дюймов.

– Что, интересно, наверное, кто я такой и где ты, а?

Майкл снова плотно сомкнул веки, но его ослепил яркий луч. Свет обжигал сетчатку, как палящее солнце. Он снова глухо застонал.

– Все нормально, Майк, не трудись отвечать. С пластырем на губах не очень-то поболтаешь. Говорить буду я, а ты пока молчи и слушай. Пока – это до тех пор, пока тебе не полегчает. Заметано?

Майкл был в замешательстве, но при этом в голове явственно звучал сигнал тревоги. Знать бы еще, что это: сон или уже начались галлюцинации?

– Первым долгом, Майк, вот тебе правила поведения. Ты не спрашиваешь, как меня зовут, и не спрашиваешь, где мы. Усек?

Майкл снова ответил стоном.

– Ладно, надо будет – я напомню. Видел фильм по Стивену Кингу, «Мизери»?

Майкл смутно слышал все сказанное, но не понимал, обращен ли вопрос к нему или к кому-то другому. «Мизери»… Да, кажется, он что-то такое помнит. Кэти Бейтс… Он хотел спросить, не играла ли там Кэти Бейтс, но проклятые губы не шевелились.

– М-м-м! – промычал он.

– Фильмец что надо. Джеймса Каана поймала чокнутая фанатка, Кэти Бейтс, и, чтобы не сбежал, разбила ему ноги кувалдой. Только в книжке было не так – знаешь, Майк? Знаешь?

– М-м-м!

– На самом деле, Кэти вообще отхватила ему одну ногу, а потом прижгла ее паяльной лампой. Для такого надо совсем ошизеть, правда, Майк?

Майкл уставился в темноту, пытаясь разглядеть лицо говорящего, понять, действительно ли голос доносится сверху, а не откуда-то из глубин его собственного подсознания.

– Правда или нет, Майк?

– М-м-м!

– Я слушал тебя пять дней, Майк. Тебя и твоего дружка, Дэви. Похоже, он тебя здорово огорчил, да я бы и сам на твоем месте огорчился. – Невидимка захохотал. – Короче, влип ты по полной: мало того, что застрял в гробу, так еще и единственный, кто знал, что ты жив, оказался дебилом! – Он немного помолчал. – Конечно, я тоже тебя слышал, Майк, но мне не хотелось вмешиваться. Радиолюбители никогда не вмешиваются в чужие разговоры. Неписаный закон. Я тоже его придерживаюсь. Как ты?

У Майкла кружилась голова. Плотная завеса тьмы вокруг вертелась все быстрее.

– Сейчас ты – как огурчик. А еще двадцать четыре часа в могилке, и можно было бы не вытаскивать! Но теперь все будет о'кей. Уж от слабости точно не загнешься. Тебе повезло. Я служил связистом в австралийской морской пехоте и знаю о выживании все. Так что ты не мог попасть в лучшие руки, парень. Но, скажу я тебе, ради этого придется раскошелиться. Понял, о чем я, Майк? Мне денежки нужны – и много!

– М-м-м!

– Боюсь, Майк, без залога тут не обойтись. Знаешь, что такое залог? Доказательство, что ты на моей стороне… Ты на моей стороне?

От ослепительного луча света Майкл снова зажмурился, а когда вновь открыл глаза, перед ними тускло блестела сталь.

– Будет немножко больно, но ты не волнуйся, Майк. Я не стану разделывать тебя под орех, как тогда Кэти Бейтс, – ведь не псих же! Не хочу тебя калечить. Мне нужен маленький залог, вот и все.

Вдруг левый указательный палец ожгло, как огнем. От мучительной боли Майкл забился, заметался – дыхание перехватило, и он отчаянно завыл сквозь пластырь. Точь-в-точь как баньши.[8]

65

Незадолго до полуночи, когда Рой Грейс вернулся в Брайтон, сна не было ни в одном глазу. Большая чашка сваренного Кандилем эспрессо зарядила его энергией, как ракетное топливо. Сам не зная почему, на обратном пути детектив решил проехать мимо офиса «Дабл-Эм пропертиз», тем более что он находился в двух шагах от железнодорожного вокзала.

Увидев возле здания БМВ Уоррена, Грейс удивился. Остановившись рядом с джипом, он вылез из машины и запрокинул голову. На четвертом этаже горел свет. И вновь, повинуясь лишь внутреннему голосу, он подошел к парадной двери и нажал на домофоне кнопку «Дабл-Эм пропертиз».

Не успел Рой отпустить палец, как до него донесся хриплый, до крайности встревоженный голос Марка Уоррена:

– Алло!

– Мистер Уоррен? Суперинтендент Грейс.

Марк долго молчал.

– Поднимайтесь, – наконец пригласил он.

Замок сухо щелкнул, Грейс толкнул дверь и, войдя в подъезд, легко одолел три пролета узкой крутой лестницы.

На пороге приемной стоял белый, как мел, Марк, явно чувствовавший себя не в своей тарелке.

– Вы меня немножко удивили! – Молодой человек попытался улыбнуться.

– Да это так – случайность… Проезжая мимо, увидел в окнах свет и подумал: отчего бы не побеседовать с мистером Уорреном? Вам, наверное, захочется узнать новости.

– М-м-м… Да, спасибо!

Марк нервно оглянулся на открытую дверь кабинета, где, очевидно, работал, однако повел Грейса в противоположную сторону – в холодный конференц-зал без окон. Включив свет, он выдвинул для детектива стул за прекрасно отполированным длинным столом. Прежде чем сесть, Рой порылся в кармане и выудил оттуда полученный от Эшли браслет.

– Вот, нашел на лестнице. Может, его потерял кто-то из ваших сотрудников?

Марк удивленно воззрился на браслет:

– На лестнице?

Грейс кивнул.

– Вообще-то это мой браслет… с магнитиками на концах… у меня плечелоктевой бурсит, так называемый теннисный локоть… Даже не представляю, каким образом мог обронить такую полезную вещицу.

– Хорошо, что я ее заметил, – отозвался Грейс.

– Да, действительно… Спасибо! – Марк явно пришел в еще большее замешательство.

Грейс разглядывал фотографии на стенах: склад в Шорэмской гавани, ряд домов эпохи Регентства, знакомое ему современное офисное здание на Лондон-роуд, на окраине Брайтона.

– Все ваши проекты? – спросил он.

– Да. – Марк несколько секунд повертел браслет в руках и надел на правое запястье.

– Впечатляет, – кинув на фотографии, признал Грейс. – Кажется, дела у вас идут неплохо.

– Спасибо. Работаем помаленьку.

Помня, какой скандал Эшли закатила из-за того, что вчера он нахамил суперинтенденту на свадьбе, Марк старался вести себя как можно любезнее.

– Хотите кофе или еще чего-нибудь?

– Нет, спасибо, – отказался детектив. – У вас с Майклом Харрисоном – равные доли?

– Нет, у него больше половины акций.

– Ага! Значит, ваш компаньон вложил в дело деньги?

– Да… две трети. Я добавил остальное.

Внимательно следя за выражением лица и жестами Марка, Грейс задал новый вопрос:

– И между вами не было разногласий из-за неравных долей?

– Нет. Мы прекрасно ладим.

– Хорошо. Итак… – Рой с трудом сдержал зевок. – Утром мы начинаем прочесывать весь район вокруг места, где погибли ваши друзья. Как вы, может быть, слышали, сегодня была ложная тревога.

– Да, кто-то нашел труп молодого человека. Кто он?

– Один из местных жителей. Мне доложили, что юноша был умственно отсталым. Его там хорошо знали, в том числе и многие полицейские. Отец – владелец буксировщика и авторемонтной мастерской – часто выезжает на аварии с дорожной инспекцией.

– Бедняга! Его убили?

– Похоже на то, – осторожно проговорил Грейс и, пристально следя за реакциями Марка, бросил: – Верно ли, что у вас с Майклом Харрисоном открыт банковский счет на Каймановых островах?

– Да, у нас там компания, – не моргнув глазом ответил Марк. – «Эйч-Дабл-ю пропертиз интернешнл».

– С долями две трети и треть?

– Совершенно верно.

Грейс вспомнил, что на том счете – не менее миллиона фунтов. Кругленькая сумма!

– Какая у вас с Майклом страховка? Вы завещали свои вклады друг другу, как компаньоны?

– Мы заключили договор страхования директоров-основателей. Он защищает нашу небольшую компанию от убытков, связанных со смертью или нетрудоспособностью совладельца. Показать вам полис?

– Не сейчас, но в будущем я бы на него взглянул. Если можно, пришлите завтра утром копию по факсу.

– Без проблем.

Рой встал:

– Что ж, не буду больше отнимать у вас время. Вы всегда так заняты, что работаете даже в воскресенье вечером?

– Люблю разбирать документы по выходным. Этим можно заниматься, только если телефоны не звонят без умолку.

Грейс улыбнулся:

– Я вас понимаю.

Марк наблюдал, как высокая фигура детектива исчезает за поворотом лестницы. Потом вновь запер дверь и, убедившись, что задвижка на месте, вернулся в кабинет, снова включил компьютер и продолжил трудную работу, начатую пару часов назад. Он читал копии всех сообщений, пришедших на карманный компьютер Майкла, – день за днем, неделя за неделей – и удалял все упоминания о мальчишнике.

Эшли сегодня проделала то же самое с компьютерами Питера, Люка, Джоша и Роббо – для их родных она придумала предлог, будто ищет хоть какой-нибудь намек на возможное местонахождение Майкла.

Спустившись вниз, Грейс закрыл за собой входную дверь и неторопливо побрел к машине. Но уехал он не сразу. Облокотившись о пассажирскую дверцу, детектив задрал голову и, глядя на окно четвертого этажа, стал думать. *Очень напряженно* думать.

Марк Уоррен ему не нравился. Он лжет и вдобавок отчего-то сильно нервничает. У Эшли Харпер тоже совесть нечиста. Она явно не без умысла дала ему браслет, не принадлежащий Майклу.

Кстати, какого черта браслет Марка Уоррена оказался в ее доме?

– Боже, о боже! – промычал Майкл. Он плакал от боли, вздернув левую кисть так высоко, как позволяла клейкая лента, стягивавшая оба его предплечья. Из обрубка указательного пальца лилась кровь – верхняя фаланга была отрезана. Он прищурился от ослепительного света.

– Какого черта ты это сделал?

– Все, все, Майк. Успокойся.

Худая волосатая лапа железной хваткой вцепилась ему в плечо. На запястье красовались дорогие водонепроницаемые часы. Майкл худо-бедно видел лишь голову собеседника – тот держал ее подальше от яркого света. В прорезях черного капюшона сверкнули глаза.

Из какой-то трубки закапала мутно-белая жидкость, и секунду спустя Майклу показалось, что к обрубку приложили лед. Он снова вскрикнул. Боль была почти невыносимой.

– Я знаю, что делаю, Майк. Тебе не нужно волноваться, заражения крови не будет. Мне бы хотелось, чтобы ты называл меня Вик. Понял? Вик.

– М-м-м! – промычал Майкл.

– Вот и хорошо. Нам с тобой лучше быть на «ты». Понимаешь, мы с тобой компаньоны. А компаньоны обычно не церемонятся друг с другом.

Мелькнула белая лента бинта: мучитель туго замотал окровавленный обрубок пальца и закрутил кончик наподобие жгута. Потом закрепил повязку лейкопластырем.

– Видишь ли, Майк, я вроде как спас тебе жизнь – она ведь чего-то стоит, верно? Судя по тому, что я читал в газетах и видел по телевизору, ты у нас богач. А я – нет. В том-то и разница, понимаешь? Водички дать?

Майкл кивнул. Он пытался мыслить трезво, но из-за тупой ноющей боли в пальце думать было трудно.

– Если хочешь пить, мне придется отклеить пластырь с твоих губ. Я сделаю это при условии, что ты не будешь орать. Договорились, Майк?

Майкл кивнул.

– Мое слово всегда было тверже любой гарантии. А твое?

Пленник снова кивнул.

Рука мучителя прикоснулась к лицу Майкла, и ему показалось, будто с губ содрали кожу. Рот широко открылся в немом крике, подбородок и щеки ожгло. Незнакомец… как он там представился – Вик? – вновь наклонился. Теперь он протягивал пластиковую бутыль минералки с открученным колпачком. Вик влил Майклу в рот немного воды. Минералка оказалась холодной и вкусной, и Харрисон жадно глотал ее, лишь чуть-чуть проливая на подбородок и шею. Потом вода попала в дыхательное горло, и он захлебнулся.

Бутылка исчезла. Майкл долго хрипел и перхал, зато, когда кашель наконец прекратился, он почувствовал себя обновленным. Он лежал в каком-то сыром помещении, где пахло машинным маслом, скорее всего – в подземном гараже.

– Где я? – приподняв голову и заглядывая в щелочки капюшона, спросил он.

– Короткая у тебя память, Майк. Я ведь запретил тебе спрашивать, где ты и кто я.

– Ты… сказал… тебя зовут Вик.

– Да, Майк. Для тебя я – Вик.

И опять все окутала тишина.

Разум Майкла стремительно избавлялся от окутавшей его пелены. Стало страшно – страшнее, чем когда он лежал в гробу.

– Как… как ты меня нашел?

– Я всю неделю колесил по дорогам. Видишь ли, Майк, я проверяю, как фурычат телефонные вышки на юге Англии, – работаю на несколько телефонных компаний. А заодно слушаю радиосвязь на любительском диапазоне – старое доброе ОД-радио, болтаю с парой-тройкой друзей по всему земному шару. Ну а когда болтать не с кем, я кручу каналы, иногда врубаясь в полицейскую волну. С моим оборудованием можно подслушать разговор на любой частоте – мобильники всякие… вообще что угодно. Я же тебе говорил, что служил связистом в австралийской морской пехоте.

Майкл в очередной раз кивнул.

– Ну вот, и в среду после работы я наткнулся на ваш с Дэви приватный разговорчик и запомнил частоту: мне стало любопытно. И я стал слушать дальше. Посмотрел выпуск новостей, услыхал про гроб, пошевелил мозгами и подумал: зачем мне гроб, если я собираюсь надраться с лучшим другом? Может, гроб нужен, чтобы где-нибудь тебя закопать? Потом я сходил в местное отделение брайтонского комитета по перепланировке и глянул на сведения о твоей фирме. А там обнаружил твою заяву на застройку лесного участка, купленного в прошлом году. И заметь, именно там, где вы гуляли по пабам. Вот меня и разобрало: совпадение это или нет? К тому же я прикинул, что, обскакав столько пивных, твоим друзьям было, как пить дать, лень тащить тебя далеко. Значит, тебя закопали неподалеку от дороги – там, куда можно добраться на машине.

– Там ты меня и нашел? – пробормотал Майкл.

– Ты бы лежал там и до сих пор, дружок. А теперь расскажи-ка о денежках, припрятанных вами на Каймановых островах.

– О чем ты?!

– Я же говорил тебе, что слушал полицейскую волну. У тебя ведь есть денежки на Каймановых островах? Насколько я понял, больше миллиона. По-моему, вполне приемлемая награда за то, что я спас тебе жизнь. Готов поклясться, она стоит вдвое дороже.

67

Наутро, в 7.20, Грейс подъехал к Суссекс-Хаус. По синему небу ползли рваные белые облака. Один из тех полицейских, с кем Рой много лет назад патрулировал улицы, знал об облаках решительно все и умел предсказывать по ним погоду. Насколько помнил Грейс, такие облака, как сегодня, называются кучевыми. Следовательно, будет сухо. В самый раз для прочесывания леса.

В большинстве полицейских учреждений есть автоматы с горячими напитками, чтобы вовремя подзарядиться энергией. Грейс бросил монетку в щель, и пластиковый стаканчик наполнился кофе с молоком. Рой понес его к себе в кабинет. Как же он устал! Всю ночь ворочался и метался – включал свет, вставал, что-то записывал, потом гасил свет и снова включал. Операция «Сальса» не давала ему покоя. Он перебирал в уме все факты и несоответствия – по капле, мало-помалу, пока за окном не забрезжил серый рассвет и робко не запели первые птички.

Браслет. Заляпанный грязью БМВ, вернувшийся на стоянку поздно ночью. Марк Уоррен – за компьютером в воскресную полночь. Брэдли Каннингем, подозрительный канадский дядюшка Эшли Харпер. Странная реакция самой Эшли нынче в морге. Заключение экспертов о составе почвы, ожидаемое сегодня. Записи камер видеонаблюдения. Возможно, все это даст хоть какие-то результаты…

Грейс посмотрел на лоток с входящей корреспонденцией, заваленный письмами, нераспечатанными еще с прошлой недели, включил компьютер и увидел, что в разделе «Входящие» еще больше новых сообщений. Тут дверь распахнулась, и он услышал радостное:

– Доброе утро, Рой!

Элинор Ходжсон, верная помощница. Сегодня он попросил ее прийти на работу пораньше. В руке Элинор держала лист бумаги.

– Как провели выходные? – спросил он.

– Отлично, просто отлично! В субботу была на свадьбе у племянницы, а вчера нагрянула туча гостей. А вы?

– Вчера удалось выбраться за город.

– Отлично! – обрадовалась Элинор. – Вам совершенно необходимо было отдохнуть и подышать свежим воздухом. – Она пристальнее вгляделась в лицо шефа. – Знаете, и все-таки вы, по-моему, спали с лица.

– Ну-ка, посмотрим, что тут у нас. – Грейс взял у Элинор документ, заранее зная, что там: его расписание на неделю. С первого же дня совместной работы она притаскивала ему такую бумажку каждый понедельник.

Ужасно хотелось кофе, но он был еще слишком горячим, и Грейс пробежал глазами расписание. Поскольку ему поручено руководство операцией, придется вычеркнуть все несущественное.

В десять он должен быть в суде – слушания по делу Суреша Хоссейна продолжаются. Не ехать нельзя. На час дня он записался к зубному в Льюисе – можно отменить. Завтра в три – общее совещание с коллегами из Южного Уэльса: обмен данными по делу одного рецидивиста из Суонси, найденного мертвым на свалке возле Ньюхейвена с торчащим из глаза бильярдным кием. Придется перенести. В среду предстоит тащиться в Брамсхилл на полицейскую учебную базу и слушать лекцию об анализе ДНК по отпечаткам пальцев. Главное событие четверга – ежегодное общее собрание Крикетного клуба полиции Суссекса; Грейс, на свою голову, согласился стать его почетным секретарем. Пятница пока свободна, а в субботу в Шорэмской гавани – учения по борьбе с терроризмом, но он в них не участвует.

Неделя была бы пустой, если бы не процесс по делу Хоссейна, а теперь еще и операция «Сальса». Правда, Грейс по опыту знал: без сюрпризов почти никогда не обходится.

Он велел Элинор перенести все встречи, кроме посещения суда, потом быстро перелистал почту, продиктовал ответы на самые срочные запросы. Просмотрел «мыло»: поскольку время поджимало, а печатал Рой медленно, он продиктовал ответы и на них. Отделавшись от рутины, Грейс вышел в лабиринт коридоров и отправился в выделенный его группе кабинет, где уже вполне освоился.

* * *

Утренняя планерка по ходу операции «Сальса» была короткой. За ночь никаких изменений не произошло, если не считать визита в контору «Дабл-Эм пропертиз» и того, что Грейс узнал от Макса Кандиля. Однако сведения, полученные от экстрасенса, Рой предпочел держать при себе. Хоть бы к вечерней планерке появились какие-нибудь новости!

Грейс поехал в Льюис. Остановившись по пути на бензоколонке, он купил сандвич с яичницей и беконом. Входя без десяти десять в здание суда, он все еще жевал. С самого утра его не покидало предчувствие: день выдастся длинным.

Утреннее заседание – на сей раз закрытое – проходило в кабинете судьи. Тот изучал вновь представленные обвинителем документы. От нечего делать Грейс слонялся по приемной, диктуя Элинор письма по телефону. Пару раз он переговорил и с Гленном Брэнсоном. Времени в обеденный перерыв смотаться в офис и обратно не хватало, и в конце концов Рой все-таки отправился на плановый осмотр к дантисту. К счастью, зубы оказались в порядке, хотя он и получил нагоняй за то, что кое-как чистит десны. Но, по крайней мере, дырок нет – Грейс отчаянно боялся бормашины.

Вернувшись в суд в два пополудни, Рой узнал, что до конца заседания его не вызовут, и поспешил в управление. Операция «Сальса» отнимала львиную долю времени, и у Грейса скопилась целая гора непрочитанных документов. Стараясь наверстать упущенное, он просмотрел самые срочные.

День проходил спокойно, однако, войдя в шесть часов в конференц-зал, по лицам сотрудников Грейс сразу понял: наконец-то прорыв! Новость сообщила Белла Мой.

– Рой, мне только что позвонил Фил Уилер – отец убитого парня, найденного вчера.

– Выкладывайте!

– Уилер не знает, важно ли это, но, судя по всему, его сын с самого четверга общался с Майклом Харрисоном по портативной рации!

68

Марк сгорбился за столом и всматривался в монитор компьютера, пытаясь за пару часов восполнить недельный пробел: разослать письма архитектору, сметчику и строительной компании в ответ на запросы Департамента планирования по самому крупному проекту их с Майклом фирмы – застройке участка в Эшдаунском лесу.

Сзади подошла Эшли и, обняв Марка за шею, наклонилась и потерлась носом об его щеку. На него повеяло свежестью ее летнего одеколона с легким ароматом цитруса.

Глаза у Марка затуманились, и, подняв над головой руки, он погладил ее по щекам и пробормотал:

– Все будет нормально.

– Конечно. Мы не совершили ни одного промаха, верно?

– Верно.

Нагнувшись еще ниже, она поцеловала его в лоб.

Марк метнул взгляд на открытую дверь: он и днем и ночью держался настороже – вдруг кто-то войдет.

Девушка снова поцеловала его.

– Я люблю тебя!

– Я тоже тебя люблю, Эшли.

– Правда? В последние несколько дней ты что-то не слишком пылок, – упрекнула она.

– Ничего себе! Ты сама на меня все время рычала!

– Давай забудем об этом. – Она куснула его за мочку уха, расстегнула рубашку. Руки ее скользнули вниз, пальцы затеребили соски…

Марк отреагировал мгновенно: дыхание стало прерывистым, все тело напряглось. Эшли, отпрянув, обошла стол, щелкнула мышью, вышла из программы и прошептала ему на ухо:

– Трахни меня!

– Что, прямо здесь?!

– Здесь и сейчас!

Марку стало немного не по себе. Он бросил взгляд на часы:

– Уборщицы приходят в полседьмого… уже скоро…

Однако Эшли, проворно расстегнув пряжку ремня и «молнию», рывком спустила с него и брюки, и трусы.

– Тогда перепихнемся по-быстрому, идет? – Лукаво взглянув на его увеличившийся в размерах детородный орган, она заметила: – Кажется, кое-кто рад меня видеть! – и взяла его член в рот.

Марк выглянул в окно. С улицы их было прекрасно видно. Он попытался шагнуть в сторону и едва не упал, наступив на брючину. Склонившись над Эшли, он расстегнул ей блузку и, проведя руками по спине, сорвал лифчик.

Потом оба упали на пол. Марк, в одних туфлях и носках, глубоко вошел в нее; пыльный, синтетический запах коврового покрытия возбуждающе смешивался с ароматами Эшли.

И тут раздался резкий звонок домофона.

– Проклятье! – испуганно выругался Марк. – Кого еще черт несет?

Эшли крепче прижала любовника к себе, впившись ногтями ему в спину.

– Не обращай внимания! – задыхаясь, прошептала она.

– А если там Майкл – проверяет, где мы и чем занимаемся?

– Тряпка! – Она разжала объятия.

Пропустив оскорбление мимо ушей, Марк встал, осторожно выскользнул из комнаты, подошел к стойке, за которой обычно сидела Эшли, и глянул в маленький черно-белый глазок видеокамеры. На тротуаре у входной двери стоял человек в мотоциклетном шлеме. В руках он держал пакет. Марк нажал кнопку интеркома.

– Да?

– Посылка для мистера Уоррена. «Дабл-Эм пропертиз».

– Бросьте в почтовый ящик!

– Мне нужна расписка.

Марк снова выругался.

– Сейчас спущусь!

Он натянул одежду, кое-как заправил рубаху в брюки и послал Эшли воздушный поцелуй.

– Я мигом!

– Не трудись! – мрачно ответила она. – Без тебя как-нибудь справлюсь.

Сбежав по лестнице, Марк открыл дверь и взял адресованный ему небольшой пакет. Никаких сведений об отправителе там не было. От могучего на вид курьера в кожаной куртке с надписью «Служба быстрой доставки» тоже ничего узнать не удалось. Марк поставил подпись, потом, получив квитанцию, запер дверь и поднялся наверх.

На бланке стояло имя отправителя: «Джей-Кей. Подряды». Марк понятия не имел, что в пакете. Сюда присылали столько строительной документации, что он буквально тонул в бумажном море. Наверное, какие-то чертежи от сметчика… Странно, правда, что прислали с курьером, а не обычной почтой. Ладно, вскрыть пакет можно и чуть позднее. Сейчас на уме у Марка только одно – обнаженная Эшли на полу в его кабинете. О, как он ее хочет! До безумия, головокружительно, неистово!

Но, неожиданно для себя, всего через несколько секунд после того, как Марк вновь лег на нее, он кончил.

– Извини, – пробормотал он, приподнимаясь на локтях. – Я…

– Тебя, оказывается, заводят байкеры? – ядовито поинтересовалась Эшли.

– Да перестань ты!

– Многие мужчины, сами того не осознавая, – скрытые гомосексуалисты. Затянутые в кожу байкеры смотрятся так эротично!

– Ты что?

– А ты как думаешь?! Я уже кончала, а ты бросил меня здесь голую, рванул вниз, увидел парня в коже и спустил курок, едва успев прикоснуться!

Марк перекатился на бок и сел рядом с ней на полу: казалось, его окутало черное облако.

– Извини, – повторил он. – Просто голова сейчас забита бог знает каким дерьмом.

– А у меня не забита?!

– Наверное, ты лучше справляешься.

– Марк, не знаю, с чем ты способен сладить, а с чем – нет. Я думала, ты – крутой, а Майкл – слабак.

Он закрыл лицо руками.

– Эшли, мы сейчас оба на взводе… Не надо.

– Тебе-то с чего быть на взводе? Ты только что испытал мощный оргазм!

– Ладно, ладно, ладно! Я уже извинился. Хочешь, я тебе помогу? Ну, знаешь… простимулирую рукой.

Она рывком вскочила, подобрав одежду:

– Даже и не думай. Мне больше не хочется.

Оба одевались молча. Первой молчание нарушила Эшли, ловко орудуя тюбиком помады:

– Знаешь поговорку, Марк? Хороший секс – один процент взаимоотношений, плохой – девяносто девять.

– У нас с тобой всегда все отлично получалось.

Она посмотрелась в ручное зеркальце, проверяя, как наложена помада, – точно собиралась на свидание.

– Да, мне тоже так казалось.

Марк подошел к ней и положил руку на плечо.

– Эшли, милая, перестань дуться! Я попросил прощения и, потом, весь издерган. Нам надо бы куда-нибудь уехать на несколько дней.

– Ну да – отлично будет выглядеть.

– Я имею в виду – когда все кончится.

Она бросила на него недобрый взгляд:

– А когда же именно это произойдет?

– Не знаю.

Эшли сунула зеркальце в сумочку.

– Марк, дорогой, пока Майкл жив, ничего не кончится, и мы оба это знаем: как-никак сами сожгли за собой мосты в четверг ночью, когда ты вытащил дыхательную трубку. – Она наспех клюнула его в щеку. – Утром увидимся.

– Ты уходишь?

– Да, ухожу. Как всегда, в конце дня. А что? Мне казалось, мы с тобой продолжаем делать вид… Или я не права?

– Да, но я… я думал…

Эшли смерила его выразительным взглядом:

– Ради бога, возьми себя в руки! Понимаешь?

Марк пробыл на работе еще час, разбирая электронную почту. Наконец, услышав гудение пылесоса, он решил на сегодня закруглиться, а оставшиеся документы прихватить домой.

Выходя, он взял доставленный курьером пакет и вскрыл обертку. Внутри лежал какой-то мелкий предмет, туго обернутый целлофаном и перетянутый скотчем.

Марк нахмурился. Что там? Новая сим-карта для мобильника? Деталь компьютера?

Взяв со стола ножницы, он разрезал клейкую ленту с одного конца и…

Вначале он решил, что кто-то глупо пошутил – прислал пластмассовый палец из магазинчика дешевых розыгрышей. Но потом увидел кровь…

– Нет, – простонал он, чувствуя, как внезапно закружилась голова. – Нет. Нет!!!

Из целлофана выпал отрезанный кончик пальца и бесшумно покатился по ковру.

Марк в ужасе отшатнулся и только тут заметил помимо «посылки» еще и конверт.

69

У самой окраины Льюиса Грейс свернул с шоссе на проселочную дорогу. Миновав магазинчик «Свежие продукты с фермы» и телефонную будку, он увидел впереди слева высокую сетчатую ограду, обнесенную поверху колючей проволокой. Местами проволока провисла. Широко распахнутые двойные ворота, видимо, не закрывались уже лет десять. К первым была прикручена вывеска с облупившимися, выцветшими буквами: «Авторемонтная мастерская Уилера». Рядом висела табличка «Осторожно, злые собаки!».

Перед Грейсом было типичное нищее подворье – он перевидал таких уйму. Хижина являла собой не просто обиталище хиллбилли,[9] но невообразимую развалюху, окруженную настоящей свалкой металлолома.

Посреди двора стоял большой синий грузовик-тягач. Вокруг него валялись полу- и совсем рассыпавшиеся остовы машин – искореженных, проржавевших до основания, но одна машинка, маленькая «тойота», выглядела так, будто ее оставили в опасном районе и воришки растащили все, что только можно было украсть.

Здесь же Грейс увидел груду распиленных и цельных бревен, деревянные козлы, ржавеющую ленточную пилу. К деревянному каркасному домику, выглядевшему так, словно вот-вот развалится, притулился трухлявый вагончик с еще заметной надписью мелом: «Распродажа елок».

Въехав в ворота и выключив мотор, Грейс услышал яростный низкий собачий лай. Сторожевой пес нарушал тишину теплого вечера. Рой благоразумно остался в машине, дожидаясь появления собаки. Но вместо этого дверь домика распахнулась, и оттуда вышел крепкий коренастый мужчина лет пятидесяти, с редеющими сальными волосами. Его обтянутое майкой внушительное «пивное» брюхо нависало над буровато-коричневыми рабочими штанами подобно шапке снега, готовой сорваться наземь.

– Мистер Уилер? – спросил Грейс.

Собака залаяла еще громче и злее.

– Да. – Лицо у мужчины было добрым, в больших глазах затаилась грусть. В крупные кисти рук намертво въелась грязь. Пахло от Уилера дегтем и машинным маслом.

Грейс достал свое удостоверение и подержал у него перед глазами.

– Детектив-суперинтендент Грейс, полиция Суссекса. Глубоко сожалею о гибели вашего сына.

Мужчина не двигался с места. Вдруг Грейс заметил, как он задрожал, руки сжались в кулаки, а в уголках глаз проступили слезинки.

– Не желаете зайти? – срывающимся голосом спросил Фил Уилер.

– Буду признателен, если вы уделите мне несколько минут.

Внутри домик был примерно таким же, как и снаружи: застарелая табачная вонь выдавала в хозяине злостного курильщика. Грейс следом за Уилером прошел в грязную гостиную, обстановку которой составляли только диван, два кресла да большой старый телевизор. На полу и на диване валялось множество журналов: в основном автомобильных и для любителей музыки в стиле кантри, а также конверты от старых виниловых пластинок. На буфете, среди фарфоровых безделушек, стояла фотография светловолосой женщины,

обхватившей плечи маленького мальчика на самокате. Стены были голыми. Часы на каминной полке, вделанные в живот треснувшей фарфоровой лошади, показывали десять минут восьмого. К удивлению Грейса, они шли более-менее точно.

Сметя с кресла несколько пластинок, Фил Уилер, как бы извиняясь, проговорил:

– Дэви их обожал… без конца слушал, собирал…

Не договорив, он вышел из комнаты.

– Чаю хотите?

– Нет, спасибо, – отозвался Грейс, представив, что творится на кухне.

Обычно руководители следственной бригады посылали на такого рода беседы кого-то из подчиненных, но Грейс всегда строго придерживался правила: на месте надо побывать самому. Опрос родственников он считал самой интересной и многообещающей частью расследования, хотя иногда подобные беседы давались тяжело – вот как сейчас.

Через пару минут Фил Уилер вернулся, неуклюже ступая, смел с дивана груду журналов и несколько пластинок. Потом плюхнулся на сиденье и выудил из кармана жестянку с табаком. Подцепив крышку ногтем, Уилер открыл банку, достал пачку папиросной бумаги и одной рукой свернул самокрутку. Грейс невольно залюбовался его движениями: он всегда недоумевал, как можно крутить сигареты одной рукой.

– Мистер Уилер, насколько я понял, сын говорил вам, что общался по рации с пропавшим без вести Майклом Харрисоном.

Фил Уилер провел языком по краю листка и заклеил сигарету.

– Не знаю, кому понадобилось обижать моего мальчика. Он был самым добрым человеком из всех, кого я знаю. – Так и не прикурив, он неопределенно помахал рукой в воздухе. – Бедняга, у него… знаете… с головой было не в порядке… энцефалит. Дэви туго соображал, его все любили.

Грейс сочувственно улыбнулся:

– Да, у него было много друзей в дорожной полиции.

– Он был славным парнишкой.

– Я так и понял.

– А для меня – вообще всем.

Грейс молчал. Уилер прикурил от спички из коробка и Рой с наслаждением вдохнул сладковатый дым. Предстоящий разговор, однако, совсем его не радовал. По мнению детектива, беседа с людьми, только что потерявшими кого-то из близких, была самой трудной частью работы полицейского.

– Вы не могли бы рассказать, о чем ваш сын говорил по рации?

Уилер глубоко затянулся и, выпуская клубы дыма изо рта и носа, негромко начал:

– В пятницу или субботу… не помню… я здорово разозлился на парня. Мне было невдомек, что он подобрал эту штуку. Потом Дэви признался, что нашел ее возле того места, где во вторник была авария.

Грейс кивнул.

– Он все время твердил о своем новом друге. Честно говоря, я особо и внимания-то не обратил. Дэви почти все время жил… как бы это сказать… в своем собственном мирке – то и дело что-то бормотал, придумывал… – Уилер положил сигарету в консервную банку, служившую пепельницей, вытер глаза мятым платком и шмыгнул носом. – Болтал без умолку. Иногда мне приходилось отключаться, иначе я бы просто спятил.

– Можете вспомнить, что он говорил о Майкле Харрисоне?

– Дэви был сильно взбудоражен… вроде бы в пятницу… все твердил, что станет героем. Понимаете, он обожал смотреть по телику американские полицейские сериалы… хотел

прославиться. Говорил, мол, знает, где кое-кто спрятан, и что только он один на свете знает, где именно. И стало быть, это его шанс стать героем. Но я особо и внимания не обратил; у меня был трудный день – две аварии, надо было забрать машины… вот я и не брал в голову, о чем парень толкует.

– Рация у вас?

Уилер покачал головой:

– Должно быть, Дэви взял ее с собой.

– Он водил машину?

Уилер снова мотнул головой:

– Нет. Иногда, на тихой дороге, я давал ему порулить. А сам придерживал, понимаете? Нет, конечно, водить он не водил – не умел, да и не мог. У Дэви был горный велосипед, и все.

– Его нашли милях в шести отсюда. Как вы думаете, мог он поехать искать Майкла Харрисона, чтобы стать героем?

– Утром в субботу мне надо было забрать машину. Дэви не хотел ехать со мной – сказал, у него важное дело.

– Важное дело?

Филип Уилер грустно пожал плечами:

– Малому нравилось думать, будто он тоже что-то значит.

Грейс улыбнулся, а про себя подумал: «Все мы такие».

– А слушая Дэви, вам не удалось понять, где упрятан Майкл Харрисон? – спросил он.

– Нет, мне и в голову не пришло, что дело как-то связано с пропавшим парнем, – вот я и не обратил внимания на слова сына.

– Мистер Уилер, можно мне осмотреть комнату Дэви?

Фил Уилер ткнул пальцем за спину Грейса:

– Он жил в вагончике. Парню там нравилось. Можете посмотреть… но я, если вы не против, не пойду… – Он снова достал носовой платок.

– Да, понимаю.

– Там не заперто.

Грейс пересек двор и подошел к вагончику. Собака, которой он так и не увидел, но, судя по всему, привязанная где-то за домом, вновь залилась злобным лаем. Рядом с дверью на стене вагончика красовалась надпись, очевидно долженствующая отпугнуть незваных гостей: «Хозяева вооружены».

Рой дернул ручку, потянул на себя дверь и переступил невысокий порожек. Пол покрывали обмахрившиеся по краям плитки линолеума. Почти все пространство вокруг было завалено грязными носками, трусами, футболками, конфетными фантиками… Посередине валялась открытая пластиковая коробка из «Макдоналдса» с заляпанной потеками застывшего кетчупа крышкой. Рядом – вперемешку – автоинструменты, колпаки, старая табличка с американскими номерными знаками и несколько бейсболок. Иными словами, у Дэви царил еще больший бардак, чем в доме его отца, и вдобавок воняло грязными ногами, как в школьной раздевалке.

Из мебели в вагончике помещались только кровать и старый телевизор с нечетким изображением: он мигал, цвет то и дело сбивался. По экрану шли титры «Закона и порядка». Грейс не жаловал английские криминальные сериалы, неизменно вызывавшие у него раздражение. Полицейские на каждом шагу нарушали закон, офицеров, ведущих расследование, выставляли полными кретинами. Американские сериалы про копов выглядели

чуть живее и достовернее. Впрочем, возможно, Рой был просто недостаточно знаком с методами работы полиции США.

Оглядевшись, он увидел, что все стены облеплены выдранными из журналов рекламными плакатами. Все они нахваливали американский образ жизни – машины, пистолеты, еду, напитки, путешествия…

Обойдя коробку из-под гамбургера, Грейс увидел древний компьютер «Делл» с торчащей оттуда дискетой.

Рядом с компьютером на верстаке, заменявшем хозяину письменный стол, он обнаружил коробку из-под шоколадных батончиков «твинкиз», пластмассовую фигурку Барта Симпсона и большой клок линованной бумаги, где по-детски коряво было что-то нацарапано шариковой ручкой.

Грейс, внимательно вглядевшись в кривые строчки, понял, что перед ним – грубо набросанная схема. Рядом с двумя рядами параллельных линий оказалось несколько слов:

«А-26. Севир от Кроборо. Двайная аграда. 2 мили. Белый катедж».

Так это же карта!

Под рисунком шли цифры: 007152136. Похоже, номер мобильника. Грейс набрал его на своем телефоне, но никто не ответил.

Он провел в вагончике еще минут двадцать – рылся в вещах, пересмотрел все шкафчики, но больше ничего интересного не нашел. Вернувшись в домик, он показал запись Филу Уилеру.

– Дэви вам что-нибудь говорил о рисунке?

Уилер покачал головой:

– Нет.

– А эти указания вам что-нибудь говорят?

– Двойная изгородь, две мили, белый коттедж? Нет, ничего не понимаю.

– А номер? Вы его не знаете?

Уилер посмотрел на цифры и прочитал их вслух.

– Нет. Ни в жисть такого не видал.

Грейс решил, что на сегодня узнал достаточно. Он встал и, поблагодарив хозяина дома, повторил, что сочувствует его горю.

– Вы уж обязательно поймайте того подонка, кто это сотворил, суперинтендент. Поймайте его… ради меня… и Дэви…

Грейс обещал сделать все возможное.

70

Пот так и лил с Марка Уоррена. С размаху вставив ключ в замок своей квартиры, он вздрогнул. На секунду все внутри оледенело от ужаса: показалось, что ключ заело. Опасливо толкнув дверь, Марк перешагнул через порог и заперся на замок и на цепочку.

Не обращая внимания на груду корреспонденции, он поставил на пол кейс, сорвал с себя галстук, рубашку и швырнул их на диван. Налил на добрых четыре пальца виски «Балвени», бросил в стакан несколько кубиков льда из морозилки и сделал большой глоток.

Наконец Марк достал из кожаного чехла ноутбука чудовищное послание, стараясь держать пакет за кончик и не смея на него взглянуть. Положив пакет на черный лакированный стол в дальнем конце комнаты, он вытащил записку, уже бегло просмотренную им на работе, подошел к кофейному столику, вновь отхлебнул из стакана изрядную порцию и сел.

Записка была короткой, набранной на компьютере и распечатанной на бумаге формата А-4:

«Отнеси это в полицию, и узнаешь, что палец принадлежит твоему другу и компаньону. Каждые 24 часа я буду отрезать от него по кусочку – до тех пор, пока ты не выполнишь то, что я велю».

Подписи не было.

Марк допил виски, снова плеснул на тот же лед и перечитал послание. Потом еще раз. Услышав на улице вой сирены, он испуганно вздрогнул. Потом раздался звонок домофона, и его буквально затрясло от страха. Марк подошел к монитору видеокамеры, надеясь увидеть у двери подъезда Эшли. Он, как безумный, названивал ей с работы, но телефон был отключен… и тогда, и всего несколько минут назад – он набирал номер уже в кабине лифта.

Но у подъезда стояла не Эшли. Марк увидел того, чье лицо в последнее время преследовало его в страшных снах, – детектива-суперинтендента полиции Грейса.

Может, притвориться, что его, Марка, нет дома? Пусть уходит. А вдруг у ищейки есть новости?

Марк снял трубку домофона и пригласил Грейса войти. Потом нажал кнопку, открывая электронный замок.

Ему показалось, прошло всего несколько секунд, а полицейский уже звонил в дверь квартиры. У Марка едва хватило времени сунуть в шкаф пакет и записку.

– Добрый вечер! – Марк понял, что его слегка развезло от виски и голос звучит нетвердо. Пожимая Грейсу руку, он старательно держался подальше, чтобы легавый не учуял запах спиртного.

– Вы заняты? Не против, если я ненадолго зайду?

– Для вас я всегда свободен; готов помогать двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Что нового? Выпить хотите?

– Если можно, стакан воды, – попросил Грейс, чувствуя, что у него пересохло в горле.

Они сели друг напротив друга на мягкие кожаные диваны. Некоторое время Рой молча наблюдал за хозяином квартиры. Похоже, у парня здорово шалят нервы, да и в голове – полный раздрай. А вдобавок – за милю разит спиртным. Пристально глядя Уоррену в глаза, Грейс задал сакраментальный вопрос:

– Что вы сегодня ели на обед?

Зрачки Марка тут же метнулись влево, затем вернулись к центру.

– Купил в кафетерии на углу сандвич с индейкой и клюквой. А что?

– Хорошее питание – основа благосостояния, – назидательно проговорил детектив. – Особенно при стрессах. – Он ободряюще улыбнулся и отпил воды из стильного высокого бокала. – Знаете, Марк, меня мучает одна загадка. Вы мне не поможете?

– Конечно! Сделаю все, что могу.

– Ночью в прошлый четверг две камеры видеонаблюдения засекли БМВ-Х5, зарегистрированный на ваше имя. Машина ехала из Брайтона в направлении Льюиса… – Грейс достал из кармана органайзер. – В 12.29 ночи, а потом – в 12.40. – Рой решил пока не говорить Уоррену о результатах сравнительного анализа почвы, оглашенных на утренней планерке. Он только подался вперед, как готовый к прыжку лев. – Не в Эшдаунский ли лес вы прокатились тогда ночью?

Детектив неотступно вглядывался в зрачки. Когда тот отвечал на вопрос об обеде, они смещались влево, а сейчас глаза Уоррена заметались – вправо, влево, снова вправо… Определенно вправо! Что-то сочиняет. Думает, как бы половчее выкрутиться.

– Возможно, – ответил Марк.

– Вот как?! Согласитесь, такая поездка… несколько необычна. Прошу вас, вспомните более подробно.

– Для меня подобные прогулки вполне естественны. – Марк вновь схватил стакан. Поведение его вдруг резко изменилось. Теперь настал черед Грейса испытывать неловкость. Хотелось бы знать, что у этого типа на уме! Марк откинулся на мягкую спинку, позвякивая кубиками льда в стакане. – Видите ли, именно там мы затеваем новое крупное строительство. Месяца два назад получили разрешение на застройку лесного участка, а сейчас прорабатываем детали. Дело в том, что нам активно противодействует охрана окружающей среды. Поэтому я частенько езжу в лес днем и ночью – надо же проверить, не повредит ли строительство деревьям и лесным зверям. А на основе полученных данных готовлю подробный доклад в поддержку нашего проекта.

У Грейса упало сердце: казалось, из-под ног очень быстро и умело выдернули ковер. Он истратил львиную долю выделенной начальством тысячи фунтов на сравнительные анализы, а теперь остался в дураках. Почему Рой ничего не знал? Почему не знал Гленн или еще кто-то из их команды?

Детектив лихорадочно соображал, пытаясь успокоиться и ухватить за хвост хоть одну дельную мысль. Марк Уоррен, несмотря ни на что, выглядит паршиво – и, судя по всему, вовсе не от волнения за судьбу компаньона. На свадьбе он вел себя агрессивно, и его поведение определенно на что-то указывает, но вот на что?

Грейс уже не в первый раз заметил: зрачки Марка Уоррена метнулись куда-то в дальний угол комнаты, как будто там кто-то стоял. Грейс нарочно уронил на ковер крышку органайзера и, наклонившись, бросил взгляд в том направлении, куда все время посматривал Марк, но ничего интересного не увидел. Навороченный домашний кинотеатр, несколько интересных произведений современной живописи и закрытые шкафчики.

– Я читал о молодом человеке, найденном мертвым… сегодня о нем писали в газете. Печальная история, – обронил Марк.

– Возможно, его убили на вашем участке, – аккуратно пробуя почву, заметил Грейс.

– Ну, я-то не знаю, где этот парень погиб.

Вновь глядя ему в глаза и старательно вспоминая, что было нацарапано на клочке бумаги в комнате Дэви, Грейс объяснил:

– Надо выехать из Кроуборо по шоссе А-26, а миновав белый коттедж, пересечь двойную загородку. Ваш участок там?

Марк мог ничего не отвечать. Грейс понял все, что ему было нужно, по тому, как у его собеседника забегали глаза, как он наморщил лоб, весь сгорбился и переменился в лице…

– Да… возможно… да!

Понемногу для Грейса все начало проясняться.

– Если ваша компания собиралась закопать приятеля заживо в гробу, разумнее всего было бы сделать это на вашей земле, не так ли? В каком-то прекрасно известном вам месте.

– Может быть…

– Вы все еще утверждаете, будто понятия не имели о планах похоронить Майкла Харрисона в гробу?

Глаза Марка за секунду обежали полный круг.

– Нет. Я совершенно ничего не знаю.

– Хорошо. Благодарю вас. – Грейс на секунду глянул в органайзер. – Марк, тут у меня номер телефона – вы, случайно, не знаете, чей он?

– Какой номер?

Грейс прочитал вслух цифры, написанные на бумажке Дэви.

– Ноль ноль семь сто пятьдесят два сто тридцать шесть, – повторил Марк. Зрачки его метнулись влево. Режим памяти. – Похоже на мобильный телефон Эшли, только не хватает пары цифр. А почему вы спросили?

Грейс допил воду и встал.

– Этот телефон нашли в доме Дэви Уилера – так звали убитого молодого человека. И представьте себе, номер был на одном листке с теми указаниями дороги, что я вам назвал.

– Что?!

Подойдя к окну, Грейс отдернул раздвижную дверь и ступил на тиковый пол просторной лоджии. Облокотившись о металлические перила, он посмотрел вниз. Там, на улице, кипела жизнь. Четыре этажа – совсем невысоко, но для Грейса – многовато: у него на любой высоте сразу начинала кружиться голова.

– Откуда у паренька номер телефона Эшли и указания, как проехать на наш участок? – спросил Марк.

– Мне бы тоже очень хотелось это знать.

Глаза хозяина дома снова метнулись в противоположный угол комнаты. Интересно, подумал Грейс, может, у него что-то спрятано в шкафу? Но что?

Роя терзали настолько скверные подозрения насчет его собеседника и Эшли Харпер, что захотелось немедленно добыть ордер на обыск и разнести в клочья их квартиры, а заодно и офис. Но получить ордер нелегко. Прежде чем его подписать, судьи требуют представить достаточно веские обоснования, и ни одного из них не убедишь без улик. Браслета, подсунутого Эшли, может оказаться недостаточно. Короче, пока все, что он мог предъявить против Марка Уоррена и Эшли Харпер, – чистой воды домыслы. Доказательств пока просто нет.

– Марк, ваш участок легко найти? Я имею в виду – по этим указаниям: белый коттедж, ограды и так далее?

– Важно не пропустить поворот – он не отмечен знаком, разве что там пара стоек. Мы не хотели привлекать внимание к своему участку.

– Сдается мне, вашего компаньона надо искать именно там, и чем скорее, тем лучше. Как по-вашему?

– Совершенно с вами согласен.

– Я свяжусь с полицией Кроуборо. Они уже прочесывают весь лес, но, по-моему, вам обязательно нужно поехать туда – по крайней мере, вы покажете, где искать. Вы не против, если я через полчаса пришлю за вами машину?

– Нет, конечно. Спасибо. И… как вы думаете, долго мне придется там пробыть?

Грейс нахмурился:

– Что ж… вам всего лишь нужно показать съезд с шоссе… поворот… и отвезти нас к границе своих владений. Наверное, на все про все уйдет не больше часа, если вы… не захотите поучаствовать в поисках.

– Конечно… то есть… сделаю, что смогу.

71

Едва закрыв за Грейсом дверь, Марк бросился в туалет и склонился над унитазом. Его вырвало. И почти сразу же – еще раз.

Марк выпрямился, спустил воду, прополоскал рот холодной водой. Одежда промокла от пота, волосы слиплись. Из-за шума льющейся воды он чуть не пропустил телефонный звонок.

Трубку удалось схватить на последнем зуммере, перед тем, как включился автоответчик.

– Алло!

– Марк Уоррен? – с сильным австралийским акцентом осведомился незнакомый мужской голос.

И что-то в нем сразу насторожило Марка.

– Моего номера нет в телефонном справочнике. С кем я говорю?

– Меня зовут Вик… Я тут с твоим другом, Майклом, он и дал мне номерок. Вообще-то Майкл хотел перекинуться с тобой словцом… Ну что, разговаривать будешь?

– Да. – Марк, то и дело вздрагивая, плотно прижал трубку к уху и услышал Майкла…

Голос определенно принадлежал его компаньону, но Марк никогда не слышал, чтобы тот так кричал. Крик боли, казалось, рождался в самой глубине души, а потом вырывался, как поезд из туннеля, и заканчивался крещендо, исполненным высшей, нестерпимой муки.

Марку пришлось отодвинуть трубку подальше. Крик затих, а потом Майкл, жалобно заскулив, вновь издал отчаянный вопль боли:

– Нет, прошу, не надо! Нет, нет, не-е-ет!!!

И тут опять раздался голос Вика:

– Наверное, думаешь, чего я там вытворяю с твоим дружком, а, Марк? Не волнуйся, ты все узнаешь, когда завтра принесут почту.

– Чего вы хотите? – выдавил Марк, изо всех сил напрягая слух, но больше не уловил ни звука, свидетельствующего, что Майкл еще жив.

– Мне нужно, чтобы ты перевел небольшую сумму со счета на Каймановых островах в другой банк. Куда именно, я скоро сообщу.

– Это невыполнимо, даже если бы я и захотел. Для любой операции необходимы две подписи – моя и Майкла.

– В вашем сейфе лежат подписанные вами обоими документы и доверенность на имя одного юриста на Каймановых островах. Вы положили эти документы туда в прошлом году, когда уходили в плавание на неделю, – тогда вы надеялись заключить сделку на Гренадинах, но она сорвалась. Вы забыли уничтожить документы. Что, по-моему, только к лучшему.

Откуда этот сукин сын все знает? – удивился про себя Марк.

– Пожалуйста, передайте трубку Майклу. Только не надо заставлять его снова кричать. Если можно, мне хотелось бы просто поговорить с ним.

– Ты и так слышал достаточно на сегодня. Предлагаю тебе хорошенько надо всем подумать, Марк. Созвонимся попозже – приятно поболтаем. Да, кстати – ни слова полиции, иначе я рассержусь не на шутку.

На этом разговор оборвался.

Марк тут же нажал кнопку определителя номера. И ничуть не удивился, услышав механический голос: «Извините номер звонившего не определен».

Он снова набрал номер Эшли. К его облегчению, она сняла трубку.

– Слава богу! – выпалил Марк. – Где ты была?

– Что ты имеешь в виду? Что значит – где я была?

– Я все время пытаюсь тебе дозвониться.

– Ну, допустим, ходила на массаж. Хоть у одного из нас должна быть ясная голова, верно? Потом заскочила к матери Майкла, а сейчас еду домой.

– Ты можешь заехать ко мне – сейчас же, немедленно?

– У тебя какой-то странный голос… Ты что, пьян?

– Кое-что случилось… Мне очень нужно с тобой поговорить.

– Отложим до утра.

– Дело не ждет.

Видимо поняв по тону Марка, что он не шутит, Эшли нехотя проворчала:

– Ладно. Не знаю, разумно ли ехать к тебе… лучше встретиться где-нибудь на нейтральной почве – скажем, в баре или ресторане.

– Отлично! Там нас могут подслушать!

– А мы поговорим тихо, хорошо? Я не хочу, чтобы кто-нибудь засек, как я вхожу в твою квартиру.

– Господи, у тебя паранойя!

– У меня?! Уж чья бы корова мычала о паранойе! В каком ресторане встречаемся?

Марк задумался. Через полчаса за ним заедет патрульная машина. Добираться до места около получаса. Минут десять он проведет там, потом полчаса кладем на обратную дорогу. Сейчас понедельник, восемь вечера – в ресторанах народу немного. Он предложил встретиться в десять в итальянском ресторане у Королевского театра. Сегодня большой зал почти наверняка будет пустовать.

* * *

К удивлению Марка, зал ресторана оказался переполненным – он совсем забыл, что после Брайтонского фестиваля[10] город все еще продолжает веселиться, а все бары и рестораны вечерами набиты битком. Наверху тоже почти все было занято, и ему дали узкий столик рядом с шумной компанией из дюжины человек. Эшли еще не приехала. Зал был оформлен в типично итальянском стиле: белые стены, свечи, вставленные в горлышки бутылок из-под кьянти. Вокруг сновали энергичные горластые официанты.

Поездка в Кроуборо и обратно обошлась без происшествий: два молодых детектива в неброской машине без опознавательных знаков почти всю дорогу обсуждали достоинства и недостатки футболистов, а на обратном пути болтали о крикете. К Марку не проявили ни малейшего интереса – более того, намекнули, что их дежурство закончилось час назад и давно пора домой. Марк воспринял эти слова, как хороший знак.

Он показал нужный поворот к двойной изгороди и дождался, пока его спутники не свяжутся по рации с поисковой бригадой. Вскоре к ним подъехало несколько микроавтобусов, возглавляемых полицейским «ренджровером».

Марк вышел из машины, объяснил, как добраться до участка, но желания присоединиться к поисковикам не выразил. Он не хотел оказаться там, когда они найдут могилу, – а они непременно ее найдут.

Ужасно хотелось выпить, но Марк колебался. Для начала он заказал бутылку пива «Перони». Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, он углубился в изучение меню. Тут, наконец, появилась Эшли.

– Все пьешь? – бросила она, вместо приветствия, и без всяких поцелуев уселась напротив, окинув неодобрительным взглядом шумных «соседей» – те громко хохотали над какой-то шуткой. Потом Эшли поставила на стол очень дорогую ярко-розовую сумочку от Прады.

Марку девушка показалась еще красивее обычного – модная жатая кремовая блузка со стоячим воротничком выгодно подчеркивала грудь. Волосы Эшли уложила в высокую прическу. Она выглядела свежей и расслабившейся, а еще от нее пахло потрясающими духами. Аромат был знакомым, однако Марк не помнил, как они называются.

– Выглядишь потрясающе! – с улыбкой объявил он.

Эшли окинула зал нетерпеливым взглядом, как видно, ища официанта.

– Спасибо, – процедила она, – а вот у тебя видок – просто дерьмовый.

– Сейчас поймешь почему.

Девушка, точно не слышав ни слова, вскинула руку, а когда официант, наконец, подбежал к их столику, потребовала «сан-пеллегрино».

– Вина хочешь? – спросил Марк. – Я, пожалуй, выпью.

– Заодно закажи и воды – в последнее время ты многовато пьешь. Тебе нужно остановиться, взять себя в руки? Идет?

– Идет. Возможно…

Эшли пожала плечами:

– Ладно, делай как знаешь.

Марк через стол протянул руку, но она отдернула свою и гордо выпрямилась, скрестив на коленях пальцы.

– Пока не забыла. Завтра похороны Пита. В два часа, отпевание в «Добром пастыре», Дайк-роуд. Похороны Люка в среду, пока неизвестно во сколько, а о Джоше и Роббо я еще не знаю. Так какую там новость ты собирался мне выложить?

Принесли минеральную воду, и они сделали заказ. Подождав, пока уйдет официант, Марк рассказал об отрезанном пальце.

Эшли покачала головой.

– Марк, – тихо заметила она, – это невероятно! Невозможно!

Палец в оберточной бумаге Марк оставил дома, в холодильнике, но записку принес с собой и дал ей прочитать.

Эшли несколько раз, шевеля губами, внимательно изучила послание с таким видом, будто не могла поверить увиденному. Вдруг в глазах девушки полыхнул гнев, и она смерила Марка негодующим взглядом:

– Ты, часом, меня не разыгрываешь?

Тут уж он был потрясен до глубины души и не сразу нашелся с ответом.

– Что?! Ты думаешь, я где-то спрятал Майкла и отрезал ему палец?! Да, я его недолюбливаю, но чтобы сотворить такое…

– Выходит, ты спокойно оставил его задыхаться в гробу, но ни за что не сделал бы ничего настолько ужасного, как отрезать палец? Перестань, Марк, за кого ты меня принимаешь? – Эшли едва не кричала.

Марк с тревогой огляделся по сторонам. Но никто не обращал на них внимания.

Уоррен не понимал, за что девушка вдруг на него напустилась.

– Эшли, перестань, ты ведь меня знаешь! Господи боже, что с тобой? Мы ведь заодно – разве мы не договорились? Мы любим друг друга, мы вместе, да?

Оттаяв, она тоже поглядела туда-сюда, потом нагнулась, взяла его за руку и, поднеся к губам, нежно поцеловала.

– Милый, – выдохнула Эшли, понизив голос, – я так тебя люблю… но это, видимо, просто шок…

– Вот и у меня – тоже.

– Нам обоим нелегко… И мы стараемся справиться со стрессом. Каждый – по-своему.

Кивнув, Марк тоже поднес ее руку к губам и поцеловал еще нежнее.

– Нам нужно что-то придумать насчет Майкла.

Эшли покачала головой:

– Все прекрасно, разве ты не понимаешь? Нам и делать ничего не нужно! Тот человек… Вик… пусть думает, будто тебя волнует судьба компаньона. – Она улыбнулась. – Невероятная удача!

– Я еще не все тебе рассказал. – Допив пиво, Марк вновь огляделся – может, официант несет вино? Потом он пересказал Эшли свой разговор с Виком, описав и доносившиеся издали крики явно подвергнутого пыткам Майкла.

Девушка слушала, не перебивая.

– Боже, бедный Майкл… он… – Она прикусила губу, и по щеке скатилась слеза. – То есть… Ах, черт! Ах, черт! – Она ненадолго закрыла глаза, потом в упор поглядела на собеседника. – Как… ради всего святого… как тот тип сумел разыскать Майкла?

Марк решил пока умолчать о внезапном появлении Грейса, полагая, что Эшли и без того изрядно расстроена.

– Единственное, что приходит мне в голову, – он наткнулся на могилу случайно, потому что она была недостаточно хорошо замаскирована. Черт возьми, ребята собирались зарыть его максимум на пару часов! Я слегка прикрыл насыпь всяким хламом, но, видать, не очень хорошо… какой-нибудь бродяга вполне мог ее заметить.

– Бродяга – еще бы ладно. Но этот тип – нечто совсем другое, – деревянным голосом возразила она.

– Возможно, он просто воспользовался удобным случаем. Наткнулся на Майкла, посмотрел телик, понял, что перед ним тот самый богатенький парень, которого все ищут, и сообразил, что может обеспечить себе безбедную старость. Он перевозит его в другое место и посылает нам записку наугад, а также доказательство того, что у него именно Майкл.

– Как… мы… откуда… то есть… откуда мы знаем, что это палец именно Майкла? – срывающимся голосом спросила Эшли.

– Недели три назад, в субботу, мы с Майклом ездили в док – надо было кое-что подремонтировать на яхте, помнишь?

– Смутно.

– Так вот, Майклу прищемило дверью указательный палец. Он скакал, ругался, совал палец под холодную воду. А через несколько дней показал черную отметину на ногте. – Марк помолчал. – На том пальце, что мне прислали, была черная отметина. Понимаешь?

Эшли принесли блюдо с авокадо, моццареллой и помидорами, а перед Марком поставили большую миску супа минестроне. Едва официант вновь отошел, Эшли спросила:

– Марк, что ты намерен делать? Позвонишь в полицию, этой ищейке суперинтенденту?

Тот обдумал ее слова. Эшли принялась за еду, но он не спешил, дожидаясь, пока суп немного остынет. Если они обо всем расскажут полиции, а тот тип выполнит свою угрозу и убьет Майкла, все закончится наилучшим для них образом. Вот только… как Майкл кричал от боли! До сих пор все происходящее казалось ему каким-то нереальным. Все ребята погибли в аварии. Потом он поехал на могилу и вытащил из крышки гроба дыхательную трубку – даже доносившиеся из могилы крики Майкла его не тронули… Но сейчас, когда он слышал, как он мучается…

– Наверное, карманный компьютер у Майкла при себе. Если он останется жив, то сразу поймет, что я знал, где могила.

– После аварии и речи не было о том, что он восстанет из гроба, – пожала плечами Эшли и, немного помолчав, испытующе посмотрела на него. – Или?..

Марк не ответил. В его мозгу, обычно таком спокойном и сосредоточенном, сейчас царила полная сумятица. В ночь мальчишника у них и в мыслях не было по-настоящему навредить Майклу – они просто собирались расквитаться с ним за все его дурацкие розыгрыши. И ведь план, придуманный ими с Эшли, даже осуществись, не навредил бы его здоровью. Она должна была выйти за него замуж и получить половину его акций в «Дабл-Эм пропертиз». А не успеют высохнуть чернила на свидетельстве о браке, у них с Марком оказалось бы достаточно голосов, чтобы взять компанию под контроль. Дальше оставалось

лишь убрать Майкла из совета директоров, и он превратился бы в младшего партнера. А потом… Майклу пришлось бы уступить им свою долю по дешевке.

Какого черта он промолчал в ту ночь, когда прилетел из Лидса и услышал об аварии? Зачем? Почему?!

Разумеется, Марк прекрасно понимал причину. Он промолчал из ревности. Мысль о том, что Эшли уедет с Майклом в свадебное путешествие, сводила его с ума, – а тут решение всех проблем, можно сказать, само упало с неба.

– В чем дело, Марк? – вторгся в его размышления настойчивый голос Эшли.

– А что?

– Эй! Очнись! Неужели кто-нибудь из нас собирался оставить его в живых?

– Нет. Конечно нет.

Она сурово и решительно поглядела ему в глаза.

Марк не отвел взгляда, но в голове у него по-прежнему звучали вопли нечеловеческой боли. Эшли, Эшли, если б ты только это слышала!

72

Майкла окружал асфальтово-черный мрак. Сердце глухо стучало в груди, голова раскалывалась, указательный палец ныл, а мучительная боль в мошонке пронзала все тело. Он не знал, много ли времени – может, час, может, больше или меньше – минуло с тех пор, как ублюдок в капюшоне поднес к его половому органу провод и пустил ток.

Но боль была мелочью по сравнению с завладевшим сознанием темным, холодным страхом. Майкл вспоминал фильм «Молчание ягнят», виденный несколько лет назад в кино, а совсем недавно – по телевизору с Эшли. Там серийный убийца, сдиравший со своих жертв кожу, бросил девушку, дочь сенатора, в колодец. Майкл ничего не мог с собой поделать, его просто колотило от страха. Он пытался сосредоточиться. Так или этак – надо выжить!

Вернуться к Эшли. Обвенчаться с ней. Вот и все, чего он хочет.

Боже, как он тоскует по ней!

Майкл не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Накормив его с ложки тушенкой и хлебом, тюремщик вновь залепил рот пластырем, и дышать приходилось только носом, а он был частично забит. Пленник жадно втянул в легкие воздух, но вдруг испугался, как бы нос не заложило окончательно. Нет, не сдаваться! Майкл потянул сильнее, глубже и стал дышать чаще, заставляя кровь быстрее бежать по венам.

Знать бы еще, где он… Здесь сыро, пыльно и попахивает машинным маслом. Майкл лежит на твердой поверхности, в позвоночник упирается что-то острое. Чертовски больно, и с каждой минутой эта пакость врезается все сильнее.

Он почувствовал себя лучше: несмотря на боль, в голове прояснилось. Еда подкрепила его. *Не надейся, сволочь, я не буду просто лежать и умирать. У меня еще много дел в этой жизни – не хочу подохнуть здесь, как собака. Нет, ни за что! Подавись, мать твою, я не сдохну!*

Майкл напряг мышцы, пытаясь растянуть веревки. Еще раз глубоко вдохнул – на сей раз, чтобы путы слегка провисли, потом выдохнул, вновь напружинясь изо всех сил. И почувствовал: поддается! Пускай самую малость, но путы ослабли. Майкл снова вдохнул, сжал мышцы рук, выдохнул. Вдох – выдох. О боже! Он может шевельнуть правой рукой. Совсем чуть-чуть. И все-таки! Так, опять: напрячься – сжаться, напрячься – сжаться… Путы на правой руке еще чуть-чуть сдали.

И еще!

Майкл перекатился на бок, потом – на живот. Теперь запах бензина ощущался куда сильнее. Майкл уткнулся носом во что-то липкое, но ему было все равно: какое счастье – избавиться наконец от острой боли в пояснице!

Он слегка подвигал рукой, потом еще – и вдруг что-то нащупал.

О господи!

Майкл добрался до антенны своего мобильника «Эрикссон»!

Обхватив его ладонью, пленник потянул, и телефон вылез из заднего кармана джинсов.

Сердце забилось с бешеной скоростью. Телефон был с ним в гробу, под водой. Даже если производители не обманули и корпус водонепроницаемый, скорее всего, мобильник не заработает. Но Майкл все равно возликовал. Пальцы так мягко забегали по корпусу, словно он приветствовал лучшего друга. Майкл нащупал кнопку включения, нажал. Прислушался.

Послышался слабый гудок. Дисплей тускло засветился, и Майкл разглядел уходящие вверх стены. Он оказался в каком-то помещении приблизительно шесть на пять футов, а на пятифутовой высоте было нечто вроде двери. Майкл приободрился, мозг его заработал четко и сосредоточенно. Прежде всего пленник попытался освободить руку от клейкой ленты и поднести телефон к лицу, но эти усилия не увенчались успехом. Его связали слишком туго, старательнейшим образом примотав руки к телу.

И все же!

Надо все как следует обдумать.

Текст?

Можно попробовать послать эсэмэску.

Думай! Что происходит, когда включается телефон? Сначала запрашивают пин-код. Как и большинство людей, Майкл пользовался очень простым: 4-4-4-4. Его счастливое число!

Палец пробежал по панели. Цифра «4» – слева во втором ряду сверху. Майкл нажал на кнопку и услышал гудок. Да, все три раза, когда он давил на ту же кнопку, в ответ раздавался гудок. Невероятно! Телефон так долго лежал под водой, в гробу, и все-таки работает! Но хватит ли батарейки на то, чтобы послать текстовое сообщение?

Следующая часть задачи оказалась намного труднее. Надо было вспомнить, как расположены на клавиатуре буквы. Под цифрой «2» – буквы А, Б, В, Г.[11] Майкл произвел в голове несложные подсчеты. Весь алфавит разбит на группы по три-четыре буквы, за исключением двух цифр, «отвечающих» за пять литер каждая. Но какие это цифры? Черт, он ведь так часто посылает эсэмэски! Давно пора набирать не глядя!

Кажется, под цифрой «3» пять букв – Д, Е, Ё, Ж, З. И еще пять последних букв – Ы, Ь, Э, Ю, Я – под цифрой «9».

Очень медленно, осторожно считая в уме, Майкл попытался вспомнить расположение и последовательность букв на своем телефоне. Кнопка «Меню» – верхняя слева. Нажать один раз – подменю «Сообщения». Второй – «Отправить сообщение». Третий раз – «Ввести текст». Майкл стал нажимать кнопки, надеясь, что рассчитал правильно. *«Жив. Позвони в полицию».* Оставалось верить, что память не подведет: еще одно нажатие кнопки вызова означает «Отправить сообщение».

Теперь… на какой номер послать эсэмэску?

Майкл набрал номер Эшли и нажал вроде бы ту самую клавишу.

К своему невероятному облегчению, он услышал гудок, подтверждающий, что сообщение отправлено.

Но тут его внезапно охватила паника. Даже если сообщение дойдет, какой от него прок и для девушки, и для полиции? Тьфу, черт! Да разве его сумеют найти по эсэмэске? Майкла швырнуло в бездну самого беспросветного отчаяния, куда темнее окружавшего его мрака.

Но он не сдавался. Выход должен быть непременно. *Думай! Думай же!*

Пальцы пробежали по клавиатуре, отсчитывая кнопки. 1-2-3-4-5-6-7-8-9. Он набрал номер экстренной службы: 999. Потом нажал на клавишу посыла вызова. Секунду спустя Майкл услышал слабый гудок, и женский, тоже едва различимый голос отозвался:

– Экстренный номер. С какой службой вас связать?

Он отчаянно попытался заговорить, но мог издать лишь глухой стон.

– Абонент! Алло! Вы меня слышите? – кричала женщина. – Алло, алло, абонент, вы можете назваться? Алло! Вы в беде? Вы меня слышите, абонент?

Молчание.

Потом снова:

– Алло, алло, абонент! Вы меня слышите?

Он нажал отбой и опять набрал тот же номер. На сей раз другой женский голос произносил те же стандартные фразы. И вновь – отбой. Если Майкл будет все время набирать один и тот же номер, в конце концов они догадаются. Ведь должны же, правда?

73

Сидя в салуне паба, Грейс заказал Клио Мори вторую рюмку клюквенной водки «Полстар», а себе – диетическую колу. Сам он решил ограничиться двойной порцией виски «Гленфиддиш», поскольку ему еще предстояло вести вечернюю планерку, и хотелось сделать это на трезвую голову.

Клио и Грейс устроились за угловым столиком на мягком диване. Кроме них, в пабе было менее десятка посетителей. Всеми покинутый «однорукий бандит» в дальнем конце зала зазывно подмигивал лампочками, однако вид у него был столь же подобострастно-жалкий, как у старой шлюхи в продуваемом ветрами переулке.

Клио, с ниспадающими до плеч свежевымытыми блестящими волосами, выглядела сногсшибательно. На ней был безупречный светлый замшевый пиджак поверх бежевой безрукавки, модные белые джинсы капри, на треть обнажающие стройные лодыжки, и простые белые туфли на низком каблуке.

От Марка Уоррена Грейс ненадолго заскочил на работу – распечатать схему, нарисованную Дэви, и разослать ее по факсу всем своим сотрудникам – откуда стрелой полетел в паб и все равно опоздал на час двадцать. Разумеется, времени на то, чтобы переодеться или хотя бы привести себя в относительный порядок, не хватило. Поэтому на нем был простой темно-синий костюм, надетый утром на тот случай, если придется ехать в суд, и белая рубашка с неброским темно-синим галстуком. По сравнению с Клио Грейс – с распущенным узлом галстука и расстегнутой верхней пуговицей рубашки – чувствовал себя расхританным ничтожеством.

– Никогда раньше не видел тебя в гражданском, – заметил он.

– Может, тебе было бы приятнее, приди я в зеленом комбинезоне и бахилах?

– Полагаю, в этом было бы определенное je ne sais quoi.[12]

Клио лучезарно улыбнулась и подняла рюмку:

– Будем здоровы!

Фигура у нее была великолепная. Грейсу нравились ее голубые глаза, маленький аккуратный носик, губы, похожие на бутон розы, ямочка на подбородке, стройное тело… И пахло от нее тоже сногсшибательно – как будто она искупалась в каких-то редкостных и дорогих духах. Ничего общего с «ароматом» дезинфектанта «триджин», обычно исходившим от этой очаровательной женщины. Сегодня Клио лучилась женственностью, в глазах ее плясали смешинки, и все мужчины в зале не сводили с нее восхищенных взглядов. Интересно, подумал Грейс, как бы они отнеслись к Клио, узнав, *где* она работает?

Он подлил на лед с ломтиком лимона еще колы и тоже поднял стакан.

– Рад тебя видеть.

– И я тоже. Как провел день?

– Не надо о грустном!

Клио подалась вперед – Грейс мог читать все ее жесты, как книгу. Если она придвинется еще ближе, то уткнется прямо ему в грудь. Ему стало тепло и уютно, и на мгновение все заботы улетели в другую вселенную.

– Надо-надо, – засмеялась Клио. – Я требую подробного, поминутного отчета!

– А может, сойдет сокращенный вариант? Я встал, принял душ, вышел, встретился с Клио за выпивкой. Достаточно?

Она рассмеялась:

– Для начала годится. А теперь выкладывай, что ты пропустил.

Помня, что время поджимает, Рой быстро рассказал ей о последних событиях. Четверть десятого – через час ему нужно возвращаться на работу. Ему вообще не следовало назначать девушке свидание, либо из-за множества дел отменить его, но, черт побери, неужели он не имеет права хотя бы на одну-единственную поблажку?

– Тяжело, наверное, иметь дело с теми, кто совсем недавно потерял кого-то из близких, – задумчиво проговорила Клио. – За семь лет мне бы пора привыкнуть, но каждый такой разговор по-прежнему ужасает.

– Возможно, я покажусь тебе черствым и бессердечным, но – увы, таких свидетелей важно захватить врасплох в первые же часы. Тогда их можно растормошить, заставить разговориться. После потери близкого человека первая реакция – шок. Пока свидетель в таком состоянии, он волей-неволей будет вести себя искренне. А вот часов через двенадцать родственники и друзья собираются вместе и замыкаются в себе, как устрицы. Если хочешь узнать что-то ценное, необходимо действовать сразу.

– Ты любишь свою работу? – спросила Клио.

– Да. – Рой отхлебнул еще колы. – Кроме тех случаев, когда имеешь дело с тупыми чинушами из собственной конторы.

Клио помешала в бокале соломинкой, словно искала там что-то, и на мгновение напряженность ее взгляда напомнила Грейсу о том, как она работает, беря ткань на биопсию. Интересно, каково заниматься с ней любовью? Не навеет ли обнаженное тело девушки мысль о ее «пациентах»? Не почувствует ли он отвращение, представив, что под этой шелковистой кожей – точно такие же отвратительные, скользкие, покрытые слоем жира внутренности, что и у всех остальных, – как и вообще у всех млекопитающих, включая людей?

– Рой, я давно хотела тебя спросить… особенно после той развесистой клюквы в «Аргусе». С чего это вдруг такой интерес к сверхъестественному?

На сей раз ковыряться соломинкой в бокале начал уже Грейс: проткнул соломинкой ломтик лимона, пошевелил ею, выдавливая в колу кислый сок…

– Когда я был маленьким, мой дядя – папин брат – жил на острове Уайт, в Бембридже, – наконец заговорил он. – Я гостил у него каждое лето… правда, всего неделю. Мне там нравилось. У них было двое сыновей: один чуть старше меня, другой – чуть младше. Лет с шести мы вроде как росли вместе. Ты когда-нибудь бывала в Каузе?

– Да, папочка много раз брал меня с собой на Каузскую регату.

– Ах, стало быть, *папочка?* – подколол ее Грейс.

Смущенно вспыхнув, Клио рассмеялась и легонько ткнула его в плечо.

– Не дразнись! Давай дальше.

– У дяди был домик, точь-в-точь такой же, как и все остальные на их стороне улицы. А напротив стоял большой четырехэтажный особняк, где жили две очень милые старушки. Они все время сидели у окна эркера и всякий раз, как мы их видели, махали нам рукой. Когда мне было четырнадцать, дядя с тетей продали дом и эмигрировали в Новую Зеландию, и лет восемь я в тех местах не бывал. Потом, весной или летом того года, когда мы с Сэнди поженились, я повез ее в небольшое путешествие – своего рода экскурс в прошлое. И подумал, а не свозить ли ее в Кауз и показать те места, где я был так счастлив в детстве.

Рой на мгновение умолк, закуривая сигарету (Клио удивленно вскинула брови), а затем продолжал:

– Когда мы добрались до дядиного дома, особняк напротив как раз сносили – там собирались построить многоэтажку. Я спросил рабочих, что случилось с двумя старушками, и они дали мне адрес застройщика – тот всю жизнь провел в Каузе и знал всех тамошних жителей. Застройщик сказал, что дом более сорока лет пустовал. – Грейс глубоко затянулся. – Да, жили там две старушки сестры, обе потеряли мужей в Первую мировую войну. Они стали неразлучны, но потом у одной обнаружили рак, и вторая не захотела жить в одиночестве. Обе отравились газом в той самой комнате на верхнем этаже. Случилось это в сорок седьмом году.

Клио долго молчала.

– Ты никогда не видел старушек на улице, вне дома? – подумав, спросила она.

– Нет… тогда я был ребенком. Мне и в голову не приходило задаваться вопросом, почему они всегда сидят дома. Я думал, что многие старики вообще не выходят на улицу.

– А твои дядя и тетя?

– Потом я говорил с ними – звонил в Новую Зеландию. Они сказали, что часто махали пустому окошку, чтобы угодить нам, – думали, что эти самые две бабушки – наши воображаемые друзья.

– А для тебя они были настоящими?

– Я порылся в газетных архивах. Там нашлись фотографии обеих. Ошибки быть не может. Совершенно никаких сомнений – те самые две старушки, что каждый божий день махали мне рукой целых десять лет.

– Поразительно! Вполне достоверная история! – воскликнула Клио. – И как ты все это объясняешь?

Тут Грейс заметил, что ее рюмка пуста.

– Еще?

– Почему бы и нет? – согласилась она. – Но сейчас моя очередь платить.

– Я заставил тебя прождать час двадцать, значит, я и плачу. Не спорь!

– Тогда на следующем свидании плачу я – договорились?

Они с улыбкой переглянулись.

– Заметано.

Клио нетерпеливо постучала по столешнице наманикюренным пальчиком:

– Ну так как ты все это объясняешь?

Грейс заказал третью рюмку клюквенной водки.

– У меня есть несколько версий насчет привидений. – И, немного помолчав, Рой добавил: – Вообще-то они бывают разными…

Тут зазвонил его мобильник.

Извинившись перед Клио, он ответил суше, чем обычно:

– Да! Грейс слушает.

Это оказалась детектив-констебль Бутвуд.

– Извините за беспокойство, сэр. У нас новости. Вы едете?

Грейс посмотрел на Клио Мори – расставаться с ней ужасно не хотелось. Наконец он недовольно буркнул:

– Да, буду через пятнадцать минут.

74

В деловой обстановке время летело незаметно. К десяти с небольшим, когда Грейс вернулся в управление, почти вся его команда была в сборе. В отсеке, отведенном под операцию «Сальса», Ник ковырял вилкой в пластиковом стакане с китайской лапшой, продаваемой навынос, Белла жевала яблоко, а Эмма Джейн как будто приклеилась к монитору, одновременно потягивая из пакетика через соломинку рябиновый сок. Вначале никто из подчиненных не заметил шефа.

– Привет! – поздоровался он. – В чем дело?

Все, как один, тут же уставились на него.

– Гленн отлучился домой – что-то там с няней, – набитым ртом доложила Белла Мой. – Скоро вернется.

– Отлично! – рявкнул Грейс. – Именно об этом вы хотели мне рассказать?

Констебль Бутвуд бросила на него испуганный взгляд, – будучи новичком в команде, она еще не научилась мгновенно распознавать, когда он шутит, а когда и вправду сердится. На всякий случай она сохраняла осторожность – сейчас не до шуток, а он очень устал.

– Сэр, по обнаруженному вами наброску карты на участке, принадлежащем «Дабл-Эм пропертиз», найдена замаскированная могила, а в ней – гроб.

– Прекрасно! Великолепная новость!

Все трое молчали, и Грейс понял: что-то не так.

– Дальше!

– Боюсь, сэр, новость не так уж хороша. Там никого нет.

– Просто пустой гроб – в разрытой могиле?

– Насколько я поняла, да, сэр. – Эмма Джейн нервничала все заметнее.

– А там кто-нибудь был – я имею в виду, раньше?

– Сэр, на внутренней стороне крышки есть царапины свидетельствующие о том, что в гробу кто-то определенно был.

– Можно без «сэр», идет? Называйте меня Рой.

– Да, сэр… то есть Рой.

Он ободряюще улыбнулся:

– Так что там на крышке?

– Кто-то пытался ее процарапать… проскрести ее изнутри.

– И Майклу Харрисону… или тому, кто там лежал, это удалось?

– Крышка была снята, сэр… простите, Рой… но сверху могила была закрыта листом рифленого железа, на который кто-то накидал веток и мха. Такое впечатление, будто могилу пытались скрыть.

Грейс устало облокотился на столешницу.

– Так с кем мы, черт возьми, имеем дело? С Гудини?

– Не понял, при чем здесь Гудини, – вмешался Николл.

– Тот парень – Майкл Харрисон – пользуется репутацией шутника, – с раздражением отозвался Грейс. На него вдруг навалилась сильная усталость. Ему стало досадно. Он дорого бы дал, лишь бы сейчас оказаться не здесь, а в пабе, с теплой и очаровательной Клио Мори.

Понимая, что у него сейчас, наверное, резко понизился уровень сахара в крови, – кроме сандвича, у него с утра маковой росинки во рту не было, – Грейс сходил к автомату в коридоре и купил двойной эспрессо, бутылку минералки и батончик «Марс».

Когда он, на ходу жуя шоколадку, вернулся, Эмма Джейн передала ему телефонную трубку:

– Эшли Харпер! Настойчиво требует вас, говорит, что дело очень срочное.

Грейс, дожевав кусочек, взял трубку.

– Детектив-суперинтендент Грейс!

– Это Эшли Харпер, – услышал он взволнованный голос. – Я только что получила эсэмэску от Майкла. Он жив!

– Что он пишет?

– «Жив, позвони в полицию» – вроде бы так.

– Вроде бы?

– Кое-где слова записаны странно, – но ведь при наборе эс-эм-эс часто ошибаешься, верно?

– Больше ничего?

– Нет.

– Он послал эсэмэску со своего мобильного? – лихорадочно соображая, спросил Грейс.

– Да, номер его.

Можно было послать к ней Ника или Беллу, однако он решил повидаться с Эшли сам.

– Никуда не уходите. Я еду к вам!

75

Поднимаясь на четвертый этаж жилого комплекса «Ван Аллен», Марк изучал свое отражение в матовом, слегка тонированном зеркале лифта. Что ж, вроде бы клубок понемногу распутывается.

Меньше недели назад он сидел в самолете, возвращаясь из Лидса, читал результаты дорожного теста «Феррари-365», пытаясь решить, какого цвета машину прибрести – красного или серебристого, в спортивном варианте «Формулы-1» или с обычной коробкой передач.

Теперь красавица «феррари» быстро таяла вдали, исчезала за горизонтом – без него. Как, по-видимому, и все остальное.

Что случилось с Эшли? Долгие месяцы они были невероятно близки – насколько вообще способны двое людей. Они смеялись над одними и теми же шутками, у них были одинаковые пристрастия в еде и напитках, общие интересы. Их влекло друг к другу, и они занимались любовью, как только удавалось урвать несколько драгоценных минут, причем пару раз крупно рисковали – их едва не застукал Майкл. Эшли – изумительная девушка: умная, сообразительная и в то же время такая любящая и заботливая! Марк в жизни не встречал никого, хоть отдаленно похожего на такой идеал, и не представлял себе без нее жизни.

Почему же сейчас Эшли так резко переменилась? Да, он свалял дурака, когда надрался на свадьбе и нахамил проныре легавому. Но почему она так упорно твердит, что Майкла надо убить? Убийство в их планы не входило. Никогда! А сейчас Эшли рассуждает так, будто они изначально собирались его прикончить. То, что она говорила в итальянском ресторанчике полчаса назад, все еще эхом отдавалось в голове Марка.

После аварии и речи не было о том, что он выберется из гроба живым.

Да, Марк согласился с планом Эшли. Не то чтобы действительно убить Майкла, а просто… просто… не убивать…

Определенно не убивать!

Но разве план не подразумевал убийства, да еще заранее спланированного и хорошо продуманного удара на поражение? Все остальное – стечение обстоятельств. Похоронили Майкла заживо, а потом произошел несчастный случай. Он, Марк, не выносит Майкла. Тот всегда был лидером – сволочь проклятая! В школе Майкл был первым на стометровке и вообще почти во всем. Он забивал решающие мячи на футболе, первым из их компании потерял девственность… Девчонки так и липли к нему – всегда, всегда! Перед глазами всплыла картинка из прошлого: они с Майклом стоят в переполненном баре, две симпатичные телки подкатывают к Майклу, и он говорит: «Это мой друг Марк!» Девчонки улыбаются: «Привет, Марк!» – и тут же поворачиваются к нему спиной на весь вечер. Такое случалось не однажды, так происходило каждый раз.

То же самое было и с Эшли – вначале. Когда она пришла наниматься на работу, именно Майкл беседовал с ней. Казалось, ему удалось ее очаровать. Тогда Эшли едва удостоила Марка взглядом. Позже она уверяла его, что притворялась нарочно – просто ей очень нужна была работа, а в агентстве намекнули, что истинный владелец компании – Майкл.

В течение первого месяца Марк наблюдал, как Майкл пытается обхаживать Эшли. Он достаточно хорошо знал друга, чтобы понять: эта красотка его здорово зацепила. Майкл флиртовал с ней, шутил, расспрашивал, льстил, рассказывал о себе – в точности так же он флиртовал со всеми женщинами, к которым его тянуло. Марк наблюдал за ухаживаниями Майкла со все возрастающим изумлением – и втайне ликовал. Впервые в жизни он отбил у него девушку. И испытал неведомое доселе потрясающее чувство освобождения – как будто, наконец, спустя пятнадцать лет их дружбы он выбрался из-под Майкловой пяты.

Весь план принадлежал Эшли. Марка коробило лишь одно: обвенчавшись, они с Майклом улетят в свадебное путешествие. Представлять, как эти двое занимаются любовью, было невыносимо. В глубине души Марк понимал: именно поэтому в прошлый четверг он поехал ночью в лес и вытащил из крышки гроба дыхательную трубку.

Но сейчас… позволить какому-то психу искалечить лучшего друга? Он замучает Майкла до смерти! Марк не был готов к новому испытанию.

Он отпер входную дверь и тут же услышал телефонный звонок. Марк подбежал к аппарату и взглянул на определитель, но номер звонящего там не высветился.

– Алло! – крикнул он.

– Привет, напарник, – произнес уже знакомый голос с австралийским акцентом. – Это Вик. Почему легавый шныряет у твоего дома? Ведь я, кажется, просил не болтать с копами.

– Я и не болтал, – ответил Марк. – Это суперинтендент полиции, расследующий дело об исчезновении Майкла… я и понятия не имел, что он зайдет.

– Не знаю, верить тебе или нет, напарник. Может, хочешь еще послушать Майка – или будешь умницей?

Пытаясь понять, чего хочет его собеседник, Марк ответил:

– Все будет нормально.

– Значит, ты все сделаешь так, как я скажу?

– Я слушаю.

– Прямо сейчас отправляйся к себе в офис, открой сейф, достань подписанную тобой и Майком доверенность адвокату на Каймановых островах по имени Джулиус Гроббе и перешли ему по факсу. Затем позвони старине Джулиусу и прикажи перевести один миллион двести пятьдесят три тысячи семьсот двенадцать фунтов с вашего банковского счета на счет в Панаме. Номер я уже ему переслал. Я перезвоню тебе сюда ровно через час, и ты

отчитаешься, как все прошло. Если не снимешь трубку, твой друг потеряет еще кусочек тела, только на этот раз ему будет *по-настоящему* больно. Как понял? Прием!

– Понял вас хорошо…

Один миллион двести пятьдесят три тысячи семьсот двенадцать фунтов! Иными словами, все деньги до последнего пенса, хранящиеся у них с Майклом на Кайманах.

76

Рой Грейс и Гленн Брэнсон, успевший на работу до ухода шефа, сидели в прохладной минималистской гостиной дома Эшли Харпер и перечитывали кое-как набранную эсэмэску на дисплее ее изящного телефончика «Сони»:

«жИв.?пЗвониии пОлиция».*

Бледная заплаканная Эшли сидела напротив, ломая руки. Глядя на ее жатую кремовую блузку, красиво уложенные волосы, льняную юбку и вдыхая крепкий аромат духов, Грейс решил, что она вернулась домой совсем недавно. *Но где она была? И с кем?*

Умом он прекрасно понимал, что Эшли достойна сочувствия – у девушки пропал жених, свадьба полетела ко всем чертям… И теперь, вместо того, чтобы наслаждаться медовым месяцем, она горько рыдает у себя дома в Брайтоне. Тем не менее Рою было нисколько ее не жаль. Единственное, что вызывала у него Эшли, – это глубокое недоверие.

– Вы не пробовали до него дозвониться?

– Да, и тоже послала ему эсэмэску. Но после нескольких гудков меня переключают на автоответчик.

Брэнсон возился с ее телефоном – как-никак сержант куда лучше Грейса разбирался во всяких технических штучках-дрючках.

– Отправлено Майклом Харрисоном, номер +44797 134621, – сообщил он и, нажав на кнопку, сосредоточенно поджал нижнюю губу. – Сегодня, в 22.28.

Они с Грейсом сверили часы. Сообщение было отправлено всего час назад!

За двадцать минут до того, как она позвонила мне! – подумал Грейс. – *Чего она ждала целых двадцать минут?*

Гленн Брэнсон набрал номер и поднес трубку к уху. Грейс и Эшли не сводили с него напряженных взглядов. Через несколько секунд Брэнсон заговорил:

– Алло, Майкл Харрисон! Говорит сержант Брэнсон из брайтонской полиции. Отвечаю на ваше сообщение, посланное Эшли Харпер. Пожалуйста, перезвоните мне или пришлите сообщение на номер 0789965018. Повторяю номер: 0789965018. – Он дал отбой.

– Эшли, Майкл часто отправляет вам эсэмэски?

Девушка пожала плечами:

– Не слишком, но… знаете… пишет, как любит меня и все такое. – Внезапно лицо Эшли осветилось улыбкой – настолько теплой, что она, казалось, способна растопить любое сердце.

Брэнсон ухмыльнулся:

– Он всегда так паршиво набирал текст?

– Н-нет… обычно – нет.

Грейс снова посмотрел на послание Майкла.

«жИв.?пЗвониии пОлиция».*

Такое впечатление, будто слова набирал ребенок, а не взрослый. Разве что, конечно, он жутко спешил… или вел машину.

– Ну и какую информацию вы способны из этого выжать? – спросила Эшли.

Грейс собирался было сказать колкость, однако, тут же передумав, незаметно толкнул Брэнсона ногой, чтобы тот ни в коем случае не влезал в разговор.

– Боюсь, не слишком много. С одной стороны, новость хорошая – мы хотя бы знаем, что он жив. Но с другой стороны, такая эсэмэска – тревожный знак. Он явно в беде… если только нас не разыгрывает.

Грейс сразу заметил, как у хозяйки дома забегали глаза: он пристально следил за каждым ее жестом, как только она открыла дверь. Эшли продумывала каждый шаг, каждый ответ, отвечала всегда после паузы… Ничего самопроизвольного, спонтанного…

– Надеюсь, вы не думаете, что Майкл затеял какую-нибудь очередную мистификацию? – обиженно нахмурилась она.

От Грейса не ускользнула некая натужность и искусственность ее тона. Он во всех подробностях поведал о том, как поисковики обнаружили гроб.

– Значит, по-вашему, Майклу удалось выбраться?

– Скорее всего. – Грейс пожал плечами. – А может, его там и не было.

– Да что вы говорите? – издевательски бросила Эшли. – Делать ему больше нечего, как царапать гробовые крышки изнутри! По-вашему, у него такое хобби?

– Да, такова одна из версий. Но она не обязательно верна.

– Перестаньте морочить мне голову! Майкл в отчаянии, просит о помощи, а вы торчите здесь и болтаете о каких-то мистификациях!

– Поверьте, Эшли, мы смотрим на вещи весьма трезво, – ледяным тоном ответил Грейс. – В управлении полиции работает следственная бригада; более сотни людей прочесывают окрестности в поисках Майкла Харрисона; мы оповестили о нем все общенациональные средства массовой информации… Короче, мы делаем все возможное.

Эшли, вдруг съежившись, стала похожа на растерянную и испуганную девчонку. Она кротко смотрела на двоих полицейских, широко раскрыв глаза и утирая слезы платочком.

– Извините. – Эшли шмыгнула носом. – Я не хотела вас обидеть, вы… вы оба просто замечательные. Я просто… просто… – Она задрожала, лицо сморщилось, по щекам заструились слезы.

Грейс неуклюже поднялся, а вслед за ним и Брэнсон.

– Ладно, все будет в порядке, – пообещал суперинтендент. – Провожать нас не надо.

77

Марк делал все, как ему было велено, но проклятый факс сработал только с шестой попытки. В первый раз он второпях неправильно загрузил бумагу, и аппарат заело. А Марк потратил десять драгоценных минут, пытаясь вытащить ее, не порвав письма.

Он поехал в офис на машине, что, учитывая все выпитое им за вечер, было и вовсе несусветной глупостью, но тащиться туда пешком было чересчур далеко. Марк ни за что не успел бы смотаться туда и обратно, а ловить такси – уж очень рискованно. Можно опоздать.

Марк ворвался в квартиру за три минуты до назначенного ему срока, бросился прямо к бару, плеснул в стакан на три пальца «Балвени» и выпил залпом. Желудок обожгло. Марк поморщился, так как жжение не проходило, и даже на секунду закрыл глаза.

Запищал мобильник. Сигнал «Новое текстовое сообщение».

Марк достал телефон из кармана и тупо уставился на дисплей.

«Отлично, напарник! Молодец.»

От волнения телефон ходуном ходил в руке. Где прячется этот ублюдок Вик? Марк нажал на кнопку «Опции», пытаясь определить, с какого номера пришло сообщение. Однако тот был незнакомым. Он неуклюже набрал ответный текст:

«Теперь все в порядке?»

Марк нажал кнопку «Отправить». Телефон тут же тихо пискнул. Сообщение ушло к адресату.

Виски уже не действовало – по крайней мере, нервная дрожь не стихала. Марк, пошатываясь, снова поплелся к бару, но цели достигнуть не успел – опять пискнул мобильник. Еще одно входящее сообщение!

«Выйди на балкон, напарник. Глянь вниз – и увидишь кое-что интересное!»

Марк сразу поспешил к балконной двери, отпер задвижку и, ступив на тиковый настил, кое-как обогнул два шезлонга. Потом, облокотившись о перила, он оглядел окрестности. В ночном гей-клубе, расположенном в нескольких ярдах вниз по улице, гремела музыка; он видел бритые черепа двоих вышибал. Какая-то парочка шла по улице, взявшись за руки. Три пьяные девчонки, шатаясь на ходу и хихикая, то и дело натыкались друг на друга и чуть не падали. По шоссе мчался плотный поток машин.

Марк перевел взгляд на противоположную сторону улицы: может быть, Вик там? Но он увидел только целующихся и обнимающихся влюбленных. Держа телефон на ладони, Марк быстро набрал: *Я тебя не вижу,* отправил эсэмэску и еще раз внимательно оглядел улицу.

Телефон почти сразу же пискнул снова. На экране появился ответ:

«Я у тебя за спиной!»

Повернуться Марк не успел. Сильная рука схватила его за ремень, другая – за воротник. Доля секунды – и обе его ноги болтались в воздухе. Марк выронил телефон, отчаянно пытаясь уцепиться за перила балкона, но дотянуться так и не смог – пальцы хватали лишь воздух.

Он не успел даже закричать, когда его, точно из катапульты, метнули через перила.

Марк упал на тротуар плашмя – на спину. От удара позвоночник треснул в нескольких местах, а череп раскололся, словно кокосовый орех, изо всех сил припечатанный кувалдой.

Одна из пьяных девчонок пронзительно завизжала.

78

Грейс и Брэнсон услышали сигнал рации в машине суперинтендента всего за несколько минут до возвращения в Суссекс-Хаус. Самоубийство. Мужчина выбросился из окна в жилом комплексе «Ван Аллен» на Кемптаунском приморском бульваре.

Детективы переглянулись. Грейс достал из бардачка мигалку и, прикрепив ее на крыше, до предела выжал газ. Так, на бешеной скорости, они промчались мимо камеры слежения. Радар мигнул, но Грейсу на такие пустяки было наплевать: сейчас он мог с ними не считаться.

Но всего семь минут спустя Рою пришлось вновь перейти на «черепаший ход» и буквально ползти по «Приморскому параду». Впереди он видел целое море проблесковых маячков, толпу людей и «Скорую помощь».

Кое-как припарковавшись, детективы выскочили из машины и, пробившись сквозь толпу, оказались прямо напротив двух констеблей в форме, хлопотливо натягивавших ленту с надписью: «Запретная зона. Вход воспрещен!»

Помахав удостоверениями, Грейс и Брэнсон поднырнули под кордон, за которым два фельдшера беспомощно топтались у распростертого на асфальте тела. В черной луже крови плавали желтоватые полоски вытекшего мозга. Еще одно пятно, побольше и потемнее, расплывалось под грудной клеткой.

В янтарном свете уличного фонаря Грейс разглядел лицо покойного: это, вне всяких сомнений, был Марк Уоррен. Сглатывая подступившую к горлу желчь, детектив повернулся к одному из констеблей и предъявил удостоверение.

– Что случилось?

– Н-не знаю, сэр. Я только что допросил одну свидетельницу… она гуляла с подружками, когда он упал… чуть ли не им под ноги. Девушка – в той «Скорой», что стоит подальше. Тяжелый шок.

Грейс посмотрел на Брэнсона – тот неопределенно хмыкнул. Потом Рой вновь обратил взгляд вниз – на бездыханное тело. В широко распахнутых глазах Марка Уоррена, казалось, застыло крайнее удивление.

Боже милостивый! Всего несколько часов назад он, Грейс, разговаривал с этим человеком! Тогда от Марка разило спиртным, и он явно нервничал. Рой вспомнил о Клио. Приблизительно через полчаса на нее свалится немало работы – нужно будет готовить труп к опознанию. Ох, как он сейчас не завидовал девушке!

– Кто-нибудь знает этого человека? – осведомился чей-то голос.

– Да, я его знаю, – ответил другой. – Парень живет на моем этаже – он мой сосед!

Грейс услышал сирену и подошел ближе.

– Я тоже его знаю, – проговорил он, но тут же поправился: – То есть знал.

Из парадного вышел инспектор Роберт Эллисон, детектив с крутым нравом, бывший чемпион полиции Суссекса по снукеру.[13] Грейс, отлично его знавший, не преминул подойти. Следом топал Брэнсон.

– Рой! Гленн! – обрадовался Эллисон. – Каким ветром вас сюда занесло?

– Да вот, думали подышать морским воздухом, – фыркнул Грейс.

– Опасное занятие. – Эллисон указал на труп. – Этот тоже вышел на балкон проветриться.

Прибыли судмедэксперт и фотограф. Эллисон, быстро переговорив с обоими, вернулся к Грейсу и Брэнсону.

– Какие-нибудь подробности уже известны? – спросил суперинтендент.

– Пока глушняк.

– Я знаю этого человека, – повторил Рой. – Допрашивал его сегодня около восьми вечера. Он деловой партнер пропавшего без вести… дело о мальчишнике… Помнишь, четверо ребят насмерть разбились на той неделе?

– Да, – кивнул Эллисон.

– Можно подняться в его квартиру?

– Я только что оттуда – ключ у швейцара. Хотите, пойду с вами?

– Да, конечно, почему бы и нет?

Вскоре Грейс, Брэнсон и инспектор Эллисон вошли в квартиру Марка Уоррена. Швейцар, здоровяк лет пятидесяти в шортах и майке, остался снаружи.

Грейс сразу направился в уже знакомую ему гостиную-столовую, а оттуда вышел на балкон, где стоял всего несколько часов назад. Окинул взглядом место происшествия: у дома – небольшая толпа, две «Скорые», патрульные машины, вспышки фотокамеры судмедэксперта, лента вокруг изуродованного тела Марка Уоррена, темные пятна, словно тени, – у его головы и груди.

Грейс припомнил свадьбу, где Марк держался с ним так вызывающе нагло. А сегодня он был пьян и подавлен. Рой по опыту знал: люди, выжившие в катастрофе, чувствуют себя виноватыми за то, что остались в живых; иногда потом они кончают с собой. Но неужели Марк Уоррен шагнул с балкона *поэтому?*

В ту ночь он вернулся домой поздно, и машина была вся в грязи – может, его тянуло на место аварии, где погибли друзья? Всякое бывает… Но почему Марк так агрессивно держался в церкви? Что-то не укладывается в схему. Ох, не нравился детективу этот Марк Уоррен –

шафер, не знавший, какой сюрприз подготовили для последней холостяцкой вечеринки Майкла Харрисона.

Возможно ли такое?

Грейс не спеша вернулся в комнату.

– Давайте потратим несколько минут и просто внимательно все тут осмотрим, – предложил Рой и тотчас направился к буфету, куда все время с беспокойством поглядывал Марк, но обнаружил лишь две пыльные вазы для цветов и пустую коробку из-под сигар «Коиба робусто».

Грейс обшаривал все шкафчики, открывал дверцы, выдвигал каждый ящик. Гленн Брэнсон следовал примеру шефа. Эллисон только наблюдал. Потом Рой открыл холодильник, обежал глазами пакеты обезжиренного молока, упаковки йогуртов, разрекламированных в последнее время листьев салата, несколько бутылок белого бургундского вина и шампанского. Маленький пакетик из оберточной бумаги, скромно лежавший на третьей полке, детектив заметил не сразу.

Однако, взяв его из холодильника, Грейс заглянул внутрь и нахмурился. Извлеченную оттуда маленькую пластмассовую коробочку он поставил на черную мраморную поверхность кухонного рабочего стола.

– Господи! – воскликнул Брэнсон, с ужасом уставившись на отрезанный кончик пальца.

– Та-ак, – протянул Роберт Эллисон. – Дело понемногу проясняется. Вот что я нашел на теле, когда искал документы. – Он выудил из кармана измятый лист бумаги формата А-4 и протянул Грейсу.

Детективы вместе прочитали записку:

«Отнеси это в полицию, и узнаешь, что палец принадлежит твоему другу и компаньону. Каждые 24 часа я буду отрезать от него по кусочку – до тех пор, пока ты не выполнишь то, что я тебе велю».

Грейс перечел текст во второй и третий раз.

– Теперь нам известны два крайне важных факта… – мрачно заметил он.

Оба детектива выжидательно смотрели на суперинтендента, но тот еще долго хранил молчание.

– Первое: не думаю, что Марк Уоррен покончил с собой. И второе: нам крупно повезет, если найдем Майкла Харрисона живым.

79

Телефон опять звонил! В третий раз! Майкл всякий раз сразу нажимал отбой из опасения, как бы не услышал Вик. Потом он долго возился с клавиатурой и снова набирал 901, но всякий раз слышал тот же проклятый женский голос:

– Новых сообщений нет.

Но теперь ему вдруг ответили по-другому:

– У вас одно новое сообщение.

И тут заговорил мужской голос:

– Алло, Майкл Харрисон! Говорит сержант Брэнсон из брайтонской полиции. Отвечаю на ваше сообщение, посланное Эшли Харпер. Пожалуйста, перезвоните мне или пришлите сообщение на номер 0789965018. Повторяю номер: 0789965018.

Еще никогда в жизни Майкл не слышал таких упоительно приятных звуков!

Он снова завозился с клавиатурой, пытаясь набрать ответ в сырой тьме:

«Ме88Ня др$жат в…»

Внезапно его ослепила вспышка безжалостно яркого света.

Вик!

– Так у тебя есть мобильник, и ты молчал, а, Майки? Нехорошо! Давай-ка я его заберу, пока ты не натворил глупостей.

– Р-р-р! – прорычал Майкл сквозь пластырь.

Но в ту же секунду телефон вырвали у него из рук.

– Так нечестно, Майки, – с укором заметил Вик. – Ты меня очень разочаровал. Ты должен был сказать мне про телефон. А ты!..

– Р-р-р! – снова проворчал Майкл, содрогаясь от ужаса. Он видел в прорезях капюшона горящие безумием и злобой глаза, и они были всего в нескольких дюймах от его лица. У Вика – светло-зеленые глаза дикого кота… их еще называют хризолитовыми…

– Хочешь, чтобы я снова сделал тебе больно? Да, Майки? Ну-ка, посмотрим, кому ты звонил.

Несколько секунд спустя Майкл снова услышал голос полицейского.

– Так-так, надо же! – пробормотал австралиец. – Как мило! Невесте звонил. Мило, но нехорошо. По-моему, стоит тебя наказать. Хочешь, чтобы я отрезал тебе еще один палец? А может, снова ткнуть в яйца оголенные провода?

– Не-е-а-а-а!

– Извини, приятель, ты должен выражаться яснее. Ну-ка, скажи, чего ты больше хочешь. Мне-то все равно. Кстати, твой дружок Марк – хам, каких мало. Уходить, даже не попрощавшись, – просто свинство!

Майкл жмурился от яркого света и совершенно не понимал, о чем толкует его мучитель. Марк? При чем тут Марк? И что значит «Марк ушел»?

– Подумай вот о чем, Майки. Миллион двести тысяч фунтов, припрятанные вами на Каймановых островах, – кругленькая сумма, верно?

Интересно, что еще известно этому типу о нем и о его жизни? Ему нужны деньги? Да пусть забирает все до последнего пенни, только отпустит! Майкл изо всех сил тщился заговорить, но выходило лишь невнятное мычание.

– Мило с твоей стороны, Майки, что бы ты там ни пытался мне сказать. Я высоко ценю все твои усилия. Но видишь ли, в чем дело? Твоя проблема – в том, что денежки уже у меня. А значит, ты мне теперь без надобности.

80

Незадолго до полуночи Грейс вернулся на стоянку Суссекс-Хаус и устало кивнул охраннику. По пути от комплекса «Ван Аллен» друзья разговаривали мало: и Грейс, и Брэнсон погрузились в собственные раздумья.

Когда Рой выключил мотор, его спутник шумно зевнул.

– Как думаешь, может, домой, в кроватку?

– Силенок не осталось, сопляк? – поддел его Грейс.

– А ты у нас старичок-бодрячок! Свежий, как огурец? Вообще-то я слыхал, что с определенного возраста уменьшается потребность во сне, и это – к лучшему: старики все равно полночи восседают на толчке.

Рой хмыкнул.

– Если честно, я – не в большом восторге от старости, – заметил Брэнсон. – А ты?

– Ну а я о ней просто не думаю. Взять хотя бы парня вроде Марка Уоррена. Сейчас он лежит, весь искореженный, мозги вытекли на тротуар, – а ведь мы с ним беседовали всего несколько часов назад! Тут поневоле научишься жить сегодняшним днем.

Брэнсон опять зевнул.

– Я возвращаюсь на работу, – сказал Грейс. – А ты, если хочешь, вали домой!

– Ох, знал бы ты, какой иногда бываешь сволочью! – огрызнулся Брэнсон, плетясь за ним к главному входу, а потом – по лестнице, украшенной старыми дубинками.

В оперативном штабе оставалась лишь Эмма Джейн Бутвуд в розовой блузке и накинутом на плечи белом кардигане. Грейс красноречивым жестом указал на пустующие столы:

– А где все, Эй Джей?

Она наклонилась, словно желая повнимательнее разглядеть какую-то мелкую надпись у себя на мониторе, и рассеянно ответила:

– По-моему, все уже ушли домой.

Суперинтендент, посмотрев на усталое лицо девушки, легонько похлопал ее по плечу. Коснуться мягкой шерсти кардигана было очень приятно.

– По-моему, тебе тоже пора домой – день сегодня выдался не в меру длинный.

– Минуточку, Рой! У меня тут есть кое-что новое. По-моему, вас это заинтересует.

– Кто-нибудь хочет кофе? – спросил Грейс. – Воды? Колы?

– Кто платит – ты? – уточнил Брэнсон.

– Нет, налогоплательщики Суссекса. Раз они хотят, чтобы мы работали по ночам, пусть оплачивают наш кофе. Спишу на расходы.

– Мне диетическую колу, – распорядился сержант. – Хотя… нет. Лучше обычную: надо подпитаться сахарком.

– А мне кофе, пожалуйста, – попросила Эмма Джейн.

Грейс по безлюдному коридору добрался до зоны отдыха с кухней и автоматами. Порывшись в карманах, наскреб мелочи, купил двойной эспрессо для себя, капучино Эмме Джейн и банку колы для Гленна и на пластиковом подносе потащил все это обратно в штаб.

Когда он вошел, Эмма Джейн показывала что-то на своем мониторе заглядывавшему ей через плечо Брэнсону, казалось всецело поглощенному увиденным.

– Рой, иди-ка взгляни! – не оборачиваясь, позвал сержант.

Эмма Джейн повернулась к Грейсу:

– Вы просили проверить биографию Эшли Харпер…

– Угу. И что вы накопали?

– Кое-что довольно любопытное, – так и лучась гордостью, ответствовала девушка. – Вообще-то сведений очень много…

– Ну-ка, выкладывайте! – скомандовал суперинтендент.

В поисках нужных заметок Эмма Джейн пролистала в блокноте пару страниц, исписанных ее аккуратным почерком.

– Вы сказали, что Эшли Харпер родилась в Англии, родители погибли в автокатастрофе, путешествуя по Шотландии, когда ей было три года. Девочка воспитывалась в приемной семье – сперва они жили в Лондоне, потом переехали в Австралию. Шестнадцатилетней девушкой мисс Харпер перебралась в Канаду – к дяде и тете; тетка недавно умерла. Дядю зовут Брэдли Каннингем, девичью фамилию тетки мне узнать не удалось.

Не отрывая глаз от блокнота, Эмма Джейн продолжала читать:

– Эшли Харпер вернулась в Англию, так сказать на родину, около девяти месяцев назад. Вы говорили, что до этого она работала в одной из риелторских фирм Торонто – дочернем филиале группы компаний «Бэй». – Она посмотрела на Грейса и Брэнсона так, будто хотела получить от них подтверждение.

– Да, все верно, – кивнул Рой.

– Так вот, – бросила Эмма Джейн. – Сегодня я разговаривала с заведующим отделом кадров группы «Бэй» в Торонто. Как вам, наверное, известно, «Бэй» – одна из крупнейших сетей розничной торговли в Канаде. У них нет никакой дочерней риелторской компании. Более того, ни на одном из предприятий фирмы никакая Эшли Харпер никогда не работала. Я стала копать глубже и выяснила, что в Канаде вообще не зарегистрировано агентств по продаже недвижимости с названием «Бэй».

– Любопытно, – срывая с банки кока-колы кольцо, признал Брэнсон. Послышалось резкое шипение.

– Дальше будет еще интереснее, – пообещала Эмма Джейн. – Брэдли Каннингэм в телефонном справочнике Торонто не значится, как и в других городах провинции Онтарио. У меня пока не было времени проверить всю Канаду, но… – Она сделала паузу и отпила глоток кофе с пахнущей шоколадом пенкой. – Но у меня есть подруга-журналистка, и она работает в Шотландии – точнее, в «Глазго геральд». По моей просьбе подруга охотно порылась в архивах крупнейших шотландских газет. Авария, если в результате ее трехлетняя девочка остается сиротой, непременно попадает на первые полосы газет, верно?

– Обычно – да, – кивнул Грейс.

– Эшли утверждает, что ей двадцать восемь. Я отмотала двадцать пять лет назад, для надежности добавив по пять с обеих сторон. Фамилия Харпер нигде не попадается ни разу.

– Девочка могла взять фамилию приемных родителей, – возразил Брэнсон.

– Да, могла, – согласилась Эмма Джейн. – Но то, что я собираюсь вам показать, изрядно уменьшает подобную вероятность.

Грейс любовался молодой сотрудницей. Вот молодчина! Она – именно та свежая кровь, приток которой так необходим полиции. Умная, трудолюбивая, молодая, решительная.

– Я пропустила Эшли Харпер через «Холмс», как вы и просили, – объяснила она шефу.

«Холмс-2» была второй версией компьютеризованной базы данных на всех известных преступников, связывавшей полицию Великобритании, Интерпол, а в последнее время – и другие сети правоохранительных органов за океаном.

– Об Эшли Харпер там нет никаких сведений, – объявила Эмма Джей Бутвуд. – Но главное – в другом. Я ввела инициалы «Э.Х.», добавила в поиск слово «недвижимость», и «Холмс» выдала нечто потрясающее. Полтора года назад некая молодая особа по имени Эбигайль Харрингтон вышла замуж за богатого застройщика в Лимме, графство Чешир. Его звали Ричард Уоннаэш. Он увлекался затяжными прыжками с парашютом. Так вот, через три месяца после свадьбы он погиб – во время прыжка у него не раскрылся парашют. Четыре года назад в Торонто, Канада, некая Элекс Хурон вышла за торговца недвижимостью Джо Кервина. Через пять месяцев после свадьбы он утонул во время парусной прогулки по озеру Онтарио. Семь лет назад Энн Хемпсон обвенчалась в Лондоне со строителем, а также известным плейбоем Джулианом Уорнером. В девяностых годах, когда произошел первый серьезный кризис в сфере недвижимости, Уорнер владел значительной частью лондонских доков. Через шесть месяцев и два дня после свадьбы он отравился газом на подземной автостоянке в Уоппинге.

Эмма Джейн вновь отхлебнула капучино.

– Те же инициалы, «Э.Х.», – поморщился Брэнсон. – Ну и что это нам дает?

– Многие мошенники, меняя имена, сохраняют те же инициалы, – с улыбкой пояснила девушка. – Мы проходили это в полицейском колледже… Само по себе совпадение инициалов, конечно, ничего не доказывает. Но дальше становится «все теплее». – Эмма Джейн застучала по клавиатуре, и на мониторе появилась черно-белая газетная фотография молодой женщины с коротко стриженными темными волосами. Судя по лицу, это могла быть

только Эшли Харпер… или ее двойник. – Снимок из «Ивнинг стэндард», сделанный после смерти Джулиана Уорнера, – прокомментировала Эмма Джейн.

В оперативном штабе надолго повисло тягостное молчание. Грейс и Брэнсон пристально разглядывали фото.

– Твою мать! – выругался сержант. – Похоже, и впрямь она!

Эмма Джейн, не отвечая, снова застучала по клавишам. Появился еще один снимок, снова черно-белый. Но здесь женщина была со светлыми волосами до плеч. Лицом она еще больше походила на Эшли Харпер.

– А это – из «Торонто стар» четырехлетней давности. Статья о смерти Джо Кервина.

Грейс и Брэнсон онемели от изумления.

– Следующее фото – из «Чешир ивнинг пост». Полтора года назад они поместили статью о трагической гибели Ричарда Уоннаэша. Эбигайль Харрингтон, красивая безутешная вдова. – Она нажала на клавишу, и появилась еще одна фотография, на сей раз цветная. Волосы рыжие, модная стрижка с элегантно подбритыми висками… и почти стопроцентное сходство с Эшли Харпер.

– Черт меня побери! – ошарашенно пробормотал Брэнсон.

Грейс долго задумчиво смотрел на снимок, а затем повернулся к своей новой сотруднице:

– Умница, Эмма Джейн!

– Спасибо… Рой.

Грейс повернулся к Гленну Брэнсону.

– Итак, без двадцати час… – вздохнул он. – Интересно, кого из дежурных судей придется будить?

– Ордер на обыск?

– Догадливый! – Не обращая внимания на кислую мину Брэнсона, Грейс встал. – Эмма Джейн, езжайте домой и поспите немного.

Брэнсон протяжно зевнул.

– А как насчет меня? Я-то могу малость покемарить?

Грейс хлопнул сержанта по плечу:

– Боюсь, друг мой, для тебя рабочий день только начинается!

81

Когда Грейс дозвонился до секретарши магистратуры, та заспанным голосом поинтересовалась, не терпит ли дело до утра.

– Оно не терпит вообще никаких отлагательств, – отрезал Рой. – Мы расследуем дело о возможном похищении человека, речь идет о жизни и смерти. Мне нужен ордер, выданный на основании собранных улик. И как можно скорее.

– Ладно, – пытаясь скрыть зевок, протянула чиновница. – Обратитесь к дежурному судье – миссис Квентин.

Грейс про себя улыбнулся. Из всех известных ему мировых судей Рой особенно не любил Гермиону Квентин. Несколько месяцев назад у них произошла стычка, когда эта дама отказала Грейсу в разрешении заключить под стражу до суда опасного подозреваемого. Суперинтендент был глубоко убежден, что худшего мирового судьи, чем миссис Квентин, нет и не может быть на свете. Супруга состоятельного биржевого маклера, хозяйка безвкусно роскошного особняка, будто скопированного со страниц модного журнала, этакая изрядно увядшая «королева красоты», Гермиона, не имея ни малейшего понятия о реальной жизни, тем не менее ревностно следила, чтобы полиция не нарушала права преступников. Грейс

представил, какое удовольствие получит, вытащив ее посередь ночи из постели и заставив подписать ордер!

Следующие десять минут они с Брэнсоном провисели на телефоне: вызывали коллег в оперативный штаб к пяти утра. Пожалев друга, Грейс отправил его домой, чтобы тот вздремнул хоть пару часиков.

Затем он разбудил констебля Николла и, посетовав на издержки профессии, велел немедленно ехать к дому Эшли Харпер и не спускать с него глаз.

В два часа ночи Грейс вернулся домой с подписанным ордером, поставил будильник на 4.15 и вырубился.

* * *

Проснувшись от настырного звона бездушного механизма, Рой на автопилоте вскочил с постели и в темноте поплелся в душ. За окном пробовали голоса самые ранние утренние пташки, и он вспомнил, что лето еще не началось. Правда, до 21 июня, самого длинного дня в году, – уже меньше месяца.

В пять утра Грейс уже был в управлении. Как ни странно, за два с небольшим часа ему удалось выспаться. Белла и Эмма Джейн были на месте – как и Бен Фарр, круглолицый бородатый сержант лет пятидесяти, отвечавший за сбор улик, и Джо Тиндалл. Чуть ли не следом за ними в штаб ввалился и Гленн Брэнсон.

Все торопливо глотали кофе, а Грейс раздавал последние распоряжения. Около половины шестого, облачившись в бронежилеты, команда погрузилась в полицейский микроавтобус «форд-транзит» и патрульную машину, которую вел Брэнсон. Грейс расположился рядом, с комфортом откинувшись на спинку соседнего сиденья.

Когда они въехали на улицу, где стоял дом Эшли, Грейс велел Брэнсону припарковаться возле «астры» Ника без опознавательных знаков и опустил стекло.

– Все тихо, – доложил Николл.

– Молодец! – похвалил Грейс, отметив, что принадлежащая Эшли Харпер «ауди-ТТ» стоит, как обычно, перед домом. Затем, приказав Нику блокировать дверь черного хода, они подъехали к парадному.

Свободных мест для парковки поблизости не оказалось, и им пришлось кое-как приткнуть машины возле «ауди». Выждав пару минут, чтобы Ник Николл успел отрезать путь к бегству, Грейс первым подошел к двери и позвонил.

Никакого ответа.

Он позвонил вновь, чуть выждав – еще раз, и решительно кивнул Бену Фарру. Тот сбегал к «транзиту» и приволок тяжеленный таран размером с крупный огнетушитель. Дверь распахнулась с первого же удара.

Суперинтендент, а следом за ним и вся команда ворвались в дом.

– Полиция! – крикнул Грейс. – Есть кто-нибудь?

Тишина. Лишь в гостиной слабо мерцала огоньками цветомузыкальная стереосистема. Рой взлетел по лестнице и замер на площадке второго этажа. Мгновение спустя к нему присоединились все остальные.

– Эй! – снова крикнул он. – Мисс Харпер!

Молчание.

Грейс толкнул дверь, ведущую в тесную ванную. Никого. Следующая дверь вела в маленькую скромную комнату для гостей, судя по всему – давно заброшенную. Поколебавшись, детектив открыл последнюю дверь – по-видимому, хозяйской спальни. Но

сегодня здесь явно никто не ночевал: двуспальная постель была не разобрана, белье не смято. Из-за задернутых занавесок в спальне царил полумрак, и, когда Грейс щелкнул выключателем, комнату пересекли тоненькие лучи нескольких точечных светильников.

Спальня напоминала гостиничный номер в ожидании новых постояльцев. Огромная кровать покрыта безукоризненно чистым пуховым одеялом, у противоположной стены – радиочасы, телевизор с плоским экраном и пара репродукций Хокни с плавательными бассейнами.

И нигде ни следа Эшли Харпер.

Так куда она, черт возьми, подевалась?

Пытаясь подавить переходящее в панику чувство тревоги, Грейс переглянулся с Гленном Брэнсоном. Оба понимали: на каком-то этапе расследования их перехитрили, оставили в дураках. Но где и когда? В первые минуты Рой мог думать только о том, какую выволочку получит от Элисон Воспер, если окажется, что он понапрасну разбудил мирового судью среди ночи.

Мало ли какие причины могли вынудить Эшли Харпер не ночевать сегодня дома? Неожиданно Грейс страшно разозлился. Во всем виноват Гленн! Кто, как не Брэнсон, втянул его в эту проклятую историю?! *Мне что, официально поручили вести дело Майкла Харрисона? Ничуть не бывало! И вот вам: сейчас я по уши увяз в этом дерьме!*

Надо заново перебрать все известные факты. А еще подумать, как прикрыть собственный зад, если Номер 27 вызовет на ковер. Гибель Марка Уоррена. Записка-ультиматум. Отрезанный палец в холодильнике. Неожиданные открытия Эммы Джейн. Слишком много поводов для самых серьезных подозрений. Агрессивное поведение Марка Уоррена на так и не состоявшейся свадьбе. Брэдли Каннингем – с виду безукоризненно воспитанный и состоятельный джентльмен, а на деле – темная лошадка.

Честно говоря, эти штаны жмут невыносимо. Я взял костюм напрокат в вашей фирме «Мосс бразерс», но они, кажется, подсунули мне штаны не того размера!

Грейс провел достаточно времени и в Канаде, и в Соединенных Штатах и немного разбирался в особенностях языка жителей Северной Америки. Образованные представители высшего и среднего класса могут называть предмет повседневной одежды «штанами», но нижнюю часть фрачной пары – только «брюками». Ему бы сразу догадаться: скорее всего, Брэдли Каннингем – не тот, за кого себя выдает.

Впрочем, этот, весьма шаткий аргумент вряд ли утихомирит Элисон Воспер.

– Прошерстите мне здесь все до миллиметра, – устало приказал Грейс своим сотрудникам. – Переверните каждый камешек. Выясните, кто владелец дома. Кому принадлежат телевизоры, стереосистема, «ауди», что стоит снаружи, ковры, розетки… Я хочу знать об этой чертовой Эшли Харпер все до мелочей – даже больше, чем известно ей самой. Ясно?

* * *

Тщательнейший двухчасовый обыск не дал никаких результатов. Можно подумать, Эшли Харпер, заметая за собой следы, прошлась по своему жилищу с гигантским пылесосом. Кроме мебели и холодильника со стаканчиком биойогурта, пакетом соевого молока, пучком редиски и полупустой бутылкой шотландской минеральной воды из супермаркета «Сейнсбериз», в доме не было ничего.

Грейс пытался перевернуть матрас в гостевой спальне, когда к нему подошел Гленн Брэнсон.

– Старик, все это очень странно – она как будто заранее знала, что мы сюда придем. Понимаешь, о чем я?

– А почему *мы* не *знали заранее,* что она слиняет?

– Опять ты за свое! Что за манера отвечать вопросом на вопрос!

– Да уж какая есть! – раздраженно пропыхтел ошалевший от усталости Грейс. – Наверное, потому, что ты вечно задаешь их мне! Нет чтобы поднапрячься и самому поискать ответ!

Брэнсон примирительно вскинул руку:

– Не обижайся, старик!

– Даже и не думал.

– Так где же она, мать ее за ногу?

– Здесь ее точно нет.

– Я и сам догадался.

В комнату вошел констебль Николл с клочком бумаги в руке:

– Рой! Взгляни-ка – не знаю, может, пригодится?

Это был чек от компании «Сэнчури рэдио», что на Тоттенхэм-Корт-роуд, известного поставщика электроники. На чеке было пробито: «AR-5000 Киберскан, £2437,25».

– Где ты это нашел? – спросил Грейс.

– На заднем дворе, в мусорном баке, – с гордостью ответствовал Ник.

– Две тысячи четыреста тридцать семь фунтов за компьютерный сканер? – удивился Грейс. – Неужели бывают такие дорогие? И для чего они нужны? – Подумав немного, он продолжал: – И зачем выбрасывать чек? Даже если вещь куплена за счет фирмы, чеки принято сохранять – на всякий случай, вдруг сломается? Разве не так?

– Я бы точно сохранил, – согласился Брэнсон.

Грейс посмотрел, когда был выписан чек. В прошлую среду. Время покупки – 14.25. Во вторник вечером у Эшли Харпер пропадает жених. В среду днем она едет в Лондон и покупает сканер за две с половиной тысячи фунтов. Чушь какая-то!

Часы показывали уже начало девятого, а он, Грейс, болтается тут вместе со всей группой чуть ли не с половины седьмого.

– Не знаю, во сколько открывается «Сэнчури рэдио», но нам нужно выяснить об этом сканере решительно все, – распорядился он.

– А что, есть какие-то предположения? – спросил Брэнсон.

– Да целая куча, – буркнул Грейс. – Их слишком много – гораздо больше, чем требуется. – И добавил: – Без четверти десять мне нужно быть в суде.

– Опять старый дружок Суреш Хоссейн?

– У меня сердце кровью обливается от одной мысли о том, как ему будет меня недоставать. Как насчет завтрака? Стрескаем по большому бифштексу?

– Старик, холестерин вреден для сердца…

– Знаешь что? В данный момент для моего сердца вредно абсолютно все!

82

Войдя в просторный зал ожидания Льюисского уголовного суда, расположенного в красивом особняке Георгианской эпохи, Грейс понял, что у него еще масса свободного времени, и выключил мобильник. Зал был переполнен: сегодня тут собрали свидетелей сразу по трем делам. Кажется, до Клодин, наконец, дошло, что к чему, и она перестала забрасывать его эсэмэсками.

Рой зевнул. Все тело точно налилось свинцом. Съеденный недавно бигмак с огромной порцией жареной картошки не придавал энергии, а, наоборот, отнимал ее. Как странно! Неделю назад этот судебный процесс занимал бы основное место в его жизни, поглощая целиком и полностью. Сейчас же все отошло на второй план: важнее всего было найти Майкла Харрисона.

Но и этот суд – далеко не пустяк, а приговор определит судьбу очень многих. Он имеет решающее значение для вдовы и детей Рэймонда Коэна, которого Хоссейн или его подручные насмерть избили заостренным колом, превратив в кровавое месиво. Исход процесса крайне важен для всех жителей Брайтона и Хоува. Законопослушных граждан необходимо оберегать от подобных Хоссейну чудовищ. Кроме того, и ход разбирательств, и, конечно, их итоги немало значат для самого Грейса, а посему надо забыть об усталости и сосредоточиться.

Найдя в зале тихий уголок, суперинтендент сел и по мобильнику связался с разбиравшей его почту Элинор. Потом он смежил веки, давая отдых глазам, и спрятал лицо в ладонях, пытаясь урвать хоть несколько минут сна, отвлечься от хлопанья дверей, щелканья замочков открываемых кейсов, жизнерадостных приветствий, гула голосов адвокатов и их клиентов…

Через пару минут, сделав легкую дыхательную гимнастику, Грейс почувствовал себя немного бодрее. Он встал и огляделся. Скоро станет ясно, вызовут его сегодня или нет. Хорошо бы не вызвали! Тогда можно будет вернуться в Суссекс-Хаус. Он поискал глазами нужного человека – представительницу обвинения Лиз Рейли.

В зале собралось больше сотни людей, включая облаченных в мантии адвокатов и их куда более современного вида помощников. Лиз – женщину лет тридцати в строгом, но элегантном костюме и с папкой в руках – Грейс углядел в противоположном конце зала. Она увлеченно беседовала с незнакомым Рою адвокатом.

Суперинтендент, подойдя к ним, встал рядом. Заметив его, Лиз кивнула, давая понять, что скоро освободится. Когда молодая женщина, наконец, отвернулась от собеседника, выглядела она взволнованной.

– Возможно, у нас будет еще одна свидетельница!

– Ну да? И кто такая?

– Девушка по вызову из Брайтона. Вчера вечером, позвонив представителю Службы гражданского патрулирования, она сказала, что следит за ходом процесса по газетным статьям. Так вот, девушка утверждает, будто Суреш Хоссейн вызвал ее к себе и во время полового акта сильно избил. Произошло это 10 февраля прошлого года в Брайтоне.

10 февраля! Вечер убийства!

– До сих пор у Хоссейна было железное алиби: в то время он якобы ужинал в Лондоне с двоими друзьями, – напомнил Грейс. – Оба дали показания под присягой.

– Совершенно верно, но эти «друзья» работают на Хоссейна. А девушка – нет, но смертельно его боится – потому-то и не пришла к нам раньше. Хоссейн угрожал убить ее, если донесет. Но основная трудность – в том, что девушка не доверяет полиции. Даже позвонила не в ваше управление, а нам.

– По-твоему, ей можно доверять?

– Вполне, – кивнула Лиз. – И необходимо включить ее в программу защиты важных свидетелей.

– Да мы сделаем все, что она пожелает! Все, что угодно!

Грейс взволнованно потер руки. Ему хотелось прямо здесь, сию секунду расцеловать Лиз Рейли. *Великолепная новость! Просто замечательная!*

– Кто-то обязательно должен поехать к нашей свидетельнице и убедить, что ее не арестуют за… такое ремесло.

– Где она сейчас?

– Дома.

Грейс посмотрел на часы:

– Я мог бы съездить туда сейчас же. Это не приведет к обратному результату?

– Отправляйся, но только на машине без опознавательных знаков. В общем, ни мигалок, ни раций, никакого иного «пугательного» оборудования!

– Да, и прихвачу с собой женщину-констебля, чтобы та побыла со свидетельницей. Мы во что бы то ни стало должны уберечь ее от опасности. Я хочу поговорить с этой молодой особой и убедить ее дать показания немедленно.

– Веди себя поосторожнее – и девушка пойдет нам навстречу.

Всю усталость Грейса как рукой сняло.

83

Он вернулся в оперативный штаб едва за полдень. Из Шелли Сэндлер выйдет превосходная свидетельница. Хрупкая с виду девушка лет двадцати пяти оказалась очень неглупой и умела складно излагать свои мысли. Такая свидетельница произведет впечатление на присяжных – если, конечно, не передумает со страху и в последнюю минуту не откажется давать показания. Так бывает. Но Шелли, кажется, серьезно хочет наказать Хоссейна за все его подлости. Очень, очень серьезно…

Хорошая новость! Впервые за последние дни Грейсу показалось, что справедливый вердикт суда – не такая уж недостижимая цель.

Вся команда была уже в сборе. Плюс к тому явились двое новых помощников-констеблей: молодой мужчина и женщина средних лет. Суперинтендент, объявив, что совещание будет недолгим, попросил всех оставаться на местах.

Первым – понизив голос, так как за другими столами тоже кипела работа, – отчитался Ник Николл.

– Рой, помнишь чек, который мы утром нашли в доме мисс Харпер, – на две тысячи четыреста тридцать семь фунтов?

– Угу.

– Так вот что я выяснил в «Сэнчури рэдио». – Он протянул Грейсу две страницы, распечатанные с веб-сайта. – На, смотри, остальные уже читали.

«Приемное устройство (ресивер) „Киберскан AR-5000". Частотный диапазон невероятно широк: от 10 килогерц до 2600 мегагерц! Ресивер расширяет границы приема, обеспечивает прекрасный, четкий сигнал, высокую чувствительность и широкую частоту покрытия с помощью микропроцессоров, включающих 5 независимых перестраиваемых генераторов, 1000 запоминаемых каналов, 20 банков поиска. „Киберскан" может сканировать и все мобильные частоты. Скорость поиска – 45 каналов или инкрементов в секунду…»

Рой повернулся к Брэнсону:

– Из всех моих знакомых технарей ты – лучший. Мне кажется, я уже угадал, для чего нужна такая штука. Я прав?

– Это суперсовременный радиочастотный сканер. Такими пользуются фанаты-радиолюбители: знакомятся, подслушивают переговоры полицейских по рации или мобильные звонки.

Грейс кивнул и посмотрел на Эмму Джейн Бутвуд:

– Известно ли что-нибудь о том, что Эшли Харпер когда-либо пользовалась радиосвязью на общественном диапазоне – в ее прошлых воплощениях или в нынешнем?

– Нет, – покачала головой Эмма Джейн. – Никаких.

Грейс посмотрел на цветное фото сканера. Большой серебристый ящик на ножках, впереди – наборная панель: в общем, с виду вроде бы обычный радиоприемник, только с уймой «лишних» верньеров и кнопок.

– Итак: во вторник вечером у барышни пропадает жених. А на следующий день она мчится в Лондон и покупает сканер радиочастот за две с половиной тысячи. Ну-ка, прикиньте – зачем? И откуда она, черт ее побери, знает, как пользоваться такой штукой?

– С отчаяния? – предположил Ник Николл.

– Что-то не верится, – покачал головой Грейс.

– Может, она и в самом деле не знала, где Харрисон, – предположила Белла Мой.

Грейс рассеянно кивнул. Может-то может, но все равно концы с концами явно не сходятся.

– Допустим, она знала, что у Майкла Харрисона была рация, и пыталась с ним связаться… – предложила свою версию Эмма Джейн Бутвуд. – Или… хотела подслушать, с кем еще он разговаривает!

Ее слова произвели на Грейса сильное впечатление.

– Толковая мысль. – Он оглядел всю команду. – Еще версии есть? Ладно, давайте ненадолго переключимся. Еще что-нибудь нарыли?

Ник Николл энергично кивнул:

– После того, как ты уехал из дома Эшли Харпер, Джо Тиндалл начал вскрывать пол. Отодвинув комод, мы обнаружили конверт с чеками и квитанциями – то ли он свалился туда случайно, то ли был спрятан. Большинство бумажек интереса не представляют, но на одну ты непременно должен взглянуть.

Это была квитанция на сумму в полторы тысячи фунтов, выданная фирмой «Конквест эскортс», расположенной по адресу: W1, Мэддокс-стрит, Лондон. Под логотипом фирмы стоял девиз: «Тактичные и очаровательные мужчины и женщины, способные выручить вас в любой ситуации». На квитанции стояли две даты: прошлая суббота (день свадьбы Эшли Харпер) и понедельник.

– А теперь посмотри на обратную сторону, – хитро прищурился Ник Николл.

Перевернув бумажку, Грейс увидел сделанную шариковой ручкой подпись: «Брэдли Каннингем».

Грейса вдруг осенило: он вспомнил разговор с Эшли у нее дома вечером в пятницу. И, как воочию, глазам предстала картина: девушка сидит, бессильно поникнув в кресле, и вспоминает о своем канадском дядюшке:

«Мы обожаем друг друга… Он взял отпуск на целую неделю, чтобы присутствовать на репетиции в понедельник…»

– Она придумала себе не только дядюшку! – добавил Гленн Брэнсон. – Сейчас Эй Джей тебе и не такое выложит! Но для начала глянь-ка сюда.

Он передал Грейсу отксерокопированный лист формата А-4: переданное по факсу указание банку «Текста», зарегистрированному на Гранд-Кайман-Айленд, перевести 1 253 712 фунтов на определенный счет в «Банко Альядо», Панама. Распоряжение, подписанное Майклом Харрисоном и Марком Уорреном, было отправлено накануне в 23.25.

Дважды перечитав документ, Грейс нахмурился:

– То есть за двадцать минут до того, как он шагнул с балкона!

– Совершенно верно.

Грейс вспомнил о найденной в кармане у Марка Уоррена записке-ультиматуме.

– Значит, он рванул в офис и перевел деньги, чтобы спасти жизнь друга. А потом вернулся и ухнул вниз?

– Может, у них был какой-нибудь крупный долг? Панама недалеко от Колумбии… Колумбийская мафия? Выплатили долг, а потом Марк Уоррен от отчаяния покончил с собой.

– Версия неплохая, – задумчиво покивал Грейс. – Но дела у наших ребятишек шли просто отлично. Они затевали крупное строительство в Эшдауне – двадцать домов! Этот проект принес бы им несколько миллионов. Зачем кончать с собой из-за… какая там у него получается доля… несколько сот тысяч фунтов?

– Значит, он перевел деньги, а потом его убили.

– А вот это куда больше похоже на правду. Я только что звонил в морг Клио Мори. Патологоанатом уже едет туда. Думаю, уже сегодня мы узнаем, так это или нет.

Констебль Белла Мой доложила, что у нее есть сведения от телефонной компании «Водафон». Несколько звонков с мобильного телефона Майкла Харрисона были зарегистрированы вчера ночью между десятью и одиннадцатью. Он набирал 999, но на запросы оператора не отзывался и почти сразу давал отбой.

– А ретрансляционная станция?

– Я как раз к этому и веду, Рой. Сотрудники «Водафона» охотно пошли нам навстречу, и мы уже знаем, где находится ближайшая к телефону Майкла Харрисона вышка.

– Где?

Белла грустно вздохнула:

– К сожалению… в центре Ньюхейвена. Там одна вышка на весь городок.

– Что ж, они нам очень помогли, – съязвил Грейс. – Кстати, случайно ли выбран Ньюхейвен, порт на Ла-Манше?

– Я уже разослала приметы во все порты, – заверила его Белла.

– Чьи приметы?

– Эшли Харпер, а также Элекс Хурон – это имя она использовала четыре года назад в Канаде.

Белле явно было что добавить, и Грейс молча ждал продолжения.

– Я навела справки о машине «ауди-ТТ». Год назад Эшли Харпер взяла ее напрокат у дилера в Хаммерсмите на свое имя. Все платежи поступали в срок, тут все чисто. То же и с домом: он арендован, но срок истекает в конце месяца.

– И, поди, совпадает со днем свадьбы? – ухмыльнулся Брэнсон.

– Вполне возможно, – кивнула Эмма Джейн. – На всякий случай я попросила новых членов нашей команды проверить все окрестные агентства по прокату легковых машин и микроавтобусов и, помимо нынешнего, снабдила их списком прежних имен этой особы. На имя Эшли Харпер мы ничего не обнаружили. Но в десять минут первого – уже сегодня – женщина, назвавшаяся Элекс Хурон, взяла напрокат «мерседес» в отделении агентства «Авис» аэропорта Гатуик. Она пользовалась кредитной картой «Торонто Доминион банк оф Канада». Оформлявшему заказ клерку показали фото Эшли Харпер, и он мигом ее опознал.

– Камеры видеонаблюдения! – воскликнул Грейс. – Как же я…

Гленн Брэнсон успокаивающе вскинул руку:

– Мы уже подключились. Проверили все камеры слежения между Гатуиком и Ньюхейвеном с того момента, как она взяла машину.

Грейс посмотрел на Николла:

– Ник, она улизнула от нас примерно за час до того, как ты подъехал к ее дому.

– Да.

– Нам известно, на чем она добралась до аэропорта?

– Нет.

Грейс задумался, и все почтительно умолкли. Он еще раз прокручивал в голове последовательность событий. Итак, вчера он является к Марку Уоррену. Потом они с Гленном заскакивают к Эшли. Марк Уоррен едет в лес помогать поисковикам. Затем переводит деньги в Панаму и почти сразу гибнет. Эшли под чужим именем берет машину напрокат.

И тут он понял, что затевает эта женщина. Ее необходимо найти! Настолько необходимо, что все остальное сейчас отступает на задний план.

Найти, и как можно быстрее!

Если только уже не поздно.

84

– Слушай, женщина, что за фигня?! На кой тебе аж четыре долбаных чемодана! Что с тобой, Элекс?

– Ты это о чем?

– Да о том, что я не собираюсь переть на себе твои четыре долбаных чемодана! Вот о чем!

– Так вызовем носильщика.

– А как насчет переплаты за лишний вес?

– Вик, у нас карточка «Трэвелинг клаб»! У нас особые льготы – можно хоть слона везти! Расслабься!

– Расслабься?! Черта лысого! Почему не бросить все это дерьмо здесь? Купишь новое в Сиднее – там, знаешь ли, тоже есть магазины!

Эшли, в джинсовом брючном костюме от Прады и туфлях на высоком каблуке, стояла среди груды вещей в гостиной ньюхейвенского домика на две семьи и, сердито подбоченясь, смотрела в окно. Дом стоял на холме, и оттуда открывался вид почти на весь город и часть порта, тоже входившего в городскую черту.

Из гавани грузно выполз большой паром компании «Сикэт» и взял курс на французский берег. День выдался серым и сумрачным, от влажной духоты кожа то и дело покрывалась испариной. И без того плохое настроение стремительно портилось еще больше: вот-вот начнутся месячные.

– Вот как? – с ядовитой улыбочкой переспросила Эшли. – В Сиднее и впрямь есть магазины? То есть такие места, куда можно войти и что-то купить?

– Отвали, дурища! Не смей разговаривать со мной, как с какой-нибудь гребаной шестеркой!

– Сам отвали! С какой стати мне все это бросать? Это моя жизнь!

– Что значит – *это* моя жизнь?

Вик, с его ростом пять футов семь дюймов, сейчас был всего на полдюйма выше Эшли, хотя всегда казался ей выше. Жилистая мускулистая фигура борца, руки, покрытые татуировками, короткая, почти под ноль, стрижка, красивое, хоть и грубоватое лицо… В одежде он тоже придерживался военного стиля. Сейчас на нем была пятнистая камуфляжная куртка поверх черной майки, мешковатые штаны цвета хаки и высокие черные сапоги на шнуровке.

– А-а-а, ты хочешь сказать, твоя жизнь – это Майкл? Или, может, Марк? Эти два сопляка – твоя жизнь? Или я что-то не так понял? Мне-то казалось, что твоя жизнь – это я, сука ты чертова!

– Я тоже так думала, – прошипела Эшли сквозь стиснутые зубы, едва сдерживая слезы.

– Так какого дьявола ты тогда выпендриваешься?

– Никакого.

Вик схватил ее за плечи и развернул к себе лицом.

– Элекс, угомонись! Все хорошо! Мы почти дома! Ты просто успокойся, и все.

– Я совершенно спокойна. Это ты – комок нервов.

Вик притянул ее к себе. Заглянул в зеленые глаза. Нежно откинул со лба несколько прядок.

– Я люблю тебя, – жарко выдохнул он. – Как же я тебя люблю, Элекс!

Эшли обвила руками шею Вика и на мгновение страстно прижалась к нему губами.

– Я тоже люблю тебя, Вик. И всегда любила.

– Но благополучно забывала обо мне, когда трахалась с Марком, а потом с Майклом. И с целой кучей придурков до них.

Она сердито отпрянула, едва не споткнувшись о чемодан:

– Господи, что на тебя нашло?!

– Ах, что на меня нашло?! У нас получился крупный облом, вот что!

– Никакого облома, Вик! Мы раздобыли, что нам требовалось.

– Паршивые миллион двести тысяч! И угробили целых полгода!

– Ни ты, ни я не могли заранее знать, как все обернется, да еще предусмотреть эту чертову аварию.

– Надо было все разыграть по-другому. Ты могла выкопать Майкла, потом с ним обвенчаться, и мы получили бы половину его денег, да еще и все бабки партнера в придачу!

– Вик, на это ушло бы много месяцев, а может, и лет. Они до последнего надеялись осуществить свой грандиозный проект. А так мы быстро добились своего. Кстати, если бы ты не просадил половину наших денег, мы оба вообще здесь бы не оказались. Понятно?

Он покосился на часы:

– Нам пора брать ноги в руки, коли хотим успеть на самолет.

– Я готова.

– Ты ведь понятия не имеешь, Элекс, как все это для меня мучительно! Что мы делаем? Я целый год прячусь, ты же трахаешься с Майклом и Марком, а до них – с этим козлом Ричардом в Чешире, не говоря уже о Джо Кервине и Джулиане Уорнере.

– Вик, я просто ушам своим не верю! Я делала то, что от меня требовалось: выполняла необходимую часть сделки. Так?

– Нет, не так!

– Но ведь под конец ты всегда платил им с лихвой! Чем же еще недоволен? А сейчас я, плюс ко всему, уберегла себя и тебя от медового месяца с Майклом!

Вик вновь бросил нетерпеливый взгляд на часы:

– Договорим в машине – до отъезда у меня есть еще одно дельце.

Он вынес ее чемоданы в холл и, вернувшись в гостиную, отодвинул от стены диван. Потом австралиец опустился на колени и отогнул угол ковра.

– Вик! – позвала его Эшли.

Он поднял голову:

– Что?

– А может, давай просто бросим его там?

– Бросим?!

– Майкл ведь никуда не денется, так? Сам он никак не вылезет… и даже говорить не способен…

– Я хочу отправить парня на тот свет, чтоб не мучился.

– А может, просто оставим все, как есть? Его здесь никто не найдет.

– Дай мне десять секунд, и я сверну ему шею.

– Но зачем?

Вик изумленно воззрился на сообщницу:

– Ты что, дрянь, влюбилась в него?

– Ничего подобного! – вспыхнула Эшли.

– Когда я избавлялся от других, ты и слова не говорила. Что такого особенного в твоем Майки?

– Ничего!

Он отпустил угол ковра, встал и задвинул диван на место. Потом переставил кофейный столик.

– Ты права, Элекс. Сам он не выберется. Зачем жалеть какого-то осла, избавляя его от мучений? Пусть сдохнет с голоду – один, в темноте. Ну как, довольна?

Эшли кивнула.

– Ты читал сегодняшние газеты?

– Нет, подчищал за собой следы. Зато вчерашние читал – волноваться не о чем. А новости узнаем в аэропорту. – Вик ухмыльнулся. – Но уж потом – никаких заморочек на эту тему, идет?

Через пять минут чемоданы Эшли были заброшены в багажник «мерседеса» вместе с объемистым вещмешком Вика. Он запер входную дверь и сунул ключи в карман.

– Как думаешь, не вернуть ли их в агентство?

– Дом арендован на пять месяцев вперед! Хочешь, чтобы сюда явились копы и начали вынюхивать? Вот что, милая: недельку-другую сюда определенно не стоит совать нос!

Эшли, не ответив, пристегнулась ремнем безопасности и в последний раз посмотрела на покидаемое жилище из окна машины. Странный дом отлично подходил им благодаря своему изолированному положению. Ближайшие соседи жили в четверти мили отсюда. А после того, что случилось в прошлый вторник, этот дом стал просто идеальным убежищем, хотя и не отличался ни красотой, ни изяществом, ни гармонией. Его построили в тридцатых годах прошлого века посреди окруженной кустарником пустоши, и с тех пор вокруг так ничего и не изменилось. Дом смахивал на недоделанную, усеченную половину двухквартирного особняка. Вначале сбоку размещался гараж, но потом его переделали в гостиную.

Вик завел мотор. Через час они будут в аэропорту Гатуик. Завтра, а может, уже сегодня – Эшли всегда путалась во временных поясах – они будут дома, в Австралии. Подумать только – дома! По лобовому стеклу бежали капли дождя. Невзирая на это, девушка надела новенькие темные очки от Гуччи. А стричь ей волосы пришлось Вику – времени на парикмахерскую уже не было; утром Эшли натянула короткий черный парик. Если их вычислили и объявили в розыск, в аэропорту станут искать Эшли Харпер. На то, что легавые докопаются до Элекс Хурон, – всего один шанс из тысячи. Посмотрев на паспорт в сумочке, действительный еще целых два года, она улыбнулась. Разумеется, никому и в голову не придет в чем-либо заподозрить Энн Хемпсон.

Вик перевел рычаг в положение «вперед» и недоуменно наморщил лоб.

– Где этот чертов тормоз?

– Вот рукоятка – потяни за нее.

– Зачем им на фиг вместо тормоза – рукоятка? Почему ты не взяла обычную машину?

– Что может быть обычнее «мерседеса»?

– Машина с нормальным ручным управлением!

– Ради бога, прекрати!

– Пока, придурок! – опустив стекло, проорал Вик. – Желаю тебе поскорее сдохнуть!

– Вик!

– Что? – Он, выжав газ, погнал машину по проселочной дороге. «Мерседес» так и скакал по колдобинам: наверное, городские власти просто забыли, что тут есть дорога. – В чем дело? Уже соскучилась по члену своего дружка?

– Знаешь, что я тебе скажу… Он у него больше твоего!

Вик грубо ударил ее по лицу. Машину занесло на травянистую обочину, потом вновь вынесло на дорогу – они буквально перепрыгнули через яму.

– Ну что, врезал мне – и полегчало?

– Шлюха проклятая!

Они доехали до перекрестка и повернули направо, к современному жилому массиву, окруженному молодыми деревцами.

– А ты, Вик, – сутенер, да еще и садист, понимаешь? Тебе стало легче? Ведь любишь же спускать пар, мучая таких, как Майкл?

– А ты спускаешь пар, трахаясь с ним и зная, что однажды и впрямь оттрахаешь по самое не хочу! – Он посмотрел на нее, бешено крутанув руль. Машина вылетела на шоссе.

Все произошло так быстро, что Эшли почти ничего не почувствовала: просто вдруг стало темнее. Громкий удар. Ее сильно тряхнуло. Одно ухо оглохло. Дурацкая мысль, но казалось, будто в салоне распороли перьевую подушку. Завоняло кордитом. И тут же послышался сигнал клаксона.

– О, черт, черт, черт! – Вик замолотил кулаком по рулю. Из выпуклости посреди баранки торчала сдутая, как использованный презерватив, подушка безопасности, вторая безвольно обмякла у самой его головы.

– Ты в порядке? – спросил он Эшли.

Та кивнула, испуганно глядя на вздыбившийся, разбитый капот. Фирменная звездочка «мерседеса» исчезла. В нескольких ярдах от них посреди дороги стоял еще один автомобиль – белый.

Вик попытался выйти из машины, но не смог: заклинило дверцу. Тогда он навалился всей тяжестью, наконец, жалобно заскрипев на петлях, та поддалась.

Дверца со стороны Эшли открылась свободно. Она отстегнула ремень и, пошатываясь, вылезла из салона. Зажав пальцами нос, продула уши. И только потом увидела изумленное лицо седовласой женщины, сидевшей за рулем той, другой машины – «сааба» с помятым носом.

Вик быстро оглядел «мерседес». Правое переднее колесо разбито, скручено и вдавлено в моторный отсек. Вне всяких сомнений, ехать на этой штуке сейчас невозможно.

– Ах ты, проклятая глупая сука! – заорал Вик на старушку в «саабе», перекрикивая надрывные вопли клаксона еще недавно новенького и роскошного автомобиля.

Эшли увидела, что к ним подъезжает еще одна машина, а навстречу движется микроавтобус. И еще – к месту происшествия бежал какой-то молодой человек.

– Вик! – с тревогой крикнула она. – Ради бога, оставь, нам пора сматываться!

– Точно, пора! Ну и что ты, мать твою, предлагаешь?

85

Сидевший в самом дальнем углу оперативного штаба Ник Николл вдруг заорал Грейсу:

– Рой! Седьмая линия! Сними трубку, скорее!

Суперинтендент нажал на клавишу и поднес трубку к уху.

– Рой Грейс слушает!

Говорил сержант брайтонской полиции Марк Такуэлл.

– Привет, Рой, – поздоровался он, – ты ведь ищешь «мерседес» синего цвета, седан, номер: «Лима-Джульетт-зеро-четыре-папа-икс-Рэй-Лима»?

– Да.

– Он только что попал в аварию в Ньюхейвене. Водитель и пассажирка угнали другую машину.

Грейс резко выпрямился, едва не выронив телефонную трубку. Уровень адреналина в крови явно подскочил.

– Они взяли заложников?

– Нет.

– У нас есть их приметы?

– С этим пока негусто. Мужчина: плотного телосложения, белый, короткие волосы, лет сорока-сорока пяти. У женщины короткие черные волосы, на вид лет тридцать с небольшим.

– А какую машину они угнали?! Давай описание! – хватая ручку, потребовал Грейс.

– Зеленый «лендровер-фрилендер». Номер: «виски-семь-девять-шесть-Лима-дельта-янки».

Записав полученную информацию, Грейс спросил:

– Эту машину нашли?

– Пока нет.

– Когда именно ее угнали?

– Десять минут назад.

Грейс задумался. Десять минут! За это время можно добраться куда угодно! Он поблагодарил сержанта и обещал перезвонить через пару минут, попросив не занимать телефон.

Затем Рой торопливо сообщил новость команде и, передав бумажку с приметами машины Нику Николлу, распорядился:

– Ник, живо разошли это во все соседние графства – Суррей, Кент, Хэмпшир, а также в Лондон.

Он снова задумался. Дороги к востоку от Ньюхейвена вели в Истборн и Гастингс. На севере – скоростные магистрали до аэропорта Гатуик и в Лондон. На западе – Брайтон. Если преступники останутся в «лендровере», то, скорее всего, поедут на север. Он повернулся к сержанту Мой:

– Белла, поднимай вертолет. Будем исходить из того, что они хотят убраться подальше из нашего района. Пусть вертолетчики прочешут дороги в радиусе десяти – пятнадцати миль к северу от Ньюхейвена.

– Есть!

– Сразу после этого прикажи установить дежурство у всех камер наблюдения на железнодорожных вокзалах на случай, если они бросят машину и пересядут на поезд.

Рой торопливо глотнул минералки.

– Эмма Джейн, звони в дорожную полицию – пусть немедленно отправят несколько патрульных машин на шоссе А-23 и ищут «лендровер»! Как только им дозвонишься, сразу оповести полицию в ньюхейвенском порту и аэропортах Гатуика и Шорэма.

Он мысленно пробежал весь список: *морские порты, железнодорожные вокзалы, аэропорты, главные автомагистрали.* Угонщики обычно передвигаются короткими перебежками – бросают одни машины и тут же угоняют другие. Грейс повернулся к Гленну Брэнсону:

– Пусть тебе регулярно докладывают из Ньюхейвена и прилегающих районов – надо убедиться, что они еще не бросили «лендровер». И на всякий случай держи наготове пару патрульных машин.

– Сейчас займусь.

Грейс дозвонился до отдела расследования ДТП и объявил, что забирает у них дело. Сотрудник на другом конце линии сообщил: есть новости. Машина со сходными приметами проехала перекресток на красный свет и, едва не зацепив несколько других, выскочила на тротуар, лишь бы успеть первой к открытию ньюхейвенского разводного моста. Это произошло всего две минуты назад.

86

Когда «фрилендер», с ходу вымахнув на извилистую проселочную дорогу, не вписался в правый поворот, Вик Дилэни что было сил дал по тормозам. Передние колеса тут же заблокировало, и машину вынесло прямиком на здоровенный тополь. Незадачливый водитель судорожно вцепился в огромный руль.

– Ви-и-ик! – пронзительно заверещала Эшли.

Машину с размаху швырнуло вправо, крутануло вокруг своей оси… Вик поспешно вывернул руль влево, и их потащило на другой тополь. Тяжелый внедорожник мотало из стороны в сторону, как набитый тряпьем мешок, чемоданы на заднем сиденье то и дело с громким треском стукались друг о друга. Наконец Вику вновь удалось совладать с управлением.

– Вик, ради бога, не так быстро!

Впереди по дороге медленно полз тяжело нагруженный тягач, и несколько чертовски опасных мгновений «фрилендер» висел у него на хвосте, не имея ни малейшей возможности для обгона.

– Твою мать! – Вик сбросил газ и, вне себя от досады, шарахнул кулаком по рулю.

Все пошло наперекосяк. *Вот так всегда в моей собачьей жизни,* подумал он. Отец спился и умер, когда он был подростком. В восемнадцать он избил любовника матери, потому что этот урод обращался с ней, как с последним дерьмом. А та, нет чтоб сказать спасибо, выставила сынка из дома.

Мечтая о приключениях, Вик записался в армию и сразу почувствовал себя своим в морской пехоте. Но там он приобрел и вкус к деньгам. Большим деньгам. Он любил стильную одежду, дорогие машины, азартные игры и шлюх. Но больше всего ему нравилось чувство превосходства над другими. Как все сразу начинали пресмыкаться, когда он входил в казино в дорогом костюме! Как почетного клиента, в случае крупного проигрыша казино угощало его ужином, а то и бесплатно предоставляло гостевой номер.

На втором году службы ему почему-то дьявольски везло, а потому удалось скопить кругленькую сумму, но потом пошла черная полоса, и Вик все спустил.

Он скорешился с одним жуликоватым интендантом, неким Брюсом Джекманом, работавшим на складе боеприпасов, и открыл легкий способ крупно заработать. Они продавали оружие, патроны, взрывчатку и прочее армейское имущество по Интернету. Когда на них вышла военная полиция, Вик задушил Брюса Джекмана и оставил висеть в его спальне с покаянной запиской. С тех пор он ни разу не вспомнил и не пожалел о содеянном.

Жизнь – игра. *Выживает сильнейший.* Люди ошибаются, считая себя отличными от животных. Жизнью правит закон джунглей.

Впрочем, это не означает, что никого нельзя любить. Он глубоко, до безумия, отчаянно полюбил Элекс с той самой минуты, когда впервые ее увидел. Потрясающая красотка с роскошной фигурой умела стильно одеваться и вести себя как леди, но в постели была самой настоящей шлюхой. Она давала ему все, что только может дать женщина, – и даже более

того. И она единственная из всех знакомых женщин оказалась еще честолюбивее его. Элекс тоже любила играть по-крупному, хотя и преследовала одну-единственную простую цель: нажить состояние, пока молода, а потом до конца своих дней наслаждаться. Как просто… *Убийственно просто!*

И вот теперь им остался сущий пустяк: добраться до Гатуика и сесть в самолет.

Тягач впереди тащился со скоростью миль тридцать в час, не больше, испуская клубы ядовитого черного дыма; в салоне «фрилендера» сразу завоняло соляркой. Вик сдал левее – посмотреть, нельзя ли проскочить, но тут же вернулся в свой ряд: навстречу пулей пронесся грузовик. Беглецы нервничали все больше. Дорога тянулась то вверх, то вниз, петляя, словно пьяная змея, затем впереди показался знак, предупреждающий, что дальше будет карьер. Когда дорога пошла в гору, тягач пополз еще медленнее. Вик положил левую руку на колено Эшли, нащупал ее ладонь, тихонько погладил…

– Проскочим, ангелочек!

В ответ она лишь молча сжала его руку.

Внезапно в зеркале заднего вида мелькнула синяя вспышка, и от страха желудок словно скрутили невидимые ледяные пальцы.

С этого момента Вик то и дело посматривал на зеркальце. Асфальт, трава, деревья… И вдруг – опять полыхнуло синим. На сей раз ошибки быть не могло. *Твою мать!* Да они в любой момент могут вынырнуть из-за угла и…

Вик вновь вильнул влево и вдруг на противоположной стороне заметил деревянный указатель «Осторожно, пешеходы!». Здесь дорога слегка расширялась, и он, мгновенно крутанув руль, успел проскочить вперед, едва избежав лобового столкновения с идущим навстречу микроавтобусом. Вырулив на обочину, по-видимому и служившую пешеходной зоной, «фрилендер» затрясся по колдобинам и почти сразу же угодил в глубокую промоину, заполненную водой. С ходу проскочив ее, Вик успел уловить в зеркале заднего вида патрульную со включенной мигалкой, промчавшуюся навстречу, и понадеялся, что копы их не засекли.

– Почему ты свернул?

– Полиция. – Он прибавил газу, почувствовал, как колеса забуксовали, завертелись, и машина толчками пошла вперед, то выбираясь из колеи, то сползая туда вновь. Они проехали мимо фермы: фургон для перевозки лошадей, неработающий трактор, проржавевший ангар из рифленого железа с пустующими загонами для овец.

– Куда ведет эта дорога? – спросила Эшли.

– Ё-мое, понятия не имею!

Повернув налево, они оказались на узком шоссе и, промчавшись мимо нескольких домиков, выбрались на оживленную трассу. Вик опустил стекло – пот лил с него градом.

– Это шоссе А-27, – наконец вспомнил он. – Оно выведет нас на А-23, прямо к Гатуику.

– Я знаю. Но нам нельзя ехать по автостраде.

– Мне кажется… лучше всего будет…

Оба услышали вертолет одновременно. Вик высунулся из окна и, глянув вверх, увидел пикировавшую на них темно-синюю металлическую стрекозу. Описав круг, отчего шум винтов стал еще громче, вертолет снизился, и Вик прочитал на дверце кабины надпись «Полиция».

– Сволочи! – Поскольку шоссе было забито плотным потоком машин, он решил, что ехать прямо слишком рискованно, и резко свернул налево под самым носом «ягуара», чей водитель отчаянно засигналил ему фарами и клаксоном. Не обращая на него внимания, Вик гнал машину, глядя лишь на дорогу и прикидывая, что делать дальше. Тут он обратил внимание, что машины впереди почему-то начинают постепенно сбрасывать скорость. Черт!

Похоже, легавые перекрыли шоссе! Подавшись чуть-чуть вправо и приглядевшись, он увидел причину заминки, несмотря на то, что обзор частично закрывал трейлер с высоким прицепом.

Шоссе блокировали патрульная машина и расставленные по обеим сторонам от нее высокие синие загородки с надписью: «СТОП! ПОЛИЦИЯ».

87

– Они только что прорвали кордон в районе Беддингема, – сообщил Грейсу инспектор дорожной полиции Джим Робинсон, – и двигаются в западном направлении по шоссе А-27. Еще миля, и они могут свернуть направо, к Льюису, либо налево, к деревне Кингстон.

– У нас там кто-нибудь есть?

– Патрульный на мотоцикле – он может успеть вовремя.

– Мотоциклисту там делать нечего – в одиночку не справится. Нам нужно взять их в клещи. Хорошо хоть, у них машина не гоночная, и их можно догнать. Нам нужны, как минимум, четыре машины – где сейчас ближайшие?

– Две направляются к пересечению с шоссе А-23: одна выехала из Льюиса, должна быть на месте через четыре минуты, вторая – из Шорэма, будет через три минуты. Две стояли наготове у полицейского управления, и еще одна выехала из Хейуордз-Хит, расчетное время прибытия – две минуты.

– Вертолет еще ведет наблюдение?

– Он прямо над ними.

Грейс закрыл глаза и мысленно представил себе маршрут. Кем бы ни были преступники, – а он не сомневался, что по крайней мере один из них убийца, – они просчитались, выбрав именно ту дорогу, по которой он ежедневно ездит на работу. Эта дорога знакома ему, наверное, лучше любой другой на свете. Он знает там каждый поворот, каждую выбоину. К тому же они на «лендровере», и, хотя земля еще не успела просохнуть после непрерывных дождей, там масса мест, где можно свернуть и ехать напрямик, проселками – если они захотят.

– На всякий случай нужна парочка внедорожников, – сказал Грейс. – Постарайтесь подогнать их поближе к пересечению А-27 и А-23.

Он посмотрел на часы. Без четверти два. Вторник. Сейчас на шоссе оживленное движение, и другие машины станут серьезной помехой. В последние годы полиции и так частенько достается за отчаянные погони, порой влекущие за собой гибель невинных людей. Значит, сейчас надо как следует позаботиться о безопасности окружающих.

Лучше всего зажать преступников «в коробочку»: машина впереди, машина сзади и по одной – слева и справа. Образцовое задержание. Хеппи-энд!

Только… не слишком-то много он их видел, с тех пор как, повзрослев, перестал верить в сказки.

88

Вик мчался вниз под гору по длинной извилистой дороге. Стрелка спидометра болталась у стодвадцатипятимильной отметки. Скоро должен быть перекресток, и можно будет свернуть на А-23. Ему предстояло принять важное решение, зная, что над ними неотступной тенью нависает вертолет. Последние минуты в голове крутилась лишь одна мысль: *будь я легавым, то какие участки сейчас бы перекрывал?*

Об аэропорте не может быть и речи – как, впрочем, и о пароме. Но есть одно место, о котором копы, возможно, не вспомнили… Мало того – скорее всего, они о таком даже не подозревают. Правда, чтобы туда попасть, нужно оторваться от проклятого вертолета. И впереди, всего в нескольких милях, есть точка, где он может уйти от погони.

Шоссе все круче забирало вверх: справа тянулись ряды приземистых холмов Даунленда – этакая волнистая равнина, слева начинались пригороды Брайтона и Хоува. А впереди – всего в нескольких милях отсюда – высокая труба. Шорэмская гавань. Туда-то им и надо. Но сперва следует заскочить в…

– Вик, ты куда? – взволнованно спросила Эшли. – Я думала, мы едем в Гатуик.

Тот не ответил. Впереди, за рулем видавшей виды бронзовой «тойоты»-седана – машинке лет десять, не меньше! – неторопливо катил невысокий и щуплый старичок. Прекрасно!

А впереди вот-вот покажется туннель длиной около четверти мили, прорезанный в толще холма. На огромной скорости – более ста десяти миль в час – «лендровер» миновал знак «Обгон запрещен!» и влетел в тускло освещенный туннель. Вик тут же подал левее и сбросил скорость: джип медленно пополз вперед. Австралиец врубил проблесковый маячок.

– Вик! Какого дьявола…

Тот, не отвечая, внимательно смотрел в зеркало заднего вида. Мимо ползла вереница машин. Вот, наконец, и «тойота»! Вик сосредоточился: он должен абсолютно точно рассчитать время. «Тойота» мигнула, показывая, что собирается обогнать его, и начала перестраиваться, но тут внезапно вспыхнули фары и резко взвыл клаксон: мимо пронесся «порше». Водитель «тойоты», нажав на тормоза, вернулся в свой ряд.

Чудо!

Вик изо всех сил потянул ручной тормоз «лендровера», зная, что так машина остановится без включения задних фонарей.

– Пристегнись! – крикнул он, перенося правую ногу на педаль газа.

Сзади завизжали шины, но к тому времени, как «тойота» ударила в них, все уже двигались вперед. Удар был несильным – австралиец почти не почувствовал его: лишь зазвенело разбитое стекло.

– Выходи! – заорал Вик, рывком открывая дверцу, и выпрыгнул из машины. Обойдя ее с тыла, он мельком оглядел повреждения. Однако гораздо больше «лендровера» его заботил передок «тойоты». Неплохо – решетка радиатора вдавлена внутрь, разбита одна фара, но ни бензин, ни масло не льются.

– Забирай чертовы чемоданы! – крикнул Вик неуверенно шагавшей Эшли. – Да поскорее же, мать твою!

Он рывком распахнул водительскую дверцу «тойоты». Старичок оказался еще дряхлее, чем выглядел издали: лет под девяносто, лицо покрыто старческими пигментными пятнами, тонкие, как паутина, волосы, очки с толстенными линзами…

– Послушайте… что вы там себе воображаете… что такое?! – всполошился дедок.

Вик отстегнул его ремень безопасности, боковым зрением заметив подъезжающую сзади машину, и сдернул со старика очки, чтобы тот потерял ориентацию.

– Я отвезу тебя в больницу, приятель.

– Мне не нужна никакая…

Вик вытащил старика из машины, закинул его на плечо и, посадив на заднее сиденье «лендровера», захлопнул дверцу. Подбежал какой-то брюхан средних лет из подъехавшего следом «форда».

– Помощь нужна?

– Бедняга… похоже, у него удар: все время вилял из ряда в ряд.

Мимо пронесся грузовик, за ним – два мотоцикла.

– Вик, ради бога, помоги! – крикнула Эшли. – Я не дотащу эти проклятые чемоданы!

– Брось их!

– В одном – все мои документы…

Заметив, как странно поглядывает на его спутницу брюхан из «форда», Вик решил, что надежнее всего будет отключить любопытного на какое-то время. Австралиец одним ударом сбил толстяка с ног и прислонил к его же «форду».

Потом, торопливо перетащив вещмешок Вика и два чемодана Эшли в «тойоту», они запрыгнули туда сами. Вик нашел на рычаге автоматической коробки передач положение «задний ход». Со скрежетом, исходившим, как он решил, от ремня вентилятора, австралиец сдал чуть назад, потом перевел рычаг в положение «вперед». Машинка завибрировала всем корпусом. Глянув в зеркало заднего вида, он дал по газам, пронесся мимо «лендровера» и, выжимая все, что можно, из старушки «тойоты», помчался вперед, к светлеющему вдали выходу из туннеля.

Эшли взирала на спутника с нескрываемым изумлением.

– Умно, – наконец признала она.

– Ты видишь долбаный вертолет? – моргая от яркого света, спросил он, когда они выехали из туннеля.

Эшли обернулась и вытянула шею, поглядывая то в лобовое стекло, то в заднее.

– Он не летит за нами! – радостно воскликнула девушка. – Кружит над выходом из туннеля… погоди-ка… Вот здорово! Он возвращается ко входу!

– Офигительно!

Проехав милю, Вик свернул на первом же ответвлении шоссе. Они оказались в промышленно-сельскохозяйственном пригороде Саутуик, отделявшем Брайтон и Хоув от Шорэма. У беглецов было несколько минут форы – до тех пор, пока полиция не опознает их машину. И уж особенно им повезло бы, не помни старый козел номера собственной тачки!

– Так куда же мы едем, Вик?

– В такое место, где полиция и не подумает нас искать!

– И куда же это?

– У Майкла и Марка есть лодка, то есть яхта. Ты бывала на ней?

– Да. Я же тебе говорила – несколько раз.

– Это достаточно большая посудина, чтобы переплыть на ней Ла-Манш?

– Тот тип, у которого они купили яхту, переплывал на ней Атлантику.

– Прекрасно, тем более что мы оба умеем управляться с парусами.

– Да… – Эшли вспомнила, как в Австралии и Канаде они провели под парусом несколько выходных: просто нанимали яхту и выходили в море. Пара-тройка радостных и спокойных дней, какие нечасто выпадали ей в жизни.

– Ну вот, теперь ты знаешь, куда мы держим путь. Хотя… может, придумаешь что-нибудь понадежнее?

– Мы отплывем на яхте?

– Выйдем в море, как только стемнеет.

Теперь они ехали по оживленной автомагистрали вдоль двух цепочек жилых домов. Вик притормозил у светофора, едва зажегся красный свет. Дальше начинался торговый квартал. Но стоило австралийцу остановить машину – и у него потемнело в глазах. В зеркальце заднего вида замигал ослепительно белый свет. Пронзительно взвыла сирена. Вик заметил синевато-пурпурные вспышки и уловил громкое кваканье клаксона… Мимо проскочил полицейский на мотоцикле, жестом приказывая ему съехать на обочину.

Вместо того чтобы повиноваться, Вик, нажав на акселератор, понесся прямо на огни, наперерез огромному грузовику.

– О, черт! – воскликнула Эшли.

Спустя несколько секунд рядом вновь завыла сирена – мотоцикл догнал угнанную машину. Легавый бешено замахал рукой, требуя, чтобы Вик сейчас же остановился. Австралиец резко вывернул руль вправо, с силой толкнув мотоцикл. Тот закружился вокруг своей оси. Вик успел мельком заметить, как слетевший с сиденья мотоциклист катится по дороге.

Впереди показалась будка телефона-автомата, за ней – тихая боковая улочка. В панике беглец круто повернул. Сзади с глухим стуком посыпались на пол чемоданы. Он прибавил газу и вскоре оказался на окаймленной деревьями авеню. Снова заморосил дождь, и пришлось долго возиться со всякими кнопками. Наконец Вику удалось-таки включить «дворники». По-прежнему молча, беглецы добрались до Т-образного перекрестка. Впереди виднелась церковь.

– Ты знаешь, где мы находимся?

– Гавань должна быть уже недалеко, – успокоил Вик спутницу.

Они петляли по лабиринту тихих улочек, застроенных особняками, а потом вдруг вынырнули на узкое оживленное шоссе – по нему медленно полз нескончаемый поток машин.

– Вон там! – Вик махнул рукой, показывая, что в самом конце шоссе пересекается с главной приморской дорогой, протянувшейся вдоль всего Брайтона и Хоува, огибая Шорэмскую гавань. Далее эта дорога шла по берегу реки Эйдур.

– Где яхта?

– В Суссекском яхт-клубе, – ответила Эшли. – Бери левее.

Навстречу, быстро приближаясь, ехал автобус. Вик собирался пропустить его, но тут краем глаза заметил яркий свет в зеркале заднего вида. Не веря собственным глазам, австралиец смотрел, как в погоне за ним среди машин лавирует полицейский на мотоцикле. Неужели тот самый проклятый легавый, которого он сбросил наземь?

Вик едва проскочил перед автобусом – так, что завизжали шины. Но тут, словно материализовавшись из воздуха, сзади выскочил черный БМВ со включенным проблесковым маячком. Тоже успев проскользнуть перед автобусом, БМВ помчался за «тойотой», обогнал ее и подрезал, вынудив Вика вдавить педаль тормоза в пол. Над задним бампером преследователя красными лампочками замигало табло: «СТОП! ПОЛИЦИЯ»!

Совершенно потеряв голову, Вик вновь круто развернулся и на полной скорости помчался в обратном направлении, выискивая лазейки среди машин, замедлявших ход перед поворотом. Мотоцикл опять оказался сзади, и сирена завывала вовсю. Заехав двумя колесами на тротуар и отчаянно сигналя, чтобы разогнать пешеходов (те, впрочем, улепетывали без всяких предупреждений), Вик промчался мимо припаркованных у бровки машин и грузовика и подъехал к перекрестку с круговым движением. Надо было срочно выбирать одно из трех: вернуться в жилой квартал – на первый взгляд это представлялось самым разумным решением; вклиниться в поток машин, что выглядело довольно проблематично; а еще… слева тянулся мост через реку с металлическим ограждением…

Вик свернул налево. Мотоциклист упорно висел у него на хвосте, и приходилось выжимать из «тойоты» все, что можно. Скрежетал вентилятор, и этот звук становился все громче с каждой секундой. Было время отлива, и река внизу превратилась в полосу жидкой коричневой грязи меж заболоченных берегов; по обе стороны лежали наполовину затянутые в ил лодки – у многих на поверхности остались только борта, точно они приготовились отплыть с приливом.

На противоположном конце моста дорога была пуста, но не прошло и нескольких секунд, как сзади вновь показался БМВ. Вперед неожиданно выскочил мотоцикл и стал притормаживать, пытаясь заставить его сбросить скорость.

– Вроде бы я сегодня уже преподал тебе урок, – проворчал австралиец и, выжав газ, пошел на таран. Но мотоциклист оказался проворнее и, словно предугадав его маневр, метнулся вперед.

Вик затравленно озирался по сторонам. Слева – гараж и сплошная стена магазинов: видимо, за ними – крупный жилой массив. Справа – поле Шорэмского аэропорта, которым пользовались в основном владельцы частных самолетов и несколько мелких линий Нормандских островов. Вот и указатель.

Не включая поворотника, Вик вырулил на узкую дорогу к летному полю. По одну руку вид закрывала бетонная стена, по другую стояли ангары, а перед ними – маленькие самолеты и вертолеты и белая диспетчерская вышка в стиле ар-деко, явно нуждавшаяся в покраске. В голову пришла шальная мысль: если только удастся ненадолго стряхнуть с хвоста легавых, возможно, они сумеют угнать легкий самолетик – вроде стоящего неподалеку двухмоторного «бичкрафта». Надо только подъехать к нему вплотную и поймать пилота.

Словно угадав его намерения, БМВ вырвался вперед, маневрируя так, чтобы прижать «тойоту» к бетонной стене. Эшли пронзительно вскрикнула. «Тойота» чиркнула бортом о стену, ободрав краску. Посыпались искры.

– Вик, ради всего святого, сделай что-нибудь!

Тот напряженно размышлял. Против объединенных усилий БМВ и мотоцикла им не устоять. Но впереди – туннель. Австралиец прекрасно понимал замысел водителя полицейской машины: обойти его у самого въезда и закупорить въезд в «трубу». Поэтому он дал по тормозам. Захваченный врасплох БМВ пролетел мимо, а Вик тут же выкрутил руль, съехал с дороги и помчался по летному полю.

Мотоцикл не отставал; почти сразу же развернулся и БМВ. «Тойота» прыгала по кочкам; Вик старался избавиться от хвоста и одновременно следил, не идет ли кто к самолету или не выходит оттуда. Когда «тойота» направилась в просвет между «грумманом» представительского класса и «пайпер-ацтеком», БМВ вдруг со всего размаху саданул ее бампером. Эшли, хоть и позаботилась застегнуть ремень безопасности, ударилась головой о лобовое стекло и вскрикнула от боли.

Сзади ревел мотор БМВ. Впереди справа начиналась взлетно-посадочная полоса. Вик увидел, как на нее приземляется двухмоторный самолетик: еще секунда – и он коснется земли. Австралиец изо всех сил выжал газ и понесся по полосе – прямо к тени самолета. И вдруг – на бесконечно долгое и все же краткое мгновение – в зеркале никого не осталось – ни БМВ, ни мотоцикла! Вик мчался вперед. «Тойоту» трясло. Скрежет становился все громче – старенький мотор не справлялся. Запахло паленой резиной. За оградой летного поля начиналась узкая дорога.

– Вик, нам нужно спрятаться! На этой штуке их ни за что не обогнать!

– Знаю, – буркнул он. Паника вновь сдавила глотку: в ограждении нигде не было ни калиток, ни ворот. – Где же этот чертов выход?

– Ломай ограду!

Послушавшись совета Эшли, он ринулся на ограждение, чуть снизив скорость лишь перед самым ударом. Проволока зазвенела, как струна, и порвалась. И вот «тойота» – уже на окружной дороге. Справа – заболоченная река, слева – летное поле, на хвосте – мотоцикл и БМВ. Навстречу мчался спортивный «мерседес». Вик и не подумал замедлить ход.

– С дороги!

В последний момент «мерседес», вильнув, ушел на обочину.

За Т-образным перекрестком начиналась однополосная дорога. Слева, у какого-то домика, полностью перекрыв проезд, разгружался багажный контейнер.

Вик свернул направо, вдавив в пол педаль газа и не сводя глаз с зеркала заднего вида. В такую узкую щель БМВ протиснуться не мог, но мотоцикл не отставал – вот-вот нагонит. Вик метался из стороны в сторону, чтобы сбить мотоциклиста с толку. Семьдесят… семьдесят пять… восемьдесят миль в час. Впереди замаячил деревянный мостик через реку.

И вдруг, как только он въехал на мост, с противоположной стороны показались два мальчика на велосипедах – катили по самой середине дороги.

– Черт! О, черт! Черт побери!!! – Вик жал на тормоз, сигналя изо всех сил. Не успеть! Они не сумеют остановиться, и проехать между мальчишками – тоже не выйдет. Эшли пронзительно взвизгнула.

Машина завиляла, ткнула носом трухлявое ограждение и провалилась в пролом, потом, сделав полупируэт, перевернулась, взмыла в воздух, перенеслась через ограждение, проломила деревянный настил моста, разлетевшийся под ее тяжестью, как будто он был сделан из спичек, и плюхнулась в воду. Задние дверцы распахнулись, и чемоданы упали в мягкую и коварную, как зыбучие пески, грязь.

Мотоциклист остановился, спешился и, хромая на раненую ногу, заковылял к пролому.

Внизу он разглядел торчащее из грязи тускло-черное днище «тойоты». Машина перевернулась и затонула. Наверху остались металлическое днище, выхлопная труба и глушитель. Колеса все еще крутились. Потом, прямо на глазах у мотоциклиста, грязь вокруг машины запузырилась, вздулась, как кипящий котел, и всего миг спустя днище и колеса исчезли из вида – над ними сомкнулся ил. На поверхности лопнули несколько больших пузырей, как будто падение машины растревожило подводное лежбище какого-то чудовища, и все стихло.

89

Важно было успеть до прилива. Полиция оцепила место происшествия, завесив пролом в ограждении моста длинными строительными пластиковыми покрывалами в мелкую сетку, чтобы хоть отчасти скрыть происходящее от зевак, столпившихся на противоположном берегу. Пожарная машина, две «Скорые» и полдюжины полицейских машин – в том числе и техпомощи – стояли на дороге.

На старенький мостик загнали подъемный кран, несмотря на то, что настил мог не выдержать тяжести. Стоя у перил, Грейс наблюдал, как вытаскивают «тойоту». Полицейским водолазам досталось изрядно: разыскивать машину и цеплять на нее подъемные тросы с крюками приходилось при нулевой видимости. Небо, весь день то и дело окутанное дождевыми тучами, за последний час посветлело, и кое-где даже пробивались лучи солнца.

Плотный слой ила не позволял водолазам толком обследовать дно. Ни пассажирка, ни водитель окон не открывали. Что, если в салоне остался воздух и они еще живы? Впрочем, судя по усеивавшим весь мост осколкам стекла, рассчитывать на это особенно не стоило.

В брошенном «лендровере» были обнаружены два чемодана с женской одеждой, однако там не оказалось ни единого клочка бумаги, позволяющего установить местонахождение Майкла Харрисона. Грейс смутно надеялся, что ключ к разгадке – в затонувшей «тойоте».

– Знаешь, что мне это напоминает? – заметил стоявший рядом Гленн Брэнсон. – Первый «Психоз»[14] шестидесятого года. Помнишь, как там лебедкой вытаскивают из озера машину с трупом Джанет Ли?

– Помню.

– Классный был фильм. А ремейк – полное дерьмо. Никогда не пойму, зачем заново переснимать хорошую вещь! Да еще и портить ее при этом!

– Деньги, – пожал плечами Грейс. – Вот одна из причин, почему у нас с тобой полно работы. Ради денег люди способны на все.

Через несколько минут «тойоту», наконец, зацепили и потащили вверх. Мотор подъемного крана оглушительно ревел; Грейс и Брэнсон едва слышали хлюпанье и чавканье грязи под водой, пришедшей с приливом. Ил нехотя расставался с добычей.

«Тойота» закачалась на тросах. Крышка багажника была поднята. Машину сплющило, как консервную банку. Изнутри потоками лились ил и грязь. На первый взгляд не уцелело ни одного стекла.

Когда салон «тойоты» более-менее очистился, стали видны застывшие фигуры водителя и пассажирки. У обоих были неподвижные, как маски, лица.

Перенеся «тойоту» на берег, кран опустил ее на крышу возле полуразвалившегося лодочного сарая. К ней тут же подбежали несколько полицейских и пожарников, крюк отстегнули, а затем машину, перевернув, осторожно поставили на колеса. Фигуры в салоне дернулись, словно манекены во время краш-теста.

Спиной ощущая присутствие Брэнсона, Грейс присел на корточки и заглянул внутрь. Несмотря на облепленное грязью лицо и короткие волосы, он сразу узнал Эшли Харпер с широко раскрытыми, немигающими глазами. Грейса передернуло от омерзения: по ее кольцу полз тощий краб с длинными клешнями.

– Господи! – прошептал Брэнсон.

Но что за мужчина сидит рядом с ней, на водительском сиденье? Атлет с внешностью головореза: лицо с выпученными глазами застыло в страшной гримасе.

– Обыщи ее, – распорядился Грейс, открывая водительскую дверцу и обшаривая одежду мужчины в поисках документов. Достав из внутреннего кармана куртки тяжелый кожаный бумажник, он раскрыл его. Внутри лежал австралийский паспорт.

На фото – водитель, это ни у кого не вызвало бы сомнений. Звали его Виктор Брюс Дилэни, возраст – сорок два года. В графе «Ближайшие родственники» значилась некая миссис Элекс Дилэни, проживающая в Сиднее.

Гленн Брэнсон обтер грязь с желтой сумочки, расстегнул «молнию» и тоже выудил оттуда паспорт – на сей раз гражданки Великобритании – и показал его Грейсу. С фотографии на него смотрела Эшли Харпер, только коротко стриженная. Имя – Энн Хемпсон. В графе «Ближайшие родственники» – прочерк.

У обоих оказались также кредитные карты, но больше ничего – ни единой подсказки, откуда и куда они ехали.

– Хьюстон, у нас проблемы! – тихо проговорил Гленн Брэнсон, обращаясь к Грейсу, но веселья в его голосе не чувствовалось.

– Что есть, то есть, – согласился Грейс, отворачиваясь. – И их стало гораздо больше, чем два часа назад.

– Так как же, черт возьми, мы найдем Майкла Харрисона?

– У меня есть идея, – чуть помедлив, отозвался Грейс, – но, боюсь, она тебе не понравится.

С содроганием оглядев два трупа в машине, Гленн Брэнсон поежился.

– Боюсь, в данный момент мне не нравится ровным счетом ничего.

90

Полтора часа спустя Грейс уже застегивал на Гарри Фрейме ремень безопасности. Они сидели в служебном «форде-мондео», взятом ими с Брэнсоном сегодня в полицейском гараже.

От крошки медиума с «конским хвостом» и козлиной бородкой, как всегда одетого в халат и широкие штаны, пахло маслом пачули. На коленях у него лежала карта Ньюхейвена, а в правой руке он держал подвешенное на суровой нитке металлическое кольцо.

Грейс, уставший от бесконечных шпилек, решил не впутывать в это дело Брэнсона. Кроме того, он знал, что посторонние мешают Гарри Фрейму сосредоточиться.

– Ты принес мне то, о чем я просил? – осведомился Гарри Фрейм, когда Грейс уселся за руль.

Грейс достал из кармана коробочку и передал ее медиуму. Фрейм извлек оттуда пару золотых запонок.

– Вот это уж точно принадлежит Майклу Харрисону, – заверил он медиума. – По дороге я захватил их из его квартиры.

– Отлично!

Вдоль берега от дома Гарри Фрейма в Писхейвене до Ньюхейвена было совсем недалеко. Пока они ехали мимо казавшейся бесконечной линии магазинов и забегаловок, Гарри Фрейм сжимал запонки в кулаке.

– Ты сказал – Ньюхейвен?

– Там произошла авария с участием интересующей нас машины. Кроме того, в Ньюхейвене засекли сигнал мобильника Майкла Харрисона. Давай съездим туда – вдруг тебе удастся что-то найти? Как насчет такого плана?

– Я уже что-то чувствую, – пропищал медиум. – Мы близко. Совсем близко.

Следуя его указаниям, Грейс сбросил скорость. Следы шин на асфальте, бензиновое пятно и несколько сверкающих осколков стекла – место, где «мерседес» попал в аварию. Справа начинался жилой квартал: сплошная стена аккуратных коттеджей с крохотными садиками. Свернув на обочину, Грейс затормозил.

– Это здесь, – пояснил он. – Сегодня утром тут произошла авария.

Гарри Фрейм, держа запонки в левой руке, начал раскачивать маятник над картой. С каждой секундой дыхание медиума углублялось. Вдруг он крепко зажмурился и, чуть помедлив, сказал:

– Медленно поезжай вперед, Рой… вперед… прямо вперед.

Грейс не стал тратить время на расспросы.

– Мы приближаемся! – пискнул Фрейм. – Явно приближаемся. Скоро будет поворот налево – возможно, там даже не дорога, а дорожка…

Метров через сто они и впрямь увидели дорожку, ведущую налево. Когда-то давным-давно ее заасфальтировали, но сейчас покрытие пришло в полную негодность. Она петляла по склону холма, заросшего сорняками и мелкими кустиками. Трудно было поверить – по крайней мере, глядя вверх с подножия, – что дорогой этой в последнее время хоть кто-нибудь пользовался.

– Рой, сворачивай налево!

Грейс посмотрел на медиума: может, он притворяется, а на самом деле подглядывает сквозь неплотно закрытые веки? Но если Гарри куда-то и смотрел, то только вниз, себе на колени. Грейс свернул на дорожку и проехал еще с четверть мили. На вершине холма стоял приземистый уродливый домик, рассчитанный на две семьи. Единственным его преимуществом можно было бы считать, что отсюда открывается прекрасный вид на весь Ньюхейвен и часть гавани.

– Я вижу дом, стоящий на отшибе. Майкл Харрисон там, – почти взвизгнул трепещущий от возбуждения Фрейм.

Грейс подъехал ко входу. Маятник описывал круг за кругом, а Гарри Фрейм, по-прежнему сидевший с плотно закрытыми глазами, дрожал, как на электрическом стуле.

– Здесь?

– Здесь, – не размыкая век, ответил Гарри Фрейм.

Оставив его в машине, Грейс подошел к воротам и окинул неодобрительным взглядом густой бурьян, захвативший всю лужайку перед домом, так что от клумб не осталось и следа. Да и сам он, построенный годах в тридцатых – начале пятидесятых годов, выглядел каким-то странно кособоким.

Пройдя по растрескавшимся плиткам дорожки, между которыми тут и там пробивались упорные сорняки, Рой позвонил в столь же пострадавший от времени пластмассовый дверной звонок. Послышался громкий трезвон, но никто и не подумал открывать. Он позвонил еще раз. Опять тишина.

Рой обошел вокруг дома, заглядывая в окна. Внутри царила та же мерзость запустения. Мебель, как и кухонная утварь, – двадцати-тридцатилетней давности. Внезапно Грейс, к своему огромному удивлению, заметил на кухонном столе пачку свежих газет.

Он посмотрел на часы. Начало седьмого вечера. Необходимо получить ордер на обыск. Но на это уйдет еще часа два, – а вероятность того, что он застанет Майкла Харрисона живым, уменьшается с каждой минутой.

Можно ли всецело полагаться на утверждения Гарри Фрейма? В прошлом медиум не раз оказывался прав, но почти столь же часто и ошибался.

Черт бы их всех побрал!

Что скажет Элисон Воспер, узнав, что он вломился в дом без ордера?

Нужно срочно принять решение. Время работает против Майкла Харрисона.

Отыскав в саду обломок кирпича, Рой разбил кухонное окно и, обернув руку носовым платком, вынул торчащие из рамы осколки. Затем он отодвинул шпингалет, открыл окно и влез в дом.

– Эй! Есть кто живой?

Мрачная, неприятная обстановка. Кухня чистая, но, кроме стопки вчерашних газет, ничто не указывало на то, что тут кто-то жил. Грейс прошелся по первому этажу: обшарпанная и грязная гостиная с парой пейзажей на стенах, на ковре – полосы, как будто кто-то недавно двигал диван. Рой перешел в мрачную столовую, оклеенную обоями с набивным рисунком. Здесь стоял дубовый стол и четыре стула. Рядом, в маленьком туалете, на стене висела вышивка «Боже, благослови этот дом».

Наверху – так же мрачно и безлико. Во всех трех спальнях – железные кровати с матрасами и пожелтевшие подушки; в ванной – газовая колонка и ржавый умывальник.

В самой маленькой комнате над кроватью Грейс заметил люк, ведущий на чердак. Осторожно поставив стул на матрас, Грейс залез на него, отодвинул засов и заглянул в темноту. К его удивлению, там оказался выключатель, но и там не нашлось ничего интересного: лишь старая канистра для воды, выбивалка для ковров и скатанный в рулон коврик.

Он обследовал шкафы. Наверху лежали белье и полотенца. Внизу, на кухне, хранились запасы самого необходимого: кофе, чай, несколько банок консервов… Вполне возможно, обитатели покинули дом год или два назад. Никаких следов Майкла Харрисона.

Он оглядел высокий буфет, проверяя, нет ли там хода в подвал, хотя и помнил, что в домах, построенных после Викторианской эпохи, таковых, как правило, не бывает. Надо выяснить, кому принадлежит дом и когда здесь кто-либо жил. Может, хозяева умерли и дом перешел в распоряжение судебных исполнителей? Или сюда время от времени наведывается уборщица…

Уборщица, просматривающая выпуски всех центральных газет?!

Грейс вернулся во двор и снова пошел вокруг дома. С торца стояли два мусорных бака. Он поднял крышку первого и сразу понял: есть! В баке валялись яичная скорлупа, использованные чайные пакетики, пустой пакет из-под снятого молока, годного к

использованию до сегодняшнего дня, коробка от лазаньи из магазина «Маркс энд Спенсер» – и, судя по маркировке, крайний срок ее употребления еще не истек.

Грейс снова направился ко входу. Думай! Почему дом кажется таким странным? Вдруг его осенило. Справа от парадной двери – там, где кто-то вставил уродливое пластиковое окно, судя по всему, некогда был встроенный гараж. Сейчас Рой это явственно видел: кирпичи здесь слегка отличались по цвету от кладки самого дома. Но потом встроенный гараж кто-то переделал в гостиную.

В голове всплыла картинка из детства: папа возится с инструментами. Ему нравилось самостоятельно чинить машину, менять масло, подкачивать покрышки. Владельцев авторемонтных мастерских папа называл бандитами.

У них в гараже была смотровая яма, где маленький Рой провел немало счастливых часов, помогая отцу чинить целую вереницу «фордов» – отец всегда покупал машины только этой марки. Мальчик вечно ходил перемазанный маслом и копотью, не говоря уж о том, что в яме попадались и пауки, а стало быть, на одежде хватало и паутины.

Меж тем на ковре в гостиной видны полосы – как будто диван недавно двигали…

Повинуясь только внутреннему голосу, детектив направился прямиком в гостиную, а там придвинул кофейный столик к стене и протащил диван по ковру – точно по следам полос.

Заметив, что один угол ковра слегка приподнят, он встал на колени, потянул, и ковер легко отошел от пола. Слишком легко! Но вместо пыли и перьев под ним было толстое покрытие, вовсе не похожее на то, что обычно кладут под ковры. Рой прекрасно знал, что это такое: звукоизолирующий материал!

Грейса охватило волнение. Он с силой потянул на себя толстую серую материю. Под ней оказалась широкая доска. Он подковырнул ее с краев – не без труда, так как она плотно входила в пазы – и, приподняв, отодвинул в сторону.

И тотчас в ноздри ударила жуткая вонь.

Нестерпимый смрад немытого тела, мочи и экскрементов.

Сдерживая дыхание, заранее опасаясь наихудшего, Грейс посмотрел вниз, в бывшую смотровую гаражную яму, и увидел на дне темный силуэт человека, связанного по рукам и ногам. Рот его был залеплен пластырем.

Сначала Рой решил, что перед ним труп. И вдруг… человек испуганно заморгал.

О господи! Жив! Грейс готов был заплясать от восторга.

– Майкл Харрисон?

– М-м-м… – сдавленно промычал пленник.

– Суперинтендент Грейс, полиция Суссекса, – представился Рой, прыгая в яму. Теперь он не обращал внимания на запах, главное – понять, в каком состоянии молодой человек.

Опустившись на колени, он осторожно отлепил стягивавший рот пластырь.

– Вы Майкл Харрисон?

– Да, – прохрипел тот. – Воды. Пожал…ста!

Грейс мягко погладил его руку.

– Сейчас принесу. И вытащу вас отсюда. Все будет хорошо!

Выбравшись из ямы, Рой поспешил в кухню. Он откручивал кран, одновременно вызывая по рации «Скорую». Потом вернулся к Майклу с кувшином воды.

Он поднес край посудины к губам Майкла, и тот осушил ее одним большим жадным глотком. На подбородок пролилось всего несколько капель. Едва Рой забрал кувшин, Майкл, впившись в него взглядом, нетерпеливо выпалил:

– Как Эшли?

Грейс, с изумлением воззрившись на спасенного им человека, на мгновение растерялся.

– Ей ничего больше не грозит, – наконец уклончиво ответил он.

– Слава богу!

Грейс вновь стиснул его руку.

– Хотите еще попить?

Майкл кивнул.

– Сейчас принесу воды, а потом развяжу вас.

– Слава богу, ей ничего не грозит, – слабым дрожащим голосом повторил Майкл. – Только о ней я все время и думал… Я…

Грейс поспешил вылезти из ямы. Быстрым шагом возвращаясь на кухню, он подумал, что скоро ему придется рассказать Майклу обо всем. Но сейчас явно неподходящие время и место.

Кроме того, он не знал, с чего начать.

Примечания

1

Стоун – старинная английская мера веса, равная 6,35 кг. (Здесь и далее примеч. ред.)

2

Ньюмен Пол – известный американский актер.

3

«Бог и мои права» (фр.).

4

Куонтико, штат Вайоминг – тренировочный и научно-исследовательский центр ФБР.

5

Хилари – веселый, жизнерадостный; флауэр – цветок. Довольно распространенные в Англии «значащие» имена и фамилии.

6

Столичная полиция – официальное название сил охраны правопорядка Лондона, за исключением Сити, где есть собственная.

7

Гудини Гарри – американский иллюзионист, прославившийся в начале XX в. своими способностями освобождаться от всевозможных пут и выходить из заточения.

8

Баньши (ирл., шотл. фольк.) – привидение-плакальщица; дух, вопли которого предвещают смерть.

9

Хиллбилли (амер. разг.) – белая голытьба (в основном жители горных районов южных штатов США).

10

Брайтонский фестиваль – праздник музыки и искусств, крупнейшее событие года в культурной жизни города.

11

Латинские литеры на кнопках мобильника Майкла русифицированы для удобства читателей.

12

Дословно: «незнамо что». Идиоматически – пикантность, изюминка (фр.).

13

Снукер – разновидность бильярда.

14

«Психоз» – фильм режиссера Альфреда Хичкока, снятый по роману Роберта Блоха.
